

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького

Институт по переподготовке и повышению
квалификации преподавателей гуманитарных
и социальных наук

Уральская ассоциация высшего гуманитарного
и социально-политического образования

Межвузовский центр проблем
непрерывного гуманитарного образования

К 35-летию ИППК при УрГУ

К. П. Стожко

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Екатеринбург
2002

ББК УО2(0)
С 81

К. П. Стожко

С 81 Экономическое сознание. — Екатеринбург: Изд-во Урал.
ун-та, 2002. — 426 с.

ISBN 5–7525–1018–X

Научный редактор:

Н. Н. Целищев, проф., док. филос. наук

Рецензенты:

Г. В. Астратова, проф., док. экон. наук,

А. П. Ветошкин, проф., док. филос. наук,

И. Я. Лойфман, проф., док. филос. наук,

В. Н. Лавров, проф., док. экон. наук

В монографии содержится анализ природы экономического сознания, его сущности, структуры и содержания. Дается развернутое философское обоснование самобытности русского экономического сознания. Раскрываются условия и тенденции развития современного экономического сознания, показаны основные его противоречия в контексте глобализации мирового хозяйства и трансформации российской экономики.

ББК УО2(0)

ISBN 5–7525–1018–X

© К.П. Стожко, 2002
© Издательство Уральского
университета, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Новое монографическое исследование написано заведующим кафедрой экономики и права ИППК Уральского государственного университета, профессором Стожко Константином Петровичем. Следует отметить, что данная работа является уже пятнадцатой книгой в русле авторских публикаций, посвященных русскому хозяйству, его истории, культуре и экономике. Вряд ли сегодня в нашей стране найдется столь объемная и всесторонняя как по замыслу, так и по исполнению теоретическая разработка ключевых вопросов социально-экономического развития российского общества. С философских позиций переосмыслена по существу вся концепция русского хозяйства, особенно в его новой и новейшей истории.

Экономическое сознание, его природа, предметно-практическая основа, функциональное наполнение, способности и границы творческой активности и самостоятельности экономического сознания, соотношения разума и совести в деятельности хозяйствующего субъекта, формирование и исторические особенности эволюции русского экономического сознания – таков диапазон глубоких размышлений и специальных философско-экономических исследований экономического сознания как сложнейшего феномена человеческой субъективности.

Актуальность проблематики экономического сознания обусловлена во многом тем, что в советский, а в особенности в постсоветский периоды новейшей российской истории, ей за редким исключением совершенно не уделялось внимания в гуманитарных науках. А ведь крупномасштабные социально-экономические и общественно-политические преобразования, о ~~которых уже в середине 80-х, а затем и в 90-е годы прошедше-~~го столетия официально заявляла власть, оказались несостоятельными без формирования грамотного, основанного на национальных ценностях и приоритетах, отвечающего духу народа и императивам времени экономического сознания. В практическом плане проблема просто была пущена на самотек. Казалось, что достаточно провести массовую и скороспелую приватизацию, как дух хозяина, собственника появится сам собой, автоматически народится массовый класс предпринимателей, которые выведут российскую экономику из трясины кризиса. Не получилось! И объяснение этому есть: губительное, если не преступное невнимание к проблеме формирования

нового экономического сознания. В результате стихийных процессов в нашем обществе сформировался антипод экономического сознания – «материалистический обморок» (по выражению С. Н. Булгакова), экономическая распущенность, сопряженная с духовной нищетой, криминализированной психологией, правовой и экономической безграмотностью значительной массы населения. Как тут не вспомнить слова Гегеля, что «человек в себе есть дух, разумность, создан по образу и подобию Бога, Бог же есть добро, а он в качестве духа есть зеркало Бога, он есть добро в себе»¹.

Если человек есть «добро в себе», то необходимо эту глубокую и сущностную интенцию человеческого содержания актуализировать, превратить в смысл человеческого существования, в основу поведения людей, то есть сделать человека «добрым для себя», стать «добром» в самой действительности. И главным полем такого превращения наряду с экономическим образованием и воспитанием является само производство, трудовая, хозяйственная жизнедеятельность человека.

В контексте социально-экономических процессов, происходящих в нашем обществе в начале III тысячелетия проблема экономического сознания, а также связанных с ним экономического мышления, хозяйственного поведения, экономической культуры личности представляется в высшей степени важной. Формирование и развитие современного экономического сознания, происходящие в процессе воспитания и образования, его роль в совершенствовании экономической, социальной и духовной жизни человека и общества должны быть рассмотрены современной наукой с позиций системного, комплексного анализа, в координатах гуманистического и духовно-ценностного подходов. Представляемая читателю книга является одной из первых и, на наш взгляд, весьма успешных попыток такого осмысления.

Рыночный характер современной российской экономики, формирующееся гражданское общество и правовое государство главную ношу в сфере социальной ответственности возлагает на человеческую личность. Поэтому представляется совершенно оправданным сугубо личностный ориентированный подход автора к постановке проблематики экономического сознания. Если в прежние десятилетия в отечественной гуманитарной науке преобладал общественный, классовый подход в

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия религии. В 2 т. М., 1977. Т.2. С.255, 258.

постановке проблематики экономического сознания, то сегодня наиболее остро ощущается дефицит именно личностно ориентированных, конкретизированных применительно к человеческой самости исследований. Предвидения и предостережения многих русских мыслителей относительно угрожающей опасности духовной нищеты и утраты человеком духовного измерения материальных и внешних условий жизни приобретают сегодня, к сожалению, очертания реальной данности. Вестернизация российской экономики, экспансия в нашем обществе западных «ценностных» меркантильных установок, ориентация людей на чистоган, прибыль, фетишизация денег и денежной формы богатства с одной стороны, и утрата внимания к национальным историческим ценностям и приоритетам, обывательская «деидеологизация» мышления и сознания, люмпенизация и даже пауперизация значительной части общества с другой стороны – таков ущербный итог реформирования отечественного хозяйства. Однако он мог быть и иным, и существенно скорректированным в положительную сторону, если бы власть всерьез взялась не за формальное, а за содержательное реформирование системы отечественного образования, не играла бы в «многоуровневый пасьянс» и образовательный «полиморфизм», а сформулировала общенациональную концепцию народного образования, основанную на самоопределении личности, сохранении национальной безопасности страны, здоровом консерватизме и патриотизме. За отсутствием именно такой концепции представляемая книга является, пожалуй, наиболее полным и всесторонним изложением сущности тех процессов и явлений, которые разворачивались и которые должны были бы разворачиваться в сфере экономического мышления и сознания человека в нашем обществе.

В первой главе исследования автор ставит и рассматривает проблемы онтологии, гносеологии, праксиологии и аксиологии через призму экономического сознания. Исходно признавая бытийственность экономического сознания как специфического факта и особой духовной реальности, автор уходит от бесплодной дискуссии с исследователями прошлых лет, которые порой подвергали сомнению сам факт существования экономического сознания и экономического мышления.

В эпистемологическом плане генеральным методом философского постижения экономического сознания автор реализует продуктивный метод восхождения от абстрактного к конкретному. В качестве абстрактного выступает сознание

как таковое, а в качестве конкретного – экономическое сознание. Познание феномена сознания осуществлено через соединение, синтез противоположностей, характеризующих «частное» и «общее». В трактовке автора, экономическое сознание соотносится с сознанием в целом как «частное» с «общим»; но это такое «частное», которое имеет сквозное, универсальное, генеральное, всеобъемлющее значение. Диалектика экономического сознания имеет здесь особый уровень или контур, проявляясь именно в плоскости «частное» – «общее». Она не только линейна, в связи с чем экономическое сознание трактуется как компонент, необходимая ипостась сознания личности в целом. Диалектика экономического сознания одновременно и объемна, в связи с чем сознание в свою очередь рассматривается как определенный результат развития экономического сознания, продукт хозяйственного мышления и поведения человека.

Вместе с тем, сводя по существу проблему гносеологии экономического сознания к мотивации хозяйственного мышления и поведения, а праксиологию экономического сознания к проблеме адаптивности личности в объективных социально-экономических условиях, автор сознательно суживает предметное поле исследований. Такое концентрированное и экономизированное восприятие сугубо философских проблем отнюдь не противоречит известному принципу о том, что «философствовать следует исходя из объемлющего» (К. Ясперс). Это особо подчеркивается в решении аксиологических проблем экономического сознания, связанных с исследованием ценностных установок в структуре экономического сознания. Автор не просто ведет речь об иерархии этих «ценностей», но и непосредственно увязывает их с креативностью. Он весьма убедителен в том, что подлинными ценностями, образующими иерархию экономического сознания выступают (и должны рассматриваться) такие, которые формируют креативный, творческий, созидательный потенциал личности. С этим нельзя не согласиться!

Автор придерживается классово-неангажированного взгляда на процессы формирования экономического сознания. Представляется, что все мы долгие десятилетия были в плену красивых фраз о том, что внеклассового сознания не бывает, что люди всегда будут оставаться «наивными простачками», пока они не поймут этого. Делая подобные утверждения, В. И. Ленин тем не менее признавал, что классовое сознание имеет сугубо «служебное» назначение, поскольку «с точки зре-

ния основных идей марксизма интересы общественного развития выше интересов пролетариата»².

Такая постановка вопроса позволяет особое внимание уделить понятиям нравственности, морали, этики экономического сознания. В связи с этим во второй главе монографии рассматриваются вопросы духовности и культуры экономического сознания. Основной вопрос философии относительно экономического сознания ставится и разрешается автором в контексте русской философской традиции сизигийности, сопоставления и дополнительности, диалектического синтеза духовного и материального в структуре и содержании экономического сознания. Убедительность такого подхода находит свое выражение и в осмыслении содержания современного экономического сознания, исследовании роли традиции, преемственности и социальной памяти в формировании и развитии экономического сознания.

Четвертая глава книги посвящена особенностям русского экономического сознания. Раскрывая основные тенденции в развитии русского экономического сознания, его самобытность, экологичность, народность, гуманистичность, софийность и соборность, автор доказывает положение о том, что «максима духовности» всегда преобладала в хозяйственном мышлении русского человека над мотивами выгоды или прибыли, что было обусловлено особым мировосприятием и мироощущением русских людей, их пониманием смысла жизни.

В современных условиях, когда в буквальном и переносном смыслах ускоряется время, одна научно-техническая революция сменяет другую, разворачиваются процессы интеграции, глобализации и постиндустриализации экономики, экономическое сознание, его содержание, структура, внутренняя диалектика, морфология и ценностная иерархия существенно изменяются. Было бы наивным полагать, что экономическое сознание является неким застывшим монолитом, не подверженным течению времени. Раскрывая процессы глобализации, интеграции, синергетизации, диверсификации и инструментализации современного экономического сознания, автор остается на позициях личностного анализа, что позволяет ему показать растущее отчуждение личности от власти, от общества, даже от многих достижений современной экономики. Это противоречие в сфере трансформации экономического сознания связано, по

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.4. С.220.

мнению автора, с утратой отдельной человеческой личностью корневой взаимосвязи со своей собственной историей, страной, превращением личности в продукт пиаровских и рекламных технологий, в зомби, которых экономика создает сама для себя. Условие сохранения и развития полноценной, целостной, творчески мыслящей личности, а вместе с нею и эффективного экономического сознания автором видится в обращении к первоосновам: хозяйственной самобытности, исторической традиции, коренным интересам русского общества. Так, начиная с личностного уровня анализа, автор логически выходит на общественный уровень осмысления проблемы, убедительно доказывая, что лишенное таких основ развитие экономического сознания является не его модернизацией в соответствии с рыночным хозяйством, а регрессом, деструкцией, ведущей к саморазрушению личности и распаду, коллапсу общества и экономики.

Автор бережно сохраняет живые нити связей национально-культурных традиций в бесценном хозяйственном опыте русского народа. Ведь не столько экономическая наука и экономисты-теоретики, сколько сам хозяйствующий народ прокладывает трудовой путь из прошлого через настоящее в будущее. Экономическая наука и философия должны идти по этой дороге.

В условиях современного идеологического плюрализма книга К. П. Стожко представляется весьма своевременной и поучительной. Прежде всего, для нашей молодежи, которой предстоит создавать, а точнее воссоздавать заново отечественное хозяйство после долгих и более чем вольных экспериментов над ним. Исследование экономического сознания с добротных философских оснований выводит его из кривого зазеркалья хозяйственных истин в живое пространство мысли, духовного света правды, ставит на твердь добра. Автор не просто декларирует истины, а приглашает к их совместному творческому поиску. Дорогу осилит идущий. И никто за нас наш собственный путь не пройдет.

А. П. Ветошкин

*профессор, доктор философских наук
академик Академии социальных наук*

ВВЕДЕНИЕ

Почти два десятилетия, ознаменовавшие завершение XX века и II тысячелетия, прошли под лозунгами возвращения нашего общества к рыночной экономике, всемерной демократизации, деидеологизации науки, развития политических и экономических свобод. Все это представляется одним – великим обманом и мистификацией, другим – упущенными возможностями и утраченными иллюзиями, третьим – только началом чего-то более грандиозного, осуществление которого затянулось по независимым от всех нас причинам. Но результаты, пускай даже самые предварительные, промежуточные, наталкивают на определенные размышления. Развал Советского Союза, обнищание подавляющей части населения великой страны, превращение России в сырьевой придаток промышленного Запада, постоянные сепаратистские разборки и политические перетряски, танки на улицах столицы и взрывы во многих городах огромной страны, холод в квартирах и тотальная миграция из страны, все еще называющей себя великой... Что это: финал или прелюдия?

Размышление над ходом экономических и социальных, политических и этнических процессов неизбежно предполагают выявление главного, основного и уже ставшего для нас, русских, традиционным, вопроса: «Что делать?» Раскол общества, нарастающая социальная конфронтация, шарахания политиков от рыночного либерализма к номенклатурному произволу и диктату – чем не среда для появления фашизма, революционаризма, распространения люмпенства и пауперизма?

Обращение к проблеме экономического сознания, полностью игнорировавшейся отечественными исследователями в последние два десятилетия, представляется в контексте происходящих событий более чем актуальным и своевременным. Экономика есть не просто сфера жизнедеятельности всех и каждого, но и то, что волнует сегодня больше всего любого россиянина. Не политические дебаты или выборы депутатского корпуса, а налоги и индексация доходов, не смена правительственного кабинета, а тарифы на транспорт, медицинское обслуживание, коммунальные услуги – вот что всерьез беспокоит всех.

Простой человек, не чиновник и не олигарх, начинает все чаще размышлять вслух: вот бардак-то в стране, вот беспредел-то в хозяйстве! И в этом хаосе он теряет, чувствует свою полную незащищенность, неспособность противостоять произволу и преступности, шантажу и издевательствам, элементарному мо-

шенничеству и обману. Ждать от государства помощи не приходится, наоборот, пора помочь самому государству, все больше погрязающему в интригах и коррупции. Вспоминается, как Дж. Кеннеди заявил американцам: «Надо говорить не о том, что Америка может дать мне, а что я должен сделать для Америки?» Не пора ли об этом подумать и российским гражданам?

Вопрос о выработке общей макроэкономической концепции развития России на целое новое столетие, глубокой модернизации современной экономической политики невозможно решить без серьезного осмысления сущности, содержания, закономерностей формирования и развития современного экономического сознания. Экономическое сознание в той или иной степени присуще каждому: политику и дворнику, олигарху и наемному рабочему, фермеру и студенту. Все мы без исключения являемся кто производителем, кто потребителем, кто организатором, кто иждивенцем, кто – и тем, и другим сразу. А значит, все мы без исключения – хозяйствующие субъекты, те, кого А. Смит когда-то называл *homo oeconomicus* – хозяйствующий человек. Так может ли человек существовать вне и без экономического сознания? И как оптимизировать наше хозяйственное мышление, какие экономические знания необходимо задействовать, чтобы каждый из нас стал жить комфортнее, лучше, а страна, наконец, всерьез выкарабкалась из того глобального социально-экономического кризиса, в котором она оказалась благодаря всем нам?

На эти и некоторые другие вопросы предпринята попытка ответить в настоящей книге. В ней читатель узнает о том, что собой, по мнению автора, представляет само экономическое сознание, каковы основные закономерности и тенденции его развития, в чем заключается самобытность русского экономического сознания, каковы особенности и основные моменты процессов адаптации, хозяйственной мотивации и креативности, модернизации экономического мышления современного человека. Наконец, на страницах этой книги читатель столкнется с проблемами праксиологии, аксиологии и гносеологии экономического сознания, которые предметно, в контексте экономического мышления и хозяйственной практики еще никогда не ставились и не разрабатывались в нашей отечественной науке.

Автор не претендует на полноту или всеохватность в изложении проблем, которые исследуются в данной работе. Вместе с тем настоящая книга в полной мере отражает нашу современную хозяйственную жизнь. В этом смысле она сама похожа на жизнь:

все, что в ней есть, по-настоящему волнует не только автора, но и каждого человека, все, что есть в книге – сущее.

Книга логически продолжает идею автора дать философское осмысление особенностей современной российской экономики в контексте мирового экономического развития. Первоначальный замысел был сформулирован еще в работе «Экономическая диалектика человека: История. Теория. Методология» (1994), затем нашел свое отражение в публикациях: Стожко К. П. «Экономический гуманизм в России» (1995); Стожко К.П. «Принципы экономического гуманизма» (1996); Н. В. Каменских, К. П. Стожко «Русское хозяйство: Философский аспект анализа» (1999); А. П. Ветошкин, К. П. Стожко «Философия экономики» (2001). В настоящей работе ставились две задачи: во-первых, никоим образом не повторяясь, взглянуть на разворачивающиеся в мире и в нашей стране экономические процессы сквозь призму экономического сознания человека; во-вторых, дать общую картину самого экономического сознания как самостоятельного феномена хозяйственной жизнедеятельности человека, показать его природу и диалектику.

Объясняется это тем, что экономическое сознание с точки зрения науки совершенно не изучено и практически, за редчайшим исключением, даже не формулировалось до сих пор. Однако обыденное, житейское осмысление экономической жизнедеятельности человека, либо анализ экономической проблематики под углом зрения политического, правового, какого-либо иного сознания существенно искажают полноту и достоверность наших представлений об экономике.

Автором избран философский угол зрения, поскольку философия не только не отрицает науку, но и в определенном смысле ее усиливает и опосредует. Философская рефлексия, подкрепленная данными самой науки, представляется единственно правильным решением проблемы постановки вопроса об экономическом сознании. «Сапоги не должны тачать пирожики, а пироги печь сапожники». Сколько раз уже все мы обманывались и даже смеялись над оценками и суждениями, посулами и выводами наших политиков, как часто мы наблюдаем политическую ангажированность и идейную беспомощность многих выдающихся наших артистов и художников. Только философская рефлексия и научная методология могут позволить надеяться на то, что отражение феномена экономического сознания как целостного явления нашего бытия, как самостоятельной и вместе с тем глобальной характеристики нашего «Я» будет обозначено. Другие иссле-

дователи, возможно, пойдут дальше по пути изучения этого удивительного феномена. Хочется пожелать им успехов в этом трудном деле. Насколько удалось реализовать общий замысел и хотя бы в основных чертах обозначить образ экономического сознания как особой онтологической, гносеологической и метафизической данности, судить читателю.

«Момент истины» – момент возникновения экономического сознания обнаруживается тогда, когда складывается идеальный, мыслительный образ хозяйства, то есть, когда в человеческом мозгу разум и чувства сливаются в некую «вещь в себе» – идеально представленную модель экономики, которая затем будет экстраполирована в хозяйственную практику. Обладает ли этот образ предикатами научности и(или) доминантами духовности, либо он предстает как «бездрушная схема», пустая форма, – отдельный аспект более общего вопроса, что есть экономическое сознание. Этот общий вопрос в целом и наиболее важные его аспекты в частности и составляют предмет данной работы.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

§ 1. Онтология экономического сознания

Человек с момента своего рождения и до самой смерти является субъектом хозяйственных, экономических отношений. Осознание своего места в хозяйственной сфере бытия – есть функция экономического сознания, свойственного любой вменяемой личности. Уровни экономического сознания и его структура находятся в постоянной эволюции на протяжении всей человеческой жизни как единичного, отдельно взятого индивида, так и человечества в целом. Будучи организована в этносы и социальные страты, личность обладает экономическим сознанием в его индивидуальной (житейской) и социальной (общественной) формах. Однако обе эти формы экономического сознания существуют слитно, так как личность есть продукт общественного развития. Индивидуальное и общественное образуют в структуре экономического сознания как бы два полюса, притягивающие внутреннюю и внешнюю информацию и кодифицирующие ее в знаках и символах, свойственных как личности, так и социуму.

Экономическое сознание направлено на хозяйство как сферу человеческого бытия, которое предстает в качестве объекта сознания. Поскольку этот процесс имеет объективный характер, то есть существует в реальности независимо от воли и желания отдельно взятого субъекта, который, в свою очередь, также желает он этого или нет, включен в экономическую, хозяйственную жизнь, то правомерно сделать вывод об объективности самого экономического сознания как реального факта. Вместе с тем, будучи своеобразной экзистенцией функции человеческого мозга, ~~причем высшей и свойственной только человеку экзистенцией,~~ связанной с целеполаганием, моделированием, самоидентификацией личности в хозяйстве, экономическое сознание не существует вне человека, вне личности, вне мира. Общественное сознание есть лишь общественно принятые и личностно воспринятые (осознанные) идеи, убеждения, ценности, традиции, чувства, обычаи. И хотя все эти элементарные «клеточки» общественного сознания виртуально существуют как бы сами по себе (в книгах, компакт-дисках, видеокассетах и других носителях информации), но в таком своем качестве вне человеческого «я» они не более чем набор символов и знаков. Только материализуясь в человеческом мышлении, поведении, в личностном мироощущении и

миропонимании, эти символы и знаки превращаются в то, что есть сознание. Из знаков и символов мы ткем «ткань» реальности, и именно эта «ткань» есть сознание.

Экономическое сознание это «особая ткань, фактура которой состоит из особых нитей, красителей, узоров»¹. Оно одновременно и идеальное и материальное, некий симбиоз самых разнообразных гранул и компонентов, который обладает сложнейшей внутренней структурой и составом. И в этом смысле экономическое сознание субъективно.

Что есть экономическое сознание с точки зрения онтологии? Уже на уровне его предметности, объектности, целенаправленности возникает двойственность, некий эффект дуальности. Мы говорим о рассудке и разуме, о «рассудочном» и «разумном». Мы также рассуждаем об экономическом сознании, часто подменяя понятия «экономика» и «хозяйство». Но между этими понятиями (категориями знания) нельзя ставить знак равенства по-настоящему, поскольку они отражают в экономическом сознании различные, хотя во многом и схожие, объективные реальности. Ведь экономикой является общественное хозяйство, а, следовательно, не всякое хозяйство тождественно экономике. Домашнее хозяйство, а тем более хозяйство холостяка или отшельника в скиту так же далеко от смысла экономики, как соринка, вокруг которой столетиями образуется перламутр от жемчужины. Во-вторых, хозяйство традиционно ассоциируется с трудовой деятельностью. «Мир как хозяйство – это мир как объект труда»², тогда как экономика включает и другие (нетрудовые) формы «хозяйственной» жизнедеятельности (предпринимательство, управление). Еще Аристотель ввел различие между экономикой как общественно полезной сферой человеческой деятельности в сфере хозяйства и «хрематистикой» как бесполезной и бессмысленной для общества человеческой деятельностью³. В-третьих, экономика часто представляется как активная деятельность человека, нацеленная на создание новых благ, преобразование имеющихся ресурсов, хозяйство же традиционно сосредоточено на использовании уже данных благ (простое воспроизводство), на потребление (охота, рыбная ловля, бортничество, аквакультура и др.), то есть выступает как некая «пассивная» или «примитивная» экономика.

¹ Лангер С. *Философия в новом ключе*: Пер. с англ. М., 2000. С. 249.

² Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М., 1990. С.43.

³ См.: *Аристотель*. Сочинения. М., 1983. Т.4. С.157.

Продолжая воспроизводить самые разнообразные разночтения в категориях «экономика» и «хозяйство», неизбежно приходишь к выводу, что экономика есть социализированное хозяйство, а экономическое сознание – социализированное сознание, своеобразная форма общественного сознания, неразрывно слитая с индивидуально-обыденным сознанием. Факт существования экономического сознания обоснован и признан в науке⁴.

Вместе с тем предметное раскрытие феномена экономического сознания далеко от своей завершенности, общеубедительная его предметная трактовка еще не найдена. Более того, в мировой и отечественной философской и политико-экономической литературе явно преобладает прагматизация проблемы, материалистское, экономизированное восприятие явления, каковым предстает экономическое сознание. Но ведь ясно, что философия не может и не должна «искать в явлении само явление», «она не прельщается видимостью и не успокаивается на знаке», она «видит духовный смысл» явления⁵. Поиск духовного смысла экономического сознания есть постановка проблемы по существу, есть стремление к предметному раскрытию факта экономического сознания в его сущностной определенности. Если такая сущность окажется многоступенчатой, многоуровневой (Б. Кедров), то это будет свидетельствовать лишь о том, что случайное «неопытное» восприятие факта экономического сознания явно недостаточно. Только системное, «опытное» восприятие факта экономического сознания позволяет раскрыть его во всей своей глубине, сложности и противоречивости. Никакая интуиция и даже формальная логика, никакая метафизическая спекуляция или наитие не в состоянии ответить на вопрос о сущности экономического сознания и природе человеческой рефлексивности в хозяйственной (экономической) сфере его бытия. Только диалектика как логика и теория познания, нацеленная на опытное изучение, осмысление, восприятие такого явления, каким выступает экономическое сознание, позволяет сформировать у человека и сформулировать в инструментах языка целостные, научно-обоснованные и достаточно конкретизированные, а не только абстрактно-отвлеченные представления об экономическом сознании как таковом. Следует обратить внимание, что неиспытанное

⁴ См.: Попов В. Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981; Спиркин А. Г. Философия. М., 2001.

⁵ Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1998. С.19.

содержание не познаваемо в принципе, но испытываемость как восприятие явления в опыте, вовсе не сводится к чувственному восприятию, телесно. В этом смысле экономическое сознание нельзя положить в микроскоп, поместить в камеру Вильсона или разложить на элементарные компоненты, как солнечный луч. Если обычное сознание человека связано в основном с чувственными восприятиями и экономическое сознание отдельно взятой индивидуальности как некая монадность может быть в определенном смысле представлено в качестве чувственной реакции на внешнюю среду хозяйствования, то общественное экономическое сознание, социализированное и интегрированное по своему содержанию, уже отвлечено, отчуждено, отторгнуто от предмета-объекта и выступает как самоосвободившаяся от него идеология, как духовный опыт социума, как закодированное и трансформировавшееся миропонимание и мироощущение хозяйства, места и роли человека в нем. Это не означает, что такое экономическое сознание, зрелое и полное, общественное и научное оторвано от предметного опыта – повседневной хозяйственной практики. Это также не означает, что научное сознание в целом, и экономическое сознание в том числе, «живут» сами по себе, а реальная экономическая жизнь каждого конкретного человека и общества в целом развиваются сами по себе. Прав был И. Ильин, когда утверждал, что «гносеологическая рефлексия, не вскормленная живым общением с предметом, была обречена на несущественность, отвлеченность и бесплодность»⁶. Но точно так же, как экономическая деятельность в ее узко предметном, хозяйственном назначении представляет собственный, самостоятельный и непосредственный предметный опыт, объективирующий экономическое сознание, так и само экономическое сознание есть в свою очередь суть экономическая деятельность, без которой экономическая, хозяйственная жизнь людей невозможна. И хотя оба эти полюса экономической жизни человека – хозяйствование и экономическое мышление, экономика и отражающее (отображающее) ее экономическое сознание выступают как две стороны, две ипостаси одного целого – экономической жизни человека – в основе их формирования и развития лежат как собственные специфические, так и общие законы. Все, что происходит в душе смертного человека – все «имеет психическое существование, но не все имеет духовное бытие»⁷. В самом деле, душа человека

⁶ Ильин И. А. Указ. соч. С.57.

⁷ Там же. С. 59.

часто живет «ничтожным и по-ничтожному», она «не реализует то, что на самом деле есть *главное и ценное*»⁸. Но «соединение душ» в целостном, общественном, экономическом сознании – это уже сфера нового духовного бытия, когда на предмет экономического сознания – экономику, конкретизирующуюся в определенном устройстве экономической системы, определенных экономических отношениях – вырабатывается не атомизированный, не единоличный, а общий, социальный, совместный взгляд; когда в этом взгляде – суть экономическом сознании неперенное, а часто и главное место занимает духовность, то есть то, что объективно значительно, важно для всех и для каждого, сознает последний это или нет.

Экономическое сознание складывается в плоскости «субъект–объект» и, следовательно, имеет субъектно-объектную природу. Отношение индивида, личности, социума к природе, экономике, хозяйству есть своего рода обратная связь, порождаемая воздействием природы, хозяйства, экономики, оказываемой на человека. Экономическое сознание как осознание своей неразрывной связи с внешней средой, с природой как сферой хозяйственной жизнедеятельности, порождается и складывается в каждом отдельно взятом человеке независимо от того, является ли он непосредственно хозяйствующим субъектом или нет; и наемный рабочий, и фермер, и иждивенцы, и собственники, – все обладают экономическим сознанием, в котором отражается и выражается на микроуровне, на персонифицированном уровне и восприятии их отношение к окружающей экономической действительности. Полифонизм, многовариатность конкретных персонифицированных «образчиков» экономического сознания тяготеет к полицентризму, к определенной универсализации и унификации, а сами люди – к объединению в определенные социумы (группы, коллективы, классы, корпорации, ассоциации и т.п.). В основе этих центростремительных тенденций лежат самые различные мотивы (от конкуренции до пороков и добродетелей, от полезности и прагматизма до совестливости и благожелательности). Поэтому совершенно прав был А. Смит, когда упрекал Мандевилля в том, что тот упрощал и обеднял «природу человека» («Басня о пчелах»), и сам в свою очередь предварял будущую классическую экономическую теорию, сформулированную им в сочинении «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776)

⁸ Ильин И. А. Указ. соч. С. 60.

не менее фундаментальной книгой «Теория нравственных чувств» (1759).

Экономическое сознание безусловно содержит в себе морально-нравственные основания, но это отнюдь не означает, что оно может быть сведено к морально-нравственному сознанию. Отрицать факт экономического сознания по этим основаниям бессмысленно. Ведь и политическое, и правовое, и художественное и всякое иное сознание содержит в себе морально-нравственные «основания», а нравственное сознание в свою очередь – правовые, научные, философские аспекты. Лишь комбинация элементов сознания и их внутренняя иерархия являются критериями выделения различных форм сознания, в том числе и экономического сознания как факта человеческого бытия. Если же руководствоваться другими критериями, то можно выделять, как это делалось раньше, и два (А. К. Уледов), и пять (Ф. В. Константинов), и семь (В. Ж. Келле и М.Я. Ковальзон), и большее количество уровней, типов, видов или форм общественного сознания, но все это будет находиться под знаком научного сомнения. Следует признать, что формы сознания как формы одного и того же явления не могут состоять из различных и чуждых этому явлению «элементов». В противном случае – это уже форма другого явления. Если явление (в данном случае – сознание) проявляется в различных формах, то лишь набор, комбинация и иерархия этих общих для явления элементов и дает основание выделять его формы. Если мы хотя бы из одной формы сознания выбросим хотя бы один составной элемент сознания как явления, то это уже будет не форма сознания, а нечто принципиально иное. Так, если к электрону атома водорода добавить или из него убрать именно данный электрон, то мы получим уже не водород, а расщепление, то есть атомный взрыв либо «тяжелый водород».

Но возникает закономерный вопрос о природе морально-этического начала в экономическом сознании. Априорный нравственный закон («звездное небо над нами, нравственный закон внутри нас») также требует выяснения своей природы. Априоризм И. Канта в этом вопросе мало чем отличался от сенсуалистской этики А. Смита. Оба исходили из факта долженствования морально-нравственного начала в поведении человека. По Канту, человека отличает от всего живого в природе именно чувство самосознания. Но из самосознания, по Канту, вытекает не только эгоизм, но и необходимость его обуздания, то есть нравственность. Но взгляды А. Смита, хотя и во многом совпадали с идеями И. Канта (неслучайно сам А. Смит был другом и единомыш-

ленником Д. Юма!), тем не менее отличались от взглядов немецкого философа. Если И. Кант предлагал «следовать своей максиме, работать над собой», то А. Смит рассуждал иначе: не от доброжелательности или милосердия булочника, пивовара или мясника ожидаем мы получить свой обед, а именно от их эгоизма, корысти, расчетливости, точнее, от соблюдения ими собственных интересов. «Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а об их выгодах». Но «преследуя свои собственные интересы», они «часто более действенным образом служат интересам общества, чем, если бы они сознательно стремились делать это»⁹.

Следует подчеркнуть, что дуальность экономического сознания, прослеживаемая в этой специфически философской плоскости экономики и морали, хозяйствования и нравственного к нему отношения, все-таки до сих пор не осмыслена в мировой философской и экономической литературе. И хотя А. Смит полагал, что эгоизм, который «естественным образом движет» хозяйствующими субъектами через их поведение, направляется «ко всеобщему благу» помимо их (субъектов) сознания («чем если бы они сознательно стремились делать это») невидимой рукой божественного провидения, но вряд ли это суждение можно считать удачным доказательством отсутствия в экономическом сознании *homo oeconomicus* морально-нравственных оснований. «Эгоизм в собственном смысле слова невозможно защитить, ибо он противоречит самому себе»¹⁰. Проблема расчленения сознания на автономии, а порой и самостоятельные компоненты – морали и рассудка – сохраняет свою актуальность и в современной философии, и теоретической экономике. Не случайны суждения о том, что «наша мораль предоставляет нам больше возможностей, чем способен дать рассудок. Возможностей приспособиться к условиям, в которых индивидуальное сознание может и не отдавать себе отчета»¹¹.

Рассматривая мораль («моральную традицию») в качестве «автономного снаряжения» человека, Ф. Хайек неслучайно ссылается на А. Смита: «Как понимал Адам Смит «именно религия в ее наиболее грубой форме санкционировала правила морали задолго до наступления эпохи искусственного объяснения, аргу-

⁹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С.27–28.

¹⁰ Мур Дж. Э. Природа моральной философии: Пер. с англ. М., 1999. С.30.

¹¹ Хайек Ф. Происхождение и действие нашей морали // ЭКО. 1991. № 12. С.182.

ментирования и философии». Но одно дело – религиозное общество XVIII в., проникнутое идеями англиканства и пуританства, и совершенно иное дело – атеизированное и люмпенизированное общество XXI в.

Само понимание морали, ее места в структуре и содержании экономического сознания сегодня абсолютно иное, нежели в XVIII–XIX вв. «По самой своей природе, утверждал Ф. Хайек, – мораль есть традиционное ограничение на стремление к человеческим удовольствиям. Но не рассудком... Гедонистическая, утилитарная или эгалитарная мораль – интеллигентские выдумки, которые никогда никто не проверял и никогда не показывал, что они улучшат положение¹². При этом сам же Ф. Хайек предлагает в качестве основания моральной компоненты экономического сознания идею рационализма: «Мораль – усвоенное ограничение, которое показывает нам, от каких желаний мы должны отказаться в самом начале, чтобы обеспечить выживание большего числа людей... Мы должны примириться с фактом, что наша мораль не ведет нас туда, куда нам хочется... Грубо говоря, наша мораль материалистическая, а не идеалистическая, и должна быть таковой, поскольку ее первейшая функция – дать нам возможность жить, что она и делает способом, который мы все еще не вполне понимаем»¹³. Не следовать гуманным инструкциям, не сочувствовать, не сопереживать, а адаптироваться, приспосабливаться! – таков главный смысл лекций Ф. Хайека, Нобелевского лауреата по экономике. Но как бы ни было соблазнительно принять на веру его заявления, в том числе и о том, что «скромное признание ограниченности человеческого рассудка заставляет нас признать превосходство морального порядка»¹⁴, этот соблазн необходимо преодолевать. Безусловно, прав был Дж. Мур, указывая, что критерий «добра» для наибольшего счастья для наибольшего числа людей есть типичный прием утилитаризма. Ф. Хайек в конце XX в. лишь следовал идеям своих предшественников Дж. С. Милля и И. Бентама (XIX в.). Синтез «хайековского» рационализма и утилитаризма, на наш взгляд, хотя и был одной из вершин экономического анализа своего времени, все же не дал ответа на вопрос: какова природа, роль и место морали, нравственности этики в структуре экономического сознания.

¹² Хайек Ф. Указ. соч. С.184–185.

¹³ Там же. С. 188–189.

¹⁴ Там же. С.191.

Зафиксировав факт экономического сознания и его дуальность, предметно-объектную проявляющуюся в необходимости отражать как общественную (социальную), так и личную (индивидуальную) действительность в категориях рассудка и морали, обратимся и к такой характерной черте экономического сознания как его иерархии.

Мир иерархичен (Н. Бердяев), экономическое сознание, отражающее хозяйственно-экономическую сферу этого мира и являющееся одновременно фактом этого мира – также внутренне иерархично. Иерархия выступает как система субординативно-логических интерференций экономического мышления, предикативности самой структуры экономического сознания. Выражаемая в вербально-дискурсивных и символично-презентативных формах, эта иерархия представляет собой фундаментальное значение для самого факта существования экономического знания как такового. Как в случае жилищного строительства нулевой цикл предполагает, прежде всего, проведение теплотрассы и закладку фундамента, чередование бетонных перекрытий с кирпичной кладкой при возведении этажей, и только затем наступает черед монтажа кровли, так и в процессе формирования и существования экономического знания его внутренняя иерархия есть не что иное, как «железный закон». Неиерархичное, аморфное, сумбурное, лишенное логической последовательности и цельности экономическое сознание существовать не может только лишь потому, что отражаемая им столь же аморфная, сумбурная экономика разрушается (энтропия) и гибнет (коллапс). Это, однако, не означает, что в экономической реальности нет сумбурности и аморфности. Отсутствие иерархии отнюдь не исключает «сырого» экономического знания. Но со временем идеи, учения только тогда превращаются в научные теории, концепции, когда экономическое сознание самоструктурируется и становится иерархичным. С нашей точки зрения, экономическое сознание как раз и есть определенным образом структурированное знание, иерархия знания. История свидетельствует о том, что хотя экономические знания и учения начинали складываться одновременно с началом хозяйственной деятельности людей, еще в эпоху Древнейшего царства в Египте (XX в. до н.э.), но они долго оставались разрозненными, неструктурированными и дискретными, в связи с чем собственно экономическая наука как основа экономического сознания возникла только в Новое время и только благодаря развитию иерархии в экономическом знании от рассудочного уровня понимания хозяйственной действительности к разуму. Как только

в основу всей иерархии экономического знания было положено осмысление и отражение объективных экономических законов, – экономические учения превращаются в теоретическую экономию (политическую экономию) как науку, что создает необходимые условия для формирования экономического сознания как формы общественного, теоретического, научного сознания. Принцип иерархии сам по себе есть принцип философии, есть проблема соотношения общего и частного, абстрактного и конкретного, первичного и вторичного, экзогенного и эндогенного. Таким образом, он есть проблема мышления, познания. На уровне чувств и эмоций принцип иерархии искажается, замещается мотивами предпочтения. Именно поэтому чувства и эмоции как компоненты структуры сознания вообще, а экономического сознания в частности – никогда не способствовали радикальным улучшениям в экономике (парадигмам). Их замена диалектикой как логикой и теорией познания, исторической памятью (памятливостью), континуитетностью и волей стала предтечей ускорения научных, технических революций, экономического роста и демографического взрыва. И сейчас вполне типично, что чувства и эмоции в экономической практике подавляются волей, расчетом и прагматизмом, поскольку сложившаяся иерархия экономического сознания не оставляет достаточно большого простора для других компонентов экономического сознания.

Ускорение всех жизненных процессов, нарастающая конкуренция требуют еще более четкой иерархии экономического сознания, и составляющих его компонентов. Парадокс экономического сознания, однако, заключается в том, что не только и не столько от расчетливости, эгоизма и корысти осуществляется экономический прогресс (А. Смит), сколько от органичного сочетания «черного и белого», сизигии всех элементов экономического сознания. Этот парадокс связан с тем, что мозг работает не тогда, когда его «включают» или «выключают сознательно», а всегда, постоянно и так же естественно, как почки, кровеносные сосуды или сердце. Мозг не бездействует даже тогда, когда нет никакой сознательной цели. Поэтому он активно и постоянно «переводит переживание в символы», комбинирует и иерархизирует «правильности и неправильности», конструирует собственную этику хозяйственного поведения и экономического мышления. Удовлетворяя базовую потребность днем, он «заботится» о потребностях более высокого порядка (пирамида А. Маслоу) вечером и т.п. Нормальный человек может и должен руководствоваться в своей хозяйственной деятельности мотивами гедонизма и «максимизи-

ровать удовольствие», как бы эту проблему не идеализировал Дж.С. Милль и не подвергал скептической вивисекции Дж. Мур¹⁵. Но рефлексия экономического сознания неизбежно трансформирует само понимание «удовольствие», понятий «добра», «желаемого», «качества», так как еще Сократ объяснил Протарху всю «абсурдность гедонизма»¹⁶. Подчеркнем, что мы здесь имеем ввиду даже не этику как таковую, а только ее место в иерархии экономического сознания, без которого экономическое сознание не может быть сознанием нравственным. Иерархичность экономического сознания есть историческая и логическая субординативность нравственного и прагматического «начал», которые определяют хозяйственное поведение человека, как на уровне микроэкономики, так и на макроэкономическом уровне (экономическая политика, экономическая идеологии и т.д.). Именно эта иерархичность экономического сознания и является «полем битв» разных социальных сил: одни полагают, что хозяйству принадлежит определяющая роль в истории и в жизни, что «бытие определяет сознание» (К. Маркс); другие считают, что такой «экономизм» искажает постановку и решение проблемы философии хозяйства, в том числе и природы человека, и поэтому должен быть и внутренне превзойден, разъяснен в своей ограниченности как «отвлеченное начало», в котором одна сторона истины выдается за всю истину (С.Н. Булгаков). Проблема соотношения материального и духовного (идеального) в экономическом сознании есть проблема иерархии, а не классовой борьбы, так как без одного другое приобретает тоталитарное значение и деформирует экономическое сознание.

Вирус тоталитарности, игнорирование проблемы иерархичности экономического сознания разрушает не только мозг, но и душу, не только само экономическое сознание, но и экономику как таковую. Экономический детерминизм отнюдь не означает, что материальные блага, их достаток или дефицит должны иметь императивно определяющее значение как для сознания в целом, так и для экономического сознания в частности. Анализ соотношения объективного и субъективного, экономического и внеэкономического, материального и духовного должен строиться на основе принципов комплементарности, взаимодополняемости и синергетичности. Вырывая хотя бы одно из этих «начал», мы тем

¹⁵ Мур Дж. Э. Природа моральной философии: Пер. с англ. М., 1999. С.88.

¹⁶ Там же. С.110.

самым разрушаем всю иерархию экономического сознания не только в ее конкретности, но и в ее метафизичности. Подлинная диалектика познания, с нашей точки зрения, не только не отрицает, но и прямо предполагает метафизическую, духовную данность иерархии экономического сознания. Ведь на том только основании, что одно из фундаментальных понятий математики – понятие точки как проявления абсолютной законченности, завершенности, – не находит своего подтверждения в физике, оперирующей тезисом о бесконечности материи, мы не запрещаем математику как науку или не накладываем табу на физику. Иерархия экономического сознания, является ли она в контексте конкретных времени и места четкой или размытой, всегда остается духовной реальностью не меньшей, чем реальность физическая, материальная. Это реальность внутренней природы человека, которая столь же объективна, как и реальность природы вне нас.

Наряду с проблемой предметности (объектности) и иерархичности экономического сознания факт его «бытия» порождает необходимость выяснения его структуры. Всякая реальность может и должна иметь свою структуру, которая выступает непременным атрибутом реальности как таковой. Поскольку проблема бытия, в том числе и бытия как факта экономического сознания, есть проблема методологическая и мировоззренческая, постольку проблема реальности экономического сознания не может быть сведена к критерию чувственной достоверности или универсальной элементарности. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что существуют (бытийствуют) самые разнообразные, порой абсолютно различные типы, виды, формы экономического сознания и экономического мышления. Поскольку экономическое сознание всегда есть результат взаимодействия субъекта познания с его объектом, постольку требуется идентифицировать обе стороны. Это предполагает определенную дуальность в процессе структурирования феномена экономического сознания. Можно привести несколько возможных матричных осей такого структурирования, позволяющих в максимально возможной полноте воспроизвести более общую структуру экономического сознания.

чужие оценки и суждения. При этом не важно, суждения ученого или дилетанта, врача или знахаря. Само отношение субъекта экономического сознания к объекту отражения – реальному хозяйству опосредовано не его индивидуально-личностными, а чуждыми, внешними элементами сознания: традициями, идеями, теориями и т.п. В рамках активного экономического сознания рефлексия осуществляется не на основе посторонних артефактов, а непосредственно от объекта – самого хозяйственного процесса. При активном экономическом сознании человек хотя и пользуется внешними компонентами экономического сознания, но не принимает их на веру, подвергает сомнению, проверке, верификации, критике. Классические примеры такого активного общественного сознания – «Критика чистого разума» И. Канта и «Капитал. Критика политической экономии» К. Маркса.

Активное сознание (в том числе экономическое) есть функция живого творящего мозга, есть «духовное делание», духовная жизнь личности в сфере ее социального бытия. Без активного экономического сознания знания чаще всего не превращаются в убеждения, а становятся лишь внешними условностями, как бы навязанными извне «правилами игры». Человек соблюдает их осознанно в целях личной безопасности, соблюдает как ритуал или общепринятую и общепринятую процедуру (не бунтует против «основ устройства»), но «на кухне» прокладывает свой или смеется над ними. Возникает расщепление сознания, параноидальный синдром (шизофрения), когда происходит раздвоение личности, подобное тому, которое мастерски описано С. Шелдоном в его романе «Расколотые небеса». В условиях современного экономического кризиса, переживаемого Россией в начале XXI в. доминирующей формой экономического сознания остается пассивное, а не активное экономическое сознание и вот почему.

Экономическое сознание неразрывно связано с особым типом познания – экономическим мышлением. Активность экономического мышления зависит от ряда важных критериев: культуры мышления; методологии мышления; эмпирической базы мышления. Но если в абсолютном большинстве наших вузов, не говоря о школах и колледжах, наша молодежь не изучает логику, если теоретико-экономическая и правовая подготовка будущих бухгалтеров, аудиторов или финансистов остаются крайне слабыми, если, наконец, официальная статистика предоставляет для осознания и осмысления искаженную, «приукрашенную» или наоборот «очерненную» фактуру, – то о какой культуре экономического мышления и его методологии вообще может идти речь?!

Экономическое сознание не становится креативным, животворящим, созидательным потенциалом личности. В этих условиях экономическое сознание выполняет если не исключительно, то главным образом функцию адаптера, позволяя человеку скрыться за ним, как за ширмой от нескромных глаз, стать эдаким «человеком в футляре», моллюском в раковине. Жемчуга такой моллюск уже никогда не произведет.

Вид мышления, безусловно, определяет и характер сознания именно потому, что само по себе мышление является ни чем иным, как способом мыслительной связи между субъектом познания и его объектом. И было бы наивно полагать, что только специфика объекта может служить основанием для морфологии мышления и сознания. Важной проблемой является сама мотивация мышления и его инструментарий. Если знание есть основная форма существования сознания, а процесс мышления есть процесс возникновения и развития знания в определенных понятиях, дефинициях и других инструментах языка, то вся онтологическая «тайна» экономического сознания скрывается в трех основных проблемах: в мотивации экономического мышления как формы и способа отражения хозяйства, добычи и обработки знаний о нем; в категориальности такого экономического мышления и формализованной четкости, необходимой корректности и конкретности самого экономического сознания; в адаптивности мозга к получению информации и самой информации к уровню «сенсорно-мыслительных» способностей человека (проблема меры). Упрощенно эти три проблемы онтологии экономического сознания могут быть сведены к освещению трех вопросов: гносеологии, праксиологии и аксиологии. Последние не противостоят ей, а имманентны онтологии.

Гносеологичность экономического сознания подразумевает ~~необходимость поиска ответов на ряд вопросов, и прежде всего~~ на вопрос о том, что изучается и отражается; праксиология экономического сознания связана с осмыслением его инструментальной стороны и его функций. Наконец, аксиология, то есть совокупность оценочных суждений, связана с необходимостью личностной, социальной самоидентификации человека в хозяйстве. Поэтому экономическое сознание как результат экономического мышления, как продукт развития экономической мысли интегративно, многоаспектно и в своей сущности, онтологичной природе и гносеологично, и праксиологично, и аксиологично одновременно.

Эти «ипостаси» экономического сознания как научного и одновременно как философского свидетельствуют о «множественности» самой сущности экономического сознания. «Дискурсивное мышление – философия, а тем более наука, множественно по своей природе»¹⁷. Такая «множественная» архитектоника экономического сознания, обусловленная сложной архитектурой самого экономического мышления, «глубоко заложена в разуме»¹⁸. Более того, экономическое сознание, отражающее в своих предикатах не только хозяйственную жизнь как таковую, но и жизнь человека в ее целостности и полноте, не может быть примитивно-упрощенным, голо-экономизированным, вульгарно-материалистичным. «Время понимает, чувствует, переживает мир как хозяйство», «жизнь есть процесс прежде всего хозяйственный», поэтому наука о хозяйстве есть конкретно обусловленная отрасль человеческого ведения¹⁹. Но философия хозяйства, как источник и основа экономического сознания, не менее важный и ценный момент, чем научное мышление. При этом, философская рефлексия направлена всегда на целое жизни, научная – на ее частности²⁰. Отсюда следует, что научное познание множественно само по себе, стремится отразить, закрепить, закодировать эту множественность и в экономическом сознании, тогда как философская рефлексия, ориентированная на универсальное, целостное, общее (всеобщее), наоборот, обуславливает единство и внутреннюю онтологическую системность, завершенность экономического сознания. Центробежные и центростремительные, интегрирующие и дезинтегрирующие векторы воздействия научного познания и философской рефлексии соединяются в архитектонике экономического сознания, определяя его дихотомичность, иерархичность и единство многообразности. Эта гармоничность, сизигийность природы экономического сознания детерминирована и психичностью самого мышления, его зависимостью от мира. Но это – отдельный предмет, которым занимаются психология, физиология и другие науки. Поскольку философы изучают мышление в плане общей характеристики познавательного процесса,

¹⁷ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С.27.

¹⁸ Там же. С.28.

¹⁹ См.: Булгаков С.Н. Указ. соч. С.8, 10.

²⁰ Там же. С.30.

диалектики различных его уровней, видов, форм²¹, то в этом качестве оно действительно выступает и как характеристика развития личности и общества, как предмет философского осмысления (рефлексии), и как объект теоретической экономики, то есть научного анализа. Логика и диалектика различных уровней, видов и форм экономического сознания позволяет, на наш взгляд, помимо уже имеющихся, традиционных видов, форм и уровней выделить (и выделять дальше) различные модели, модификации и разновидности как самого экономического мышления, так и экономического сознания. Сама же возможность и даже необходимость такого вычленения, выведения напоминает логику известного химического (периодического) закона Д.И. Менделеева. Неслучайно модели экономического сознания иногда увязываются с моделями рынка, либо со структурой потребностей, либо с другими конкретными аспектами экономики как объекта отражения в сознании хозяйственной реальности, как материальной, так и идеальной. Нам представляется важным здесь именно зафиксировать этот тезис о необходимости и возможности дальнейшего изучения разнообразных моделей, модификаций, разновидностей экономического сознания. Через их исследование становится более понятной и сама сложность, множественность, многокомпонентность архитектуры экономического сознания, диалектичность его онтологической природы и сущности. Не претендуя в данной работе на полное и систематичное изложение проблемы синергетичности, сложности онтологичной природы, экономического сознания и его архитектуры, тем не менее считаем необходимым отметить следующее обстоятельство.

Современное экономическое сознание в наиболее общем виде может быть представлено в следующих наиболее типичных моделях:

- 1 — технократизированное, техногенизированное;
- 2 — гуманитаризированное, гуманизированное;
- 3 — формализированное, математизированное;
- 4 — символизированное, презентативное.

Между этими моделями экономического сознания, безусловно, есть много общего, что и позволяет отнести их именно к категории «экономического знания». Во-первых, экономическое сознание как разновидность общественного сознания, формиру-

²¹ См.: Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958. С.27. Попов В.Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981. С.145.

ется (развивается) в одном направлении не зависимо от модели: индивидуальное – личное – коллективное – корпоративное – общественное. Логика его формирования обусловлена, прежде всего, эмоционально-чувственным восприятием предмета (объекта) познания индивидом. Только на уровне индивидуального зарождается сама потребность конкретного социального субъекта в экономическом осознании реальности. Но как только когнитивная фаза завершена, как только «зажигание включено», «искра дана», дальнейшая логика формирования и развития экономического сознания детерминирована уже личностными характеристиками (воспитание, культура, образование, мораль), которые как сито «отцеживают» «ненужную» информацию, отобранные данные «преобразуют» в суждения, оценки, теории, гипотезы или аксиомы, то есть превращают в осмысленно-нужную информацию. На данной фазе становления экономического сознания нужна информация, а также способы ее получения и обработки определяются уже не индивидуальными особенностями человека, а его личностными характеристиками, а затем уже и обществом, общественными потребностями, оценками, суждениями («общественное мнение»). Это, с нашей точки зрения, две самостоятельные фазы формирования экономического сознания (индивидуально-личностная и личностно-общественная), которые вполне могут и должны быть разведены исследователями проблемы в пространстве и во времени. Далее все – по общепринятой логике²².

Во-вторых, экономическое сознание в любой его модели всегда тесно интегрировано в политическое и правовое сознание, сфера экономики очевидным образом неразрывно связана со сферами права и политики. Поэтому экономическое сознание не может «самореализоваться», актуализироваться в реальном поведении людей, если они не знают, как правовым образом, корректно его актуализировать. Что толку, если мое сознание говорит мне, что я должен грамотно организовать свой бизнес (менеджмент), честно торговать (деловая этика), если я не знаю, что разрешено (демпинг, товарные интервенции, картелирование), а что запрещено (ценовая дискриминация, манипулирование ценами). Как грамотно оформить договор о найме, договор подряда, таможенную или налоговую декларацию (да и что в этом толку?), если человек не знает когда, кому, в какие сроки эти документы

²² См.: *Попов В.Д.* Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981. С.55.

направлять! Поэтому и «физики», и «лирики», и «технократы» и «гуманисты» должны обладать таким экономическим сознанием, которое носит системный характер (правосознание и т.п.). В самом деле, общество предполагает некое общее поле, среду, у которого должна быть своя определенная природа.

Эта определенность природы общего для социума поля как раз и обуславливает внутреннее, сущностное единство любых, самых разнообразных типов, видов, форм, модификаций экономического сознания, как бы внешне они не отличались друг от друга. Разностность и многообразие конкретных проявлений сущности экономического сознания обусловлено прежде всего разноточностью и разноточностью наших знаний об экономике, а также различностью нашего экономического мышления. Воистину, «пробным камнем наших знаний является то, что они подвергаются суждениям других», что «всеобщий разум, суждения всех – это то судейское кресло, перед которым должны предстать наши знания»²³.

На пути от рассудочного к разумному, от частных к всеобщему общественное сознание проходит через все свои конкретно-исторические, конкретно-социальные и конкретно-гносеологические особенности. Выделяя три этих аспекта в процессе изучения структуры экономического сознания, философы всегда, тем не менее, подчеркивали определенность, единство между этими аспектами (Ковальзон М.Я., Попов В.Д., Уледов А.К. и др.). Но важно не просто подчеркнуть это единство всех аспектов самого экономического знания и вопросов его изучения, но и выявить саму его сущность. Как рефлексия личности или общества в инструментах понятий, идей, чувств, эмоций, традиций, оно имеет много частных («сущностных») клеточек, образующих внутренне сложную («многоступенчатую») сущность. «Миропонимание», «миросозерцание», «мирополагание», «мироотношение», «мировоззрение», если мы условимся в нашем случае под термином «миро-» подразумевать хозяйство, экономику, будут выступать «элементарными клеточками» синтетической сущности экономического сознания. Ни с философской, ни с филологической, ни с экономической точек зрения эти дефиниции в большинстве случаев не различаются. И хотя уже высказывалось мнение о том, что «мировоззрение – система взглядов на природу

²³ Кант И. О двух природных побуждениях и связанных с ними обстоятельствах. Из «Лекций по этике» (1780–1782) // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1988. С.303.

ду и общество (это термин научный), а мирозерцание, как явление личного порядка может быть ошибочным, ложным, иногда противоречащим науке», «скользящим по поверхности фактов»²⁴, но путаница в этих «элементарных клеточках» сущности общественного сознания в целом, а экономического сознания в частности, сохраняется до сих пор. Это тем более становится очевидным, если помимо уже названных «клеточек» сущности экономического сознания (здесь речь идет только о нем) мы назовем и такие, как «мироразумение», «миродействие» (Н. Михайловский), «ментальность», «менталитет» и т.п. Именно при такой «чехарде» понятий и возникает соблазн ответить на вопрос о смысле жизни – на «самый простой вопрос» (Л. Толстой) по «гениальному просто»: «Не знаю!»²⁵, да еще добавить, что и «философия не только на это не отвечает, но сама только это и спрашивает». Если же встать на ту точку зрения, что все перечисленные «элементарные» клеточки сущности экономического сознания наполнены в принципе одним и тем же – отражением фактов экономической жизни, то все их различие сохраняется лишь в рамках общей сущности, а значит, не существенно или «ничтожно», как выразились бы юристы. Отсюда следует, что: во-первых, все эти «элементарные клеточки» сущности экономического сознания взаимосвязаны между собой в одно общее поле, и выпадение из него хотя бы одной частицы попросту меняет саму сущность; во-вторых, все эти клеточки взаимодополняют друг друга и, следовательно, одинаково имманентны сущности как целому; в-третьих, все эти клеточки своим ядром имеют «отношенческую», рефлексивную основу, без которой само сознание как таковое не возникает и не существует.

А раз основой всех элементарных клеточек синтетической сущности экономического сознания выступает отношение, то в гносеологическом аспекте в качестве основного критерия для рассмотрения структуры и содержания экономического сознания необходимо принять именно структуру и содержание общественного отношения как такового.

Дуализм и иерархичность свойственны экономическому сознанию не в силу каких-либо экзогенных факторов, а в силу самой природы миропонимания, мирополагания, мирозерцания,

²⁴ Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988. С.63.

²⁵ Толстой Л.Н. Христианская этика. Систематические очерки мировоззрения. Екатеринбург, 1994. С.21.

мировосприятия и т.д. как суть общественных отношений. Эти отношения имеют дуальность, двухуровневую структуру:

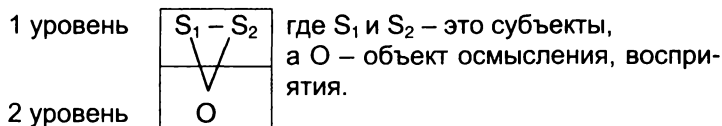

Рис.2.

Первая сфера охватывает верхний эшелон, межсубъектные связи; вторая сфера – нижний эшелон, то есть субъектно-объектные связи. Иерархичность любого общественного отношения также очевидна: в структуре всякого общественного отношения именно общественная, социальная, межсубъектная связь первична, а технологическая, техногенная связь вторична. При этом существует как прямая, так и обратная связь.

В этом ключе и следует понимать известное суждение Б.М. Кедрова о том, что именно в соответствии со структурой общественных отношений люди формулируют свои «принципы, идеи и категории»²⁶. Добавим, что эти принципы, идеи и категории, образующие содержание, в том числе и экономического сознания, есть отражение общей, сущностной структуры общественных отношений, но отражение не зеркальное и тем более не иероглифное.

Это отражение синергетическое, множественно-конкретное, бесконечно-многообразное. Точно так же, как люди изменяют природу, через это и посредством этого они изменяют и свою собственную природу, свое бытие, которое, как известно, определяет сознание. Но ведь изменение самой природы тоже есть продукт, результат трансформации сознания; следовательно, экономическое сознание также в свою очередь определяет бытие. «Вечный» спор между материалистами и идеалистами в этом смысле вовсе нельзя считать завершенным. Даже создатель «тектологии», известный марксист А. А. Богданов, оперируя понятиями «ингрессии» и «дигрессии», «изоморфизма», безусловно был прав в своих утверждениях о влиянии человеческого созна-

²⁶ См.: Кедров Б.М. О соотношении форм движения материи в природе. М., 1958. С.3.

ния на бытие²⁷. Сложность как многоаспектность самой рефлексии, самого отражения хозяйственной, экономической сферы человеческой жизни обусловлена внутренней сложностью самой экономики как таковой. Рассматривая экономику как «сложный фактор», П. Сорокин отмечал, что «сложной» она является и с субъективной, и с объективной точки зрения. «При любом понимании экономического фактора он оказывается фактором сложным, а не простым. Его влияние – это совместное влияние ряда простых факторов. Понять его природу нельзя, не разложив его на составные элементы – простые «факторы», – указывал П. Сорокин²⁸. Следуя его логике, можно прийти к выводу, что «производительные силы», «экономические отношения», «экономические законы», «экономические системы», «богатство» – все это суть «сложные факторы». Отсюда, на наш взгляд, и следует, что экономическое сознание, его сущность, содержание, структура также «сложны» уже в своей основе, не говоря о феноменологии и морфологии экономического сознания.

Наше настойчивое указание на глубину и сложность онтологической проблематики экономического сознания связано в некотором смысле и с его определенной дереализацией в условиях индустриализма и постиндустриализма. «Самосознание эпохи» в условиях недействительности и нереалистичности многих идей и понятий, когда «дереализации подвергаются все идеи», когда «большинство из них необъективно»²⁹, может превратиться в вакуум сознания, в том числе и экономического.

Нарастающая прагматизация нашей морали, антиэкологичность наших хозяйственных (точнее бесхозяйственных) действий – все это не просто определяет актуальность онтологии экономического сознания, но и анализ трансформации, метаморфозы самих общественных (в том числе экономических) отношений их прироста в условиях «переходной экономики». Мы уже подчеркивали, что в философско-экономическом плане осмысления хозяйства важнейшее значение приобретает изучение процессов трансформации, «модернизации» и социально-экономических особенностей переходного характера современного российского

²⁷ См. об этом: *Стожко К.П.* Экономический гуманизм в России. Екатеринбург, 199

²⁸ См.: *Сорокин П.* Общедоступный учебник социологии. М., 1994. С.173–174.

²⁹ См.: *Маркузе Г.* Одномерный человек: Пер. с англ. М., 1994. С.194.

общества³⁰. В этих условиях многие процессы и явления экономики выступают не в «чистом виде», а в переходных, неустоявшихся модификациях. Следовательно, содержание многих понятий, идей, самого экономического сознания в целом существенно изменяется. Более того, если брать проблему онтологии экономического сознания шире, не только в контексте российских реформ рубежа XX–XXI вв., но и в общепланетарном масштабе, в контексте разрастающейся диверсификации, интеграции, глобализации и конвергенции мировой экономики, то данная проблема как проблема формирования принципиально нового типа экономического сознания и нового типа экономического мышления выступает не столько как проблема философская или экономическая, сколько как проблема общегуманитарная. И значение этой проблемы, а тем более правильной ее постановки и грамотного ее решения, трудно переоценить. Вместе с тем ее правильная постановка и решение неразрывно связаны с принципом историзма. Рассматривая в широкой исторической ретроспективе эволюцию социально-экономических идей, принципов, категорий, следует отметить достаточно высокую степень неоднозначности и даже внутренней дихотомичности экономического сознания. Деление экономического сознания вслед за самой экономической (хозяйственной) практикой на статику и динамику, каталактику и теорию, микро- и макроэкономику и т.п., как раз и выражает эту внутреннюю дихотомию общественного и личного в экономическом сознании. В самом деле, дифференциация современной экономической науки на микроэкономику и макроэкономику не только искусственна, но и противоречива. Если под микроэкономикой подразумевать экономику фирмы, предприятия, отрасли, то все те проблемы (логистика, менеджмент, налогообложение, риски, финансы и т.п.), с которыми мы сталкиваемся на микроуровне экономического анализа, «имеют место быть» и на уровне макроэкономического анализа, то есть на уровне национальной экономики в целом. Указанная дифференциация теряет всякий смысл, так как является условием деформации экономического знания. Если же под микроэкономикой подразумевать экономический анализ отдельной (локальной) проблемы (теория спроса и предложения, теория денег, теория товара, теория потребительского выбора и т.п.), а под макроэкономикой какие-то более общие, как бы «внешние» проблемы (роль государства в экономике,

³⁰ См.: Ветошкин А.П., Стожко К.П. Философия экономики. Екатеринбург, 2001. С.17.

экономическую интеграцию в мировое хозяйство и т.п.), то искусственность такого подхода еще более очевидна, так как теория спроса и предложения может быть только теорией совокупного спроса и совокупного предложения (то есть сугубо макроэкономической); теория денег может быть только теорией денежного обращения (то есть теорией денежного хозяйства в целом) и т.д. Поэтому в современных западных учебных курсах «экономикс», пришедших к нам из-за рубежа, наблюдается некое умозрительное и методологически неоправданное «раздвоение» экономического осмысления проблем, нарушение не только диалектики, но даже элементарной логики постановки вопросов и изложения материала, не говоря уже о всей логике познания. Вероятно, внутренняя дихотомия экономического сознания обостряется в переломные периоды экономической истории (а именно в такое время мы сейчас живем). Такое «весеннее обострение» дихотомии современного экономического сознания связано с современной научно-технической революцией, глубокими геополитическими, природными и социокультурными изменениями, происходящими в мире в начале XXI в. Очевидное ускорение, убыстрение экономического развития уже привело к изменению (перемещению) прежних традиционных деловых центров, полюсов хозяйственной активности в мире, к трансформации самой инфраструктуры и институциональной основы экономики. Как в связи с этим не вспомнить теорию стадий экономического роста У. Ростоу, теорию экономических циклов У.К. Митчелла, теорию «эталонных обществ» К.А. Сен-Симона, теорию «исторических народов» Г.В.Ф. Гегеля, концепции «энергетизма» С. Геринга и «пассионарности» Л. Гумилева, идеи «локальных цивилизаций» А. Тойнби и «типов сотрудничества» А. Богданова, принципы «коммуникционности» Г. Мак-Люэна и «технического детерминизма» Дж. К. Гэлбрейта, теории экономической динамики Н.Д. Кондратьева, С. Кузнеця, теорию «волн цивилизации» Э. Тоффлера и т.д.? В контексте дальнейшей разработки содержательных и структурных аспектов экономического сознания и его научной основы – общей экономической теории эти идеи приобретают особое значение. Они раскрывают темпоральность (временной характер) самого экономического сознания как в отношении отдельной личности, так и в отношении целого общества, а также – эпохи вообще. Проблема темпоральности экономического сознания включает, вбирает в себя и более частные проблемы: дискретности, относительности, континуитетности экономического сознания во времени и пространстве. При этом необходимо различать темпо-

ральность, временность, относительность истинности различных идей, понятий, концепций, всей содержательной стороны экономического сознания в физикалистском (природном) и социальном (общественном) измерениях. Проживание и переживание времени человеком различно не только в разные хозяйственные эпохи, но даже на разных этапах жизни отдельного человека. Детство, отрочество, юность, зрелость, старость – на всех этих этапах скорость, плотность, значимость исторического и экономического времени, в рамках которого проявляется само экономическое сознание, различны. Даже скорость движения отдельного товара на различных этапах его жизненного цикла различная. Что же говорить о человеке! Волны перемен «отражаются на нашей работе, нашей семейной жизни, наших сексуальных установках и присущей нам лично морали»³¹.

В этой ускоряющейся социально-экономической динамике, «ревушей» темпоральности самого экономического сознания особое значение приобретает такой его внутренний содержательный элемент как социальная и хозяйственная память, как исторический опыт социально-экономического развития. Если частная, индивидуальная память человека умирает вместе с ним, то социальная память продолжает свое существование и после смерти отдельного индивида и способствует сохранению экономического сознания. Воплощаясь в артефактах, книгах, фильмах, фотографиях, газетах, социальная память служила и служит жизненным эликсиром, «живой водой» для различных понятий, идей и принципов.

Очередной, нынешний скачок общества в информационную сферу (сколько уже было подобных «скачков»!) не привел к тотальным негативным для него последствиям только лишь в силу факта существования социальной памяти, способствовавшей и обеспечившей сохранение и развитие экономического сознания. Динамика общества и развитие научной мысли за последние десятилетия со всей очевидностью свидетельствуют об ускорении темпа перемен, уплотнении исторического и экономического времени. «Время – деньги!» – заявил Б. Франклин. Время дорожает – следует добавить со всей определенностью. Действительно, сегодня в единицу времени человечество производит гораздо больше промышленной продукции, чем десять лет назад. При этом и загрязнение окружающей среды ускоряется невиданными темпами, постоянно растет число техногенных катастроф. Все это

³¹ Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. М., 1999. С.44.

свидетельствует о совершенно ином качестве самого времени, в котором мы живем, о совершенно иной чем прежде темпоральности современного экономического сознания. В условиях резкой трансформации и ускорения (либо замедления) темпов социально-экономического развития возникает серьезная угроза системной устойчивости не только для экономической системы как таковой, но и для экономического сознания. Многие прежние понятия отвергаются; идеи, казалось бы незыблемые ранее, терпят крах; возникает время всеобщего нигилизма, когда все революционно опровергается и скепсис «правит бал». Резкие растяжения или сжатия исторического и экономического времени приводят не только к нарушению режима устойчивого экономического развития, но и к глубокой трансформации экономического сознания, его деструкции и негативизации. И только социальная память как проявление историзма в самом экономическом сознании сохраняет и культивирует укорененные ценности, фундаментальные знания и морально-нравственные принципы. И хотя в содержательном плане эти ценности, знания и принципы изменяются, но внеценностного, беспринципного, бессодержательного экономического сознания в принципе не существовало и существовать не может. Знания (информация), этика (мораль) и опыт (память) образуют онтологическую триаду, каркас самого экономического сознания, в который, как в старые мехи вдувается новый содержательный огонь. Этот процесс отмечается в современной литературе. Так, Э. Тоффлер пишет: «У каждой цивилизации есть свой скрытый код – система правил и принципов, отражающихся во всех сферах деятельности цивилизации, подобно некоему единому плану. С распространением индустриализма по всей планете становится зримым присущий ему уникальный внутренний план. Он состоит из системы шести взаимосвязанных принципов, программирующей поведение миллионов»³². Среди этих принципов он выделяет стандартизацию, специализацию, синхронизацию, концентрацию, максимизацию, централизацию. Автор ведет речь по существу о разрушении кода именно экономического сознания, философии экономики доиндустриальной эпохи. Живописуя «прелести» кодовых характеристик, присущих второй волне (индустриализму), он называет их философией. Так, обращаясь к стандартизации, Э. Тоффлер заявляет, что Ф. Тэйлор, «вооружившись такого рода философией (стандартизации. –

³² Тоффлер Э. Указ.соч. С.92–93.

К.С.), стал ведущим гуру мирового менеджмента»³³. Таким образом внутренние, тектонические изменения в структуре и содержании общественного, в том числе и экономического сознания (каким, например, стало появление менеджмента в системе экономических наук), увязываются с техническими мутациями. Эта идея давно уже получила признание в современной философии и социологии, она находит свое отражение в сочинениях Д. Белла, Дж. Гранта и др. исследователей. Но, пожалуй, именно Э. Тоффлер впервые обращает внимание на сжатие, ускорение времени, а также связанное с этим «ускорение решений». В условиях компьютеризации и перехода к информационному обществу этот эффект становится еще более очевидным. Интернет, электронная почта, спутниковое телевидение, сотовая телефонная связь, – все это ускоряет движение ресурсов. Более того, сформирована обратная связь, усовершенствуется сама связь. «Нынешний интернет совсем не тот, что был всего лишь год–два назад, – отмечает Б. Гейтс. Он эволюционирует с такой скоростью, при которой его описание годовой или даже полугодовой давности может серьезно устареть»³⁴. Сегодняшний день за два, а то и за три вчерашних – такова идеологема экономической динамики. В этих условиях сверхускорения социально-экономического развития одних («золотой миллиард») и сверхдеградации других (деиндустриализм и центробежные тенденции) меняется вся онтологическая сущность современного экономического сознания.

Уплотнение, сжатие, ускорение времени, а также технические и технологические мутации, подобные клонированию или зомбированию, несут в себе потенциальную угрозу для общественного сознания в целом, а для экономического сознания, в частности, самым непосредственным образом. В чем суть этой опасности? Совершенно убедительны рассуждения С. Лангер, которая определяет эту угрозу так: «Технический прогресс подвергает опасности свободу человеческого ума». В современной цивилизации, по ее мнению, существуют две «огромные угрозы для умственной безопасности: новый образ жизни, сделавший старые символы (дом, семью, семейный очаг. – К.С.) чуждыми нашим умам, и новый способ работы (конвейер, дивизиональные структуры, узкую специализацию и т.п. – К.С.), который делает индивидуальную активность бессмысленной, не приемлемой для скудного воображения». Работа, полагает она, не является

³³ Тоффлер Э. Указ. соч. С. 95.

³⁴ Гейтс Б. Дорога в будущее: Пер. с англ. М., 1996. С.97.

больше сферой ритуала и «поэтому ближайший и надежнейший источник умственного удовлетворения ищяк», а у большинства людей нет никакого дома, то есть символа их детства, – нет даже определенного воспоминания о том месте, которое служило бы этой цели»³⁵. И в этом она, безусловно, права. После развала огромной страны – Советского Союза – миллионы наших сограждан оказались беженцами, лишенными своей малой (исторической) родины, дома, семейного очага. И хотя, пользуясь терминологией самой же С. Лангер, непреодолимое, «страстное стремление к старому племенному единству приводит к тому, что национализм выглядит как спасение», трудно не увидеть в этих процессах вполне объективной основы, своеобразной рефлексии, нацеленной на самосохранение.

Экономическая деградация, колоссальный экономический спад в условиях современной дезинтеграции и дезиндустриализации современной России, что бы там не говорили и не писали наши доморожденные официальные «эксперты», привели в общем и целом к негативной трансформации (деформации) современного экономического сознания в российском обществе, к отказу и почти тотальному забвению общественного социализированного начала и к доминированию в его структуре и содержании индивидуально-личностного начала. Иерархия экономического сознания в современном российском обществе постепенно как бы переворачивается, (выворачивается наизнанку), приоритет ценностей в его структуре меняется, а системность, единство постепенно вытесняются дискретностью, релятивностью. Всеобщая пауперизация экономического сознания проявляется и в сфере современного высшего и профессионального образования в России, когда экономические дисциплины преподают как попало и кто попало, когда объем аудиторных, и в целом учебных часов, по экономической теории в структуре вузовских учебных планов неуклонно сокращается, когда патологическое пресмыкательство и раболепие перед западными моделями и технологиями экономического образования и «экономической политики» в нашей стране достигло угрожающих масштабов. Вестернизация экономического сознания сегодня дополняется, как известно, и его формализацией, в виде математизации и компьютеризации. За математическими формулами и уравнениями исчезает сама «физика», природа социально-экономической действительности, ее объектив-

³⁵ Лангер С. Философия в новом ключе: Пер. с англ. М., 2000. С.259–260.

ная реальность. Новые Авенариусы и Махи «от экономики» пытаются вытравить из экономического сознания даже логику, не говоря уже о философии и антропологии, и заменить их формулами, графиками и функциями. При этом забывается, что основной функцией экономического сознания выступает не репродуктивизм, не «схематизация экономики», а гуманизм, нацеленность экономических решений и действий на благо самого человека. Математический символизм в современном экономическом сознании достиг гипертрофированных параметров, объективно и субъективно искажающих саму объективную реально существующую экономику. Все это есть не что иное, как элементарный махизм с его «принципом экономии мышления». Ум, подобно всем остальным органам, может получать свою пищу только из окружающего его реального, объективного мира, тогда как математика – мир формул и чисел, есть виртуальная реальность и ничего более. Виртуализация современного экономического сознания, как бы ее не объясняли успехами использования числовой технологии в информатике или достижениями линейного планирования в менеджменте, выступает непосредственным продуктом, результатом ускорения исторического и экономического времени, вызываемого математизацией экономикой хозяйственной сферы человеческого бытия. Такое «ускорение» правомерно назвать искривлением, искажением времени посредством махинации со стрелками и пружиной часов.

Но что же происходит с фактическим, реальным, историческим временем?

Волна, начавшаяся в истории развития экономического сознания с известной маржиналистской революции в экономической науке, с работ А. О. Курно, И. фон Тюнена, М. Вебера и др. в XIX в., как «девятый вал» сметает сегодня сущностно-человеческое, гуманистическое основание нашего экономического разума, зомбирует личность в режиме иероглифов и символов, формул и графиков, схем и диаграмм.

Большинство людей никогда не сможет не только проверить, верифицировать «математические откровения» в хозяйственной практике, но даже осмыслить все это в своем живом опыте. Наукообразность подменяет науку, рассудочность разум, формалистика – диалектику. Не это ли вселенская трагедия начала нового тысячелетия, перед которой меркнут гибель Александрийской библиотеки в древности или сожжение книг на кострах инквизиции в средние века? И совершенно очевидно, что после такого «математического блицкрига» на экономическое соз-

нение, ни оно само, ни экономическая наука как его основа, не смогут быть уже нравственными. Разве может быть нравственной математика? Как любая отвлеченно-абстрактная наука, оперирующая символами и формулами, она по определению не может быть принципиальной или беспринципной, этической или неэтической, моральной или аморальной. Ее достижения, как и достижения химии или физики в соответствии с известной формулой Н. Бора могут быть лишь использованы беспринципными тиранами или демагогами во вред обществу. Тогда как экономическое сознание и экономическая наука по самому своему определению обладают свойством моральности, этической, нравственности. И когда выводы гуманитарной социально-экономической теории подменяются математической «галиматьей», то легко заявить: «А при чем тут принципы, это же формула!» Не в этом ли скрыта основная причина символистской, математической экспансии в сфере экономического сознания и всеобщей нарастающей экономической, правовой и моральной дебилизации населения? Мы должны сохранить свое экономическое сознание от шаманов разных мастей и заклинателей разной пробы. В противном случае общество навсегда лишится экономического сознания и окажется объектом самых бессовестных манипуляций со стороны очковитателей и шарлатанов. Опасность в высшей степени колоссальная и требующая не только срочных и ответственных действий, но и серьезных сосредоточенных размышлений, углубленного раздумья и внутреннего совестливого переосмысления реальной хозяйственной действительности.

Осознание этой опасности отнюдь не является характеристикой исключительно российского самосознания. В Западной Европе Э. Гуссерль также обращал внимание на эту опасность в своей книге «Кризис европейских наук и трансцендентальная философия». Проведя серьезный анализ того, как математизация наук приводит к замене реального повседневного мира миром идеальных объектов, а бытие в целом – методом, он высказывался за то, чтобы наука опиралась на жизненный мир. «Простой опыт, в котором дан жизненный мир, есть последнее основание всего объективного знания»³⁶. На эту же опасность указывали в свое время М. Хайдеггер³⁷ и С.Л. Франк. Последний, в частности,

³⁶ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия // Вопр. философии. 1992. № 7. С.156.

³⁷ См.: Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М., 1988.

рассуждая об антиномическом познании полагал, что сознание выступает как результат познания абсолютной реальности, «полноты бытия», а сама эта «абсолютная реальность» вмещает не только то, что дано, но и того, кому дано само отношение к данности. И хотя различные философы в разное время спорили о достоинствах и недостатках рационалистического и «иррационального» мышления, секулярного и религиозного сознания, все они в общем и целом были едины в том, что осознать и знать можно только сущее, реальное, а не мистифицированное бытие. Даже когда речь шла о трансцендентном, оно толковалось как реальность, непознаваемая через чувства, но столь же сущая, как и материальный мир, требующий осознания, осмысления. Математизация же или компьютеризация и абсолютизация этих факторов познания – это, пользуясь известным ленинским выражением, «игра в цифирь», а не само то сущее или реальное бытие, которое с их помощью осознается. Разрабатывая проблематику интенциональности сознания, многие философы (В. Соловьев, Е. Трубецкой, Ф. Brentano и др.) прекрасно осознали направленность сознания как такового на многообразные виды предметностей. Суть этой направленности они видели в придании смысла фактам, реальной действительности. Весь вопрос лишь в том, а нуждается ли такая объективная действительность в осмыслении и познании, смыслоформировании, в цифрах, символах, знаках? Сознание, в том числе и экономическое, дает нам знание (веру, уверенность, правдоподобие, убежденность, допущение и т.п.), с которыми мы потом пытаемся разрабатывать систему ценностей, сквозь призму этой разработанной системы снова пытаемся смыслоформировать и умопостигать новую информацию. Какое бы сознание, интуитивное или абстрактно-логическое мы при этом в себе не культивировали, не «возделывали», пытаюсь постичь Истину, Добро и Красоту, все виды, типы, формы, модели, модификации нашего сознания, в том числе и экономического, должны охватывать все идеи, стремиться к целостности, быть цельным, этическим и эстетическим по своей определенности. Неслучайно Гегель заявлял: «Я убежден, что высший акт разума, охватывающий все идеи, есть акт эстетический, и что истина и благо соединяются родственными узами лишь в красоте»³⁸. Конечно, можно, подобно К. Ясперсу, видеть подлинность существования человека в экзистенции, в его внешней неопределяемости и лишь индивидуально-внутренней обусловленности, но и

³⁸ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. М., 1974. Т.1. С.212.

здесь речь идет все-таки о специфических формах действительности, реальности, подлинности человеческого бытия, на которое направлено осмысление, а не о математических или терминологических самодостаточностях, заменяющих или игнорирующих само бытие. При этом К. Ясперс отвергал систему каких-либо шифров или знаков как самодостаточных по отношению к материальному миру и самой трансцендентности, которые стремится упростить, уразуметь человек. В крайнем случае, по его мнению, символы и знаки могут играть сугубо функциональную, но никак не самодостаточную роль. В работе «Философская вера в аспекте откровения» он, в частности, писал: «Если мы говорим о знаках, символах, шифрах, то можно провести различие: знак есть определяемое значение чего-то другого, которое тоже непосредственно доступно; символ есть представление чего-то другого, в наглядной полноте, в которой обозначаемое и обозначение неразрывно слиты в одно и символизируемое существует только в символе; шифр есть язык трансцендентного, которое доступно только через язык, а не через идентичность вещи и в самом символе»³⁹.

Мысль К. Ясперса достаточно ясна: реальность может выражаться в разных символах и шифрах, но даже в языке, понятиях, не говоря уже о цифрах и формулах, выражаемое нельзя подменять этими средствами познания и выражения и тем более отрицать онтологичность того, что в них выражается. И не важно, идет ли речь о трансцендентности или самой элементарной и очевидной экономической ситуации, – конкретные формы воплощения нашего сознания во всем своем многообразии должны основываться на самих экономических фактах, а не на каких-то символах, цифрах, знаках и шифрах, которые выступают всего лишь рабочими инструментами толкования фактов, их осмысления. Если сам К. Ясперс признавал бесперспективность использования «знаков» в постижении трансцендентного, то переоценивать их роль в осознании реальной экономической действительности тем более нет никаких оснований.

³⁹ Цит. по: *Перцев А.В.* Учение К. Ясперса о шифрах трансценденции // Философская жизнь Урала: Проблемы истории философии. Альманах. Екатеринбург, 1999. С.158.

§ 2. Гносеология экономического сознания

Гнозис – есть знание. Знание есть информация, которую мы добываем и осмысливаем. Добывание знания есть процесс познания, или первая фаза гнозиса. Осмысление добытой, полученной информации есть процесс осознания или вторая фаза гнозиса. Таким образом познание и осознание составляют две фазы гнозиса как процесса. Вопрос о том, что составляет знание в структуре экономического сознания и вопрос о том, каковы средства, мотивы и итоги гностического процесса составляют альфу и омегу гносеологии экономического сознания. В самом деле, что из следующих фактов есть по существу экономическая информация, а что нет: грибы растут после дождя; точка безубыточности адекватна нулевой прибыли; моя жена любит розы и терпеть не может пионы; закон о банкротстве имеет массу противоречий? Ответ на этот вопрос не столь уж прост. Ведь по существу каждый из приведенных фактов может быть использован в экономической деятельности. Я могу пойти собирать грибы в дождь и тем самым больше их заготовить впрок. Я могу обойтись нулевой прибылью, рассчитав точку безубыточности, и мое предприятие окажется хотя и без прибыли как таковой, но будет самокупаемым. Обратив внимание на противоречия в Законе о банкротстве, я могу выиграть судебный процесс и продолжить свой бизнес. Наконец, я могу подарить своей жене именно розы вместо пионов, и она приготовит мне в знак благодарности завтрак, который не только повысит мой жизненный тонус, но и мою производительность труда.

Но если принять за критерий экономического знания принцип возможности использования информации в экономической деятельности, то мы должны признать, что это просто прагматизм, который приводит к окостенению знаний и ущербу в понимании экономической проблематики. «Непомерное значение, придаваемое в условиях всеобщей нестабильности экономической проблематике, является признаком социальной болезни»¹.

В самом деле, если бы я дарил жене розы, руководствуясь только мотивами еды, а грибы собирал после дождя, чтобы оставить соседу пустые поляны, мне пришлось бы задуматься о своем состоянии. Вероятно, собирая грибы впрок или стремясь спасти фирму от банкротства, преподнося женщине цветы или занимаясь изучением экономического сознания, каждый из нас руко-

¹ Мунье Э. Манифест персонализма: Пер. с фр. М., 1999. С.348.

водствуется не только меркантильными, сугубо экономическими мотивами, но и духовными мотивами: потребностью общения с прекрасным, желанием получить эстетическое удовольствие, политическими мотивами и т.д.

«Экономические проблемы не могут получить своего решения в отрыве от политики и духовного начала, которые возвышаются над ними и которым они внутренне подчинены, что имеет место при нормальном положении дел»². И далее: «Взаимодействие экономического и духовного начал в человеческом мире задает нам меру и пределы, в которых «моральные» суждения оказываются значимыми для порядка материального»³. Трудно не согласиться с подобными суждениями, которые привели к следующему выводу: «Таким образом, техническая цивилизация заслуживает упрека не потому, что она является бесчеловечной сама по себе, а потому, что она еще недостаточно гуманизирована и потому, что служит бесчеловечному строю»⁴.

Рассуждения об экономическом знании неразрывно связаны с отношением человека к предмету, объекту познания. Если человек руководствуется исключительно мотивами прибыли, то экономиста приобретает тенденцию строить свою организацию целиком вне личности, исключительно на основе прибыли, то есть количественной и безличностной цели. Если же человеку прибыль «до лампочки», то он вообще не строит экономику, а принимает схему. Ему импонируют призывы «не сеять и не собирать в житницы, жить аки птицы небесные». Абсолютизация или отрицание в обоих случаях связано именно с отношением человека к конкретному экономическому благу или хозяйственному явлению. Меня не волнуют роскошные иномарки или великолепные виллы, потому что я не в состоянии их приобрести? Но перестают ли они от этого моего «внутреннего отрицания» существовать и служить предметом экономического, хозяйственного познания? И так ли уж безобидна рассматриваемая позиция? «Герметизация универсума» (как выразился бы Г. Маркузе), искусственная локализация Ойкумены сами по себе есть функция комфорта. Но комфортное и экономическое существование человека – это совершенно разные вопросы. Можно, конечно, соблюдать чистоту в одной комнате, даже требовать от других со-

² Мунье Э. Указ. соч. С. 348.

³ Там же. С. 349.

⁴ Там же. С. 353.

блюдать чистоту в других комнатах, но кто будет убирать на кухне и в прихожей?

Экономическое знание есть, на наш взгляд, такое знание, которое не только направлено на хозяйство, не только отражает в себе хозяйство как объект, но которое построено на личной вовлеченности человека в хозяйственный процесс, в хозяйственные отношения. А поскольку каждый человек объективно является субъектом хозяйственных отношений, то экономическое знание в своей гносеологичности выступает прежде всего как знание экономических (хозяйственных) отношений. Это – самая первая, наиболее общая сфера экономического знания, когда само знание выступает в виде описания и сравнения. Мы описываем в знании экономические отношения, то есть фиксируем экономическое знание как таковое. Мы сравниваем экономические отношения, то есть относимся к ним исторически, и тем самым фиксируем наше историческое знание. «Цель сравнения – не объяснять, а скорее направлять. Мы не сравниваем ни вещь с вещью, ни мысль с мыслью, но вещь с мыслью или же мысль с вещью!» Иногда даже в сравнении и описании движется не мысль в ее чистом виде, а «сумеречная мысль», интуиция. Но продвигаясь с одной ступени сознания на другую она превращается в мысль, мысль в идею, идея в убеждение и т.д. Описание и сравнение экономических отношений могут происходить как в сознании, так и в подсознании («ускользающая мысль») и на уровне бессознательного («предчувствие открытия»). «Можно иметь мысли не подозревая об этом»⁵. Тем не менее, начиная с описания, сравнения, экономическое мышление использует и другие инструменты познания: логику, систематику. Отношение человека к экономике при этом не является сугубо внешним, оно – диалектическое отношение обмена и восхождения. Человек познает хозяйство, усваивает экономическую информацию не только для того, чтобы объяснить мир, но, в строгом соответствии с тезисами о Фейербахе, и для того, чтобы преобразовать его. Центральным мотивом экономического гнозиса выступает именно преобразование хозяйства. Созидать – вот в чем сущность человеческой деятельности. Начиная с созерцания, наблюдения, человек размышляет над вопросами хозяйственной жизни и стремится адаптироваться к ней или адаптировать экономику к своим интересам и потребностям. Кодовыми «ключами» в понимании гносеологии экономи-

⁵ Ален (Шартье Э. О.) Суждения: Пер. с фр. М., 2000. С.268.

ческого сознания как раз и выступают факторы мотивации и адаптации.

Проблема мотивации должна занимать одно из центральных мест в теоретической экономике, философии и психологии поскольку мотивация выступает непосредственной причиной человеческой деятельности, в том числе и познавательной. Ориентация человека на достижение личных или корпоративных целей по существу является главной организационно-экономической задачей. Вследствие изменения содержания всей системы современных экономических отношений в условиях ускоряющегося научно-технического прогресса в индустриально развитых странах, широкой автоматизации и информатизации производства, в результате повышения требований к образованию и социальных ожиданий людей значение мотивации еще более возросло. Что же представляет собой мотивация в целом и мотивация в познании, мышлении в частности? Как она влияет на поведение человека и его сознание?

Мотивация – это процесс побуждения человека к определенной деятельности с помощью внутриличностных и внешних факторов.

Известны различные способы мотивации, из которых назовем следующие:

Нормативная мотивация – побуждение человека к определенному поведению посредством идейно-психологического воздействия: убеждения, внушения, информирования, психологического заражения и т.п.;

Принудительная мотивация, основывающаяся на использовании власти и угрозе ухудшения удовлетворения потребностей работника в случае невыполнения им соответствующих требований;

Стимулирование – воздействие не непосредственно на личность, а на внешние обстоятельства с помощью благ–стимулов, побуждающих работника к определенному поведению.

Первые два способа мотивации являются прямыми, ибо предполагают непосредственное воздействие на человека, третий способ – стимулирование – косвенный, поскольку в его основе лежит воздействие внешних факторов – стимулов.

Центральное место в теории мотивации занимает понятие «мотив». *Мотив – это преимущественно осознанное внутреннее побуждение личности к определенному поведению, направленному на удовлетворение ею тех или иных потребностей.* Нередко мотив определяют и как первоначально не актуализиро-

ванную готовность человека к определенному поведению. Актуализация мотива означает превращение его в главный импульс психологической активности, детерминирующий поведение. Какие же стороны поведения человека раскрываются в понятии мотива?

Мотив характеризует прежде всего волевую сторону поведения, то есть он неразрывно связан с волей человека. Можно сказать, что мотив – это импульс и причина человеческой активности. Он представляет собой преимущественно осознанное побуждение. Несмотря на то, что многие мотивы зарождаются в подсознании, тем не менее они становятся движущей силой, детерминантой поведения, лишь будучи в большей или меньшей степени осознаны. Мотив порождается определенной потребностью, выступающей конечной причиной человеческих действий. Он – феномен психологии, субъективной реальности, то есть сознания и подсознания. Хотя мотив выражает готовность к действию, побуждает к нему, он может не перерасти в действие или поведение, в этом случае имеет место борьба мотивов, в которой побеждает и актуализируется наиболее сильный из них.

Мотивы к активизации человеческой деятельности формируются, если:

- в распоряжении общества или субъекта имеется необходимый набор благ, соответствующий социально обусловленным потребностям человека;
- для получения этих благ необходимы личные усилия работника;
- активизация конкретной (в нашем случае – познавательной) деятельности позволяет работнику получить эти блага с меньшими материальными и моральными издержками, чем любые другие виды деятельности.

Большое значение для формирования мотивации в познании имеет оценка вероятности, достижения целей, получения и использования знаний. Если получение искомого знания не требует особых усилий либо эти знания очень трудно получить, то есть требуются сверхусилия, то мотивация в познании либо слабая, либо не формируется вовсе. И в том и в другом случае субъект познания пассивен. При частом повторении таких ситуаций появляется так называемый феномен выученной беспомощности, исключающий познавательную активность. Формирующееся таким образом сознание также пассивно по своей форме.

Мотивация в познании формируется только в том случае, когда познавательная деятельность является если не единствен-

ным, то основным условием адаптирования личности к хозяйственному «универсуму».

Любая деятельность сопряжена с определенными издержками, имеет свою цену. Не исключением является и познавательная деятельность, которая опосредуется затратами физических и моральных сил. Высокая интенсивность или напряженность мыслительного процесса может отпугивать человека, если нет достаточных условий для восстановления его умственной и физической работоспособности. Плохая организация познавательного процесса (учета, НИОКР и т.д.), неблагоприятные санитарно-гигиенические условия в сфере «духовного производства», неразвитость социально-бытовой сферы в ряде случаев обуславливают такую стратегию человеческого поведения, при которой индивид предпочитает физический труд умственному, простой труд сложному, репродуктивность – творчеству, и при этом работать меньше, но и меньше получать, так как для него неприемлема высокая цена интенсивного познавательного, интеллектуального труда.

Гнозис как процесс добычи, отбора, систематизации и осмысления знаний безусловно является особым видом трудовой деятельности.

Однако возможна и иная ситуация, когда человек для поддержания определенного уровня собственного благосостояния готов оплатить здоровьем и даже жизнью получение новых знаний (Д. Бруно, Г. Галилей и т.д.).

Необходимо раскрыть и такое понятие, как сила мотива, которая определяется степенью актуальности той или иной потребности в знаниях для человека. Чем насущнее нужда в том или ином знании, чем сильнее стремление его получить, тем активнее действует личность, тем напряженнее, целеустремленнее и организованнее познание.

Особенностью мотивации в познании является его направленность как «на себя» так и «на других», обусловленная общественной значимостью знания как такового. Будучи продуктом интеллектуального труда, становясь в реальной хозяйственной практике товаром, оно (знание) в качестве потребительской стоимости удовлетворяет потребности не только самого индивида, но и потребности других людей.

Конкретные мотивы и интеллектуального труда как процесса познания разнообразны. Они дифференцируются по потребностям, которые человек стремится удовлетворить посредством своей интеллектуальной деятельности, по тем благам, которые

он ожидает получить для удовлетворения своих потребностей, по той цене, которую личность готова заплатить за получение новых знаний, новой информации. Общее у всех мотивов всегда только то, что удовлетворение человеческих потребностей, получение желаемых человеком благ обязательно связаны с интеллектуальной (познавательной) деятельностью. В этом смысле мы и используем понятие мотивации.

Можно выделить несколько групп мотивов в познании образующих в совокупности единую систему. Это мотивы содержательности самого знания, его общественной полезности, статусные мотивы, связанные с общественным признанием плодотворности познавательной (интеллектуальной) деятельности, мотивы получения благодаря открытиям каких-то нематериальных и материальных благ, а также мотивы, ориентированные на определенную интенсивность в познании.

Очевидно, что, чем больше число разнообразных потребностей реализует человек посредством познания как труда, чем разнообразнее становятся доступные ему блага, тем важнее роль познания, мышления в его жизни, тем выше его мыслительная активность. «Cogito ergo sum» – я мыслю, следовательно, я существую.

Мотивация познания в сфере экономики формируется уже в начале познавательного процесса, мыслительной деятельности каждой отдельной личности, в процессе социализации индивидуума путем усвоения им ценностей и норм морали и этики, через воспитание, «внешнее» на него воздействие, а также посредством личного участия в хозяйственной, экономической деятельности в рамках семьи, коллектива. В это время закладываются основы отношения к труду как ценности и формируется система ценностей самого труда, развиваются трудовые качества личности: трудолюбие, ответственность, дисциплинированность, инициативность и т.д., приобретаются первоначальные трудовые навыки. Познавательный процесс как форма интеллектуального труда в этом смысле не является исключением.

Мотивы при этом существуют в системном взаимодействии с другими явлениями, образуя сложный механизм мотивации. Он включает в себя интересы, потребности, притязания, стимулы, установки, оценки и т.д. (см. схему).

Исходным звеном, первым «полюсом» механизма (схема) является *потребность, выражающая нужду, необходимость для человека определенных благ* (в нашем случае – знаний). Потреб-

Механизм мотивации

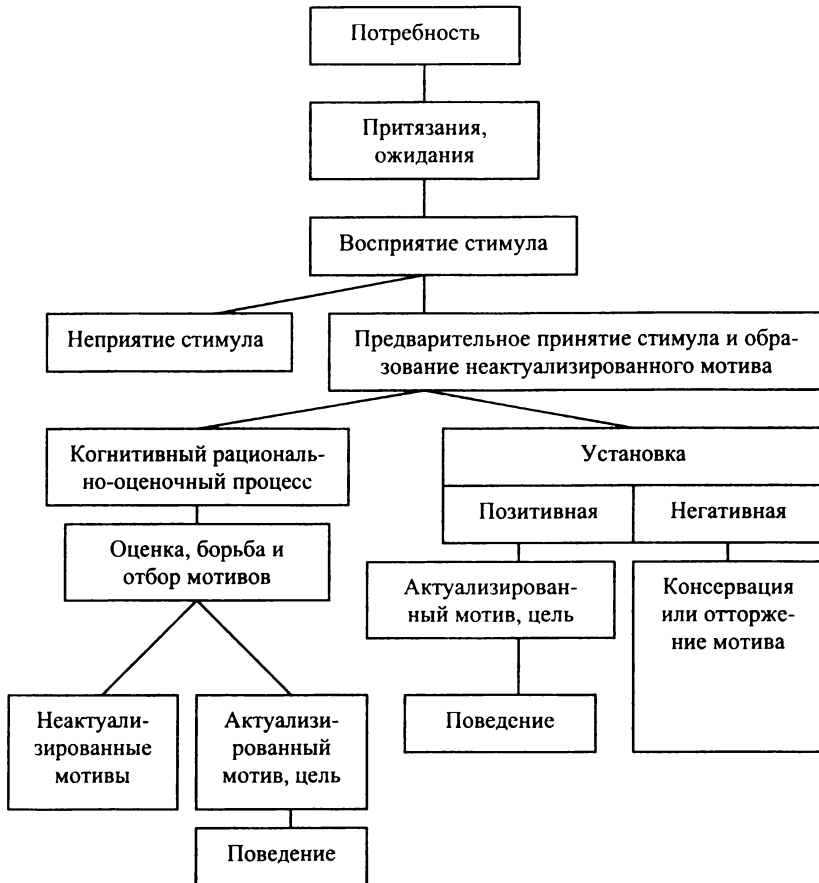

Рис. 3.

Несмотря на близость и соотносимость понятий мотива и стимула, представляется необходимость различать их, хотя в литературе они нередко употребляются как тождественные. Мотив характеризует стремление работника получить определенные блага, стимул – сами эти блага. Стимул может и не перерасти в мотив в том случае, если он требует от человека *невозможных или неприемлемых действий*.

Стимул непосредственно ориентирован на потребность, ее удовлетворение, мотив же является главным соединительным

звеном, «искрой», которая при определенных условиях «проскакивает» между потребностью и стимулом. Для возникновения этой «искры» стимул должен быть более или менее осознан и принят человеком.

Между потребностью и стимулом как двумя крайними «полюсами» механизма мотивации находится целый ряд *опосредующих звеньев, характеризующий процесс восприятия (в том числе оценки) стимула и образования неактуализированного (обычно латентного, скрытого или еще не полностью осознанного) мотива*. На этом этапе цикла превращения стимула в детерминирующий деятельность мотив стимул может быть предвременно принят, а может быть и отторгнут субъектом.

В случае предварительного принятия стимула дальнейший путь волевого импульса (неактуализированного мотива) как бы раздваивается. Его быстрая актуализация и кратчайший путь к действиям обеспечивается при наличии соответствующей установки. *Она характеризует готовность, предрасположенность человека к определенному поведению (активности) в конкретной ситуации и как бы связывает притяжения и ожидания с прошлым опытом действий в аналогичных условиях*. Установка может быть позитивной или негативной в зависимости от того, как влиял прошлый опыт действий на реализацию потребности.

Установка обеспечивает стереотипное восприятие стимула с точки зрения удовлетворения потребности и тем самым сокращает путь от потребности к деятельности. Однако она еще не есть мотив. Ее функция в механизме мотивации заключается в превращении идущего от потребности волевого импульса в актуализированный мотив при наличии позитивной установки, либо в консервации, ослаблении или отторжении мотива в случае негативной установки. Установка заключает в себе в концентрированном виде эмоциональный, когнитивный (познавательный, смыслообразующий) и поведенческий (готовность к действию) компоненты, которые могут быть выражены в разной степени и часто едва уловимы. Так, простейшие установки предполагают автоматизм действия, однако это не отменяет того факта, что при формировании установки присутствуют все ее указанные компоненты.

Воспринимая импульсы, идущие от потребности, и соотнося их со стимулами среды, позитивная установка превращает их в актуализированные мотивы и перерастает в реальное поведение, влекущее удовлетворение потребности. Тем самым несколько

укороченный посредством включения уже сформировавшейся установки цикл действия механизма мотивации завершается.

Второй, более длительный цикл механизма мотивации имеет место тогда, когда человек сталкивается с новой ситуацией, относительно которой у него отсутствуют установки, связывающие потребности, стимулы и пути их достижения. В этом случае в механизм мотивации включается такое достаточно сложное звено, как *когнитивный, рационально-оценочный процесс*. Он представляет собой анализ содержащейся в стимуле информации, соотнесение ее с ценностями личности, ситуацией, возможностями и издержками, которые могут появиться в процессе достижения стимула, значимостью других мотивов (если они существуют). На этой стадии происходит борьба мотивов и выносится вердикт об актуализации мотива, его консервации или отторжении. (Аналогичные функции при более коротком варианте функционирования механизма мотивации выполняет установка). Актуализированный мотив служит движущей силой, непосредственно причиной деятельности, поведения, он, собственно, и завершает общий цикл механизма мотивации.

Использование общего механизма мотивации способствует большей компетентности в деятельности личности, стимулирует активизацию сознания, устраняет причины низкой эффективности стимулов. Вместе с тем механизм мотивации, характеризует лишь общие звенья мотивационного процесса, еще не дает содержательных представлений о формировании, силе и длительности действия, структуре и субординации, направленности и особенностях взаимодействия различных мотивов в деятельности человека. Анализ этих аспектов процессов побуждения человека к активности содержится в теориях трудовой мотивации. Труд как универсальная форма экономической деятельности включает в себя не только труд в узком конкретном смысле слова, но и мыслительную деятельность, «труд ума», познание как целенаправленную, целесообразную и общественно значимую деятельность в целом.

Как правило, попытки объяснить поведение человека, исходя из опыта, знаний, способностей, оставляют без ответа вопрос о том, почему человек берется за определенную задачу и занимается ею в течение более или менее длительного периода времени, а без ответа на этот вопрос неясно, как «включается» человеческое сознание. Многие интерпретаторы человеческого поведения – как ученые, так и непрофессионалы – в своих попытках найти движущую силу поведения вновь и вновь обращаются к

вопросу, какие цели и какие внутренние мотивы заставляют совершать именно эти, а не какие-либо другие поступки. Совершенно ясно, что речь идет о такой проблеме, как мотивация. Именно эта область остается еще не до конца изученной в науке. В целом под мотивацией понимается процесс побуждения себя и других к деятельности для достижения определенных целей.

Мотивация не является феноменом, который можно непосредственно увидеть, это, скорее, некая «конструкция». Иными словами, мотивацию нельзя непосредственно наблюдать или определить эмпирическим путем. Выводы о ней могут быть сделаны только на основании поведения или высказываний конкретных индивидуумов.

В настоящее время существует ряд теорий мотивации, применение которых возможно для регулирования производственного поведения работника. Именно данные теории одна за другой последовательно вошли в арсенал менеджеров на протяжении XX века.

Мотивационные теории подразделяются на теории содержания и теории процесса. Теории содержания пытаются дать ответ на вопрос, какие конкретные потребности и каким образом оказывают мотивационное воздействие. Теории процесса мотивации объясняют, каким образом с формальной точки зрения возникает мотивированное поведение без ссылки на конкретные стимулы и их специфическое действие.

В 1919 г. возникла первая теория, называемая «научным менеджментом», основанная на идеях американского инженера Ф. Тейлора. Эта школа создала мотивацию по принципу «кнута и пряника». Согласно ей, эффективность труда человека может быть максимизирована сведением производственного задания к простейшим операциям, не требующим сложных трудовых навыков. Теорию Тейлора иногда называют «экономическим подходом», так как в ее основе лежит концепция «экономического человека», суть которой в следующем: «В основе мотивации лежат экономические стимулы... высокая заработная плата... является основой наилучшего управления». Тейлор рассматривает рабочего как крайнего индивидуалиста и считает, что влияние коллектива носит деструктивный характер. Тейлору удавалось заставить повышать выработку даже старых и ленивых рабочих при помощи поштучной сдельной прогрессивно-премиальной системы оплаты труда. Хронометрирование рабочих операций с целью экономии движений и упрощения трудовых функций, подробное описание каждой операции, тщательный инструктаж, почасовая

На Западе существует множество теорий мотивации труда. К примеру, теория Д. Мак-Клеланда делает упор на потребности высшего уровня: власть, успех, причастность. У разных людей может доминировать та или другая из них. Люди проявляют себя как откровенные и энергичные индивидуумы, стремящиеся отстаивать свою точку зрения, не боящиеся конфликтов и конфронтации. При определенных условиях из них вырастают руководители высокого уровня.

Люди, у которых преобладает потребность в успехе не склонны к риску, способны брать ответственность на себя. Таким людям организация должна предоставлять большую степень самостоятельности и возможность самим доводить дело до конца.

Мотивация на основании потребности в причастности характерна для людей, заинтересованных в развитии личных связей, налаживании дружеских отношений, оказании помощи друг другу. Таких сотрудников следует привлекать к работе, которая даст им возможность широкого общения.

Непосредственным вкладом в развитие мотивационной сферы трудовой деятельности явился подход профессора Мичиганского университета Д. Мак-Грегора, изложенный в работе «Человеческая сторона предприятия». Мак-Грегор выявил и сформулировал два подхода к пониманию природы человека, существующие в практике управления.

Согласно теории «Х», типичный работник по своей природе ленив, готов работать только в крайнем случае. Поэтому он нуждается в принуждении, контроле, руководстве и угрозе наказания. Сам работник стремится избежать ответственности и предпочитает, чтобы им руководили. Центральный принцип «теории Х» состоит в руководстве и контроле посредством прямого применения власти. Согласно этой теории, для достижения целей предприятия надо принуждать работников трудиться под угрозой санкций, не забывая при этом и о вознаграждении. Строгое руководство и контроль являются главными методами управления. В поведении работников доминирует стремление к безопасности. На этих постулатах о человеке как плохом, недобросовестном и безынициативном работнике следует согласно данной теории строить управление организации.

Управленец, исповедующий «теорию У», напротив, активизирует работников своим доверием к ним, консультациями с персоналом и вовлечением исполнителей в принятие управленческих решений. От «игрек-менеджера» требуется владение навы-

ками общения и знания психологии для того, чтобы «полутерапевтическими методами» повышать чувствительность работников к одобрению или, наоборот, непризнанию со стороны товарищей по работе и руководителей. Эти теории не обязательно должны быть альтернативными, исключаящими друг друга. Подход Мак-Грегора заключался в необходимости использования для мотивации работников нужной комбинации из элементов «теории Х» (например, страх, принуждение, обращение к стыду, установление авторитетных взаимоотношений и т.д.) и элементов «теории У» (удовольствие, удовлетворение от работы, передача ответственности и т.д.). Сам Мак-Грегор считал, что поведение человека зависит не только от его врожденной природы, но и во многом определяется природой промышленной организации, философией, стратегией и тактикой руководства.

Особенно быстро это движение росло в 50–60-е гг., когда менеджеры пытались заигрывать с такой разнородной и своеобразной рабочей силой, как уволенные в запас солдаты с боевым опытом, представители расовых меньшинств и женщины.

Наряду с основными теориями можно выделить и современную теорию «Z» Оучи. Главная отличительная черта теории «Z» – обоснование коллективистских принципов мотивации. Согласно этой теории, мотивация работников должна исходить из ценностей «производственного клана», то есть предприятия как одной большой семьи, одного рода. Эти ценности требуют развития у сотрудников – с помощью соответствующей организации и стимулирования – отношений доверия, солидарности, преданности коллективу и общим целям, удовлетворенности трудом и пребыванием на предприятии (в корпорации).

Главным мотиватором поведения работников выступает построенная по клановому принципу корпорация. Признаками такого рода корпорации являются: пожизненный наем, создающие твердые гарантии занятости и сопричастности к общей судьбе организации; медленное продвижение по службе; универсальный характер квалификации; широкие коммуникации; коллективный, основывающийся на согласованиях метод принятия решений и групповая ответственность; широкая свобода действий и нечетко выраженный механизм контроля; постоянная забота о социальных и экономических потребностях работников; регулярное присутствие руководства на производстве; доверительное, товарищеское общение руководителей с подчиненными; гласность; эгалитаризм; сглаженность ранговых различий; систематическое

культивирование здоровой социальной обстановки, корпоративных ценностей и преданности организации.

Таким образом, теория «Z» уделяет главное внимание коллективной мотивации и раскрепощению инициативы работника. Некоторые авторы утверждают, что эта теория заимствует опыт мотивации первоначально американской, а затем транснациональной корпорации «IBM». Однако при всей близости теории «Z» принципам мотивации «IBM», ее отличают: несравненно больший акцент на коллективном побуждении к труду, отказ от принципов индивидуализма. Использование патриархальных традиций и ценностей, относительная самостоятельность и оригинальность теории «Z» никак не отрицают значимости опыта «IBM» для теории и практики мотивации.

«Ситуативный менеджмент», во многом основанный на идеях Б.Ф. Скиннера, стал использовать и материальные стимулы, и социальные побудительные факторы, совместив элементы двух предшествующих стратегий. Вознаграждения при этом тщательно увязывались с достижением конкретных целей в труде, а главной заботой менеджера стали оценка результатов деятельности работника и «дозирование» моральных и материальных стимулов. Многие управленцы в 70–80-е гг. нашли эти методы полезными для достижения кратковременных подъемов производительности труда, что позволяло им заявить о себе прежде, чем кривая продуктивности с неизбежностью начинала снижаться вновь. Как и все системы побуждения к труду, эта также приводит к насыщению определенным стимулом или привыканию к стимулированию вообще. Работники при этом не имеют внутренней мотивации на интенсивный и качественный труд. Упрощая, можно сказать, что в данном случае труд – есть функция боязни не получить стимул со стороны работодателя или коллег, например: бонус, гарантию занятости или общественное признание.

Широкий резонанс среди ученых вызвала двухфакторная теория Фредерика Герцберга, называемая «мотивационно-гигиенической». Цель теории – выяснение оснований для удовлетворенности или неудовлетворенности работой, а также причин повышения и снижения производительности труда.

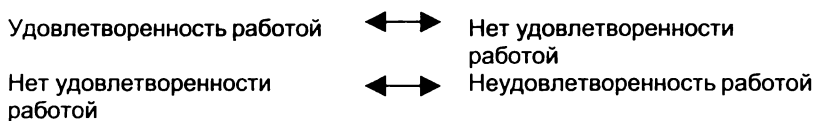
Ф. Герцбергом было проведено исследование, в результате которого он сделал вывод о том, что на производительность труда влияют гигиенические факторы и факторы-мотиваторы. Данные исследования показали, что только собственные достижения работника при выполнении мобилизующей способности и навыки

работы повышают субъективную удовлетворенность трудом. Внешние же побуждения лишь уменьшают неудовлетворенность.

Исследования Ф. Герцберга были основаны на данных интервью, взятого на различных рабочих местах, в различных профессиональных группах и в разных странах. На основе тщательного анализа событий, описанных респондентами в ситуациях, когда они были счастливы на работе и когда были ею не удовлетворены, исследователи вышли на описание и систематизацию факторов, определяющих установки рабочих по отношению к труду. Ф. Герцберг обнаружил, что чувство сильного удовлетворения порождала сама работа (содержание), а чувство сильной неудовлетворенности – окружение работы (контекст).

Теоретические положения:

1. Удовлетворенность и неудовлетворенность работой представляют собой два независимых друг от друга измерения, которые можно изобразить на двух разных циклах:

2. Имеется целый ряд «факторов» (условия/стимулы организации), влияющих на поле «удовлетворенность работой – нет удовлетворенности работой» (мотиваторы), и ряд других факторов, влияющих на поле «нет удовлетворенности работой – неудовлетворенность работой» (гигиенические факторы).

Таблица 1

Гигиенические факторы (контекст)	Факторы-мотиваторы (содержание)
<ul style="list-style-type: none"> – Политика фирмы и отношения с администрацией; – Условия работы (техника безопасности, эргономика); – Заработок, гарантия работы, личная и семейная жизнь; – Межличностные отношения с начальником, коллегами и подчиненными; – Степень непосредственного контроля за работой; – Положение (статус). 	<ul style="list-style-type: none"> – Успех (признание); – Высокая степень ответственности; – Возможности творческого и профессионального роста; – Содержание работы; – Признание и одобрение результатов работы; – Продвижение по службе; – Интересное содержание работы.

3. Только удовлетворительная степень наличия мотиваторов (но не гигиенических факторов) ведет к удовлетворенности работой. Хорошо спланированные гигиенические факторы ведут лишь к состоянию «нет удовлетворенности работой», но отнюдь не к удовлетворенности работой, поскольку удовлетворительные гигиенические факторы рассматриваются как нечто само собой разумеющееся. Неудовлетворительные же гигиенические факторы ведут к сильной неудовлетворенности работой.

4. Хорошо сформированные мотиваторы могут стимулировать готовность к работе, а хорошо сформированные гигиенические факторы – как минимум предотвратить спад в работе.

Ценность теории с точки зрения экономики состоит:

- в высокой степени операционализации факторов и, следовательно, возможности планирования мероприятий в зависимости от конкретной ситуации (например, при наличии неудовлетворенности работой), однако из-за отсутствия эмпирического подтверждения имеется риск, что применяемые стимулы не окажут ожидаемого воздействия;
- в способности быть реализованной практиками в их конкретной работе на фирме;
- в том, что обращается внимание на прежде не учитывавшиеся аспекты труда (например, на содержание работы, признание, значимость проделанной работы), что позволяет значительно расширить компоненты социальной эффективности.

Данная теория эффективно использовалась в ряде организаций, но в ее адрес раздавались критические замечания, связанные с методами исследования. Суть критики в том, что один и тот же фактор может вызывать удовлетворение работой у одного человека и неудовлетворение у другого, и наоборот. Кроме того, порой сложно дифференцировать факторы на гигиенические и мотивирующие.

Модель Ф. Герцберга отличается от многих мотивационных теорий тем, что она отрицает простую альтернативность в воздействии различных мотивационных факторов на удовлетворенность трудом. Например, теория человеческих отношений (Э. Мейо) однозначно (по горизонтали) определяет их взаимосвязи.

Влияние мотивационных факторов на удовлетворенность трудом

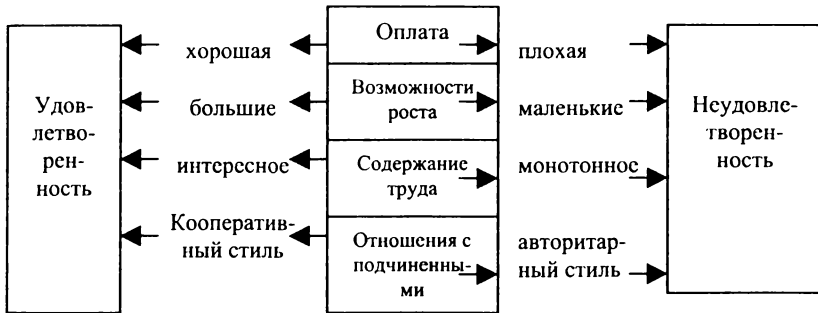

Рис.4.

В отличие от теории человеческих отношений, мотивационная теория Герцберга при выяснении удовлетворенности трудом использует два различных измерения по горизонтали – факторы гигиены и по вертикали – мотиваторы (см. схему).

Главный практический вывод из теории Ф. Герцберга заключается в том, что руководители должны дифференцированно и весьма осторожно подходить к использованию различных стимулов, и когда потребности низшего уровня достаточно удовлетворены, не делать ставку на гигиенические факторы как на основные. И напротив, им не следует тратить время и средства на использование мотиваторов, пока не удовлетворены гигиенические потребности сотрудников.

Теория двух факторов Ф. Герцберга получила широкое распространение, хотя большинство исследований, проведенных для ее более глубокой проверки, не смогли однозначно подтвердить ее выводы. Рекомендации этой теории используют на практике многие компании. Так, с ее помощью ряд американских компаний (Procter & Gamble, IBM, U.S. Air Force, American Airlines) заметно повысили мотивацию служащих. В частности, они использовали выводы Ф. Герцберга о мотиваторах при разработке и реализации программ по обогащению труда, повышению его привлекательности. Например, на одном из заводов уборщикам помещений разрешили самостоятельно решать все проблемы по ведению хозяйства и поддержанию помещений в чистоте. Они сами стали распределять между собой обязанности, общаться с торговыми посредниками и заказывать необходимый инвентарь,

мотивы и в какой зависимости от степени удовлетворения потребностей являются действенными.

Теоретические положения:

1. Классификация мотивов с их иерархической структурой (описательная модель). Модель включает в себя пять классов мотивов (ступеней) – так называемая «пирамида мотивов». Потребности первой ступени А. Маслоу считает врожденными, потребности остальных уровней – приобретенными.

5-я ступень	Потребность в самовыражении: раскрытие собственных возможностей
4-я ступень	Потребность в признании: престиж, власть
3-я ступень	Потребность в поддержании контактов: принятие группой, любовь, дружба
2-я ступень	Потребность в надежности существования гарантированный источник доходов, постоянное рабочее место, обеспечение в старости
1-я ступень	Физиологические потребности: еда, сон, секс, безопасность

2. Гипотеза мотивационной динамики: мотивы более высокой мотивационной ступени инициируют действия тогда и только тогда, когда удовлетворены потребности более низкой ступени. Если расположенные ниже ранее удовлетворенные потребности в измененной ситуации больше не удовлетворяются, они опять начинают влиять на поведение, поскольку мотивирующая сила все время исходит от самой нижней неудовлетворенной потребности. Эта нижняя ступень неудовлетворенных потребностей может быть использована для проведения внутрифирменной политики стимулов. Если организация предлагает или планирует предложить стимулы этой ступени, то она может рассчитывать на мотивированное отношение сотрудников к работе.

Из иерархического характера мотивационного воздействия потребностей для руководителя вытекают вполне конкретные практические выводы. В первую очередь он должен стремиться к удовлетворению потребностей низших уровней. Например, в хорошей оплате, безопасности труда и стабильности рабочего места. Лишь после того, как эти потребности удовлетворены, можно использовать более высокие стимулы, скажем, выражение социального признания, присвоение почетных званий, предоставление автономии и т.п. Без учета такой зависимости руководитель не добьется успеха.

Важную практическую значимость имеют выводы А. Маслоу о динамике потребностей, о способе актуализации потребностей, согласно которому по мере удовлетворения более низких потребностей происходит актуализация все более высоких устремлений. На практике это означает, что если сотрудник в настоящее время больше всего озабочен, например, проблемами сохранения работы, то после обретения уверенности в стабильности рабочего места можно рассчитывать на актуализацию у него социальных, а затем и других, более высоких потребностей.

В руководстве персоналом важно также учитывать *достаточность* удовлетворения потребностей. Человек редко испытывает чувство полного удовлетворения своих потребностей, например, едва ли можно найти среди работающих такого, который считает, что ему больше не нужны деньги, безопасность, друзья и т.п. Однако при восприятии этих ценностей как достаточно удовлетворяющих работника у него актуализируются более высокие потребности.

Теория иерархии потребностей А. Маслоу сегодня используется на многих предприятиях. Она указывает отправные пункты для практических действий по организации и стимулированию работников в соответствии с доминирующим уровнем их потребностей. Конечно, эта теория, как и любая другая теоретическая модель, не лишена недостатков. Соотношение потребностей зависит от структуры личности, особенностей ее воспитания и многих других факторов. Существует, например, немало людей (бедные художники, актеры и т.п.), у которых потребность в самореализации доминирует, несмотря на слабую удовлетворенность физиологических потребностей и потребности в безопасности. Кроме того, у большинства людей в той или иной степени могут быть одновременно выражены несколько групп потребностей, определить же ведущую из них достаточно сложно.

Теория иерархии потребностей А. Маслоу получила широкое распространение не только в Америке и Европе, но и в Японии, где она легла в основу мотивации экономической политики, реализующейся в масштабах всей страны. В последнее десятилетие в связи с бурным экономическим ростом, быстрым повышением благосостояния, в частности, насыщением семей работников предметами длительного пользования в Японии были в основном удовлетворены физиологические потребности среднего работника. Принцип пожизненного найма в сочетании с вниманием к социальным нуждам сотрудников хорошо обеспечивает удовлетворение потребностей в безопасности. Традиционная для

Японии система коллективной организации труда и управления прямо ориентирована на удовлетворение социальных потребностей, то есть потребностей в групповой принадлежности, дружбе, товарищеском общении и т.п. Вследствие этого «мотивационная стратегия японских предприятий в растущей мере ориентируется на следующие, высшие уровни пирамиды потребностей, а именно, потребности уважения и самореализации».

Ряд авторов, признавая определенную ценность теории Маслоу и используя ее идеи, в то же время указывают на ее упрощенность и в свою очередь предлагают собственные теоретические модели мотивации. Одной из таких моделей является теория потребностей существования, отношений, роста (или ERG – Existence, Relatedness, Growth) американского ученого К. Альдерфера. Он предпринял попытку уточнить и творчески развить теорию иерархии потребностей А. Маслоу. Отмечая недостаточную, на его взгляд, четкость различения некоторых групп потребностей в теории Маслоу, он выделил не пять, а три класса (группы) потребностей:

1. *Потребности существования (E)*, к которым он отнес основополагающие физиологические потребности, а также потребности в безопасности.

2. *Социальные потребности (R)*, включая потребности общения, групповой принадлежности и уважения со стороны других (по классификации Маслоу, это социальные потребности и потребности уважения).

3. *Потребности личностного роста*, то есть потребности в самореализации, в том числе участия в управлении.

В отличие от А. Маслоу, допускающего мотивирующее воздействие потребностей лишь при движении снизу вверх, то есть при переходе от низшей потребности к высшей, К. Альдерфер утверждает, что такое воздействие может идти в обоих направлениях.

К. Альдерфер попытался установить связь между удовлетворением потребностей и их активизацией и в результате выделил *семь зависимостей (принципов)* такого рода (см. схему):

1. Чем менее удовлетворены потребности существования (E), тем сильнее они проявляются.

2. Чем слабее удовлетворены социальные (R) потребности, тем сильнее действие потребностей существования (E).

3. Чем полнее удовлетворены потребности существования (E), тем активнее заявляют о себе социальные потребности (R).

4. Чем менее удовлетворены социальные потребности (R), тем более усиливается их действие.

5. Чем менее удовлетворены потребности личностного роста, самореализации (G), тем сильнее становятся социальные потребности (R).

6. Чем полнее удовлетворены социальные потребности (R), тем сильнее актуализируются потребности личностного роста (G).

7. Чем больше или меньше удовлетворены потребности личностного роста (G), тем активнее они проявляют себя.

Зависимость между потребностями

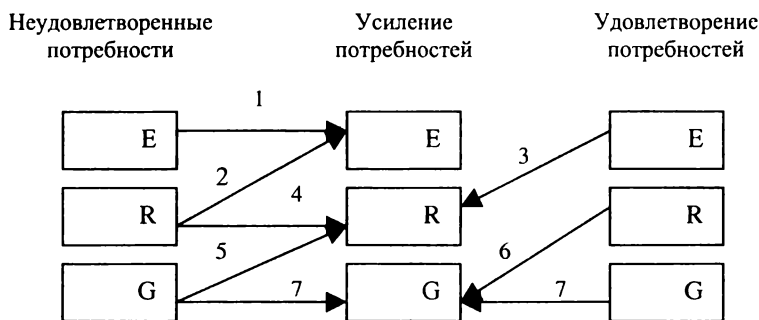

Рис.6.

Соотношение предложенных К. Альдерфером принципов показывает, что ученый выявил более сложную и гибкую, чем А. Маслоу, зависимость между потребностями. Он пытался проверить свою теорию эмпирическими исследованиями, правда, их объем пока недостаточен для полного подтверждения его идей.

Теория «ожидания – валентность», предложенная В. Врумом и Л. Портером, нацелена на выяснение устойчивости мотивированного отношения к работе.

Теоретические положения:

1. Под «валентностью» подразумевают отношение (положительное или отрицательное) к тем результатам, которые принесут человеку те или иные его возможные действия. С возрастающей привлекательностью результата увеличивается и его валентность. Степень, в которой человек ожидает, что ему удастся достичь желаемого результата (поставленной цели), представляет собой показатель математической вероятности успеха.

2. Существует определенная функциональная взаимосвязь между силой мотивации, с одной стороны, и валентностью и ве-

ность успеха прямо связана с вероятностью успеха по формуле $P_y = 1 - V_y$. Это означает, что чем выше вероятность успеха, тем ниже его привлекательность. Например, если сотрудник уверен, что его отдел выполнит задание независимо от его собственных усилий, и он вместе со всеми получит вознаграждение, то привлекательность выполнения задания будет для него минимальной.

Выражающее силу мотивации стремление к успеху – S_y можно изобразить следующей формулой: $S_y = M_y \cdot V_y \cdot P_y$.

Согласно данной формуле, стремление к успеху будет максимальным при вероятности успеха 0,5, так как произведение $V_y \cdot P_y$ в данном случае максимальное. Конечно, определяя стремление к успеху, необходимо учитывать и мотив успеха, который у разных сотрудников выражен неодинаково.

Любая конкретная ситуация активизирует мотив успеха и одновременно мотив, побуждающий избегать неудачи, – M_n . При этом сумма вероятности ожидания успеха – V_y и вероятности неудачи – V_n равна 1. (Поскольку, если, например, имеет место полный успех, то есть он равен 1, то вероятность неудачи равна нулю.) Соответственно вероятность неудачи выражается формулой: $V_n = 1 - V_y$.

Согласно теории Д. Аткинсона, лица, в большей мере ориентированные на успех ($M_y > M_n$), предпочитают задания средней сложности, так как в этом случае ниже степень риска, хотя и меньше привлекательность успеха. В то же время работники, которые приемлют неудачу в случае высокой привлекательности возможного достижения цели, предпочитают экстремальные задачи по принципу «пан или пропал». Подобные работники относятся к так называемому «рисковому» типу личности.

Теория трудовой мотивации Д. Аткинсона имеет важное значение для понимания и учета в практике руководства персоналом факторов стремления к успеху. В частности, при распределении заданий, она требует учета менеджером особенностей личности, ее высокой награды в случае удачи. Первой группе работников целесообразно поручить те задания, которые обязательно надо выполнить в отведенные сроки. Вторую же группу сотрудников лучше использовать при необходимости поиска нетипичных, нетрадиционных решений, при решении инновационных задач, выдвижении «сумасшедших» идей.

Все приведенные выше мотивационные теории освещают наиболее важные аспекты отношения человека к работе, однако ни одна из них не в состоянии дать убедительного объяснения

наличию или отсутствию мотивации, которое было бы верно на все без исключения случаи жизни. Современные мотивационные теории только в самом общем виде указывают, в каком направлении осуществлять мотивационную политику, но не дают однозначных рецептов для конкретных действий.

Особой темой для размышлений является сущность мотивации труда в современных экономических условиях.

Вся деятельность человека обусловлена реально существующими потребностями. Люди стремятся чего-то достичь либо чего-то избежать. В узком смысле слова «мотивационная деятельность» – это свободные, обусловленные внутренними побуждениями действия человека, направленные на достижение целей, реализацию интересов. В мотивированной деятельности работник сам определяет меру действий в зависимости от внутренних побуждений и условий внешней среды.

Мотивация труда – это стремление работника удовлетворить потребности (получить определенные блага) посредством трудовой деятельности. В структуру мотива труда входят: потребность, которую хочет удовлетворить работник; благо, способное удовлетворить эту потребность; трудовое действие, необходимое для получения блага; цена – издержки материального и морального характера, связанные с осуществлением трудового действия.

Мотивы труда формируются, если:

- в распоряжении общества (или субъекта управления) имеется необходимый набор благ, соответствующий социально обусловленным потребностям человека;
- для получения этих благ необходимы личные трудовые усилия работника;
- трудовая деятельность позволяет работнику получить эти блага с меньшими материальными и моральными издержками, чем любые другие виды деятельности.

Большое значение для формирования мотива труда имеет оценка вероятности, достижения целей. Если получение искомого блага не требует особых усилий либо это благо очень трудно получить, то есть требуются сверхусилия, то мотив труда чаще всего не формируется. И в том и в другом случае работник пассивен. При частом повторении таких ситуаций появляется так называемый феномен выученной беспомощности, исключающий трудовую активность.

Мотив труда формируется только в том случае, когда трудовая деятельность является если не единственным, то основ-

ным условием получения блага. Если же критерием в распределительных отношениях служат статусные различия (должность, квалификационные разряды, степени, звания и т.п.), стаж работы, принадлежность к определенной социальной группе (ветеран, инвалид, участник войны, мать-одиночка и т.п.), то формируются мотивы служебного продвижения, получения разряда, степени или звания, закрепления за рабочим местом и т.д., которые не обязательно предполагают трудовую активность работника, так как могут достигаться при помощи других видов деятельности.

Любая деятельность сопряжена с определенными издержками, имеет свою цену. Так, трудовая деятельность определяется затратами физических и моральных сил. Высокая интенсивность труда может отпугивать работников, если нет достаточных условий для восстановления работоспособности. Плохая организация труда, неблагоприятные санитарно-гигиенические условия на производстве, неразвитость социально-бытовой сферы в ряде случаев обуславливают такую стратегию трудового поведения, при которой работник предпочитает работать меньше, но и меньше получать, так как для него неприемлема цена интенсивного труда.

Однако возможна и иная ситуация, когда работник для поддержания определенного уровня благосостояния готов оплатить здоровьем получение дополнительных благ: надбавок и льгот, связанных с условиями труда, повышенной оплатой за сверхурочные работы и т.п., тем более, что общество, устанавливая такие льготы, это санкционирует. Люди, сознательно оценивая возможные варианты поведения, стараются выбрать наиболее краткий путь к желаемому результату.

Необходимо раскрыть и такое понятие, как сила мотива, которая определяется степенью актуальности той или иной потребности для работника. Чем насущнее нужда в том или ином благе, чем сильнее стремление его получить, тем активнее действует работник.

Особенностью мотивов труда является их направленность «на себя» и «на других», обусловленная товарным производством. Продукт труда, став товаром, в качестве потребительской стоимости удовлетворяет потребности не самого работника, а других людей, потребности же работника товар удовлетворяет через свою стоимость.

Рыночная экономика через механизм конкуренции призвана гармонизировать мотивы «для себя» и «для других». Плановая экономика в условиях командно-административной системы при-

водила к рассогласованию этих мотивов, так как в ней работник отдавал обществу существенно больше, чем получал за свой труд. Реакцией на это явилось снижение качества труда, ухудшение потребительских свойств производимой продукции.

Чем глубже разрыв между тем, что работник отдает обществу, и тем, что он получает взамен, тем меньше для него значат такие мотивы труда, как долг перед людьми, обществом в целом, стремление приносить своим делом пользу людям. Одновременно в его сознании гипертрофируются мотивы материального вознаграждения за труд. Эти процессы развиваются наиболее сильно, когда уровень оплаты работника оказывается существенно ниже стоимости необходимого продукта.

Мотивы труда разнообразны. Они различаются по потребностям, которые человек стремится удовлетворить посредством трудовой деятельности, по тем благам, которые требуются человеку для удовлетворения своих потребностей, по той цене, которую работник готов заплатить за получение искомых благ. Общее у них всегда только то, что удовлетворение потребностей, получение желаемых благ обязательно связаны с трудовой деятельностью.

Можно выделить несколько групп мотивов труда, образующих в совокупности единую систему. Это мотивы содержательности труда, его общественной полезности, статусные мотивы, связанные с общественным признанием плодотворности трудовой деятельности, мотивы получения материальных благ и мотивы, ориентированные на определенную интенсивность работы.

Очевидно, что чем больше число разнообразных потребностей реализует человек посредством труда, чем разнообразнее доступные ему блага, а также, чем меньшую цену по сравнению с другими видами деятельности ему приходится платить, тем важнее роль труда в его жизни, тем выше его трудовая активность.

Мотивация труда формируется до начала профессиональной трудовой деятельности – в процессе социализации индивидуума путем усвоения им ценностей и норм трудовой морали и этики, а также посредством личного участия в трудовой деятельности в рамках семьи и школы. В это время закладываются основы отношения к труду как ценности и формируется система ценностей самого труда, развиваются трудовые качества личности: трудолюбие, ответственность, дисциплинированность, инициативность, приобретаются первоначальные трудовые навыки.

Для формирования трудовой мотивации наибольшую значимость имеет характер трудовых норм и ценностей. Именно они

придают смысл всей дальнейшей трудовой деятельности, определяя образ жизни. В профессиональную трудовую деятельность человек вступает с уже сформированным ценностным сознанием. Он знает, какие интересы хотел бы реализовать посредством труда. Реальная производственная среда заставляет его трансформировать свои ценностные ориентации, «приземлить» их. Так формируется второй – практический пласт трудового сознания, обусловленный, с одной стороны, ценностными ориентациями личности, с другой – конкретными обстоятельствами профессиональной трудовой жизни. Практические требования к работе обуславливают конкретную мотивацию, которая в отличие от ценностного сознания, определяющего смысл и перспективные цели трудовой деятельности, предопределяет в основном выбор путей и способов их реализации.

Мотивация труда – важнейший фактор результативности работы, и в этом качестве она составляет основу трудового потенциала работника, то есть всей совокупности свойств, влияющих на производственную деятельность. Трудовой потенциал состоит из психофизиологического потенциала (способности и склонности человека, состояния его здоровья, работоспособности, выносливости, типа нервной системы) и личностного (мотивационного) потенциала. В этом единстве способностей и возможностей личности мотивационный потенциал играет роль пускового механизма, определяющего, какие способности и в какой степени работник будет развивать и использовать в процессе трудовой деятельности.

Очевидно, что связь мотивации и результатов труда опосредована природными способностями и приобретенными навыками труда, но именно мотивация является источником трудовой деятельности личности.

Существовавшая в СССР система стимулирования трудовой активности в значительной мере оказалась малоэффективной и стала одной из причин снижения эффективности и производительности труда. Несмотря на богатейшие природные ресурсы и огромные капиталовложения в основные фонды, экономика страны сегодня оказалась в тяжелом состоянии. Сверхвложения в индустриализацию советского народного хозяйства осуществлялись за счет минимизации оплаты труда. В результате основная масса работников государственного сектора промышленности не удовлетворяла свои потребности в необходимом объеме, а часть их осуществляла это за счет нетрудовых доходов. Формировалось «негативное» экономическое сознание: «чтоб тебе

жить на одну зарплату», «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Девальвация труда как ценности в экономическом сознании продолжается и до сих пор.

Так называемый дешевый труд на самом деле дорого обходится обществу. Он малопроизводителен, воспроизводит неразвитого работника, невосприимчивого к возможности зарабатывать больше путем увеличения производительности труда, убивает инициативу и тем самым препятствует научно-техническому прогрессу, консервирует низкий уровень организации и условий труда. Такое положение ведет к чрезмерному износу здоровья и понижению работоспособности человека.

В последнее время стала меняться общественная атмосфера, в которой активизацию работников все больше связывают с материальной и имущественной заинтересованностью. И в этом не было бы ничего плохого, если бы размер доходов зависел от эффективности труда. Однако в условиях самостоятельности предприятий в определении цены на свою продукцию большинство из них повышают цены без существенного улучшения потребительских свойств товаров. В результате зарработки отдельных категорий работников стали необоснованно расти при сохранении уровня организации и условий труда, технологии производства и, как следствие этого, нарастает трудовая пассивность. В целом же 75% населения РФ имеет доходы, явно недостаточные для удовлетворения необходимых потребностей.

Заметно повысилась неудовлетворенность работой даже на фоне относительного повышения номинальной заработной платы, усилилось ощущение несправедливости в системе распределительных отношений, когда 15% населения страны получает ренту от природных ресурсов, принадлежащих всему обществу. Увеличился удельный вес работников, считающих оплату своего труда несправедливой как по отношению к своему трудовому вкладу, так и по отношению к оплате других работников. При общем росте заработков стимулирующая функция оплаты труда снизилась, то есть снизилась материальная заинтересованность в повышении эффективности труда.

В процессе введения новых условий оплаты труда и перевода предприятия на полное или частичное владение собственностью в организации оплаты труда не реализована полностью ее главная функция – стимулирование работника к творческому труду. Новый механизм стимулирования, проявив воздействие на уровне предприятия, то есть трудового коллектива в целом, не доведен до каждого конкретного работника.

Условия, в которые поставлен работник, не позволяют ему, используя свой опыт и мастерство, в значительной степени повысить свой заработок. Связано это с сохранением сложившихся принципов оценки работника в рамках тарифной системы, ориентированной на средние стандарты, нормированностью квалификации, работы, профессиональной типизацией, технологической заданностью, что приводит к противоречию со стимулированием раскрытия и полного использования творческих способностей, особенно в сферах деятельности, определяющих внедрение научно-технических достижений, прогрессивных экономических преобразований. В целом не преодолен стереотип иждивенческого экономического мышления, суть которого не поиск новых путей зарабатывания коллективом средств, а способы распределения имеющихся в распоряжении.

Итак, состояние современной трудовой мотивации можно охарактеризовать следующими основными признаками: низкой значимостью общественных мотивов труда; определением социального статуса личности в большей степени по нетрудовым критериям; желание иметь стабильную высокооплачиваемую работу, обеспечивающую необходимый уровень потребностей, но с низкой интенсивностью неквалифицированного труда. Такое состояние трудовой мотивации и выражает кризис труда. Еще более кризисной является мотивация творчества, интеллекта, осмысления своего места в мире.

Развитие трудовой мыслительной, творческой активности в первую очередь предполагает снятие тех тормозов, которые подавляют инициативу и предприимчивость. Административно-командная система опиралась на работника исполнительного, ориентированного на коллективную ответственность, тяготеющего к консервативным формам трудовой деятельности, не связывающего социальный статус с собственными достижениями в труде. Примечательной его чертой, кроме низкой продуктивности, является неразвитое подсознание, ориентация на «справедливого» начальника, который обеспечит ему необходимые блага при условии беспрекословного послушания. Ответственность за собственное благосостояние перекладывается на «верх».

Для эффективного функционирования экономики необходим иной тип работника: ориентированного на максимальные достижения в труде, инициативного и предприимчивого, берущего на себя ответственность не только за свою судьбу, но и за судьбу общего дела, знающего свои права и рассчитывающего прежде всего на собственные силы. Такой работник стремится к повыше-

нию своей квалификации, так как именно с ней связывает свои возможности в труде. Он обязателен и добросовестен, способен к инновационной деятельности. В рамках старого хозяйственного механизма, сводящего практически к нулю свободу выбора различных вариантов трудового поведения, шансы на процветание для этого типа людей минимальны, их деятельность чаще всего либо ограничивается, либо подавляется.

Для развития трудовой активности, во-первых, необходимо устранить неэквивалентность отношений «работник – общество», которая практически не изменилась с переходом на новые условия хозяйствования. Во-вторых, ускорить процессы мобильности работников, сняв экономические и юридические узы, привязывающие человека к рабочему месту. В-третьих, необходима правовая основа отношений руководителя и исполнителя.

Следовательно, с переходом на новые условия хозяйствования мотивирующие функции оплаты труда предполагают следующие условия:

- размер зарплат каждого работника должен определяться прежде всего личным трудовым вкладом в результат коллективного труда;

- усиление дифференциации в оплате труда в зависимости от его сложности и качества, потребительских свойств выпускаемой продукции (последнее обстоятельство имеет принципиальное значение для актуализации мотивов общественной полезности труда и гармонизации направленности интересов «на себя» и «на других»;

- постепенный отказ от денежных компенсаций за непривлекательный труд и вредные санитарно-гигиенические условия, такие компенсации не только консервируют неблагоприятные условия труда, но и снижают трудомотивирующую функцию оплаты;

- расширение стимулирующей зоны оплаты труда путем установления оптимальных соотношений гарантированного обществом минимума заработной платы, обеспечивающей воспроизводство квалифицированной рабочей силы, и максимально возможного заработка, обеспечивающего качественные различия в уровне благосостояния у работников с разным трудовым вкладом;

- изменений функций и роли премиальных систем, которые в настоящее время слабо стимулируют трудовую активность, так как используются в основном для реализации властных функций администрации, чаще всего в качестве санкций за невыполнение каких-то требований руководства, а не в качестве стимула;

– оптимальное соотношение рабочего и свободного времени, труда и отдыха;

– обеспечение непрерывности процессов повышения квалификации и профессиональной переподготовки кадров; стимулирование творческого и высококвалифицированного труда.

Мы подробно остановились на мотивах труда как элементарном примере мотивации экономической деятельности в целом. Экономическое мышление есть с одной стороны, интеллектуальный труд, а с другой – экономическая деятельность.

Гносеология экономического сознания, понимание всех факторов и условий его формирования без изучения мотивационной стороны труда – бессмысленное занятие, потому что девальвация труда как фундаментальной ценности обесценивает и те знания, которые в процессе этого (интеллектуального) труда добываются и которые опять же через труд используются в экономической деятельности человека.

§ 3. Праксиология экономического сознания

Зачем человеку экономическое сознание? С точки зрения праксиологии оно необходимо для адаптации личности в обществе, общества к окружающей его Природе, гармонизации отношений между окружающей миром и отдельно взятым человеком, и всем человечеством в целом. Поэтому неслучайно данная проблема интересовала не только философов, но и экономистов. Фредерик Бастиа, автор «Экономических гармоний» когда-то писал: «Все законные интересы личности гармоничны. В этом – главная мысль моего сочинения»¹. Дж.Б. Кларк также полагал, что не следует довольствоваться изучением универсальной экономики, основанной на действии законов по оси «человек – природа». По его мнению, необходимо изучать и социальную экономику, основанную на законах, действующих по оси «человек – человек». При этом прагматизация и полезность действий выступают основой практического применения экономических знаний². Из более поздней «классики» напомним изречение: «Марксизм есть не догма, а руководство к действию».

В самом деле, праксиология экономического сознания выступает неотъемлемой его характеристикой, которую в общем и целом можно свести к проблематике успешной адаптации лично-

¹ Бастиа Ф. Экономические гармонии: Пер. с фр. М., 1996. С.152, 168.

² Кларк Дж.Б. Распределение богатства: Пер. с англ. М., 1992. С.60–61.

сти-носителя (субъекта) экономического сознания к объекту, отраженному в экономическом сознании, то есть к хозяйству в целом.

В целом проблема адаптации относится к важнейшим проблемам человечества. Изучать проблему адаптации первыми начали биологи, которые отмечали богатство идеи адаптации с точки зрения познания широкой действительности. Так, И. П. Павлов писал, что правильно понятая «идея о приспособлении или целесообразности представляет собой неисчерпаемый источник для различных научных гипотез, служит постоянной научной темой, дает научный толчок к дальнейшему изучению вопросов о сущности жизненных явлений»³. Если развитие, в том числе и мобильность всех видов, есть стратегия жизни, то адаптация – это тактика, которая позволяет всему живому, в том числе и человеку, осваивать изменения и в то же время самосохраняться, обеспечивая тем самым возможность дальнейшего движения.

Актуальность проблемы адаптации особенно возросла в век научно-технического прогресса, эпоху стремительных изменений во всех областях социальной жизни. На современном этапе развития общества она обострилась в связи с необходимостью повышения эффективности производства, исчерпанием экстенсивных факторов роста и напряженной демографической ситуацией.

Проблема адаптации человека посредством своего экономического сознания к окружающему его миру относится к числу наиболее «молодых» проблем человекознания. Она появилась в условиях современного индустриального производства, где буквально в последнее время возникли новые виды хозяйственной деятельности, возможность выполнения которых связана с высокой мерой ответственности за принимаемые решения, большой ценой возможных ошибок с далеко идущими разрушительными последствиями, с ситуацией информационной неопределенности, быстро меняющейся цепью плохо предсказуемых событий, с необходимостью руководства сложными профессиональными коллективами, с нерегламентированной или жестко управленческой, предпринимательской, производственной деятельности в современных условиях рыночных отношений. Проблема адаптации человека в сфере производства, экономики в целом в конечном итоге является проблемой его включенности в общественную дея-

³ Цит. по: *Вершинина Т.Н.* Взаимосвязь текучести и производственной адаптации рабочих. Новосибирск. 1986. С.3.

тельность. Повышение адаптированности оказывает непосредственное влияние на эффективность производства, рост производительности, дисциплины труда. Исследованиями многих ученых установлено, что адаптация прямо связана с текучестью кадров. Сокращение же текучести кадров ныне следует рассматривать как один из основных резервов дальнейшего подъема общественного производства. Решение этой проблемы в определенной мере зависит от адаптации человека к производственной и социальной сфере, что предполагает овладение им профессией и достижение профессионального мастерства, установление благоприятных межличностных отношений, чувство удовлетворенности работой, стремление и дальше трудиться на данном предприятии.

Вся совокупность обозначенных процессов носит весьма сложный характер. Тем более сложным оказывается этот процесс в современных производственных условиях. Но производство постоянно развивается, и в этом смысле проблема адаптации будет всегда актуальной.

Необходимость изучения адаптации личности вытекает из потребности практического разрешения названных выше проблем. Вопрос о включении личности в совокупную деятельность общества, а также отдельных социальных общностей (трудового коллектива) является одним из ключевых вопросов фактически любого исследования, посвященного изучению закономерности взаимодействия общества и личности. Важнейшее значение для адекватного понимания этих закономерностей имеет раскрытие механизма включения личности в систему производственных отношений, изучение закономерностей и проблем самого адаптационного процесса.

В исследованиях вопросов адаптации личности есть определенные достижения. Так, сравнительно полное освещение получили некоторые вопросы производственной адаптации (и в особенности такой его составной части, как профессиональная адаптация), широко исследуется социально-психологическая адаптация личности в производственном коллективе, значительное внимание уделяется проблеме адаптации студента в вузе.

Вместе с тем приходится констатировать, что увлечение частными вопросами в изучении адаптации личности свидетельствует о преимущественно экстенсивном направлении исследования проблемы. При этом значительное распространение в исследовательских позициях получили различные варианты концепции «приспособления» личности в адаптационном взаимо-

действии с социальной средой, что в известной мере снижает практическую и эвристическую ценность полученных результатов.

Основной причиной такого положения является недостаточная разработка общей концепции феномена адаптации личности. Применение такой концепции позволило бы связать воедино адаптацию и другие моменты деятельности личности, определить сущность феномена и его место в развитии личности, вести исследование различных аспектов проблемы с единых методологических позиций.

Сегодня адаптация понимается в общем и целом как целостный, динамический, непрерывный, относительно устойчивый процесс установления соответствия между совокупным уровнем наиболее актуальных на данный момент (перспективу) потребностей личности и наличным (перспективным) уровнем удовлетворенности данных потребностей, определяющих непрерывное развитие личности. Это, собственно говоря, и есть праксиология экономического сознания как таковая.

В общем виде понятие адаптации означает приспособление организма к изменившимся условиям как среды обитания, так и внутренней среды. «Адаптация (от лат. *adapto* – приспособляю) – приспособление строения и функций организма к условиям среды»⁴. Понятие адаптации универсально, оно отражает всеобщее свойство живой материи приспосабливаться к условиям среды, что означает применительно к человеку непрерывное совершенствование, развитие его индивидуального сознания, в том числе и экономического. В отношении же общества как субъекта адаптации речь может идти о совершенствовании общественного сознания.

Интеллектуальное развитие человека является предпосылкой и одновременно конечным результатом, целью адаптации. Под адаптацией как приспособлением человека к окружающей среде следует понимать прежде всего его развитие. Многие исследователи определяют адаптацию с помощью терминов «приспособление», «освоение», «вхождение», «вживание». При этом необходимость и пусковые механизмы данного процесса объясняются изменением среды, попаданием индивида в новую среду, а также изменениями, произошедшими в самом индивиде в результате болезни, утраты функции и т.д.

Семантическое поле подобного понимания адаптации очерчено достаточно четко: это вынужденный, а не органически

⁴ Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко. М., 1985. С.8.

присущий процесс, это результат действия сторонних по отношению к человеку сил, а не его собственных потенций; направленность данного процесса на поддержание стабильности и равновесия, а не на преодоление его. Адаптация здесь выступает как реакция на раздражающее, дестабилизирующее воздействие и рассматривается на уровне примитивной бихевиористской схемы «стимул – реакция». «В социологическом плане адаптация представляет собой процесс «вхождения», «вживания» человеческого индивида в некоторую целостную систему социальных отношений и связей. В психологическом или индивидуальном плане адаптация представляет длительный процесс смены состояний субъекта, начиная с состояния стабильности и некоторого установившегося режима жизнедеятельности в данной социальной среде и кончая аналогичным состоянием в другой среде»⁵.

Подобное понимание процесса адаптации не раскрывает его сущности как общественно-исторического процесса, ограничивает адаптацию рамками простой смены состояний субъекта. Нет определенного мнения о сроках, полноте, пределах адаптации, сложности с измерением адаптации⁶. Адаптация фактически низводится до элементарного акта привыкания, результатом которого является достижение состояния «динамического равновесия». Психологическим отражением равновесия выступает субъективное состояние индифферентности, пассивности. Однако привыкание наступает к любым внешним и внутренним условиям как необходимость и неизбежность, диктуется только этими условиями и совершенно не связано с динамикой развития личности. Рано или поздно человек, в той или иной форме «включится». «освоится», «приспособится», но к адаптации это не имеет никакого отношения. Если результатом привыкания является достижение состояния некоего равновесия, то адаптация, наоборот, направлена на разрушение этого равновесия, адаптация постоянно обуславливает наличие «зоны ближайшего развития». Механизм привыкания (отвыкания) включается по мере необходимости и позволяет человеку экономить физические и психические ресурсы в стандартных ситуациях (например, стереотипы мышления). Адаптация – это внутренне мотивированный процесс, ха-

⁵ Кончинин Т.Р. Структура процесса адаптации молодых специалистов // Актуальные проблемы науки. Ростов н/Д., 1970. С.108.

⁶ См.: Артемов С.Д. Социальные проблемы адаптации молодого работника на промышленном предприятии // Молодежь и труд. Тез.Всесоюз.науч.конф. М., 1970.

рактизирующий в конечном итоге принятие или непринятие развивающейся личностью внешних и внутренних условий существования, а также активность личности по изменению этих условий в желаемом направлении. Как внешние, так и внутренние условия существования принимаются и поддерживаются личностью, если они способствуют удовлетворению потребностей, и отвергаются, если не способствуют или препятствуют. Привыкание не связано с полным, гармоничным удовлетворением потребностей, хотя оно может избавить личность от чувства неудовлетворенности. Но вызвать чувство полной удовлетворенности не может. Но может ли и должно ли вызывать чувство полной удовлетворенности адаптация – вот вопрос!

Часто смешивание понятий адаптации и привыкания обусловлено не столько их похожестью, сколько ограничительными психологизированными версиями адаптации. Например, часто рассуждают о первичной адаптации. Так называемая первичная адаптация протекает в условиях, когда нарушается устоявшийся способ удовлетворения основных потребностей (смена места работы, жительства, изменение социального положения, принятие новой социальной роли и т.д.), при этом возникает состояние острой неудовлетворенности множества ранее не фиксированных потребностей, что ведет к резкому падению уровня адаптации. Часто процесс адаптации понимается как выход личности из состояния острой неудовлетворенности. Процессы адаптации и привыкания действительно до некоторой степени совпадают, что и создает иллюзию того, что привыкание является одним из показателей адаптации или идентичной ей. Однако процесс адаптации не только не сводится к привыканию, но и отрицает его; суть адаптации состоит в творческом включении личности в общественную практику, и тогда для достижения более высокого уровня адаптации или удовлетворения своих потребностей на новом качественном уровне личность сознательно идет на временное смещение ситуации временной удовлетворенности. Подобное состояние – неизбежный результат развития личности, и изучение особенностей данного этапа адаптации – несомненно важная практическая задача не столько психологии, сколько философии, особенно в плане осмысления проблемы праксиологии экономического сознания.

Некоторые ученые (Т. Н. Вершинина, Н. Ф. Наумова, И. М. Попова и др.) понимают адаптацию как удовлетворенность, которая интерпретируется как функция соответствия окружающей среды потребностям личности, как состояние, обусловленное

референтной группой. Неоднозначность определения, по мнению указанных авторов, объективно обусловлена сложностью самой удовлетворенности как социально-психологического феномена, представляющего функцию нескольких переменных: потребностей работника, оценки степени и возможных способов их удовлетворения, значимости для работника тех социальных норм, которые распространяются на данные конкретные сферы жизнедеятельности (нормы условий труда, уровня заработной платы). Данное определение, несмотря на свою расплывчатость, достаточно полно характеризует ряд особенностей адаптации с точки зрения физиологии и психологии, но не философии. Выделены потребности, ценности, указано на уровень их реализации, но ничего не говорится об онтологической природе этих потребностей и ценностей. Видимо, понимание этого приводит к тому, что удовлетворенность воспринимается как внешняя характеристика адаптации, которая, как правило, выступает «мерой адаптации индивида к социальной реальности»⁷. Общественно-историческая и социально-философская сущность адаптации которыми психологами трактуется прежде всего как развитие потребностей, качественный и количественный их рост. Это искаженное понимание адаптации как феномена личностного и общественного бытия человека, так как речь должна идти не о потребностях, а о самом человеке и его развитии!

Рост и развитие потребностей так или иначе ведет к трансформации удовлетворенности, то есть, если высокий уровень удовлетворения потребностей еще как-то указывает на высокий уровень адаптации, то низкий уровень удовлетворения потребностей еще ни о чем не говорит. Удовлетворенность – это гораздо менее устойчивое и кратковременное субъективное состояние, чем адаптация. Адаптация в определенном смысле есть удовлетворенность, но сводить адаптацию к сытости, успокоенности было бы наивно. Адаптация – это еще и база, создание определенной культуры удовлетворения, которая наравне с функциональным состоянием определяет конкретное количественное значение удовлетворенности. Если для определения удовлетворенности функциональное состояние имеет существенное значение, так как фиксируется именно наличное субъективное состояние, то к адаптации функциональное состояние отношения не имеет и является лишь ее фоновым следствием. Несмотря на то, что в основе как удовлетворенности, так и адаптации лежит одна

⁷ Вершинина Т.Н. Указ.соч. С.8.

причина – удовлетворение потребностей, уровень их экспликации качественно различен. Можно предположить, что удовлетворенность – это тактика, а адаптация – стратегия развития.

Понимая адаптацию как развитие личности на основе удовлетворения и, соответственно, повышения потребностей, нельзя не остановиться и на таком объективном показателе уровня развития личности, как уровень притязаний (амбиции, гонор, гордость, достоинство и т.п.). Уровень притязаний применительно к адаптации может быть понят как результирующая трех предпосылок: потребностей; уровня их удовлетворения (успеха); социального давления (референтные ценности). Динамика уровня притязаний свидетельствует, по мнению некоторых исследователей, о высоком уровне адаптации; стабильность (данное субъективное состояние может быть интерпретировано как безразличие) – низким. Уровень притязаний наглядно демонстрирует различие между адаптацией и удовлетворенностью: уровень адаптации определяет амплитуда и частота колебаний уровня притязаний, уровень удовлетворенности – направленность и длительность⁸. Вряд ли это верно. Скрамная, застенчивая личность, притыкаясь довольствоваться малым и лишенная больших притыаний вполне может чувствовать себя комфортно и при низкой динамике своих притыаний. Смирение, терпение и бескорыстие полностью «выпадают» из «психологизированной» версии П. А. Кузнецова, так как они свидетельствовали бы о неадаптированности личности, а значит, и рассматривались с философско-этической стороны как негатив, что было некорректно.

Традиционное понимание адаптации психологами относительно и результатов и целей не выходит в общем и целом за рамки биологической адаптации, где социальные законы во всех их проявлениях выступают в качестве условий сохранения вида. Указания на сознательный, творческий, активный характер социальной адаптации в противоположность биологической носят преимущественно декларативный характер, не раскрывают сущности и принципиального отличия адаптации человека от адаптации прочих биологических объектов, а только уточняют особенности и специфику протекания процесса адаптации человека. Наиболее принципиальные возражения в вопросе сущности адаптации человека вызывает понимание к качеству ее первопритчины и источника изменений объекта адаптации (в общем виде природ-

⁸ См.: Кузнецов П.А. Адаптация как функция развития личности. Саратов, 1991. С.7.

ной или социальной среды) либо изменений самого субъекта адаптации, то есть человека. Источник адаптации человека, согласно данной точки зрения, находится вне его самого, а сама адаптация является реакцией (в контексте предмета нашего анализа рефлексией сознания) на неблагоприятные внешние и внутренние (изменения организма самого человека) воздействия. При подобном подходе развитие индивида выступает как процесс, противоположный адаптации. С точки зрения П. С. Кузнецова, именно непрерывное внутреннее стремление человека к развитию и есть постоянный источник адаптации человека, являющийся не следствием влияния внешних воздействий, под которыми понимаются не зависящие от сознания и воли человека изменения его самого и изменение среды обитания, в которой осуществляется его деятельность, а результатом его непрерывного развития. Именно развитие человека является главным дестабилизирующим фактором во взаимодействии его с внешним миром⁹.

Предложенная П. С. Кузнецовым концепция развития, в отличие от ее традиционного понимания, основана на следующих положениях:

1) Принципиальным различием адаптации человека от адаптации прочих биологических объектов является внутреннее стремление человека к развитию; источник адаптации человека лежит не вне субъекта адаптации, а является его неотъемлемой функцией.

2) Сущность адаптации человека заключается в обеспечении процесса развития, его темпов.

3) Структурирование процесса адаптации целесообразно не по традиционно выделенным видам адаптации (социальная, производственная, профессиональная и т.д.), а по объектам и субъектам адаптации, сам процесс адаптации является комплексным и не сводится к совокупности видовых процессов адаптации.

4) Факторы адаптации также являются комплексными и соответствуют комплексным потребностям (выделено шесть комплексных факторов: материальный, организационно-бытовой, регулятивный, коммуникативный, когнитивный, самореализации); ни один из факторов не имеет приоритета, факторы активизируются вслед за актуализацией потребностей.

⁹ См.: Кузнецов П.А. Указ. соч. С.7–8.

5) Показателем адаптации является уровень наличного и перспективного удовлетворения актуализированных потребностей.

Таким образом, адаптация человека представляет собой процесс, характеризующий развитие личности, который не может быть сведен к частным ситуациям развития.

Установив специфические особенности, характеризующие адаптацию человека, а также выделив особенности термина «адаптация» в ряду близких по своим семантическим полям терминов, представляется целесообразным сформировать точное определение процесса адаптации. Ни одно из традиционных определений адаптации не отвечает сформулированным ранее требованиям.

Наиболее распространенным является следующее: «адаптация – целостный, динамический, непрерывный, относительно устойчивый процесс установления соответствия между совокупным уровнем наиболее актуальных на данный момент (перспективу) потребностей личности и наличным (перспективным) уровнем удовлетворения данных потребностей, определяющей непрерывное развитие личности»¹⁰.

В научной литературе адаптация определяется как процесс в отличие от понимания адаптации как состояния, свойства, феномена, результата; это не установление соответствия, и тем более не соответствие, а именно процесс установления соответствия.

Адаптация определяется и как процесс установления соответствия. Здесь не указано, каким именно способом устанавливается соответствие, так как количество этих способов велико: взаимодействие, вживание, освоение, достижение и др. Сам термин «соответствие» указывает на относительность процесса: адаптация относительна прежде всего во временном аспекте, именно поэтому в определении указываются фразы «на данный момент» и «наличный уровень».

Адаптация рассматривается и как соответствие между уровнем потребностей и уровнем их удовлетворения. Здесь заключено понятийное ядро всего определения: имеющиеся потребности удовлетворяются и образуют новые потребности (П – УД – П) качественно нового, более высокого уровня. В самом общем виде эта схема развития личности, где адаптация выступает как характеристика интенсивности развития. Потребности, как и

¹⁰ Кузнецов П.А. Указ. соч. С.8.

их удовлетворение, величины динамические, их можно выразить количественно, поэтому они характеризуются с использованием понятия «уровень». Так как одновременно могут актуализироваться несколько потребностей, а каждая потребность требует для реализации комплекса факторов, предлагается совокупный уровень.

Адаптацию определяют актуальные на данный момент потребности и наличный уровень их удовлетворения. Это очень важный момент прежде всего с точки зрения объяснения динамики процесса адаптации. Формирование новых потребностей – это очень длительный и незаметный процесс. Это происходит потому, что личность обладает целым набором нереализованных потребностей, и удовлетворенную потребность сменяет уже давно сформированная, привычная, при этом процесс формирования новых потребностей остается в тени, и создается иллюзия, будто он не связан с адаптацией, а ведь главный результат адаптации – это формирование новых потребностей. Филогенетически сформировались два механизма актуализации потребностей: во-первых, актуализируется одновременно одна или несколько потребностей, что позволяет избежать их конкуренции; во-вторых, актуализация потребностей происходит избирательно, соответственно сложившимся условиям и возможностям, при избирательности актуализация может быть принята за формирование потребностей под влиянием частных условий среды, что неверно, так как неизбежно бы привело не к возвышению, а к снижению уровня потребностей, то есть к деградации, разрушению личности. Значение актуализированных потребностей для уровня адаптации настолько велико, что можно пренебречь остальным. Привычно удовлетворяемая потребность быстро теряет свою актуализацию и не сопровождается субъективным состоянием удовлетворенности. Субъективно это выражается в том, что человек начинает ценить многие блага лишь когда теряет их – потребность актуализируется, возникает состояние неудовлетворенности.

Адаптация определена как процесс, определяющий непрерывное развитие личности. Это результат и главный критерий адаптации. Адаптация – это не развитие личности, а одно из условий, определяющих развитие личности, то есть адаптация является составляющей функцией развития личности, обязательной, но не единственной. На развитие личности влияют также и другие составляющие, например, генетическая составляющая – задатки. Из этого следует, что развитие личности свидетельствует о высоком уровне адаптации, а наличие высокого уровня адап-

тации еще не гарантирует развитие личности. Одним из основных, исторически детерминированных направлений развития личности является ее социализация, которую можно понимать как одну из форм проявления адаптации. Социализация представляет собой тот же процесс адаптации, только в данном случае мы как бы отвлекаемся от психофизиологических и биологических свойств личности, сосредоточивая внимание на социальных свойствах, приобретаемых под влиянием воздействия социальной среды. Социализация – это форма развития личности, которая в силу своего общественно-исторического характера наиболее обусловлена процессом адаптации.

Таким образом, цель адаптации – развитие личности, что онтогенетически означает рост и возвышение потребностей, филогенетически – повышение уровня организации, культуры.

В определении указаны основные характеристики процесса адаптации: целостность, динамичность, непрерывность, относительная устойчивость.

Адаптация определена как целостный процесс, что указывает на требование системности при его изучении. Прежде всего это относится к структурированию процесса адаптации по ее видам, выделение которых относительно. Структурной единицей адаптации является комплекс факторов, значимых для реализации актуализированной потребности. Приоритет влияния отдельных видов адаптации на личность связан со свойствами личности, индивидуален и относителен во времени. Требование целостности изучаемого процесса предполагает учет всех факторов, оказывающих значимое влияние на процесс адаптации независимо от конкретной задачи исследования.

Адаптация – динамический процесс, показатель адаптации постоянно меняется под влиянием объективных и субъективных факторов, в том числе под влиянием фактора времени и фактора пространства (ситуации). Показатель адаптации характеризует только момент исследования и некоторую зону ближайшего развития, может иметь или не иметь тенденцию, выступая как функция интенсивности реализации актуализированной потребности. Наибольшую сложность и практический интерес представляют прогнозирование процесса адаптации, построение моделей динамики в зависимости от управляющих воздействий. Следует отметить, что динамика процесса адаптации ничего общего не имеет с изменениями функционального состояния, и при оценке уровня адаптации с использованием субъективного состояния удовлетворенности очень важно отделить функциональное со-

стояние от состояния удовлетворенности как результата адаптации. Функциональное состояние характеризуется поверхностью, кратковременностью, полной зависимостью от внешних обстоятельств, неустойчивостью. Процесс же адаптации, несмотря на свою динамичность, относительно устойчив, инертен. В отличие от функционального состояния показатель адаптации не подвержен разным колебаниям: если функциональное состояние меняется в интервале от нескольких минут до нескольких дней в норме и до нескольких месяцев в случае патологии, то показатель адаптации обнаруживает значительные изменения в диапазоне от нескольких месяцев до нескольких лет. Видимым отображением функционального состояния является яркая эмоциональная окраска, в то время как показатель адаптации определяет общий эмоциональный фон. Различаются также и пусковые механизмы: функциональное состояние создается под влиянием наличных внешних и внутренних факторов и изменяется вместе с ними, оно обращает сиюминутное отношение удовлетворения – неудовлетворения личности той деятельностью, субъектом которой она является. Пусковые механизмы, определяющие динамику процесса адаптации, как отмечалось выше, значительно сложнее и многообразнее. Относительная устойчивость процесса адаптации позволяет отделить жизненно важные проблемы личности, определяющие стратегию ее функционирования и развития, от удовлетворения сиюминутных потребностей. Уровни удовлетворенности, отражающие функциональное состояние и процесс адаптации, аналогичны разного порядка ЭЭГ, но с большей амплитудой. Важность, практическая и исследовательская, определения тенденции прогресса адаптации, а также наличие функционального состояния как помехи указывают на необходимость повторных замеров показателей адаптации по истечении некоторого срока с соблюдением определенных временных, а по возможности, и пространственных интервалов.

Наконец, последняя в рассматриваемом определении константа: адаптация – это непрерывный процесс, что с достаточной очевидностью вытекает из предшествующих выводов. Личность постоянно находится в процессе адаптации, различен лишь ее уровень. Адаптация не может быть полной и предельной, так как развитие личности беспредельно. Мнение многих исследователей в вопросе динамичности и непрерывности процесса адаптации достаточно единодушно: процесс адаптации никогда не бывает законченным; его отличительным свойством является непрерывность. При этом остается открытым вопрос, может ли

иметь предел отдельно взятый вид адаптации, что применительно к производственной адаптации понимается как полная «идентификация» – отождествление потребностей работника и целей предприятия. Данный вопрос представляет определенный интерес лишь теоретически и будет рассмотрен в следующих разделах, с практической же точки зрения отдельно взятый вид адаптации не может быть независимым, а полная идентификация может пониматься как незначимая в связи с полной удовлетворенностью потребности.

Традиционные подходы к адаптации как результату изменения среды предопределили выделение многообразных видов адаптации, связанных с изменениями конкретных ее объектов. Соответственно и в названных видах адаптации непосредственно указывается на объект адаптации: социальная, социально-психологическая, профессиональная, производственная и непроизводственная, культурная, материальная, бытовая, первичная и вторичная, политико-правовая, учебная, психофизиологическая, организационная, экономическая и многие другие виды адаптации.

Практически число выделенных видов адаптации, соответствующих объектам адаптации, безгранично. Просто термин «адаптация» обычно не используется, а определяется соответствующий объект адаптации: на предприятии, в коллективе, к социальной роли др. Таким образом, процесс адаптации ставится в зависимость от правильности выбора объекта адаптации и далее при наиболее адекватном выборе будет иметь место лишь частичное отображение рассматриваемой реальности, так как взятый объект адаптации может реализовать процесс адаптации крайне редко.

Основная же масса исследований адаптации строится по принципу выделения объекта и соответствующего ему вида адаптации, а в результате определяется «наличие – отсутствие» или большая оценка данного вида адаптации, высказываются гипотезы о причинах и предлагаются соответствующие рекомендации. Актуальность выделенного вида адаптации, в том числе относительно данного объекта адаптации, для исследуемого объекта адаптации на момент исследования в расчет не принимается.

Если виды адаптации выделяются на основании объектов адаптации и число их велико, то по другим основаниям существуют исчерпывающие классификации. Так, по форме выделяется адаптация как приспособление и адаптация как приспособливание; по типам объектов: предметно-деятельная и личностная; по

целевому назначению: предадаптация, дезадаптация, реадаптация; первичная и вторичная адаптация.

Выделение большого количества разноплановых оснований для классификации адаптации (число их, также как и число объектов адаптации, велико) и сложность классификации указывают на направленность описываемого различными авторами процесса, неопределенность его природы и основ, что, однако, не мешает указывать, что с позиции системного подхода важно при анализе того или иного типа адаптации брать его не изолированно, а в контексте других адаптационных процессов.

Но всякое структурирование процесса адаптации по видам, формам, типам условно, а при практическом изучении адаптации человека ошибочно. В практических исследованиях структурирование представляется целесообразным только при изучении адаптирующей способности объекта адаптации.

Таким образом, адаптация не является совокупностью перечисленных и прочих видов адаптации, это целостный процесс, несводимый к сумме его элементов. Было бы неверно говорить, например, что социально-психологическая адаптация низкая, а бытовая – высокая, так как это две стороны одного и того же процесса, хотя степень их влияния и уровень удовлетворения могут быть различны. Выделять и изучать на уровне личности любой отдельно взятый вид адаптации невозможно. Очевидно в процессе исследования следует выделять те виды (совокупности, комплексы) адаптации, влияние которых на результирующий показатель адаптации наиболее существенно.

Как правило, на успешность удовлетворения той или иной потребности оказывает влияние целый комплекс факторов, захватывающий в той или иной степени несколько видов адаптации, количество же наиболее актуальных на некоторый момент времени потребностей ограничено одной или несколькими. Даже если удастся выделить самый важный на момент исследования вид адаптации, то управляющее воздействие, производимое без данного учета остальных факторов, пусть менее значимых, но важных в совокупности, будет малоэффективным. То есть, с практическими целями гораздо важнее выделить и рассмотреть конкретный, каждый раз со своими специфическими особенностями, комплекс факторов вне зависимости от их видовой принадлежности.

Целостность процесса адаптации требует рассмотрения части выделенных видов адаптации (в том числе факторов, определяющих тот или иной вид адаптации), актуальность которых

на момент исследования имеет наивысшие показатели, включая также виды адаптации, воздействие на которые невозможно или незапланировано. Ни один из видов адаптации не имеет абсолютного приоритета, актуализация отдельных видов адаптации относительна, индивидуальна.

Единственное основание, по которому целесообразно структурировать процесс адаптации при проведении практических исследований, – это актуализация видов адаптации, как последнее звено в последовательности: актуализация потребностей – актуализация факторов – актуализация объектов – актуализация видов адаптации. Все виды адаптации при этом можно условно разделить на актуализированные и не актуализированные на момент исследования, то есть выделить комплекс значимых и незначимых видов адаптации, но, поскольку структура потребностей не адекватна существующей классификации видов адаптации, последняя нуждается в серьезном пересмотре. Основной при проведении практического исследования при этом должны являться не виды адаптации, а комплексы актуализированных потребностей, в связи с чем П. С. Кузнецовым было предложено использовать понятие «комплексная адаптация», так как любой адаптационный процесс является комплексным как по механизму возникновения, так и по механизму реализации¹¹.

Таким образом в дальнейшем под понятием адаптации будет пониматься комплексная адаптация, а применительно к конкретному объекту процесс адаптации будет пониматься как проекция (отображение) всего актуализированного комплекса потребностей. Различие между понятиями адаптация и комплексная адаптация имеет лишь теоретическое значение: комплексная адаптация составляет актуализированную часть общей адаптации, ее значимую на момент исследования часть, когда остальным (не актуализированными потребностями и т.д.) можно пренебречь без риска снижения достоверности результатов.

Итак, независимо от конечной цели, при изучении процесса адаптации предметом изучения (соответственно, измерения) может быть только единый показатель адаптации, не сводимый к одному или нескольким видовым показателям и не являющийся их простой совокупностью.

Важную роль в процессе адаптации играют эндогенные и экзогенные факторы. Традиционно под факторами адаптации понимается некоторая объективно или субъективно существующая

¹¹ Кузнецов П.А. Указ. соч. С.15.

реальность, характеристики которой способствовали или препятствовали адаптации. Факторы адаптации – это «условия, определяющие течение, сроки, темпы, результаты адаптации, условия, влияющие на значение показателей адаптации». Выделялись различные группировки факторов: ведущие и временные, объективные и субъективные, личные и производственные, глобальные (социально-экономическое и политическое устройство общества), региональные (природно-климатические, степень развития социально-бытовой инфраструктуры, степень напряженности баланса трудовых ресурсов).

Наиболее полная классификация факторов адаптации выглядит следующим образом:

- личностные (демографические характеристики, квалификация, образование, стаж, продолжительность проживания в городе, жизненный опыт, психологические характеристики, социально-профессиональная направленность);
- производственные (содержание и условия труда, организация труда, комплекс бытовых условий, заработная плата, возможности роста, степень зрелости производственного микроклимата);
- факторы, лежащие за пределами производства (система профориентации и профотбора, система подготовки и распределения кадров, состояние с трудовыми ресурсами, уровень развития социально-бытовой инфраструктуры региона).

Выделение личностных факторов указывает, что объектом изучения является как совокупность работников, так и отдельно взятая личность. Подобная классификация представляется вполне обоснованной, однако в приведенном виде она не адекватна задаче исследования адаптации как комплексного процесса. Понимая адаптацию как процесс реализации последовательно актуализирующихся потребностей, в качестве фактора следует понимать весь комплекс условий реализации актуализированных потребностей независимо от того, к какой сфере относятся данные условия: личностной, производственной или непроизводственной. Актуализация потребностей неизбежно влечет за собой актуализацию целого комплекса факторов, то есть факторы важны не сами по себе, а только на момент актуализации соответствующей потребности. Это положение важно с точки зрения введения управляющих воздействий, так как период, разделяющий

время исследования и осуществление практических мероприятий, может оказаться слишком велик.

Преимущество комплекса факторов заключается также в том, что личность достаточно пластична – способ удовлетворения конкретной потребности не ограничен жесткими рамками, принимаются различные вариации и комбинации, а также в случае острой неудовлетворенности могут срабатывать механизмы психологической защиты: замещение, трансформация. То есть, при неудовлетворении потребности «с первого предъявления», личность не отвечает сразу снижением уровня адаптации, а, как правило, приемлет комплексные варианты. Снижение же уровня адаптации является результатом хронической неудовлетворенности в настоящем и отсутствия надежды на будущее. Опирируя комплексным фактором, можно не допустить снижения уровня адаптации, даже не анализируя, какой именно частный фактор является источником неудовлетворенности, хотя, конечно, в этом случае ожидать роста адаптации нельзя. Вместе с тем любой комплексный фактор, по мере его актуализации, можно рассматривать поэлементно, то есть по каждому частному фактору в отдельности.

В качестве количественных факторов предлагаются шесть направлений, характеризующих функционирование и развитие личности и относительно независимых друг от друга: экономический (материальный), организационно-бытовой, регулятивный, коммуникативный, когнитивный, самореализации. Первые три фактора характеризуют насыщаемые потребности, то есть те, которые по мере удовлетворения утрачивают свою актуальность и не фиксируются личностью в случае неснижаемого уровня их удовлетворения. Они относятся к группе низших потребностей. Остальные факторы характеризуют высшие потребности, то есть не насыщаемые, удовлетворение которых вызывает субъективное ощущение радости, сопутствующее всему промежутку времени, в течение которого данная потребность удовлетворялась.

Все основные потребности человека сводятся к перечисленным комплексным факторам, которые значимы не сами по себе, а лишь относительно потребностей по одному из комплексов практически не компенсируется остальными комплексами или компенсируется в незначительной степени с помощью механизмов психологической защиты, неудовлетворение же потребности в результате одного из частных факторов (традиционно выделяются в основном частные факторы без непосредственного учета всех составляющих) может эффективно компенсироваться ос-

тельными факторами, относящимися к тому же комплексу, и не оказывать значимого влияния на уровень адаптации.

Если считать, что высшие потребности, а следовательно, и соответствующие им факторы актуализируются по мере реализации низших, то данное утверждение справедливо только в общем виде и может выступать как тенденция по отношению к совокупности индивидов. Что касается отдельно взятой личности, то здесь, как правило, имеет место поэтапное чередование высших и низших потребностей. Еще одно отличие комплексного фактора заключается в том, что не существует строгой привязки к тому или иному комплексу частного фактора: один и тот же частный фактор может относиться к различным комплексам. Так, фактор «заработная плата» может выступать в качестве элемента комплекса самореализации, хотя условное разделение по комплексам традиционных и вновь предложенных факторов сложности не представляет. Рассмотрим основные элементы содержания каждого из предложенных комплексов.

Экономический (материальный) – включает факторы, связанные с получением материальных средств к существованию.

В исследовании комплексный экономический фактор содержит в каждом конкретном случае совокупность следующих частных факторов, число и выраженность которых зависит от индивидуальных особенностей личности и от внешних обстоятельств:

- заработная плата;
- приработок (все виды материального стимулирования, осуществляемые за выполнение работ, не связанных с должностными обязанностями на данном предприятии);
- нетрудовые доходы (все виды присвоения благ и услуг, не являющихся результатом труда индивида на данном предприятии);
- экономические льготы (все формы получения бесплатных или частично оплачиваемых товаров и услуг, как результат трудовой деятельности и принадлежности к предприятию).

Организационно-бытовой – включает факторы, отражающие реализацию организационного и материального комплекса: потребность приобщения к организационной культуре и структуре и потребность в бытовом обеспечении данного процесса. Данный комплекс содержит следующую совокупность факторов:

- осведомленность о предприятии (об истории его создания и развития, о современном состоянии предприятия: его миссии, целях, оказываемых услугах);
- осведомленность о структуре управления предприятием (о критериях и правилах распределения власти и статуса, поощрений и наказаний);
- наличие «обратной связи» (возможности задавать руководству предприятия возникающие вопросы и получать на них компетентные исчерпывающие ответы);
- питание (функционирование общепита на предприятии);
- медобслуживание;
- транспорт.

Следует отметить особое значение экономического и организационно-бытового комплекса факторов для адаптации личности к предприятию, так как основная цель трудовой деятельности связана с реализацией потребностей, основанных на данных комплексах факторов. Остальные комплексы факторов имеют лишь косвенное отношение к работе на предприятии, но прямое отношение к адаптации как процессу, поэтому учет их обязателен при определении уровня адаптации как минимум на уровне констатации.

Регулятивный – содержит факторы, отражающие физиологические аспекты функционирования организма, его психологическое состояние:

- режим труда (темп, ритм, организация труда);
- отдых, досуг (спорт, путешествия, искусство и т.д., не являющиеся самоцелью);
- условия труда (санитарно-гигиенические факторы производственной среды);
- состояние здоровья (самый важный фактор в данном комплексе, который обычно недоучитывается – адаптация зависит не столько от наличия и функционирования медучреждений, сколько от физического и психического здоровья человека).

Коммуникативный – содержит факторы, отражающие реализацию потребности человека включения в новую среду:

- идентификация с ценностной системой и групповыми нормами, принятыми в коллективе;
- доверие, признание коллег и руководства;
- наличие друзей, отсутствие врагов, недоброжелателей;

- принятие правил межличностных отношений в коллективе (обычаев, традиций неслужебного характера).

Когнитивный – содержит факторы, отражающие реакцию когнитивных потребностей: квалификация, интеллект, кругозор и их влияние на должностное продвижение и увеличение зарплаты.

Самореализация – самый сложный комплекс факторов, может включать в себя любой из вышеназванных, если его особенностью является созидание не как опосредствованное потребление, а как фактор. По существу комплекс самореализации – это не еще одна совокупность факторов, а принципиальной иной уровень их усвоения, уровень рефлексии. Реализация данного комплекса – высшая жизненная задача каждого индивида, его становление как личности; только реализация данного комплекса приносит наиболее полное и длительное чувство удовлетворения, возникающее при этом субъективное состояние может быть интерпретировано как счастье. Реакция данного комплекса свидетельствует о наивысшем уровне адаптации. Комплекс факторов самореализации не имеет материальных показателей, а определяется уровнем развития перечисленных выше факторов с помощью таких понятий, как: открытие, творение, достижение, мастерство; совершенство, гармония; власть, авторитет, престиж.

Таким образом, можно выделить три группы факторов, от которых зависит процесс адаптации:

- факторы – условия (экономический и организационно-бытовой комплексы);
- факторы – определители (регулятивный, коммуникативный, когнитивный);
- факторы – результаты (комплекс самореализации).

Итак, выделенные комплексы факторов адаптации аналогичны комплексам потребностей и являются достаточными для полной реализации при практическом исследовании процесса адаптации (комплексной адаптации).

Одной из наиболее актуальных проблем индивида на современном этапе развития общества является интеллектуальная трудовая деятельность (мышление), для изучения которой и могут быть применены сформулированные выше методологические проблемы адаптации индивида.

Следует показать, что интеллектуальный труд действительно является объектом адаптации индивида, то есть имеет непосредственное отношение к реализации хотя бы одного из ее комплексных факторов. Действительно, в процессе экономиче-

ского мышления, хозяйственной деятельности могут быть реализованы и материальный, и организационно-бытовой факторы, а также коммуникативный, самореализации, когнитивный факторы.

Если материальный и организационно-бытовой факторы первичны относительно интеллектуальной деятельности, то остальные из указанных факторов вторичны: трудовая деятельность, как правило, является не наиболее адекватным способом их реализации, а вынужденным. Тем не менее их реализация подобным, не специфическим для них способом, может полностью удовлетворять индивида, что, несомненно, существенно повышает значимость интеллектуальной деятельности как объекта адаптации. В случае, если интеллектуальная деятельность не способствует реализации прочих факторов, а адекватно реализует только специфические для нее факторы, значимость ее как объекта адаптации будет, с одной стороны, существенно снижена, а с другой – поставлена в зависимость от уровня адаптации и, соответственно, реализации индивидом потребностей, соответствующих прочим факторам, низкий уровень реализации которых и обусловит снижение уровня адаптации к интеллектуальной деятельности, высокий же уровень их реализации вне интеллектуальной деятельности не окажет влияние на уровень адаптации индивида к этой деятельности. Подобная многофакторная зависимость характерна именно для интеллектуальной деятельности как объекта адаптации может проявиться в той или иной мере, или вовсе не проявиться, относительно прочих объектов адаптации, что объясняется такими особенностями интеллектуальной деятельности, как ее незаменимость относительно способа реализации материальных и организационно-бытовых потребностей для совокупного индивида, высокая «сложная» организация первостепенности и при этом особо низкий уровень социализации, значительность временных затрат и др.

Таким образом, интеллектуальная деятельность как форма трудовой деятельности может быть определена как комплексный объект адаптации, то есть объект адаптации, способный реализовать не один, а несколько комплексных факторов. Соответственно и показатель адаптации индивида к данному объекту зависит от реализации не только специфических для него комплексных факторов, но и прочих факторов, учет которых при практическом исследовании трудовой деятельности как объекта адаптации обязателен.

Следует особо отметить, что, определяя интеллектуальную деятельность как способ реализации перечисленных выше по-

требностей, в качестве субъекта адаптации берется конкретный индивид как субъект мышления. Практическое исследование адаптации в сфере формирования сознания и развития мышления всякий раз имеет дело с конкретным индивидом, в связи с чем возникает вопрос о том, является ли интеллектуальная деятельность вполне автономным способом реализации указанных комплексов потребностей. Положительный ответ на данный вопрос означает правомерность и достаточность выделения в качестве объекта адаптации трудовой деятельности, отрицательный – требует обязательного рассмотрения всех альтернативных объектов, так как в этом случае будут учтены все слагаемые показателя адаптации. Помимо интеллектуальной деятельности указанные комплексы потребностей могут быть реализованы также и в сфере физического, репродуктивного, нетворческого труда. Вместе с тем существует промежуточный вариант, объединяющий в себе элементы как интеллектуально-трудовой, так и неинтеллектуально-трудовой (репродуктивной) деятельности.

Итак, одним из наиболее распространенных вариантов конкретизации проблемы адаптации личности посредством собственного сознания в социуме является предприятие. Посредством интеллектуальной деятельности на предприятии индивид обеспечивает условия для реализации своих соответствующих потребностей, при этом значение имеет не предприятие как таковое, а предоставленные им возможности для деятельности индивида. Собственная стратегия индивида заключается в выборе предприятия (рабочего места), позволяющего наиболее адекватно реализовать его творческие, квалификационные, профессиональные способности и возможности и получить соответствующие результаты. Динамика показателей адаптации при этом аналогична успешности или неуспешности индивидуальной трудовой деятельности. Разумеется, посредством предприятия индивид реализует лишь часть себя. С этой точки зрения адаптация к предприятию представляет лишь часть общей адаптации. Интересы предприятия, связанные с повышением производственной адаптации предполагают ограничение адаптационных возможностей индивида вне предприятия и, одновременно, их повышение на предприятии и, соответственно, совпадают или противоречат интересам индивида, формируя таким образом двойственное отношение индивида к самому факту деятельности на предприятии.

Под производственной адаптацией обычно понимается адаптация к трудовой деятельности на производстве. Выделение в структуре общей адаптации производственной и непроизводст-

венной адаптации представляется вполне обоснованным. Ниже выделены элементы производственной и непроизводственной адаптации и структурированы элементы соответствующих объектов адаптации. Сплошные линии показывают очевидные и прямые взаимосвязи между блоками схемы, а пунктирные – взаимодействие различных аспектов адаптации к предприятию.

Как производственная, так и непроизводственная среды в качестве единого объекта адаптации имеют схожую структуру. На рисунке 7 они достаточно условно расчленены на элементы, взаимозависимость которых очевидна. Предложенная Т. Н. Вершининой еще в 80-е гг. XX в. структура адаптации к предприятию обусловлена структурой производственной и непроизводственной сред адаптации. Вместе с тем необходимо отметить, что предлагаемая классификация элементов не имеет единого основания. Это вызвано тем, что объект адаптации состоит из элементов, которые могут рассматриваться на самых различных уровнях. Сюда относятся также разнопорядковые элементы, как нормы взаимоотношений между людьми, профессиональная роль, должностные инструкции, комплекс профессиональных вредностей и др. Они достаточно условно разделены по блокам, в соответствии с которыми выделены аспекты адаптации. Рассмотрим основные из них и их взаимосвязь с выделенными ранее комплексными факторами адаптации.

Профессиональная адаптация – «это адаптация к рабочему месту, орудиям и средствам труда, техническому процессу, временным параметрам работы, объектам труда, предмету труда, характеру взаимодействия между рабочими в процессе труда. Другими словами, профессиональная адаптация – это адаптация самой трудовой деятельности со всеми обеспечивающими ее предметными и временными составляющими»¹².

Профессиональная адаптация неизбежна при любых обстоятельствах, характерных для первого знакомства человека с условиями его новой работы. На первый взгляд этот вид адаптации свойственен только молодому, начинающему работнику или работнику, кардинально изменившему содержание своей деятельности, сменившему профессию. Но это не так. Профессиональная адаптация неизбежна при всех изменениях, проходящих на предприятии или рабочем месте, и это необычайно сложный процесс.

¹² Филиппов А.В. Работа с кадрами. М., 1990. С.106.

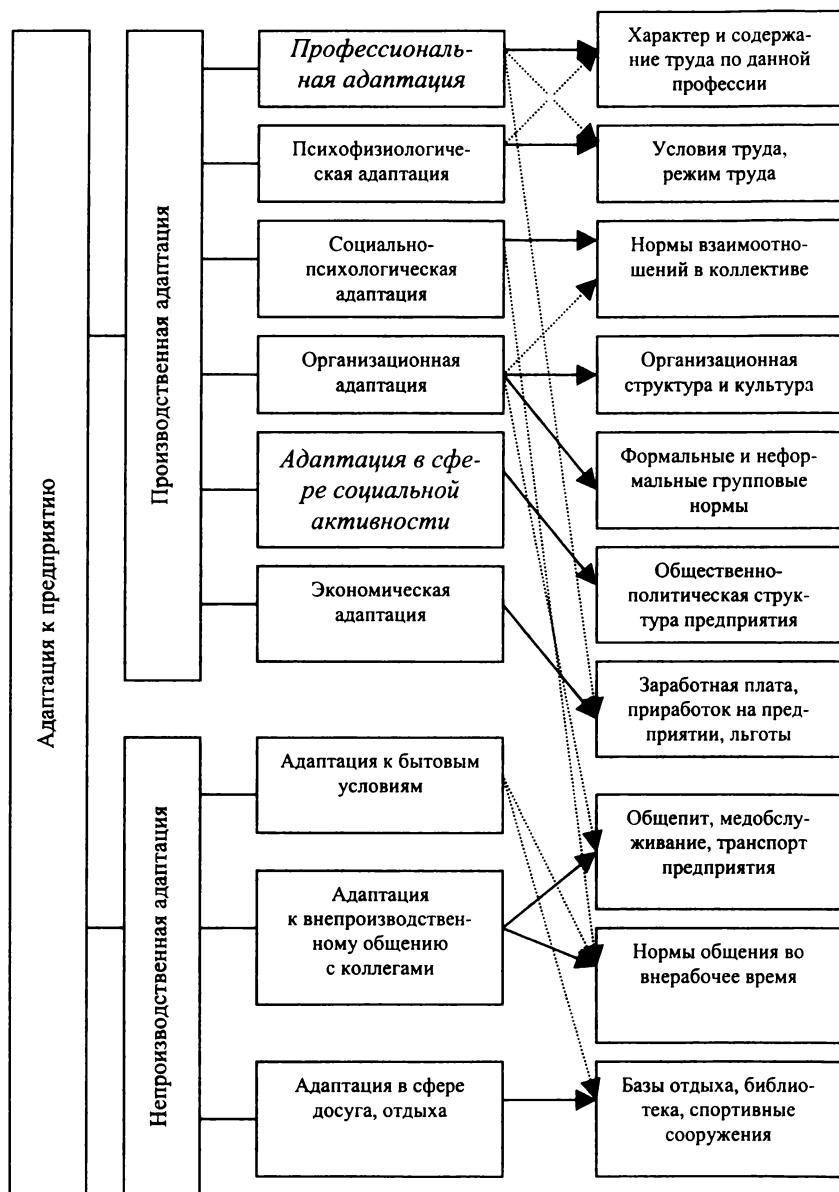

Рис.7. Структура производственного и непроизводственного аспектов адаптации к предприятию

Уже в самой профессии как объективной реальности заложена двойственность: профессия как результат частного и единичного разделения труда принадлежит и работнику, и производству. На объективной стороне (личности работника) находится совокупность определенных знаний и трудовых навыков, а на стороне производства – определенный вид трудовой деятельности, в процессе которой используются эти знания и навыки. Профессия характеризуется комплексом производственных и социальных функций, определенным содержанием и характером труда, уровнем зарплаты, возможностями продвижения. Таким образом, понятие профессии включает не только степень подготовленности работника, но и форму ее общественного признания, способ реализации профессиональных знаний и навыков в конкретных условиях производства.

В целом на процесс профессиональной адаптации оказывает влияние два следующих вида факторов:

- объективные, то есть факторы среды, к которой осуществляется адаптация (рабочее место, технологический процесс и т.д.);

- субъективные, то есть факторы, которые могут быть названы индивидуально-личностными, связанными с особенностями самого адаптанта.

Объективные факторы влияют на сложность профессиональной адаптации посредством количества новых объектов, которые будут включены в сферу трудовой активности человека. Этим обусловлена длительность и глубина адаптационных процессов, а также сложность управления ими. При переходе с одного рабочего места на такое же расположенное рядом необходимо адаптироваться только к некоторым элементам среды, такое приспособление не требует глубинной перестройки механизмов регулирования деятельности и поведения. Если же изменения коснутся содержания труда, то адаптация значительно усложнится и даже может стать неосуществимой. То есть сложность процессов адаптации в этом случае определяется количеством объектов адаптации и радикальностью изменений в каждом из них. Чем глубже эти изменения, тем сложнее адаптационные процессы.

Индивидуально-личностные факторы многообразны. А. В. Филлипов выделяет следующие наиболее значимые из них.

- 1) Исходный, то есть предадаптационный, уровень знаний, умений, навыков. Есть основания полагать, что это индивидуально-личностные характеристики опыта. В целом это так, но при

рассмотрении их в связи с адаптацией нет достаточных оснований относить их исключительно к сфере опыта.

Скорость профессиональной адаптации более тесно связана с широтой знаний, умений, навыков. Дело в том, что адаптация считается завершенной после того, как работник достигнет квалификации, соответствующей существующим стандартам на эту деятельность. Однако этим профессиональное развитие работника не заканчивается. Он продолжает совершенствовать свое мастерство, накапливать профессиональный опыт. Однако это уже последующий период.

Отсюда следует, что скорость адаптации связана с профессиональным опытом, но на саму адаптацию эта связь в одних случаях может оказывать влияние, то есть ускорять ее, а в других, напротив, замедлять. Ускорение тем больше, чем выше исходный уровень знаний, умений, навыков.

2) Мотивация, определяющая отношение к деятельности, – это личное побуждение к деятельности, то есть побуждение, основанное на потребностях личности, ее ценностных ориентациях, интересах. Мотивы, влияющие на процесс адаптации, весьма многообразны. Среди них в первую очередь следует назвать интерес к деятельности, чувство долга, стремление к профессиональному росту.

Мотивация на основе интереса связана с удовлетворением стремления к знанию и развитию. В условиях адаптации эта мотивация как бы актуализируется самими внешними обстоятельствами. Целесообразно иметь в виду два аспекта этой мотивации: интерес к деятельности и интерес к самому себе как субъекту, овладевающему этой деятельностью. Продуктивность мотивации, основанной на интересе к деятельности, связана с содержательностью, то есть той стороной деятельности, которая вызывает наибольший интерес.

Мотивация, основанная на интересе индивида к себе как субъекту деятельности, наиболее продуктивна как основа адаптационного процесса в том случае, если связана с интересом к формированию у личности новых качеств, то есть с интересом к ее развитию.

Мотивация на основе чувства долга связана с потребностью соответствовать требованиям организации, ее нуждам. Эта мотивация наиболее типична для профессиональной адаптации. Более того она как бы определяет начальную стадию адаптации. Чем сильнее на этой стадии чувство долга, тем быстрее происходит адаптация. Особую ветвь мотивов долженствования состав-

ляют мотивы, основывающиеся на принципе взаимной ответственности и требовательности, характерные для коллективистских отношений.

Мотивация на основе стремления к профессиональному росту проявляется более поздно, чем мотивация на основе интереса и долженствования. Она заявляет о себе в тот период, когда человек уже достаточно прочно чувствует себя как субъект деятельности, то есть овладел необходимыми знаниями, умениями, отношениями. Тогда обостряется желание быстрее достичь некоторых стандартов деятельности или превзойти их. Если эта мотивация на этапе адаптации становится ведущей, то она может ориентировать на тот уровень профессионального поведения, к которому он объективно не готов. Из наблюдений известно, что наиболее серьезные промахи в работе человек допускает тогда, когда он в целом овладел основами деятельности. В период адаптации не следует создавать ситуации, которые актуализировали бы исключительно мотивацию достижения в ущерб мотивации интереса и долженствования.

3) Индивидуально-психологические свойства личности. Понятно, что такие свойства, как ригидность, будут тормозить адаптацию, лабильность, напротив, уменьшит трудности профессиональной адаптации.

Очевидно, степень соответствия субъективного и объективного факторов профессиональной адаптации в значительной мере определяется тем, насколько занимаемое работником рабочее место согласуется с его социально-профессиональной ориентацией, то есть теми общими принципами, которыми личность руководствуется при профессиональном самоопределении. Последнее одновременно является и социальным самоопределением, так как индивид может достичь желаемого социального положения прежде всего через профессиональную деятельность¹³.

Выделяется также психофизиологическая адаптация. Объектом психофизиологической адаптации являются условия труда. Определяемые как комплекс факторов производственной сферы, которые существенно влияют на самоуважение, настроение, деятельность работника, а при длительном воздействии – на утомляемость, трудоспособность, состояние здоровья. Психофизиологическая адаптация – это привыкание к новым для организма физическим и психофизиологическим нагрузкам, режиму, темпу и

¹³ См.: Филиппов А.В. Указ.соч. С.107.

ритму труда, санитарно-гигиеническим факторам производственной среды, особенностям организации режима питания и отдыха.

К объективным показателям психофизиологической адаптации следует отнести динамику заболеваемости и травматизма. В основном используются субъективные показатели психофизиологической адаптации, прежде всего оценки работниками условий своего труда. Важнейшим субъективным показателем психофизиологической адаптации является утомляемость. В отличие от других аспектов, психофизиологическая адаптация работника, особенно при неблагоприятных условиях труда не может быть полной, поскольку у него всегда есть основания для неудовлетворенности этими условиями и для постоянных или периодических фрустраций по поводу их несовершенства. Напротив, удовлетворенность профессией и коллективом может быть гораздо более полной, чем условиями труда.

Среди видов и форм адаптации в современной литературе называется также социально-психологическая адаптация. Одновременно с освоением условий труда человек вступает в процесс социально-психологической адаптации, то есть сложный процесс межличностного взаимодействия с новым коллективом как определенной социальной общностью, с его групповыми эталонами, ценностными ориентациями и традициями. Производственный коллектив как субъективный фактор и производственной, и непроизводственной среды имеет сложные иерархические структуры: формальную, неформальную. При социально-психологической адаптации происходит взаимодействие по крайней мере с основным коллективом (коллектив предприятия в целом), вторичным (цехом, отделом) и с первичным коллективом (звеном, участком, бригадой).

Для рабочего характерна готовность адаптироваться в новой для него среде, т.е. установка на формирование определенной степени слияния с новым коллективом. Выделяют несколько степеней социально-психологической адаптации, различающихся по степени общности адаптанта и коллектива. Социально-психологическая адаптация может застыть на любой из них.

Начальная, низшая степень – внешняя переориентация, когда индивид не признает системы ценностных ориентаций нового коллектива, но старается этого не подчеркивать, не вступает с ним в конфликт. Вторая – личность и коллектив обоюдно признают систему эталонов поведения друг друга, но не меняют своих прежних позиций. Эта ступень, как и предыдущая, неустойчива: в конечном счете начинает доминировать одна из сторон либо

адаптант покидает коллектив. Более глубокая и распространенная третья ступень – так называемая «аккомодация». Личность воспринимает систему ценностей коллектива, но и он под ее влиянием изменяет свою систему ценностей. Четвертая ступень – так называемая «ассимиляция». Эта наиболее законченная форма социально-психологической адаптации выражается в том, что индивид практически полностью внутренне принимает ценностные ориентации и взгляды членов коллектива и целиком перестраивает свою психологию и поведение. Последняя ступень едва ли желательна, поскольку здесь личность как бы растворяясь в коллективе, отождествляясь с ним, теряет часть своей целостности. И с точки зрения влияния коллектива на нового работника она далеко не во всех случаях благоприятна, так как в коллективе могут господствовать нездоровые ценностные ориентации и эталоны общественного поведения. Социальная эффективность адаптации новых работников во многом зависит от степени зрелости коллектива. Многие исследователи подчеркивают необходимость тщательного подбора и формирования трудовых коллективов, в которые вольются новые работники, особенно молодые. Однако на практике новичка, как правило, направляют туда, где есть вакантные рабочие места, руководствуясь только производственной необходимостью.

Социально-психологическая адаптация имеет достаточно сложную подструктуру, которая включает в себя познавательный, эмоциональный и практический аспекты. Познавательный аспект связан с получением новичком разнообразной информации о формальной и неформальной структуре коллектива, практически – с непосредственным включением его в социальную жизнь предприятия. Эмоциональный аспект выражается в формировании определенного уровня удовлетворенности взаимоотношениями в группе и своей позицией в их системе.

Отдельные исследователи справедливо замечают, что резкая интенсификация когнитивного и поведенческого контактов в жизнедеятельности современного человека не обеспечивается соответствующей динамикой в эмоциональной сфере. Эмоциональное самочувствие как составляющая духовного мира работника выступает одним из критериев его социально-психологической адаптированности на предприятии. Психологическая включенность в профессиональную деятельность выражается, с одной стороны, через активную реализацию в конкретных условиях его возможностей (то есть налицо взаимопроникновение социально-психологической и профессиональной адапта-

ции), и, с другой, – в заинтересованности в этой деятельности, что влияет на эмоциональное самочувствие личности.

Важное место в общей адаптации принадлежит организационной адаптации. Она трактуется как адаптация к своему организационному статусу, месту и роли в общей структуре организации, усвоение организационных норм и традиций, углубление понимания организационного и экономического механизма функционирования организации и управления его, осознание ее миссии и основных факторов конкурентоспособности на внешнем рынке.

Организационная структура – это образ жизни, мышления, поведения людей в организации, основа которой – общность профессиональных и социальных целей и ценностей.

Организационная культура является естественной, привычной средой для людей, работающих в одной организации, она формируется в процессе их совместной деятельности. Организационная культура есть результат внешней адаптации (выживание организации, определение ее рыночной миссии, установление отношений с властями и конкурентами) и внутренней интеграции (развитие и преобразование формальной социальной группы работников организации в команду единомышленников). Слагаемые организационной культуры как результата внешней адаптации – это согласованные представления сотрудников организации о ее миссии, целях, средствах их достижения, критериях достижений, стратегии развития организации, средствах корректировки направлений этого развития.

Слагаемые организационной структуры как результата внешней адаптации – это формирование общего для всех языка общения, критериев «наш – не наш», критериев и правил распределения власти и статуса, правил неформальных отношений внутри организации, критериев и способов поощрений и наказаний, внутренней идеологии, традиций, ритуалов, уклада жизни в организации.

В широком смысле слова организационное развитие означает формирование особой культуры использования эффективных современных технологий для совершенствования поведения людей и групп в организации, особенно в сферах принятия решений, разрешения конфликтов, развития сети социальных коммуникаций.

Для того, чтобы адаптация новых сотрудников на предприятии проходила быстро и эффективно и приводила к оперативному включению новичка в жизнедеятельность предприятия, не-

обходимо и соответствующее бытовое обеспечение этого процесса. Ведь мнение работника о предприятии и степень адаптированности к нему зависит от возможности удовлетворения таких его потребностей, как питание, медобслуживание на предприятии, обеспечение транспортом и т.д.

Исследуется также общественно-политическая адаптация. Формированию глубоких двусторонних связей с предприятием способствует и участие работника в функционировании общественных организаций. Он и общественные организации заинтересованы во взаимном контакте, так как повышение общественной активности работников формирует его сознание, повышает его ценность для предприятия. Если говорить о новичке, то общественная активность углубляет и расширяет его связь с новым окружением. Это само по себе способствует более успешной и быстрой его адаптации и, следовательно, является средством достижения его собственных целей. Кроме того, общественная активность и связанная с ней статусная позиция в трудовом коллективе обеспечивают новичку чувство защищенности, потребность в которой адаптант ощущает более остро по сравнению с кадровыми работниками.

Следующий аспект адаптации к предприятию – собственно экономическая адаптация – на первый взгляд несколько выпадает из приводимой общей структуры адаптации. Ранее в литературе он не выделялся. Однако в последнее время некоторые исследователи адаптации стали вносить в ее структуру экономический элемент.

Экономическая адаптация тесно связана с другими аспектами адаптации, например, каждая профессия отличается особыми способами материального стимулирования труда, а зарплата тесно связана с его условиями и организацией. И все-таки представляется, что даже при столь тесной взаимосвязи экономические аспекты адаптации целесообразно анализировать отдельно. Объектом экономической адаптации является уровень заработной платы и способ ее распределения, концентрированно выражающие экономические отношения на предприятии и в обществе. Роль заработной платы двояка: она является мерой труда и основным источником доходов.

Экономическая адаптация – фактор экономического поведения и составная часть экономического сознания трудящихся. Экономическая адаптация предполагает в отличие от психофизиологической высокую активность работника.

Именно потому, что структура адаптации к предприятию столь сложна, невозможно однозначно определить критерий адаптации. Отдельные аспекты адаптации развиваются во времени крайне неравномерно, поэтому вряд ли можно говорить о достижении полной, абсолютной адаптации.

Во-первых, на разных этапах адаптации та или иная сторона (субъект или социальная среда) проявляют большую активность. Если доминирует субъект, говорят об активной адаптации, если среда – о реактивной. Наиболее типичным в современном обществе многие исследователи считают активно-реактивный характер адаптации, под которым имеется в виду большая активность субъекта по сравнению с активностью среды. Но это утверждение нуждается в доказательстве, поскольку должное в нем отождествляется с действительным.

Во-вторых, процесс адаптации никогда не бывает законченным. Его отличительным свойством является непрерывность. С этим положением тесно связаны понятие пределов, сроков и критериев адаптации. Пределы адаптации в нашей литературе, как правило, обходятся стороной. Известно, что конечным пределом адаптации к предприятию является производственная и непроизводственная идентификация, то есть отождествление интересов работника и предприятия, своего рода их слияние, ассимиляция. Последнее является целью всемерного повышения адаптированности работника к предприятию в условиях современного производства.

Общая адаптация может быть предельной только в случае полного соответствия работника и занимаемого им места. Вместе с тем и субъект, и объект адаптации находятся в постоянном развитии. Их соответствие достаточно условно и в любой момент может нарушиться, поскольку адаптация имеет обратимый характер. Неслучайно в понятие адаптации иногда вкладывается идея «установления динамического соответствия между рабочим местом и адаптантом и его дальнейшим профессиональным ростом. Вероятно динамическое соответствие и может служить теоретическим критерием адаптации, то есть наиболее существенным признаком того, что адаптация в основном завершена, и налицо состояние адаптированности субъекта, который, разумеется, не является абсолютным.

Эмпирическими признаками адаптированности в психологической литературе являются следующие:

- ориентировка в адаптивной среде как результат освоения индивидом новых производственных условий, что означает каче-

ственное повышение степени свободы адаптанта в конкретной производственной среде;

- достаточно высокая степень удовлетворенности своим трудом на рабочем месте и коллективом;

- повышение социально-профессионального положения адаптанта (повышение его квалификации, разряда, заработной платы);

- рост трудовой и общественно-политической активности;

- положительная производственная установка новичка, которая выражается в активно-положительном отношении к своему рабочему месту, профессии, коллективу, в намерении продолжать работу в новом коллективе;

- устойчивость (константность) указанной производственной установки.

В основе перечисленных признаков лежит удовлетворенность нового работника различными аспектами производственной среды, рост его социально-профессионального статуса и потенциальной устойчивости по отношению к предприятию. При этом решающее значение придается возрастанию удовлетворенности.

Как уже отмечалось, удовлетворенность – достаточно сложное понятие. Его многозначность заставляет поставить вопрос: какая же социально-психологическая реальность измеряется в терминах удовлетворенности в процессе адаптации к предприятию? Данное понятие используется в значениях оценки, мотива, отношения, установки, психического состояния. Удовлетворенность интерпретируется как функция соответствия окружающей среды потребностям работника, как состояние, обусловленное референтной группой. Эта многозначность объективно обусловлена сложностью самой удовлетворенности как социально-психологического феномена, представляющего функцию нескольких переменных: потребностей работника, оценки степени и возможных способов их удовлетворения, значимости для работника тех социальных норм, которые распространяются на данные конкретные сферы жизнедеятельности (нормы условий труда, уровня заработной платы).

По мнению некоторых исследователей, удовлетворенность может быть интерпретирована в двух смыслах: в узком – как внутренняя психологическая реакция на конкретную производственную ситуацию, и широком – как выражение адаптации личности, например, к производственной сфере в целом. Считается, что если рассматривать человека не просто как элемент социального целого, а как некоторую автономную по отношению к не-

му сущность, то одним из важнейших аспектов отношения человека к социальной реальности (например, к институту труда) становится социальная адаптация; тогда удовлетворенность трудом выступает как мера адаптации к социальной реальности.

Вместе с тем некоторые авторы, придерживаясь позиции сближения понятий удовлетворенности и адаптации, все же понимают, что адаптацию нельзя сводить только к удовлетворенности. Последняя лишь отчасти выражает адаптацию личности к предприятию. Адаптация в этом случае понимается как включенность личности в организацию не только на уровне норм, целей и ценностей, но и на уровне потребностей и интересов. То есть адаптация – это характеристика не только сознания, но и некоторых объективных факторов¹⁴. Эта концепция как бы перекидывает мостик от концепции адаптации как удовлетворенности к концепции адаптации как включенности. В соответствии с данной концепцией, производственная адаптация есть процесс возникновения и расширения многообразных связей и отношений между индивидом и предприятием с целью удовлетворения обоюдных интересов и достижения соответствия между ними в наибольшей мере обеспечивающего эффективный труд, развитие коллектива и личности, удовлетворение различных потребностей работника. С этой концепцией можно согласиться, так как расширение и возрастание взаимосвязей работника и коллектива предприятия по мере развития адаптации и роста стажа более чем очевидно и при этом более динамично, чем возрастание его удовлетворенности. Но эта концепция страдает и некоторой неполнотой. Так, ее авторы недостаточно разработали эмпирические показатели этих взаимосвязей и сводят их к показателям эмоционального отношения (удовлетворенности), а это вряд ли оправдано.

Сущность адаптации в сфере интеллектуально-трудовой деятельности на предприятии, как и в любой другой социальной среде, нельзя понять без ее функций. Функции данной адаптации тесно связаны с показателями адаптированности, поскольку обе категории характеризуют результаты процесса адаптации. Отличие в том, что показатели адаптированности характеризуют развитие личности адаптанта, а функции – социальные результаты адаптации с точки зрения общества в целом, отдельных его подсистем или конкретного производственного коллектива. Функции не разделяют строго на экономические и социальные, так как под

¹⁴ Попова И.М. Стимулирование трудовой деятельности как способ управления. Киев, 1986. С.20.

функциями адаптации понимаются социально-значимые ее последствия, которые распространяются не только на экономику, но и другие сферы социальной жизни.

Функции первичной и вторичной адаптации трудовой деятельности на предприятии различны. Среди основных функций первичной адаптации (возможны взаимопересечения) выделяют следующие:

- включение молодежи в систему трудовой деятельности в общественном производстве;
- первичное распределение кадров, которое никогда не бывает окончательным;
- социализация и профессионализация;
- замещение убывающих работников;
- обеспечение расширенного воспроизводства кадров;
- профессиональный отбор и ориентация.

Последний пункт говорит о том, что адаптация берет на себя функции, ей не свойственные. Это объясняется тем, что профотбор и профориентация не оформились в социальные институты, а их задачи частично решаются в ходе первичной адаптации.

Вторичная адаптация выполняет следующие функции (возможны взаимопересечения):

- перераспределение кадров;
- приведение в соответствие качеств работников требованиям рабочих мест;
- дальнейшая социализация и профессионализация;
- повышение уровня стабильности и сплоченности коллектива;
- совершенствование производственного климата.

Выделим основные группы социально значимых последствий (функций) адаптации к трудовой деятельности на предприятии (как первичной, так и вторичной):

- формирование определенного уровня производительности и качества труда работника;
- формирование отношения к труду как социальному институту;
- формирование отношения к конкретной производственной ситуации (формирование удовлетворенности);
- расширение и развитие взаимосвязи и взаимоотношений между работником и предприятием;
- формирование отношения к возможной смене своего рабочего места и предприятия.

Итак, удовлетворение основной массы как высших, так и низших потребностей на любом этапе исторического развития невозможно без функционирования общественного производства. Основным источником удовлетворения большинства потребностей всех членов общества является их совместная трудовая деятельность.

Но как следует из определения адаптации и анализа структуры составляющих ее потребностей и факторов, трудовая деятельность не является обязательным элементом процесса адаптации. Реализация любой из рассмотренных потребностей возможна вне трудовой деятельности, в то же время, посредством трудовой деятельности могут быть реализованы лишь некоторые потребности. Из этого следует, что, выбрав в качестве одного из объектов адаптации трудовую деятельность, необходимо учитывать, что трудовая деятельность является лишь одним из способов обеспечения адаптации личности и в каждом конкретном случае может быть или не быть оптимальной. В то же время, если рассматривать не конкретную личность, а совокупного работника, то не только оптимальным, а единственно возможным способом реализации ряда потребностей является трудовая (в том числе интеллектуальная) деятельность, то есть для общества в целом данная деятельность является необходимым условием адаптации личности, а уровень адаптации растет вместе с повышением эффективности этой деятельности. И хотя некоторые полагают, что «адаптация первична, трудовая деятельность вторична, не адаптация для трудовой деятельности, а трудовая деятельность для адаптации», но вряд ли эти рассуждения вразумительны и до конца осмыслены самими их авторами.

Таким образом, интеллектуальная деятельность является обязательным элементом процесса личностной адаптации. Духовное производство, каким и является мышление, формирующее наше сознание, наиболее перспективный путь успешной адаптации личности¹⁵.

§ 4. Аксиология экономического сознания

Аксиологичность экономического сознания – очевидный факт, не требующий особых доказательств. Но этот факт требует

¹⁵ О социально-экономических аспектах воспроизводственной адаптации более подробно см.: *Стожко К.П.* Экономическая диалектика человека. История. Теория. Методология. Екатеринбург, 1994. С.385–416.

понимания. В самом деле, в чем собственно заключается аксиология экономического сознания? Что это – этика мышления, эстетика категориальности, нравственность оценок? Но ведь этика в общем и целом связана с человеческим поведением, при чем тут сознание, да еще экономическое? Мало ли какие фантазии посещают наше воображение! Одни по ночам испытывают безудержные сексуальные фантазии, оставаясь при этом пуританами в жизни и не решаясь их воспроизвести даже в супружеской постели. Другие наяву фантазируют по поводу своей будущей успешной карьеры, богатства и т.д., иллюстрируя вариант «маниловщины». Но при этом какая может быть аксиология экономического сознания? Ведь от сознания до поведения – дистанция отнюдь не в «четыре шага».

Оказывается, что моральная характеристика человеческой природы самым непосредственным образом затрагивает и экономическое сознание. Человек есть не только «то, что он ест», но и то, что он думает. Именно поэтому этика на протяжении всей своей истории была аксиологией хозяйства. Этика Эпикура, Лукреция, стоиков в древности в концентрированной форме отражала именно экономическое сознание. Собственно, она служила как бы средством этого отражения. Если экономическое сознание было и остается отражением человеческого разумом объективной хозяйственной деятельности, то аксиология как этика в широком смысле слова была выражением, воплощением человеческих чувств и эмоций, порожденных экономическим сознанием.

Локк пришел к выводу о том, что умозрительные положения и моральные принципы не являются врожденными, а приходят из опыта. Отсюда – его идея воспитания. Против рационализированного толкования моральных норм выступал и его ученик А. Шефтсбери (1671–1713), высказавший мысль об естественном и неестественном в человеке. Д. Юм (1711–1776) нашел в человеке эгоистические и альтруистические побуждения. При этом мораль он относил к сфере чувств, а не к сфере разума. Разум, по его мнению, имеет дело с тем, что есть, а не с тем, что должно быть. Но разве то, что есть, не нуждается в оценке? Б. Мандевиль (1670–1733) в уже упоминавшейся «Басне о пчелах» показал, что стало бы с обществом, если бы все люди вдруг в одно мгновение оказались честными, если бы исчезли обман, тунеядство, мошенничество. Но он вряд ли предвидел, что произойдет с обществом в XX в. вследствие разрастания масштабов алчности, эгоизма и невежества.

Дж. С. Милль (1806–1873) и И. Бентам (1748–1832) создали этику утилитаризма, смысл которой состоял в идее о том, что стремясь к личной выгоде, человек автоматически увеличивает благо общества. На этом моральном фундаменте и возникла классическая экономическая теория в Англии (А. Смит, В. Петти, Д. Рикардо). Дальнейшее развитие экономического сознания в русле научности, почти целиком и полностью было связано с гедонизмом и утилитаризмом. В определенном смысле и современная западная экономическая мысль строит свои теоретические конструкции на прежнем фундаменте. З. Фрейд (1856–1939), исходивший из признания невозможности контроля сознания над областью бессознательного, создал свою концепцию психоанализа, посредством которой осудил культуру и воспел половой инстинкт. «Всякая культура зиждется на принуждении к труду», ни более ни менее. И все же: «Как неблагоприятно, как, в общем, близиуко стремиться к отмене культуры»¹. Наконец, Дж. Мур (1873–1958) подверг критике прошлый и современный гедонизм и утилитаризм, но предложил свои идеи «моральной обязанности» и «внутренней ценности», которые в свою очередь весьма «смахи-вают» на утилитаризм².

Достаточно полный историографический анализ развития морали был дан в свое время А. Ф. Шишкиным, который весь смысл в ее эволюции свел к коллизиям между бескорыстием и алчностью!³

С нашей точки зрения, эволюция человеческой морали в целом, а в хозяйственной, экономической сфере человеческой жизнедеятельности в частности, имеет гораздо более глубокий смысл. Она состоит в контраверзе духовности и бездуховности человеческого сознания, его наполненности (или ненаполненности) идеалами высшего порядка. Сама по себе духовность вне морали не существует. Но и мораль без сознания «мертва». «Духовность, лишенная своих основ, становится воздушным шариком, парящим над грубым миром, чтобы наблюдать его со стороны, а иногда и развлекать его». Теоретик современного французского персонализма Э. Мунье не меньше основоположника пролетарской политической экономии К. Маркса критикует капи-

¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии /Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю. Ж.П. Сартр. Сумерки богов. Сб. М., 1989. С.104.

² См.: Мур Дж. Э. Природа моральной философии: Пер. с англ. М., 1999. С. 328–346.

³ См.: Шишкин А. Ф. Человеческая природа и нравственность. М., 1979.

тал за его аморальность: «Капиталистическая прибыль живет за счет двойного паразитирования: одного, идущего против природы, за счет денег, другого, идущего против человека, – за счет труда»⁴. Излагая принципы «экономики, служащей личности», он заявляет, что «капиталистическая экономика – это полностью извращенная экономика». Предлагая свою модель «персоналистской экономики», служащей «всецело личности», Э. Мунье провозглашает примат труда над капиталом, примат личной ответственности над анонимным аппаратом, примат социальной службы над прибылью, примат «организмов над механизмами». Трудно не согласиться с такой экономической аксиологией, тем более, что автором дана нелицеприятная оценка протестантской этике: «Замена индустриальной прибыли спекулятивным барышом, ценностей творчества – ценностями комфорта мало-помалу превращали индивидуалистический идеал»⁵.

Контраверза духовности и прагматизма в хозяйственной этике пронизывает и современное экономическое сознание. Но что есть духовность в хозяйстве? Что такое дух хозяйства? Об этом размышляли М. Вебер, В. Зомбарт. Но лучше всех, на наш взгляд, эту проблему высветил С.Н. Булгаков: «Содержанием хозяйственной деятельности человека является не творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого и натиск на омертвелое»⁶. Но «для того, чтобы творить, надо не только хотеть, но и мочь»⁷. Чтобы творить – надо верить в то, что творишь. Мысль не новая, даже обычная для религиозной философии конца XIX – начала XX вв. Но и в более позднее время, за пределами России незабытая: «отправляясь на поиски идей, нужно искренне желать их найти: иначе ничего не получится».

Аксиология экономического сознания как проявление его духовности есть не просто рассудочно-оценочная функция экономического мышления, а основанная на творчески-созидательном отношении к экономике функция экономического синтеза. Осуществляя мыслительный анализ, то есть разлагая, расчленяя изучаемое явление на «элементарные клеточки», затем необходимо осуществить именно духовный, а не просто логический синтез явления, то есть воспроизвести его в лучших, наиболее эффективных его свойствах (предикатах). Видеть луч-

⁴ Мунье Э. Манифест персонализма: Пер. с фр. М., 1999. С.278.

⁵ Там же. С.276.

⁶ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С.117.

⁷ Там же. С.111.

шее, ценить лучшее, желать лучшего, надеяться на лучшее – смысл духовности хозяйственного мышления и суть оптимизма. Если врач, оперируя больного, не верит и не надеется на благополучный исход операции и выздоровление пациента – он знахарь, эдакий доктор Санградо из романа Р. Лессажа «Похождение Жиль Блаза». Если учитель не верит в ученика и не надеется на то, что тот пойдет дальше учителя и достигнет большего – он «хрыч» из «Холодного дома» Ч. Диккенса. Если музыкант не вкладывает свою душу в сочинения других, более великих композиторов и не пытается их улучшить – он тапер, достойный не консерватории, а трактира. В этом и состоит духовность экономического, хозяйственного мироощущения, миропонимания и мироотношения. Заниматься экономикой (бизнесом, экономической политикой, арбитражным судопроизводством и т.п.) не веря и не надеясь на улучшение, на обновление и процветание, руководствуясь только личным интересом (эгоизм) могут только нравственные калеки.

Экономическое мышление имеет две стороны: чувственную и рассудочную. Чувственная сторона экономического мышления воспроизводит экономические, хозяйственные отношения и взаимосвязи в виде ощущений, восприятий, настроений, представлений. Тем самым формируется экономическая, хозяйственная психология. Рассудочное экономическое мышление связано с идеологическим, научным и философским осмыслением феномена хозяйства. Но вряд ли можно безоговорочно согласиться с установившимся представлением о том, что чувственное – это иррациональное, а рассудочное – это рациональное в мышлении. «Первое впечатление самое верное» – говорят в народе. Поддавшись великодушию и поступив искренне, д'Артаньян в романе «Три мушкетера» добивается от Анны Австрийской по доброй воле того, что сперва вырвал у нее хитростью и силой. И наоборот, исключительно рассудочное мышление в координатах строгого рационализма приводит к тому, что «хотели как лучше, получилось как всегда». Только единство, синтез двух сторон в мышлении и формируют здоровое, полноценное экономическое сознание, аксиологичное и эффективное по своей сути. Этот органичный синтез как условие аксиологической корректности, полноценности экономического сознания есть то, что дается свободой. «Свобода сознания является основой личной свободы»⁸.

⁸ Лангер С. Философия в новом ключе: Пер. с фр. М., 2000. С.258.

Только при условии свободы разума возможен полноценный синтез чувства и рассудка. Только в условиях свободы разума экономическое сознание есть синтез духовного и прагматического отношения к хозяйству, в котором человек ищет не только комфорта, но и объяснения смысла такого уникального эксперимента, каким является его жизнь. Если жизнь – это «спасение творчеством» (Н. А. Бердяев), то «творчество требует для своего существования двух условий: во-первых, наличности замысла, свободы изволения и, во-вторых, мощи, свободы исполнения» (С. Н. Булгаков). Только поэтому свобода разума есть высшая ценность в шкале аксиологии экономического сознания. И хотя самоопределение человека в рамках экономического сознания отнюдь не тождественно самоопределению личности во всех сферах бытия, само экономическое сознание безусловно изменяет саму ситуацию бытия. По мнению М. Хайдеггера, мышление уже есть бытие. Благодаря мышлению человек может преодолеть узкие границы сущего, и лишь благодаря сознанию он может это установить. Однако мышление, если оно и есть бытие, есть бытие «незаконченное». Результатом мышления, придающим бытию некую завершенность, является именно сознание. Но и сознание есть также нечто незавершенное, неустойчивое. Оно постоянно находится в движении, переживает «цепную реакцию» метаморфоз. Экономическое сознание в этом отношении не исключение. Решающую роль в развитии сознания играют аксиологические доминанты, ценностная иерархия и продуктивное воображение. «Можно даже сказать: мыслить – это выдумывать, не веря в выдуманное»⁹. Субъект сознания – человеческая личность, посредством апперцепции и продуктивного воображения выстраивает иерархию фактов и систему ценностей как на бытовом, так и общественном уровнях в контексте конкретно-исторических обстоятельств. Это очень важное обстоятельство для понимания природы экономического сознания. Ведь и до сих пор «препарируя духовный мир человека, абстрагируя из него устойчивые структуры и схемы поведенческих реакций, наука фактически убивает живое, не может подняться с уровня анализа до уровня синтеза»¹⁰. Созидает же живое знание креативное сознание и творческое мышление. Человек не просто отражает хозяйственный мир в своем экономическом мышлении и сознании,

⁹ Ален (Шартье Э. О.) Суждения: Пер. с фр. М., 2000. С.24.

¹⁰ Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. С.206.

он его «идеально» преобразует, мысленно усовершенствует. Словно действует по принципу «во всем видеть хорошее», или «у природы нет плохой погоды». Это творческое отражение и является феноменом экономического сознания, которое в определенном смысле превращается в сознание художественное. Это, на первый взгляд, еретическая мысль тем не менее имеет серьезные основания в хозяйственной сфере человеческого бытия. «Научная новизна» в любой диссертационной работе исследователя, перестановка мебели в кабинете нового начальника и т.д. – все это движение творческого начала в хозяйственном, экономическом мышлении, определенное эксклюзивное, авторское видение объекта. Без творчества трудно представить аксиологичность сознания, как без креативности и само (экономическое в том числе) мышление.

Феноменология процесса креативности это одновременно и философия экономического сознания, экономического мышления.

Понятие «творчество» (*креативность*) определяется различными исследователями по-разному: для одних это – способность порождать «побочные» идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, быстро решать проблемные ситуации; другие понимают под креативностью прошлые, сопутствующие и последующие характеристики процесса в результате которого человек или группа людей создает что-либо не существовавшее ранее.

В отечественной науке креативность отождествляется с творческими способностями и определяется как способность распознавать и ассимилировать в деятельности побочный продукт, порождающийся в процессе деятельности и не имеющий прямого отношения к цели. Это, на наш взгляд, очень узкое, а в определенном смысле и неправильное толкование креативности.

С конкретно-экономической, организационной и психологической точки зрения креативность зависит от способности человека использовать данную информацию, получаемые сведения в определенных параметрах времени и места («Дорога ложка к обеду»). Эта способность и называется креативностью. Она изучается, как правило, независимо от интеллекта. Хотя вопрос о зависимости креативности от интеллекта остается пока спорным. Некоторые ученые рассматривают креативность как одну из сторон интеллекта, но не измеряемую традиционными интеллектуальными тестами. Например, Дж. Гилфорд пытался определить креативность посредством познавательных переменных. Он и его сотрудники выделили шестнадцать гипотетических интеллектуальных способностей, характеризующих креативность. Среди

них: беглость мысли (количество идей, возникающих в единицу времени), гибкость мысли (способность переключаться с одной идеи на другую), оригинальность мышления, любознательность, способность к разработке гипотезы, иррелевантность, способность переключаться с одной роли на другую в процессе обсуждения (защита, оппонирование), фантастичность. Дж. Гилфорд объединил эти факторы под общим названием «дивергентность» мышления, которое проявляется тогда, когда проблема только еще должна быть определена и когда не существует заранее предписанного, установившегося пути решения¹¹.

Прежде всего заметим, что в большинстве определений творчества, независимо от того, носят они обобщенный (Я. А. Пономарев рассматривает творчество как взаимодействие, ведущее к развитию) или частный (С. Л. Рубинштейн определяет творчество как деятельность, созидающую «нечто новое, оригинальное») характер, отчетливо проявляется ориентация на процессуальную или продуктивную стороны творчества.

А. М. Матюшкин определяет творчество как выход за пределы уже имеющихся знаний, преодоление, опрокидывание границ. М. Г. Ярошевский считает, что «творчество означает созидание нового, под которым могут подразумеваться как преобразования в сознании и поведении субъекта, так и порождаемые им, но и отчуждаемые от него продукты».

Приведенные определения, иллюстрирующие попытки определить творчество по его продукту, содержат некоторое ограничение. Бесспорно и очевидно, что сущность творчества проявляет себя в творческих продуктах: идеях, поведении, материальных объектах. В то же время описания результатов творчества, продвигая нас к познанию его сущности не дают полного представления об этом феномене.

Так же можно выделить определения творчества, акцентирующие внимание на его процессуальном аспекте. В. М. Бехтерев определял творчество как созидание чего-либо нового в ситуации, когда проблема-раздражитель вызывает образование доминанты, вокруг которой концентрируется необходимый для решения запас прошлого опыта.

Учитывая то, что носителем творчества является человек, а креативность – его неотъемлемым атрибутом, логично определить креативность как способность человека к конструктивному,

¹¹ См.: Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М., 1965.

нестандартному мышлению и поведению, а также осознанию и развитию своего опыта.

Креативность проявляет себя многообразно. Это – быстрота, гибкость, точность, оригинальность мышления, богатое воображение, чувство юмора, приверженность высоким эстетическим ценностям, степень детализации образа проблемы.

В зарубежной литературе существует около сотни определений креативности. Все имеющиеся определения можно условно разделить на шесть типов: гештальтистские (описывающие креативный процесс как разрушение существующего гештальта для построения лучшего), инновационные (ориентированные на оценку креативности по новизне конечного продукта), эстетические или экспрессивные (делающие упор на самовыражение творца), психоаналитические или динамические (описывающие креативность в терминах взаимоотношений Оно, Я и Сверх-Я), проблемные (определяющие креативность через ряд процессов решения задач. К этому разряду можно отнести и определение Дж. Гилфорда (Креативность – процесс дивергентного мышления). В шестой тип входят определения, не попавшие ни в один из перечисленных выше, – разные, и в том числе весьма расплывчатые (например, «добавление к запасу общечеловеческих знаний»).

Количество определений креативности, накопившееся к настоящему моменту в науке, уже трудно оценить однозначно. Процесс понимания того, что такое креативность, сам требует креативного действия. В контексте различных толкований креативность сознания выступает как его устремленность к чему-то значимому и новому, нацеленность на изменение мира к лучшему.

В настоящее время для описания креативности используются подходы, предложенные Р. Муни (1963) и А. Штейном (1969). Они используются многими исследователями и сегодня. В исследованиях креативности, интерес к которой за последние годы сильно возрос, рассматривают четыре основных аспекта: креативный процесс, креативный продукт, креативную личность и креативную среду (сферу, структуру, социальный контекст, формирующий требования к продукту творчества). Часто эти подходы используются вместе.

Рассмотрим *креативность как процесс*. Т. Тардиф и Р. Стенберг, пытаясь проанализировать все разнообразие точек зрения, выделили два наиболее общих подхода к процессу, креативности: как к процессу, протекающему в отдельной личности в отдельный момент времени (этой точки зрения придерживается

большинство исследователей), или как к процессу, зависимому от системы социальных связей, проблемных сфер, критериев оценок креативного продукта и т.д., то есть в широком социальном и историческом контексте; при этом процесс креативности не теряет своей связи с индивидуальностью творца, но требует иного подхода к анализу процесса и его созревания.

Различные исследователи делают акцент на разных составляющих процесса креативности, либо ставя во главу угла одну составляющую, которая признается центральной, либо выстраивая сложную систему взаимодействующих процессов¹².

П. Торранс, вслед за Дж. Гилфордом описывает креативность в терминах мышления, понимая творческое мышление «как процесс чувствования трудностей, проблем в информации, недостающих элементов, перекоса в чем-то; построения догадок и формулировки гипотез, касающихся этих недостатков, оценки и тестирования этих догадок и гипотез; возможности их пересмотра и проверки и, наконец, обобщения результатов».

С. Медник постулирует, что в основе креативности лежит способность выходить за рамки стереотипных ассоциаций, работать с широким семантическим полем.

Д. Фелдман предлагает трехчастную модель креативного процесса, имеющую три связанные между собой составляющие: 1) рефлексивность как основной процесс, отличающий человека от животных, позволяющий формировать самосознание, самооценку, посредством языка планировать, отражать и анализировать мир; 2) целенаправленность, или интенциональность, позволяющую организовать переживаемый опыт «внутри и снаружи организма»; которая вместе с верой в возможность изменений к лучшему позволяет реально изменять среду; 3) владение способами трансформации, реорганизации, которые предлагаются культурой и обуславливают индивидуальные различия. Многие исследователи считают, что процесс креативности специфичен для разных сфер деятельности и знаний. Однако некоторые общие требования к процессу креативного мышления можно выделить. Креативный процесс независимо от проблемы, на которую он направлен, необходимо включает следующее:

1. Изменение структуры внешней информации и внутренних представлений с помощью формирования аналогий и соединения концептуальных пробелов.

¹² См.: *Торшина К.А.* Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии // *Вопр. психологии.* 1998. С.123–132.

2. Постоянное переформулирование проблемы.
3. Применение существующих знаний, воспоминаний и образов для создания нового и применения старых знаний и навыков в новом ключе.

4. Использование невербальной модели мышления.

5. Процесс креативности требует внутреннего напряжения, которое может возникать тремя путями: в конфликте между традиционным и новым в каждом шаге креативного процесса; в самих идеях, в различных путях решения или предполагаемых продуктах; оно может создаваться между хаосом неопределенности и стремлением перейти на более высокий уровень организации и эффективности внутри индивидуальности или общества в целом. Возможно, все три вида напряжения возникают на разных этапах креативного процесса.

Важно отметить немалую роль времени в процессе креативности: как долго он длится. Одни подчеркивают длительный период созревания идей. Например, описывая процесс открытия роли естественного отбора в эволюционном процессе Ч. Дарвином, Х.И. Грубер подчеркивает, что инсайты в процессе работы случались часто, но не для построения концепции в целом.

Другие признают центральным моментом креативного процесса вспышку инсайта. Феномен инсайта остается в фокусе внимания исследователей и вызывает споры по поводу определения самого понятия и его роли в творческом процессе. Спектр мнений очень широк: от практического сведения креативного процесса к исходному инсайту до отрицания специфической роли инсайта в креативности.

Другой обсуждаемый исследователями вопрос: что служит толчком для развертывания креативного процесса?

Первая дихотомия мнений разворачивается в вопросе о роли целеполагания в креативности. Большинство исследователей считают, что креативный процесс – форма активности в проблемном поиске, сознательная и целенаправленная попытка расширить существующие границы знаний, разрушить существующие ограничения. С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой креативные продукты суть результаты случайных изменений, стадий порождения и отбора в креативном процессе. Промежуточная позиция состоит в том, что креативный процесс инициируется неудачной попыткой в объяснении или не подтверждающейся гипотезой, либо попыткой включить новые идеи в существующие знания, либо попыткой прорваться с помощью самоорганизации через существующий хаос.

Еще одна проблема – уровни проявления креативного процесса у разных людей. Говорят как о «большой» креативности, вносящей изменения или дополнения в существующее знание, так и о «малой» (например, умение украшать комнату цветами или умело подбирать цветовую гамму в интерьере). А. Эйнштейн, например, был высоко креативен, никто из современников не достиг его уровня. По мнению Д. Фелдмана, уровень креативности может быть определен только в исторической перспективе¹³.

Спорным представляется также вопрос: является ли креативный процесс «нормативным», но имеющим более сильные и слабые проявления, или он доступен только определенным индивидам (Эдисону, Пикассо, Моцарту и другим) в редкие моменты времени? Сторонники есть и у той, и у другой точек зрения. Если креативность признается нормативным процессом, то она присуща любому человеку – взрослому или ребенку.

Наконец, важный вопрос – наличие сознательных и бессознательных компонентов в процессе креативности. Многие считают, что умение выражать приходящие из бессознательного идеи – ключ к креативному процессу. Креативность достигается тогда, когда бессознательные идеи вносятся в сознательные утверждения. Сами творцы и носители выдающейся креативности подчеркивают активность бессознательного в творческом процессе. Эта концепция восходит к психоаналитической трактовке: К. Юнг, например, считал, что творчество делится на два вида – психологическое, связанное с работой сознания, и визионерское, выражающее архетипические образы бессознательного.

Другие авторы игнорируют роль бессознательного в креативности. Консенсус лежит посередине: взвешенная точка зрения отводит бессознательным процессам в креативности определенную роль. Например, П. Ленгли и Р. Джонс приписывают важную роль бессознательным элементам в контексте активации памяти, которая релевантна творческому инсайту и делает доступной информацию, сознательно не затребованную.

В целом можно сделать вывод о том, что креативный процесс является специфическим для разных областей знаний, но обладает общими характеристиками; он имеет временные рамки и определенные этапы; важной составляющей его является инсайт; креативность – нормативный процесс, однако уровни его проявления зависят от личностных качеств и средовых характе-

¹³ Торшина К. А. Указ. соч. С.130.

ристик; важной можно считать роль бессознательного в этом процессе.

Таким образом креативность – многоаспектное понятие, включающее в себя различные составляющие процесса креативности, функциональные механизмы. Необходимо также отметить, что хотя понятие «креативность» давно вошло в психологический словарь, ученые еще не сошлись в едином мнении по его поводу. По сегодняшний день уточняются как определение этого понятия, так и его структурные элементы.

Теперь, когда определено понятие «креативность», рассмотрим какие же структурные элементы креативности и творческие способности необходимы руководителю для квалифицированного принятия управленческих решений. Ведь управленческая функция по существу инновационная и предполагает интеллект. Принятие решений требует самого творческого и квалифицированного подхода, и поэтому лица наделенные правом принятия управленческих решений должны уметь мыслить широко, быть инициативными, правильно использовать разностороннюю аналитическую информацию¹⁴. С этим согласно большинство современных исследователей.

Так, С. Д. Мартынов считает, что создавая структуру профессионализма менеджера, необходимо предъявлять несколько требований к его интеллектуальным способностям. Важнейшие из них – гибкость, подвижность, диалектичность, то есть умение находить решение в нестандартных ситуациях¹⁵.

Зарубежные авторы Дж. Кенджми и К. Ковальски отмечают следующие особенности успешно действующего руководителя:

- способность к экстраполяции,
- способность к разработке нескольких проблем одновременно,
- устойчивость к ситуации неопределенности.

Итак, многие авторы сходятся во мнении, что для компетентного, эффективного принятия решения руководителю необходимо иметь развитые творческие способности.

Рассмотрим этапы процесса принятия управленческих решений. Все вышеперечисленные способности являются для этого необходимыми. Творческие способности могут пригодиться и

¹⁴ См.: Чумаченко Н. Г., Заботина Р. И. Теория управленческих решений. Киев, 1981.

¹⁵ См.: Мартынов С. Д. Профессионалы в управлении. Л., 1991.

проявиться на этапе определения альтернатив, это мы рассмотрим ниже.

Так, на этапе *диагностики проблемы* необходимы следующие способности: способность быстро перерабатывать поступающую информацию, видеть и выделять существенное, умение мыслить стратегически, аналитическое мышление.

На втором этапе – *формулировки ограничений и критериев принятия решения*, который представляет собой основу фактически осуществляемого выбора, управляющие должны четко представлять, чего они хотят достичь и на первый план выходит способность прогнозирования, способность видеть ситуацию в ее развитии.

Особое значение приобретают *творческие способности, креативность, инициативность, гибкость и чувство нового на этапе определения альтернатив*. Управленческие решения по своей сути имеют зачастую инновационный характер, когда необходимо предпринять действие, но нет приемлемых альтернатив. Этот процесс требует от руководителя умения отказываться от стереотипных способов мышления, умения вырабатывать оригинальные, прежде не практиковавшиеся решения, отличающиеся высокой экономической эффективностью.

Эффективное осуществление процесса *оценки и выбора альтернативы* предполагает наличие у руководителя развитой критичности мышления, логического аппарата мышления, умения использовать профессиональный опыт и интуицию, умение не утонуть в потоке информации, умение систематизировать информацию.

На этапе *реализации альтернативы*, когда принятое руководителем решение переходит к его подчиненным, необходима последовательность, а также большое значение приобретает социальный интеллект, позволяющий донести решение до исполнителей без искажений.

Огромное значение снова приобретает критичность мышления, рефлексивные способности на последнем этапе – *получения обратной связи и коррекции решения*, когда руководитель оценивает эффективность принятого решения, а также для коррекции необходимо умение правильно использовать разностороннюю аналитическую информацию.

Таким образом, мы рассмотрели этапы принятия решения и необходимые способности, начиная от их истоков, от этапа их порождения до полной реализации заложенной в них программы

действий. Обобщенные результаты нашего анализа приведены ниже:

**Способности, необходимые на этапах принятия
управленческого решения**

Этапы принятия управленческих решений	Необходимые признаки личности
1. Диагностика проблемы	Способность быстро перерабатывать поступающую информацию, аналитичность мышления. Прогностические способности.
2. Формулировка ограничений и критериев принятия решения	Креативность.
3. Определение альтернатив	
4. Оценка альтернатив и выбор.	Критичность.
5. Реализация альтернативы.	Последовательность, практический интеллект, социальный интеллект.
6. Получение обратной связи и коррекция.	Рефлексивные способности, критичность мышления

В повседневной практической деятельности по управлению объектами приходится принимать множество как относительно простых, так и сложных решений. Способность «выдавать» идеи, творчески мыслить, концентрировать внимание на проблемах, быть уверенным в себе, согласовывать решение с коллегами, вышестоящим руководством и добиваться их успешного претворения в жизнь – это качества, которые способствуют преуспеванию менеджера. Такой менеджер отличается определенными внутренними и внешними признаками. Выделяются следующие признаки преуспевающего менеджера:

Внешние:

- его узнают с первого взгляда;
- он несет в себе творческий заряд;
- у него открытый взгляд;
- с первых слов ясно, что добьется результатов.

Внутренние:

- овеян духом инициативы, мужества, радости труда;
- имеет присущие ему взгляды на жизнь;
- не верит в интриги, ложь, случайность;
- верит в действенность своих усилий;
- верит в способность превозмочь трудности;
- верит в движущую силу поставленных целей.

Современные зарубежные исследования, проведенные в последней трети XX в., показали, что творческие личности по сравнению с менее творческими отличаются большими умственными способностями, желанием экспериментировать и накапливать новый опыт, свободой от внутренних самоограничений, эстетической впечатлительностью, гибкостью и независимостью мышления и действий, высокой творческой энергией, способностью концентрировать свои творческие усилия, стремлением к решению все более трудных проблем¹⁶.

Э. Торранс и Л. Холл выделяют следующие качества творческой личности:

- высокая способность к действиям, выходящим за рамки обычных, естественных явлений;
- высокая способность проникновения в нужды других людей;
- способность внушать веру в свои силы тем, кто с ним общается, проявлять сопереживание, интуицию, дружелюбие, оптимизм;
- способность разрешать конфликты там, где они не имеют логического решения;
- наличие чувства грядущего – яркое представление того, что будет;
- способность к трансцендентальной медитации и достижению просветления и самореализации.

К. Тэйлор указывает на такие черты творческой личности:

- независимость и самостоятельность;
- склонность к риску;
- активность;
- любознательность;
- неутомимость в поисках;
- неудовлетворенность существующим (методами, традициями), что вызывает недовольствие окружающих;
- не просто отрицание, а стремление изменить существующее;
- нестандартность мышления;
- готовность принимать решения;
- дар общения;
- талант предвидения.

¹⁶ См.: Кхол Й. Эффективность управленческих решений: Пер. с англ. М., 1975; Планкетт Л., Хейл Г. Выработка и принятие управленческих решений: Пер. с англ. М., 1984 и др.

М. Вудкок и Д. Френсис, анализируя препятствия, ограничивающие личностный рост менеджера на основе развития его способностей, установили следующие семь ограничений, мешающих творчеству:

1. **Лень.** По мнению ученых, преждевременное ослабление усилий не позволяет устранить препятствия, мешающие творческим достижениям. Если не поддаваться лени, можно освоить различные подходы к творческому решению проблемы.

2. **Устоявшиеся привычки.** Выработанные в процессе опыта рабочие стереотипы действий могут стать врагами творчества, препятствующими инновациями.

3. **Излишняя напряженность.** Внутренняя тревога и беспокойство, порождаемые как воспитанием, так и складывающимися обстоятельствами, непроизвольно порождает в человеке ощущение угрозы из-за неопределенности своего существования. Этот страх заставляет человека придерживаться хорошо известных вещей, событий, фактов и закрывает дорогу к использованию новых путей и возможностей. Одной из причин хронической неуверенности может быть плохое здоровье. Работа по его улучшению может дать хорошие результаты в плане устранения внутриличностной тревоги.

4. **Ослабленная целеустремленность.** Стремление к новизне, улучшению, иному взгляду на жизнь, к перемене места пребывания – характерная черта творческого человека. Стремление к достижению иного состояния, чем нынешнее, может быть усилено при помощи целенаправленного внушения в аутогенном состоянии.

5. **Недостаточные возможности.** Творчество требует определенных ресурсов, как материальных – деньги, оборудование, материалы, так и духовных, которые включают в себя необходимые материальные средства, которые человек получает в обмен на свои профессиональные достижения. Поэтому постоянная учеба, увеличивающая внутренние возможности и ресурсы, – необходимое условие творчества.

6. **Излишняя серьезность.** Многие исследования творческого интеллекта отмечают склонность их носителей к разного рода шуткам, розыгрышам, забавам, играм. Игра необходимо требует фантазии, и такая фантазия развивается в процессе занятий моделированием, конструированием, искусством. Слишком серьезные люди склонны придерживаться заданных норм и правил, то-

гда как творческий подход – это в какой-то мере почти всегда нарушение правил, выход за пределы общепринятого мнения¹⁷.

При этом авторы выделили и такие мировоззренческие ограничения, как:

- размытые личные ценности;
- смутные личные цели;
- недостаток творческого подхода.

Из всего многообразия барьеров, ограничивающих возможности управленческой деятельности эти наиболее важные. Взгляд на себя, самоанализ, по мнению авторов, есть первый шаг на пути к собственному развитию¹⁸.

Среди актуальных проблем совершенствования хозяйственной деятельности в целом, а управленческой, в частности, острой является обеспечение творческой продуктивности в реализации поставленных целей. Здесь важно сосредоточиться на трех приоритетных направлениях, таких, как формирование оптимальной модели (системы) управленческого труда, развитие и эффективное задействование творческого потенциала руководителей на всех возрастных этапах их деятельности, активное акмеологическое сопровождение жизнедеятельности субъектов.

Труд руководителей можно рассматривать как совокупность таких взаимосвязанных компонентов, как профессиональная и другие виды деятельности, общение и отношения, личностное развитие субъекта труда и другие целенаправленные проявления его активности, обеспечивающие получение конкретного результата (продукта). Правомерно предположить, что без создания оптимальной модели труда нецелесообразно говорить о решении иных частных задач, связанных с задействованием такой модели. В чем же принципиальные «контуры» оптимальной акмеологической модели творческого труда руководителей?

Каждый человек, сделавший жизненный выбор и признавший собственную ценность в качестве профессионала, безусловно, стремится к достижению соответствия уровня своей профессиональной компетентности требованиям избранного вида труда. Такое соответствие прослеживается во взаимосплетении общей (общекультурной и общепрофессиональной) сформированности руководителей данного профиля. Следовательно, независимо от того, в каких условиях и какие объективно предписанные должностные функции выполняют управленцы, они осуществляют

¹⁷ Вудкок М., Фрэнсис Д. Раскрепощенный менеджер: Пер. с англ. М., 1991.

¹⁸ Там же. С.108.

управленческий труд во вполне определенном деятельностном поле. Все эти измерения характеризуют объективную сторону их самобытного труда.

Другая, субъективная сторона такого труда проявляется в неповторимом образе руководителя как профессионального деятеля, которому присущ собственный стиль жизни, повседневной деятельности, отношений и выполнения конкретных задач. Именно сплетение всех отмеченных объективных и субъективных компонентов представляет собой то, что мы называем профессиональным трудом руководителя. Системообразующим звеном здесь выступает цель труда, которая материализуется в совокупном его результате. Рассмотрим данный феномен более детально.

Прежде всего, выделяя для каждого управленца то общее и единое основание, на котором он продуктивно задействует свой творческий потенциал и успешно продвигается к вершинам профессионализма, следует его определить как оптимальную систему труда. В рамках такой системы ему достаточно простора, чтобы проявиться на высшем инновационно-исследовательском уровне как субъекту деятельности, личности и индивидуальности со своими самобытными данными. Именно здесь раскрывается его профессиональное творчество через оригинальное мышление, продуктивное развитие и оптимальный стиль самореализации в жизни и во всех аспектах избранного труда – в управленческой деятельности, повседневных отношениях, личностном развитии и совокупном результате труда. Эта система позволяет ему в целом полноценно и активно реализовывать избранную жизненную стратегию, добиваясь гармоничного удовлетворения всех главных своих потребностей.

Восхождение к данным вершинам, как показывает опыт эффективных руководителей, пролегает через создание собственной, наиболее приемлемой системы управленческого труда. *Выделение базовых дефиниций продуктивного труда дает возможность выявить наиболее общие очертания такой системы. Они могут быть полезными для использования в образовательных и иных структурах, конкретных ситуациях, когда управленец пытается творчески решать возложенные на него задачи и эффективно выполнять должностные функции.*

Следует отметить, что характер управленческого труда детерминирован многими, но системно взаимосвязанными принципами и нормами. Их требования, отражая содержание критериев оптимальности, определяют границы целесообразного управлен-

ческого поля. В соответствии с ними формируются оптимальные связи, отношения и целостное основание, на котором обеспечивается продуктивная реализация управленческих функций, удовлетворяются жизненные потребности. В числе ведущих признаков (критериев, принципов) оптимальности системы труда руководителей следует выделить: удовлетворенность социальным статусом, профессиональную компетентность, долголетие, успешность управленческого труда, субъектность руководителя, включенного в совокупность всей складывающейся реальности.

Все данные признаки базируются на нормативных государственных требованиях, целях и задачах, решаемых в конкретной структуре управления. Они, кроме того, учитывают гуманистические общечеловеческие ценности, интересы и потребности конкретного человека. Здесь важно выделить содержательные стороны каждого признака, которые характеризуют преимущественное их действие в качестве детерминант. Они представлены в виде следующих требований.

1. *Принцип удовлетворенности социальным статусом* руководителя оказывает приоритетное влияние на формирование всей структуры управленческого труда – мотивационные, операциональные и результирующие компоненты. По своему содержанию этот принцип включает: нормативный статус – служебное положение; неформальный статус – реальное признание; субъективный статус – индивидуальные притязания.

2. *Принцип профессиональной компетентности* определяет то, что реализация должностных функций руководителя основывается на знании сущности и особенностях функционирования рабочих структур в конкретных условиях и ситуациях. Не менее важно иметь ясное понимание своих прав и обязанностей, возможностей и ограничений. Профессиональная компетентность в конечном итоге предполагает обязательность практического владения инструментарием, приемами и продуктивными технологиями реализации управленческих, социально-психологических и более широких обязанностей.

3. *Принцип долголетия* предполагает полноценность и активность включенности руководителя во все жизнедеятельностные связи и отношения в реальных условиях. Он предполагает: психофизиологическое долголетие – здоровье руководителя; профессиональное долголетие – способность эффективно выполнять должностные обязанности и функции; социальное долголетие – соответствие социальных связей и отношений интересам эффективного труда, жизни и всем потребностям.

Соблюдение принципа долголетия открывает широкие возможности для руководителя и эффективного задействования его творческого потенциала.

4. *Принцип успешности управленческого труда* руководителя позволяет обеспечить эффективность его связей и отношений во всем укладе связей и отношений. Достижение цели управленческого труда может быть представлено через результаты руководства, состояние повседневных отношений, и прежде всего с персоналом органа управления и руководимых структур, результаты собственного развития.

Наиболее полное суждение об успешности труда, в том числе и управленческой деятельности, можно получить тогда, когда оцениваются его процессуальные составляющие (как достигается результат или насколько оптимален труд руководителя) и результирующие составляющие (что достигнуто в результате выполненного труда – соответствие продукта труда целям и задачам организаций. Для такой оценки обязательно требуется разработка оценочной базы, которая могла бы включать критерии и показатели оптимальной деятельности руководителя.

5. *Принцип субъектности в управленческом труде* предполагает целенаправленное и постоянное участие руководителя во всех сторонах жизни и деятельности организации, а также действенное влияние на весь уклад ее функционирования, в которую он включен непосредственно или опосредованно. Важно определять свое отношение и активное влияние не только на формирование и развитие конструктивных структурных и функциональных компонентов, условия и факторы, их определяющие, но и на то, что мешает их проявлению на всех направлениях рабочего процесса. Прежде всего целесообразно не упускать блокирующие эффективной деятельности, отношений и реализации творческого потенциала самих руководителей, а также имеющиеся несоответствия с психическими и социальными нормами.

Данный принцип раскрывается через обширный комплекс требований, который, выполняя интегративную функцию, определяет гуманистическую направленность всей профессиональной деятельности, повседневных отношений, личностного развития руководителя.

В целом в рамках предлагаемой системы оптимального труда управленцу предоставляется возможность наиболее продуктивно строить свою жизненную стратегию, выделяя в числе ключевых направлений профессиональную деятельность. При этом с ней следует органически увязывать все иные направления

жизнедеятельности, не допуская их обезличивания. Более того, в каждом из них следует выделять наиболее конструктивное и вполне определенное содержание, которое отражает практические задачи, решаемые в конкретных условиях.

Второй ключевой предпосылкой творческой продуктивности управленческой деятельности руководителей является непосредственное развитие и эффективное задействование креативного компонента (творческого потенциала) руководителей на всех возрастных этапах их деятельности.

При анализе управленческой деятельности, как и при рассмотрении других компонентов труда, вне внимания ученых остается такой важный аспект, как индивидуально-психологические особенности проявления возрастной динамики творческой продуктивности субъекта управления на различных этапах его жизни.

Исследование этой проблемы показало, что в качестве новых и актуальных результатов удалось системно охарактеризовать творческий потенциал, непосредственно креативные составляющие, присутствующие в индивидуальных, личностных и субъектно-деятельностных особенностях руководителя, а также их проявления на различных возрастных этапах. Представляется, что данные вопросы небезынтересны для широкого круга читателей.

Оценивая конструктивность подходов отечественных специалистов (А. М. Матюшкина, Я. А. Пономарева, И. Н. Семенова и др.) к исследованию феномена творчества, следует подчеркнуть, что он выражается в способности человека свободно ориентироваться и действовать в неопределенных ситуациях, предполагающих поиск и построение таких способов действий, которые были бы сообразны логике будущего, то есть обладали универсальной творческой активностью.

Проведенный теоретический анализ позволил определить структуру творческого потенциала. Это:

- задатки и склонности, проявляющиеся в повышенной чувствительности, избирательности, мобильности психических процессов;
- направленность профессиональных интересов, обеспечивающая доминирование лидерско-организаторской активности;
- потребность в новаторстве, поиске оптимальных решений, овладении инновационной деятельностью, выступающей ключевой акмеологической предпосылкой;
- проявление общего интеллекта – адекватность восприятия, понимания, принятия ценностей и формирование в соответ-

ствии с ними модели, алгоритма и технологии профессиональной деятельности;

- позитивная эмоционально-чувственная активность и высокая волевая регуляция управленческих действий;

- склонность к непрерывному анализу, оценке, быстрому формированию многоаспектных ассоциативных информационных массивов, которые обеспечивают постоянную включенность и активное участие в процессе принятия решения;

- проницательность, интуиция, настойчивость, решительность, высокая воля, творчество и инвариантность действий в процессе управления;

- способность к выработке индивидуальных моделей, алгоритма и технологии продуктивного руководства, основанных на эффективном развитии всех компонентов профессиональной компетентности.

Анализ содержательной и динамической сторон творческой продуктивности руководителя дает возможность определить три ее уровня – высокий, средний и низкий. На основании иерархизации мотивов и особенностей реализации профессиональных действий стало возможным определение качественной стороны творческой продуктивности руководителей. Она характеризуется четырьмя составляющими творческой деятельности: процессуальной, результативной, адаптивной, вынужденно-продуктивной. Выявление их сочетаний указывает на доминирующие типы реализации профессиональных действий руководителем и позволяет выделить такие, как интенсивно-результативный, экстенсивно-адаптивный, результативно-инновационный типы.

Периодом наивысшей творческой активности руководителя считается возраст 33–35 лет. Первые проявления творческой активности у большинства руководителей наблюдаются в период адаптации. Последующий спад является следствием подчинения их системе жесткой регламентации. Такое снижение активности у продуктивных руководителей менее выражено. Следующий пик творческой активности связан со стабилизацией профессиональной компетентности, накоплением жизненного и профессионального опыта, укреплением социального статуса, т.е. развитием их экономического сознания. Этот второй пик приходится на период от 38–49 до 41–42 лет. В возрасте от 45–50 лет эта тенденция проявляется менее отчетливо, что свидетельствует об устойчивости и определенной завершенности в формировании их экономического сознания.

Одним из определяющих факторов повышения творческой продуктивности деятельности руководителя является мотивация профессионального самосовершенствования руководителей. Она представляет собой сложную систему интегрированных содержательных и динамических процессов, в которых отражаются ее функции: побуждение, направленность, регуляция и контроль выполнения.

Исходя из анализа категорий «возраст» и «взрослость», предложенных Б. Г. Ананьевым, Е. И. Степановой и другими исследователями, индивидуально-психологические проявления возрастной динамики творческой продуктивности рассматривались как интегративная характеристика задействования креативно-деятельностных возможностей руководителя. Оригинальность и неповторимость обусловлена временным взаимопроникновением природного, биологического и социального, наиболее типично и гетерохронно проявляющегося в стиле управленческой деятельности, который представляет собой индивидуально присущий способ задействования творческого потенциала на различных жизнедеятельностных этапах.

Оптимальный стиль управления руководителя характеризуется следующими свойствами: адаптивностью, гибкостью, социальной ориентированностью, инновационностью, прогностичностью.

В качестве третьей составляющей выделим необходимость обязательного целенаправленного создания условий для задействования на практике оптимальной модели управленческого труда и творческого потенциала. В частности, мы вполне обоснованно определенно подчеркнем, что важнейшим условием повышения творческой продуктивности руководителя является акмеологическое сопровождение их деятельности. Оно рассматривается как целостный и непрерывный процесс изучения и анализа, формирования, развития и коррекции руководителя, которые попадают в предметное поле деятельности психологической службы, конкретного практического психолога. Для первой возрастной группы руководителя (до 35 лет) – акцент в акмеологическом сопровождении, на наш взгляд, должен быть сделан на решении проблем их адаптации к роли руководителя, а также на развитии у них различных компонентов творческой продуктивности. Для второй возрастной группы руководителей (35–45) – главным образом, на поддержании стабильных параметров творческой продуктивности. Для третьей возрастной группы (более 45 лет) – на поиске резервов организма для реализации его компенсаторных

функций в целях сохранения необходимого уровня творческой продуктивности. В целом, представляется целесообразным использовать акмеологическую модель творческой продуктивности деятельности руководителей. На ее основе представляется возможным преодолеть многие выявленные противоречия и ликвидировать негативные тенденции в управленческой деятельности. Эта модель может быть положена в основу совершенствования подготовки и деятельности управленческих кадров.

Вместе с тем креативность сознания, его творческий потенциал, проявляющийся в наиболее очевидном выражении в функциях управленческого и научного, интеллектуального труда отнюдь не является абсолютным аксиологическим предикатом экономического сознания. Ведь ясно, что «натворить» можно столько, что потом приходится годами разгрести. Ключевой аксиологической ценностью экономического сознания является его духовная ориентированность, нацеленность на возвышенно-духовное, софийное, соборное, на то, что является абсолютной ценностью для человека. К таким ценностям можно отнести здоровье человека и его свободу, достоинство, качество жизни, то есть те ценности, на которые самым непосредственным образом должно быть направлено экономическое сознание. Это как бы экономизированная духовность, подобная более широким и сложным своим аналогам: обращению к богу (Теодицея) или Истине (Логос). Духовность всегда выступала как фундаментальный принцип самостроительства человека, как восхождение к высшим ценностным основаниям конституирования личности и ее ментальности. Духовность экономического сознания – это культурообразующий потенциал хозяйствующего субъекта, когда личность стремится «жить по растущей совести, всегда немного выше ее, так, чтобы она дорастала то, что выше ее»¹⁹.

Анализ духовности русского экономического сознания, который будет дан далее, убеждает нас в том, что креативность без духовности мертва, она скорее зло, чем благо, скорее порыв, чем смысл. Поэтому внутренний синтез духовности и креативности порождает социальное творчество как благовест, как благодеяние, служение людям, человечность и гуманизм.

¹⁹ Толстой Л.Н. Собр. соч. В 22-т. М., 1935. Т.1. С.358.

* Глава написана в соавторстве с В. А. Нуралиным.

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

§ 1. Мышление как способ формирования экономического сознания

«Мышление есть высшая форма отражения объективной реальности»¹. Что означает «высшая»? «Словарное» определение мышления мало что дает нам в понимании его подлинной роли в формировании сознания, в том числе и экономического. Отражать вовсе не означает усваивать, преобразовывать, понимать. Можно отражать все, что угодно, даже субъективную реальность, а также трансцендентность. Для этого отнюдь не требуются диплом о высшем образовании и знание истории философии или даже конкретного «отражаемого» предмета. Нострадамус мог предсказывать судьбу (отражать) неизвестной ему Гипербореи на триста лет в будущее. Мышление есть в самом общем выражении лишь форма человеческой рефлексии в отношении внутренней и внешней среды, в которой (человек) живет. Мертвые, как известно, не размышляют над причинами своей кончины. Живые не размышляют о том, чего не могут себе представить или воспринять. «Я не представляю себе, как буду жить без него» — отвечает мать бестактному репортеру на вопрос о том, как она представляет себе жизнь, если ее сын умрет. Она ее не представляет. И прежде всего потому, что не хочет этого представлять. Мышление есть акт хотения, воления, желания, чувства. Оно покоится на чувственном фундаменте точно так же, как и хозяйствование. Собственно говоря, хозяйствование есть мышление в его «инобытии», а экономическое мышление — предикат, первый акт хозяйствования. Почему? Потому что мыслить начинаешь по желанию. Осознанное, или еще неосознанное желание всегда предваряет мышление. Сознание как результат мышления есть воплощенное в человеческой душе, а затем уже и на практике желание человека. Означает ли это, что экономическое, хозяйственное сознание у человека существует только в силу его воления или желания. Конечно, нет, ведь мышление есть лишь один из способов формирования сознания. Чувственное, а не рассудочное сознание формируется помимо желаний субъекта, оно дано ему в чувственных восприятиях действитель-

¹ Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. П. Панов. М., 1983. С.391.

ности. Мышление же есть рассудочное идеальное действие, абстрагирование, обобщение, систематизация, языковая интерпретация отражаемого объекта.

В основу мышления как способа сознания в целом, а экономического сознания в первую очередь, закладываются идеалы. Идеалы выражают человеческие чувства, желания, стремления в их позитивном, конструктивном, созидательном направлении. Никто из нормальных, то есть здравомыслящих людей, не имеет идеалов негативных, отрицательных, «вредных для здоровья». Но идеалы могут быть ложными, могут быть утопиями, что и порождает деформацию мышления, аберрацию сознания и его деструкцию. Именно деструкция сознания, связанная с деформацией мышления, является основной причиной кризисов экономики и хозяйственных провалов в деятельности людей.

В самом деле, если отец говорит сыну или соседям: «Я строю дом», то это звучит как идеал. «Жизнь прожить, – говорят на Востоке, – значит вырастить сына, посадить дерево и построить дом». Если государство провозглашает: «Все для фронта, все для победы!», – то это есть провозглашение идеала. Нам нужна «одна на всех Победа, мы за ценой не постоим». Поэтому, если цена вдруг оказывается непомерно высокой, граждане все равно «прощают» власти, потому что и они, и власть шли к одному идеалу. И идеал был для них не только общим, но и подлинным. Подмена понятий, подмена идеалов «лжеидеалами» разводит и противопоставляет население и власть, родителей и детей. И такое «раздвоение» и противопоставление начинается в мышлении и переходит в сознание. Павлик Морозов «сдал» отца, за что получил по полной программе от деда именно потому, что неразвитому уму малолетнего было вменено совершенно иное понимание сущего, совершенно иной идеал! Представьте себе на миг, что в качестве идеала звучит: «Мы строим рынок!» Кого этот лозунг может вдохновить, поднять на подвиг, заставить пожертвовать своим добром или даже жизнью? Никого. Потому, что ясно: рынок – не цель, а всего лишь средство. Но ясно это отнюдь не всем. Ложный идеал, положенный в основу современного экономического мышления миллионов наших сограждан, в основу современной российской экономической политики и стал главной причиной того фиаско, которое наше общество переживает в начале XXI столетия. Одно дело – провозгласить курс на создание гуманного общества, на гуманную экономику, на хозяйственную свободу и творчество, и совершенно другое дело – говорить о власти чистогана, прибыли, капитала!

При таких «лжеидеалах» экономика ставится не на службу человеческой личности, а на службу бесу стяжательства и разрушения личности! При этом нужно помнить, что капитал как основа рынка есть его прокрустово ложе, скелетная его опосредованность, он был и остается антиподом труда. Он против труда. Он также и против ответственности. Капитал даже против потребителя, потому что ориентируется не на человеческие потребности, а на прибыль, которую можно получить и максимизировать, если создать ситуацию тотального дефицита и взвинтить цены и спрос. Мифологема свободы в условиях капитала, конкуренции и рынка также фетиш из области «лжеидеалов»: капитал, следуя законам своей собственной структуры (органическое строение, техническое строение, концентрация и централизация, диверсификация и т.п.) способствует монополизму – концентрации экономической, а затем и политической власти². В Германии именно крупный капитал привел в 1933 г. легитимным путем к власти национал-социалистов! В современной России именно капитал, сперва иностранный, а теперь уже и российский, привел и сохраняет у власти любителей «мочить в сортирах» своих сограждан и вырисовывать при этом «загогулины»! «Если бы люди знали, – утверждал М. Талейран, – какие ничтожества управляют ими, они бы ужаснулись».

Ложные идеалы – основа деструкции экономического сознания. Но они же – основа и социальных отклонений³. Отклонениями в сфере человеческого поведения, человеческой деятельности мы обязаны именно отклонениям в нашем сознании. Неважно, девиантное, деликвентное, экстравертное или интровертное поведение приводит к пьянству и хроническому алкоголизму, массовой наркомании или суицидам. Важно, что создателями, творцами этих социальных отклонений являются лжепророки, горе-политики и вся бюрократическая рать, которые сами в свою очередь являются субъектами отклоненного развития, деформированного сознания. Благими намерениями выстлая своим согражданам путь в ад, а не в рыночную экономику, они играют на теннисных кортах в то время, когда гибнут наши военные моряки – пленники подводной лодки или разъезжают с визитами по границам в то время, когда паводком сносит целые города, пол-

² См.: Стожко К.П. Основы современной конкуренции. Екатеринбург, 2000. С.37–59.

³ См. подробнее: Социальные отношения. Введение в общую теорию. М., 1984. 320 с.

чища саранчи губят урожай, а огромные регионы страны отключаются от газа, света и электричества. Ложные универсалии 30-х гг. XX в., такие, как национализм и этатизм сегодня заменены не менее ложными универсалиями рынка, конкуренции. При этом важно не формальное отношение к режимам, а предметное отношение к социально-экономическим структурам, институтам. Предметность экономического сознания является первичной по отношению к экономической политике. Тогда как в нормальной ситуации люди сперва думают, как поступить, а только потом действуют, у нас в обществе во все большей мере проявляется феномен бездумного поведения, бессмысленного действия, в полном объеме характеризующих экономическое сознание общества в целом и политической его элиты в частности. Многие люди искренне верят в то, что рынок, экономическая свобода, прибыль и благосостояние, конкуренция и простое человеческое счастье – имманентные и парные категории. Что это, как не свидетельство тотального заблуждения? И «культивирование» этого заблуждения не есть ли попытка свести сущность человека к его индивидуальности, расколоть и разрушить общество в его основе, превратить общество в миллионы «частностей», которыми будет легче манипулировать? Норма римского права гласит: всегда ищи того, кому это выгодно. Ложные идеалы здесь как нельзя кстати, с их помощью разрушается человеческое сознание. А поскольку это сознание напрямую связано с бытием (основной вопрос философии можно при этом резюмировать по-разному: бытие определяет сознание; сознание первично по отношению к общественному бытию; бытие и сознание равноопределяемы и равноопределяющи в отношении друг друга), постольку оно и подвергается цивилизационной ложно-идеальной агрессии.

Но именно поэтому «либерализм оказывается утопией»⁴, он обречен на самоуничтожение, потому что ложные идеалы способствуют разрушению самого бытия.

Не материальный комфорт, а именно духовная жизнь является целью человека и его развития⁵. Конечно, «можно не замечать очевидные факты, если вам не хочется их замечать»⁶, но тогда нельзя всерьез рассуждать о формировании научно-обоснованного, экономического сознания путем развития и углубления экономического мышления. Все наукообразные суждения

⁴ Мунье Э. Манифест персонализма: Пер. с фр. М., 1999. С.143.

⁵ Там же. С. 143–144.

⁶ Ален (Шартье Э. О.) Суждения: Пер. с фр. М., 2000. С.131.

об экономике в этом случае останутся все, даже если мы будем сохранять приверженность старым «символам веры» и оставаться на позициях материалистического понимания мышления. Потому что «идеальное» – уже не будет просто «субъективным образом объективной реальности, то есть отражением внешнего мира в формах человеческого сознания и воли». Оно будет «вне-субъектным» искусственно имплантированным в человеческое сознание «внешним штампом», пустым по содержанию и не отражающим реальность.

Внесубъектность внешнего штампа – продукта пропаганды обусловлена тем, что этот продукт становится не результатом личностного мирозерцания и мироощущения, а итогом воздействия власти на «атомизированное», дезорганизованное и дезинтегрированное «общество». «Divide et impera» – «разделяй и властвуй» – политический принцип власти, в соответствии с которым любая власть сперва разделяет само общество, в том числе и «общественное сознание» с помощью ложных идеалов, нужных власти, но не личности, а затем и властвует над этим «обществом» и его «общественным» сознанием.

Власть в переломные периоды хозяйственного развития остается единственным «общественным целым», по отношению к которому общество выступает дезорганизованной толпой, наэлектризованной различными лозунгами и нашпигованной разнообразными ложными «ценностями». «Народ как дитя» – образный смысл народной поговорки здесь весьма кстати. «Непосредственно власть общественного целого над индивидом обнаруживается и выступает в виде государства, политического строя общества, в виде системы моральных и правовых ограничений, норм общественного поведения и, далее, эстетических, логических и прочих нормативов и критериев»⁷. Фактически, в условиях хозяйственных преобразований во всей остроте встает вопрос о соотношении субъекта и объекта познания, без решения которого разговоры о природе экономического сознания не имеют ровно никакого значения. К. Маркс когда-то полагал, что крупная промышленность и капиталистическое предпринимательство делают перемену труда всеобщим экономическим законом. Перемена сознания, в том числе экономического сознания, есть прямая функция переломных эпох, экономических парадигм. Инициатором этой перемены выступают либо власть, либо масса. «Революция сверху», каковой является «перестройка» 80-х гг. XX в. и постпе-

⁷ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984. С.167.

рестроечная «рынконизация» российской экономики (русский вариант китайского «великого скачка») способствовали тому, что формирование «нового типа» экономического мышления и экономического сознания было интериоризировано пропагандой, односторонне направлено на субъекта (личность) извне. В этой ситуации человек оказался в буквальном смысле слова жертвой пропаганды ложных идеалов и чуждых ему ценностей. Вестернизация экономического мышления, увлечение математикой, графиками, микроэкономическим анализом, калькуляцией доходов и расходов привело к вивисекции экономического мышления. За общими проблемами мы не увидели частных опасностей инструментальной диверсии. Теперь же за частоклоком и нагромождением частных «теоретик», ничтожных «концепций», наукообразных «идеок» мы уже не видим общих и подлинно экономических проблем, уже не рассматриваем экономическую материю как экономическую антропологию. «Индекс человеческого развития» был разработан не нами на собственном опыте, а пришел в наше сознание из-за рубежа, через СМИ. Сыграв на психологии и чувствах наших сограждан, предложив им «выбирать сердцем», власть добилась лишь одного – ценностной дезориентации и внутрисоциального раскола. Пока ей удается манипулировать нашим сознанием. Надолго ли? «Индивидуальный субъект активно усваивает содержание оценочного познания, закрепленного в различных видах общественного сознания»⁸. Но может ли познание быть не оценочным? Может ли субъект активно усвоить чуждые ему содержательные компоненты? Может ли, наконец, субъект, простой человек усвоить их не активно и не закрепить их в своем сознании на индивидуальном уровне даже когда они «сверху» втиснуты в общественное сознание? Вот вопросы, которые требуют серьезного осмысления. В самом деле, насколько прочно привились в сознании миллионов наших сограждан такие «экономические ценности», как прагматизм, корыстолюбие, расчетливость, эгоизм? Насколько закреплены в сознании и усвоены понятия «рынок», «конкуренция», «монополизм», «маркетинговая стратегия», «ценовая дискриминация» и т.п.? Не отпадет ли все это как ненужная шелуха, как осенняя листва с деревьев при очередной «смене курса», приходе во власть новых политических элит? Или не приведет ли эта «система ценностей», навязанная властью

⁸ Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. С.190.

людям не только к отчуждению, но и гибели самой власти? Ведь политики приходят и уходят, а народ остается.

Ценности, чтобы они стали таковыми в структуре экономического сознания, должны быть закреплены в нем позитивным опытом хозяйствования, служить реализации положительных социальных интересов личности, ее духовному развитию. Разве это мы наблюдаем в условиях исповедывания сегодня многими нашими согражданами ложных идеалов? Кто такой «новый русский»? В общем и целом – духовно и душевно одинокий человек. А на что он мог рассчитывать, принимая за смысл жизни погоню за прибылью? Ценностная ориентация, механизм, связывающий субъекта и общество, деятельность субъекта и его познание существенно деформируется и антагонизируется. И это не просто антагонизация между богатыми и бедными. Если бы это было так, легко было бы решить проблему, когда «богатые платят за бедных», с помощью налогового регулирования или иных финансовых мер.

Речь идет о разрастании антагонизма между внутренним и внешним аспектами человеческого существа, его «Я». С одной стороны, он стремится к внешнему, то есть к богатству, власти, изобилию. С другой стороны возрастает его одиночество и неудовлетворенность. Одна линия развития: стяжательство и нажива. Другая линия: духовная наполненность жизни. Сочетать их невозможно. Не случайно Христос изгнал торговцев из храма. Нельзя одновременно служить Богу и Мамоне! Приходится выбирать. И выбор этот в координатах ложных идеалов все в большей степени происходит не в пользу самого человека. Означает ли это деструкцию сознания? Безусловно, да. Но менять необходимо не столько само сознание, которое есть сосуд, наполненный мыслями и идеями, сколько тех, кто вливает в этот сосуд всякую нечисть. Вот в чем проблема.

Мышление только тогда становится «высшей» формой отражения объективной реальности, когда оно само вырабатывает и формулирует ценности, когда оно активно по отношению к объекту отражения и когда оно вполне самостоятельно, свободно. Если вам предлагают оценить, что лучше, а что хуже – пять лет заключения или шесть – то это не имеет ничего общего со свободой и самостоятельностью мышления. Точно также никто не спрашивает нас сегодня, нужна ли накопительная пенсионная система в России или нет. Власть не интересуется нашим отношением к войне в Чечне, ей просто нужно, чтобы внешне ее действия одобрялись. Никаких референдумов, плебисцитов. Никако-

го механизма отзыва депутатов. Табу на пересмотр итогов приватизации. Немыслимость процедуры импичмента высшей власти. Кулуарность в принятии управленческих решений. Новая номенклатура. Полная тоталитаризация общественного сознания. И только вечером у себя на кухне человек может побрюзжать. Это не просто раздвоение сознания, это его коллапс!

В этом причина распространения религии, возрождения веры в нашем обществе. Не от благополучия, а от несчастья, не от хорошей жизни, а в силу ужасающего существования люди идут в храм. Обращаясь к Богу, они говорят ему: «Господи, спаси и сохрани!» От чего, если рынок и конкуренция, демократия и экономическая свобода – благо? Зачем, если предпринимательство и прибыль – кумиры? Только потому, что это язычество убивает в человеке живое, саму способность понимания смысла жизни.

Именно потому, что «новые» экономические ценности оказались ловушкой для большинства из нас, потому, что, возжелав обмануть других, мы обманули самих себя, сегодня наступает прозрение. Прозревается ошибка, заблуждение, обман. Но религия и вера – это утешение для слабых, пристанище для стариков, удел для бессильных. И хотя прекрасно известно, что наука не всесильна, что мистифицировать ее возможности и абсолютизировать ее силы нельзя, тем не менее с такими ложными идеалами, как «новые экономические, рыночные» ценности она вполне в состоянии справиться сама. А следовательно, и раздвоенность общественного сознания вполне устранима. Экономическое сознание должно строиться не на ложных, а на действительных ценностях, на подлинных основаниях, а не на шатком фундаменте временных приоритетов. К таким подлинным первооснованиям научного экономического сознания, нисколько не противоречащим, кстати, и религиозному сознанию, относится понятие социальной справедливости. С понятием социальной справедливости связана гуманизация экономики и экономического сознания на протяжении всей истории человечества. Еще Аристотель в древности, а в средние века Фома Аквинский осуждали наживу, лихоимство. Если Аристотель придавал понятию справедливости смысл общественной полезности, то Фома Аквинский – теологический смысл – угодить Богу. И хотя это были совершенно разновременные и разномыслосодержательные трактовки справедливости, но общим следствием таких трактовок стало осуждение «хрематистики», спекулятивной деятельности (Аристотель), учение о справедливой цене (Аквинат). Идея справедливости как основы экономического гуманизма получила свое распростране-

ние в средневековье в Византии⁹, Англии¹⁰, других странах, а в эпоху Нового времени и по всему миру, в том числе и в России¹¹. Гуманное экономическое сознание, гуманное хозяйственное мышление становилось возможным в силу повсеместного признания объективной необходимости и даже целесообразности (настоятельности) любви к человеку. Этико-антропологическая сущность экономического гуманизма вполне проявилась в экономическом, хозяйственном мышлении раннего христианства, в его общеизвестных заповедях. Но столь же очевидна она и в современном экономическом сознании, в котором важное значение играют честность, правдивость, преданность, верность, доброжелательность¹². Как в древности, в средневековье, так и в наше время в экономическом гуманизме громко звучит тезис о достоинстве человеческой личности. Несмотря на разные школы и направления в современной философии или теоретической экономике этот принцип никем не подвергается сомнению, ни в нашей стране, ни за рубежом. «Личности присуща неукротимая страсть, которая полыхает в ней как божественный огонь – писал Э. Мунье. – Она восстает и идет наперекор всякий раз, когда почует угрозу порабощения, вступая в борьбу не столько за собственную жизнь, сколько за свое достоинство»¹³. Право на достойное человеческое существование страстно защищал и обосновывал виднейший представитель русской «идеалистической школы права» П.И. Новгородцев¹⁴.

Итак, неперемнным условием преодоления коллапса общественного экономического сознания и «выздоровления» экономического мышления является их гуманизация. Гуманизированное мышление обращено на человека, а не на формулы и графики. Гуманизированное экономическое сознание предполагает человека, его личность как высшую ценность, которой подчинены проблемы прибыли или экономической свободы. Но необходим гуманизм реальный, а не иллюзорный. Официальный, государственный гуманизм, провозглашавшийся, как правило, всегда на словах, исходил из количественных характеристик социально-экономического развития («лес рубят – щепки летят»). Такой гу-

⁹ См.: *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV–XV вв. Л., 1976.

¹⁰ См.: *Мортон А. Л.* Английская утопия. М., 1956.

¹¹ См.: *Стожко К. П.* Экономический гуманизм в России. Екатеринбург, 1995.

¹² См.: *Куриц П.* Запретный плод. Этика гуманизма: Пер. с англ. М., 1993.

¹³ *Мунье Э.* Манифест персонализма: Пер. с англ. М., 1999. С.497.

¹⁴ См.: *Новгородцев П. И.* Право на достойное человеческое существование / Сочинения. М., 1995. С.321–328.

манизм не может считаться основой экономического сознания. Призывы «расстрелять лишнюю сотню» инакомыслящих ради утверждения собственных идеалов – это насилие, которым мощен путь в никуда. Насилие, утверждал М. Ганди, порождает еще большее насилие. Мышление категориями «конкурентной борьбы», «принудительных банкротств», «конфискаций» и «реквизиций», «эмбарго» и «налоговых санкций» привело уже к тому, что в нашей стране сидит в местах заключения народу больше, чем во времена И. Сталина и Л. Берии. Формально, на словах осуждая сталинские репрессии, наша правоохранительная машина, полицейская по своей сути, отправляет «на зону» сотни и сотни мелких воришек и наперсточников, полагая, что такими мерами можно воспитать человека и сформировать необходимое «верхам» – политической элите – экономическое сознание. Наивные надежды. Утопичность многих современных рыночных либеральных доктрин, формально вполне гуманистических, связана с тем, что власть отчуждена от личности. Как и во времена Петра Великого или Екатерины II она пытается насильно, с помощью принуждения затащить каждого из нас в рыночное царство свободы и изобилия. Пока общественное сознание, особенно в экономической его части, не станет народным гуманистическим сознанием, до тех пор, пока люди сами не получают или не завоевывают возможность лично выбирать себе цели и средства достижения этих целей, никакое экономическое сознание не будет эффективным. Прав был А. Франс: «Самое редкое мужество – это мужество мысли». А реальным решением этой проблемы становится только в условиях народного государства и гражданского общества. Народное государство есть такое государство, которое основано не просто на праве (правовое государство), а на народных традициях, обычаях, чаяниях и надеждах. Именно народность, народный реализм, в отличие от утопизма оторванных от масс политических, клерикальных или научных элит, всегда оказывали содержательное и конструктивное воздействие на идеологию высокоразвитых обществ: будь то Америка или Китай, именно народный реализм является там фундаментальной основой в одном случае – экономического либерализма, в другом случае – здравого хозяйственного консерватизма. Обе эти черты можно отследить как в самих этих странах, так и в других полиэтнических образованиях. Нам же навязывают опять-таки одну единственную стратегию социально-экономического развития – рынок. Причем это происходит не из «низов», не от станка или с поля хлеботорба, а из лабораторий Е. Гайдара или Г. Грефа. Иллюзор-

ность этих «концептуальных» подходов доказана временем и общественной практикой. Как в известном советском анекдоте, оказалось невозможным осуществить пятилетку в три дня, так и сегодня никакому президенту, генералиссимусу или гуру не удастся «настроить» наше общество на вхождение в мировой рынок до тех пор, пока не будет разработана комплексная и органичная национальная концепция социально-экономического развития нашего общества, учитывающая национальные особенности российского народа, его хозяйства, его культуры, а также требования национальной экономической, экологической и социальной безопасности. Такая адаптация общественной экономической идеологии к историко-культурной самобытности страны и выступает очевидным проявлением гуманизированности экономического мышления. Только при условии такой ориентированности экономического сознания, экономической идеологии, экономической политики мы можем сделать вывод о том, что власть внедряет в общественное сознание рыночные ценности не ради самих этих ценностей и не в интересах исключительно самой власти, а в интересах данного общества в целом, в интересах страны.

Необходимо уходить от отвлеченного и поверхностного понимания проблемы гуманизации экономического сознания, в котором человеческая личность только декларирована как высшая ценность. Декларации еще не есть гуманизированное сознание. Если личность человека становится в религиозном сознании высшей целью и ценностью в силу веры в Бога, что доказывал еще Ф. М. Достоевский, то в научном экономическом сознании обоснование этого постулата совершенно иное: экономика есть очеловечивание природы (С. Н. Булгаков), есть способ выживания самого человека в условиях этой природы. Следовательно, не человек для денег, прибыли, машины, техники, а наоборот: техника, машины, деньги, прибыль для человека. Если в религиозном мышлении человек составляет бесконечную ценность «от Бога», потому, что он обладает нравственным сознанием (И. Кант), то в процессе экономического мышления возникает закономерный вопрос: а все ли люди обладают нравственным сознанием? М. И. Туган-Барановский, видный русский экономист конца XIX – начала XX в. в свое время поставил очень важную проблему: если люди неравноценны в силу разного уровня нравственности их сознания, то «как примирить бесконечную ценность человеческой личности и реальное неравенство»?¹⁵ Ведь по-

¹⁵ См.: Туган-Барановский М. И. К лучшему будущему. М., 1996. С.25.

следнее связано с различными способностями самих людей, данными им от природы. Равенство перед Богом не есть равенство в экономическом смысле. Как же гуманизировать реальную экономику: предоставив всем равные возможности, но подразумевая неравенство способностей? Свобода жить для стариков и инвалидов в рыночном хозяйстве очевидным образом превращается в свободу умирать. А свобода действовать для олигархов превратилась в свободу растаскивать национальное богатство.

Комплекс Раскольникова и запоздалое раскаяние некоторых российских нуворишей (строительство храмов, меценатство, благотворительность и т.п.) слабое утешение для их жертв. На наш взгляд, есть только один выход: формирование в самом себе, в своей душе высокой требовательности к себе, а затем и к другим. Это означает: думать, думать и еще раз думать! Самим строить свое сознание. Начинать всегда необходимо с себя. Спрашивать с других легко, с себя намного труднее. Но если процесс культивирования нравственного начала своего «Я» начнется, если каждый из нас захочет самостоятельно, без подсказок «сверху» разобраться в себе, в смысле своего существования, своей жизни, он, этот процесс, сперва затронет лишь отдельных людей, но потом, разрастаясь словно огромное дерево, захватит сотни тысяч и миллионы. Идея нравственного отношения к самому себе, к обществу, к природе, к миру в целом, эта кантовская идея нравственного закона, только тогда сможет стать реальностью, когда произойдет сдвиг в осмыслении самой этой идеи и ее значения для человека. Пора понять, что готовые истины – это фальшивые истины. Человек мало дорожит еще имеющимися ресурсами – временем, богатством, здоровьем. Лишь потеряв это, он понимает, что они значили для него. Вероятно все то, без сомнения хорошее, что было потеряно нашим обществом с переходом к рыночным «реформам», рано или поздно заставит всех нас трезво взглянуть на собственную историю и нашу настоящую жизнь. Человеку свойственно идеализировать прошлое. Но это не про нас. Мы пока его демонизируем. Человеку свойственно сомневаться в будущем. Это опять-таки не про нас. Мы слепо идем в рынок вслед за прорицателями и реформаторами, нисколько не сомневаясь в ценности рынка как такового, конкуренции как таковой. Но постепенно наступает время «собирать камни» и строить свой дом, свою страну, самих себя не по рыночным основаниям, а по человеческим. Чем раньше каждый из нас это осознает, тем гуманнее, а значит, и эффективнее станет его хозяйственное мышление и экономическое сознание в целом.

Мы были бы не правы, если бы попытались объяснить де-струкцию современного экономического мышления исключительно растущей его экстравертностью и дегуманизированностью. В конечном счете, борьба экзогенных и эндогенных факторов в развитии экономического мышления, борьба гуманизма с технократизмом, нравственного начала в сознании с безнравственным – это лишь диалектическое единство противоположных тенденций, порождающее импульс в развитии.

Другим «проклятием» современного мышления, деформирующим всю конструкцию экономического сознания является редукционизм. Эта «зараза» проникала в свое время и в психологию, лингвистику, физику, упрощая постановку проблем и предлагая сведение сложного к более простому. Так, в экономическом сознании общественные интересы воспринимались рядом советских экономистов как совокупность индивидуальных, личных, частных интересов. Точно так же сегодня совокупный спрос воспринимается как сумма индивидуальных кривых спроса на локальных рынках. О методологической несостоятельности подобных суждений мы уже высказывались¹⁶. На наш взгляд, стремление предсказать, исходя из свойств частей, изучаемых (отражаемых в научном сознании) до изучения целого, новые свойства целого, а тем более дать аксиологическое обоснование целого, выглядит очевидной деформацией мышления. Точно также, как когда-то абсолютизация рационализма, современный редукционизм в экономическом мышлении разрушает истинную картину реальной экономики и основных перспектив ее развития.

Осмысление и осознание необходимости внутренней идеальной, мыслительной ответственности обращено прежде всего на себя. «Несомненно, что конкретная мысль есть личная мысль, мысль не «вообще», а «мышление есть непрестанный синтез познаваемого с познающим»¹⁷. Если вместо такого синтеза в хозяйственной сфере наблюдается отчуждение личности от объекта (собственности, управления), то мышление определенно будет абстрактным, бесцветным, безличным, а значит, и поверхностным, оно не будет формировать активное и творческое сознание.

Причина редукционизма экономического мышления кроется прежде всего именно в отчуждении субъекта мышления от объекта, личности от экономических реалий. За нас принимают реше-

¹⁶ Стожко К. П. Общая теория цены. Екатеринбург, 2000. С.31–33.

¹⁷ Флоренский П. А. Разум и диалектика / Русская философия: конец XIX – начало XX вв. СПб., 1993. С.341.

ния, нам указывают, нам начисляют, без нас распределяют. Бюрократизированная экономическая система порождает возрастающее отчуждение в сфере хозяйственной и мыслительной деятельности с необратимой силой. Противостоять этой силе может лишь самостоятельно мыслящая личность, отказывающаяся от культа экономических факторов (прибыли, денег, карьеры, комфорта) и вырабатывающая в самой себе несколько отстраненное и уравновешенное (созерцательное) отношение к ним. Истинное видится на расстоянии. При этом необходимо помнить, что творчество разума «распадается на производство вещей, смысл коих не нагляден, и на производство смыслов, то есть чистых деятельностей разума, реальность которых – вхождение которых в природу – не очевидна»¹⁸. Вырабатывая именно смысловое, осмысленное понимание вещей, экономических факторов, не принимая их как данные извне (в рекламе, пропаганде, идеологии и т.п.), личность самоопределяется в экономической жизни, в сфере экономического сознания прежде всего.

В других видах духовной деятельности человек поглощен самим предметом, не концентрирует свое внимание на процессе мышления непосредственно (мы не задумываемся, почему любим, «бухгалтерский» учет и разбор любви иррационален). В философии все обстоит наоборот: мы обязаны выработать в себе эффективный и адекватный метод мышления. Это – не просто метод категориального, понятийного, но и самостоятельного смыслоориентированного мышления, в котором понятия не фетишизируются, а отраженные в них экономические конкретности не абсолютизируются. Преодоление редукционизма есть не что иное, как самостоятельность мышления личности по отношению к общественному. Те, кто пытаются растворить индивидуальное сознание в общественном, ставят знак равенства между индивидуальным и общественным сознанием, как раз и занимаются грубейшей редукцией, пытаясь вывести сложное из простого, смыслодержательное из смыслозакрепленного, смыслопоисковое из смыслозафиксированного.

В рамках такого редукционизма и само общественное экономическое сознание становится деформированным и искажающим экономическую реальность. Используя понятия – *notiones*, вещи – *instrumenta* и святыни – *sacra*, П.А. Флоренский в свое время совершенно обоснованно выделял три основных схемы человеческой мыслительной деятельности:

¹⁸ Флоренский П. А. Указ. соч. С.345.

I	N	→	(S, i)	Идеологизм
II	I	→	(N, S)	Экономизм
III	S	→	(N, i)	Конкретный идеализм

Первая схема означает, что деятельность разума носит первичный характер, первичной выступает и система понятий. Вторая схема означает, что первичным является не мировоззрение, а хозяйство, экономика, тогда как мировоззрение есть «лишь оправдание задним числом уже создавшегося экономического строя с его орудиями и оружием и вытекающими отсюда экономическими и прочими общественными отношениями»¹⁹. Сакральная теория, третья схема человеческой деятельности исходит из того, что первичен дух. Далее П. А. Флоренский выводит различные модусы соотношения основных элементов расчленяя каждую из трех схем на три возможных видоизменений модуса:

I Идеологизм	II Экономизм	III Конкретный идеализм
→ S	→ N	→ N
1. N	4. i	7. S
→ i	→ S	→ i
2. N → S → i	5. i → N → S	8. S → N → i
3. N → i → S	6. i → S → N	9. S → i → N

Все эти девять соотношений, «представляющих девять различных точек зрения, объединяются в простой схеме треугольника. Выбор той или иной из трех его вершин за основную характеристику определяет тип теории»²⁰.

Выбор одной из трех точек треугольника за основу как раз и представляет собой методологию редукционизма в экономическом мышлении. Ограничиваясь избранной схемой размышления, невозможно представить себе экономическое явление во всей его полноте и многообразии, потому что любая отдельно взятая точка зрения хотя и выглядит единственно правильной, но отнюдь не самодостаточна. Необходимо изучение, осмысление экономических реалий со всех возможных точек зрения и последующее наложение полученной картины с целью выработки синтетической картины. Дialeктика как раз и предполагает такое

¹⁹ Флоренский П.А. Указ. соч. С.368.

²⁰ Там же. С. 368.

мышление, когда его субъект понимает, что всякое экономическое явление имеет свои плюсы и минусы, преимущества и недостатки. Поэтому диалектическое мышление представляет собой анализ, то есть расчленение явления на первой фазе мыслительного процесса и синтез явления на заключительной фазе мышления. Будь то конкуренция, цена, инфляция, безработица или полная занятость, экономический рост или ремиссия, – все они имеют свои сильные и слабые стороны. Необходимо выявление этих сторон с последующей аксиологической оценкой явления и учет всех возможных оснований (у П. А. Флоренского это основания треугольника).

Таким образом преодоление редукционизма в мышлении и порождаемого им релятивизма в сознании связано с диалектикой. Но диалектика имеет свой смысл, а не только «внешние формальные признаки». В чем же смысл диалектики? В целостности. «Тут нет отдельных определений, как нет и отдельных доказательств. Что же есть? Есть всенарастающий клубок нити созерцания...»²¹. Диалектика экономического мышления, таким образом, должна начинаться с созерцания и работы со смыслами.

О мышлении как работе со смыслами, а не просто с понятиями, рассуждал и Вл. Соловьев. «Вследствие способности к сознательному размышлению, к рефлексии человек подвергает суждению и оценке все фактические данные своей внутренней и внешней жизни»²². Разводя религиозное и секуляризованное сознание, он также рассматривает реальное и актуальное виды мышления. Одно связано с механическим мышлением, другое – с органическим мышлением. Механическое мышление, по Вл. Соловьеву, «есть то, которое берет различные понятия в их отвлеченной отдельности, рассматривает, следовательно, предметы под каким-нибудь частным, односторонним определением и затем сопоставляет их между собой внешним образом или сравнивает в каком-нибудь столь же одностороннем, но более общем отношении. В противоположность ему органическое мышление рассматривает предмет в его всесторонней целостности и, следовательно, в его внутренней связи со всеми другими, что позволяет изнутри каждого понятия выводить все другие и развивать одно понятие в полноту всецелой истины»²³.

²¹ Флоренский П.А. Указ. соч. С.339.

²² Соловьев В.С. Спор о справедливости / Сочинения. М., 1999. С.53.

²³ Там же. С.114.

Далее, Вл. Соловьев различает два основных вида органического мышления: сознательное и инстинктивное. Одно свойственно философам, другое – народу. «Органическое мышление вообще в двух своих видах принадлежит, с одной стороны, истинным философам, с другой – народным массам. Что касается стоящих между теми и другими, то им приходится ограничиваться механистическим мышлением, которое разбивает или разлагает (анализирует) непосредственную действительность – и в этом его значение и заслуга, – но не в состоянии дать ей нового, высшего единства и связи – и в этом его ограниченность»²⁴.

Редукционизм в экономическом мышлении и сознании проистекает из отсутствия верного истинного первоотлчка, основания в самом мышлении, самом сознании. Есть неправильная, неверная иерархия сознания, когда понятия или дух становятся самодовлеющими или самодостаточными, когда односторонняя ориентация на любую из вершин треугольника, обрисованного П. А. Флоренским, дает лишь поверхностную, плоскую картину, иллюзию экономической жизни человека и общества. Есть неправильная, неверная социальная иерархия, когда механистическое мышление и основанное на нем сознание посредников (между философами и массами) замещает органическое мышление и сознание, как это понимал Вл. Соловьев. Но и та, и другая иерархия мышления в его внутренней и внешней сферах проявления, в его структурности и субординативности проистекают от того, что точкой отсчета берется неверное, неистинное «начало». Таким началом, как правило, выступает само явление, сам объект. В экономическом мышлении часто забывается, ради чего оно осуществляется как таковое, но помнится то, о чем оно осуществляется. Например, рассуждения о собственности на средства производства в любой теоретической конструкции экономиста связаны и обусловлены либо с желанием обосновать сложившееся положение дел, либо изменить его в плане расширения или сужения отношений собственности. Или, теоретические конструкции в сфере распределительных отношений призваны, как правило, либо обосновать уже сложившуюся концепцию и систему, либо изменить их в плане реализации интересов конкретного критика, аналитика, реформатора. Но экономическое мышление должно осуществляться не по сугубо прагматическим основаниям, а «от духа и для духа», с тем, чтобы «не отменяя имущество (собственность – К.С.) победить его, освободить свою душу».

²⁴ Соловьев В. С. Указ. соч. С.115.

Экономика «вышла» из лона философии, точно так же, как современная социология – из теоретической экономики. Эта гносеологическая диахрония есть глобальная историческая тенденция к конкретизации знания, в рамках которой новые науки постепенно сужали, а в ряде случаев и утрачивали способность к синтетическому мышлению и синтезированному знанию. Не случайно сегодня на Западе нет научной степени доктора теоретической экономики, а все выдающиеся современные экономисты, работающие в Пенсильванском, Гарвардском, Оксфордском, Кембриджском университетах и в других крупнейших центрах фундаментальной экономической науки, имеют научную степень доктора философии. Это глубоко символично, поскольку теоретическая экономия только как философия хозяйства, философия экономики обретает синтезирующую уникальную способность к органическому мышлению. И наоборот, как только философ опускался до чисто экономического анализа, ограничивался сугубо экономизированным мышлением, он неизбежно «впадал» в частности, в определенный солипсизм и даже экзистенциализм. Вспомним хотя бы К. Маркса, который, анализируя место и роль человека в общественном производстве и воспроизводстве, акцентировал свое внимание исключительно на наемном работнике, а последнего свел к рабочей силе как фактору производства, проигнорировав все богатство и многообразие свойств человеческой личности. Анализ в политико-экономических рассуждениях К. Маркса оказался в контексте этой проблемы незавершенным синтезом²⁵, а отсюда вместо концепции социального мира, партнерства, гармонии, взаимодействия возобладала классовая неприязнь, идея социалистической революции, призывы до основания разрушить старый мир и на его обломках построить новый, неведомый мир социализма. Не поэтому ли, не в силу ли желаемости, но неясности этого «светлого будущего», «царства свободы и братства» у социалистического идеала столько различных трактовок и прочтений: от идеи социализма «с человеческим лицом» до идей диктатуры пролетариата и термидорианского террора.

Это необходимо потому, что экономика, собственность, имущество, богатство призваны «служить нашему сердцу и выражать нашу любовь», а не нашему желудку и амбициям. К сожалению, в большинстве случаев экономическое мышление и экономическое сознание связано с желудком и амбициями. Отсюда

²⁵ См.: Стожко К.П. Экономическая диалектика человека. История. Теория. Методология. Екатеринбург, 1994.

проистекает зависимость личности и общества от экономики, хозяйства, но зависимость не истинная, не реальная, а идеальная, деформированная, фатальная. Это некий фетишизм, охватывающий не только деньги или богатство, но и многие другие сферы экономики. В этой связи вспоминаются слова деда известного русского философа И.А. Ильина: «Слушай, малыш! Есть особое искусство владеть вещами; в нем секрет земного счастья. Тут главное в том, чтобы не зависеть от своего имущества, не присягать ему. Имущество должно служить нам. Одно из двух – или ты владеешь им, или оно на тебе поедет. Оно станет главным в жизни, а ты будешь его привеском»²⁶.

Экономическое мышление как способ формирования экономического сознания должно избавиться от ложной посылки – фундаментальной основы редукционизма – объяснять смысл человеческой жизни сугубо экономически в понятиях богатства, имущества, денег, наживы. Эти понятия и выражаемые посредством этих дефиниций элементы объективной экономической реальности носят сугубо служебное и подчиненное значение. Преодоление этого экономизма необходимо внутренне²⁷, на уровне личностного мышления и сознания. Для такого преодоления необходимо от внешности экономического бытия перейти к созерцанию и осмыслению его сущности. Не хлебом единым живет человек.

«Созерцание есть духовное смотрение и видение», созерцать «означает вчувствоваться в сущность вещей»²⁸. Высказываясь за «сердечное созерцание», И.А. Ильин пришел к Богу. Однако сердечное созерцание в контексте нашего размышления есть наиглавнейшее условие формирования антропологической модели экономического сознания, антропогенетического типа экономического мышления, когда все люди – не враги друг другу, и даже не соперники или конкуренты, а соратники, соратники, сотоварищи. Такая антропогенетическая модель экономического мышления способствовала бы замещению конкуренции кооперацией, «хрематистики» творческим трудом, обезличенной и часто обесчеловеченной экономики, с ее хищническим отношением к природе гуманизированной и социализированной системой здорового хозяйственного развития.

²⁶ Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний / Путь к очевидности. М., 1998. С.568.

²⁷ См.: Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990. С.7.

²⁸ Ильин И.А. Указ. соч. С. 567.

Строительным материалом для создания любой, в том числе и антропогенетической модели экономического мышления, антропогенной системы экономического сознания служат научные категории. Экономическое сознание, будь оно творческим, художественным, философичным, религиозным или секуляризованным, самоосуществляется исключительно в научных понятиях и категориях. При этом понятия не только отражают социально-экономические явления и хозяйственный опыт людей, но и воздействуют на этот опыт через активную человеческую деятельность – практику. При этом понятия связаны с волениями, желаниями, хотениями и иными чувствами человека гораздо в большей степени, чем это можно было бы предположить. Чувственная сторона сознания как раз и вызывает подмену понятий, искажение их первоначального смысла и содержания, жонглирование дефинициями в угоду отдельным лицам. «Формулировка опыта, содержащегося в пределах интеллектуального горизонта эпохи и общества, определяется не столько событиями и желаниями людей, сколько базовыми понятиями» – утверждает С. Лангер, но при этом добавляет: «Такие понятия возникают тогда, когда в них нуждаются»²⁹.

Редукционизм сознания и мышления, в том числе и в его экономических аспектах, вызывается как раз таким вольным отношением к научным понятиям. Вспомним К. Маркса, который определял стоимость товара «рабочая сила» суммой жизненных средств, необходимых и достаточных для воспроизводства самого работника (простое воспроизводство) и членов его семьи (расширенное воспроизводство). Почему К. Маркс дает определение стоимости товара «рабочая сила» исходя из целей будущего, а не фактов прошлого? Если работник сработал плохо, разве можно всерьез рассуждать о достаточности суммы жизненных средств, полагающихся ему за брак или нерасторопность? И если гипотетически можно признать правомерным такое определение стоимости рабочей силы, при котором *a priori* работник имел бы достаточную сумму жизненных средств для расширенного воспроизводства, то каким бы стимулом определялась производительность труда? Имея гарантированную и достаточную сумму благ, работник был бы абсолютно не заинтересован в повышении производительности труда, довольствовался бы достатком как таковым и был бы при этом абсолютно духовным, нравственным существом, которое не гонится за ростом собст-

²⁹ Лангер С. Философия в новом ключе: Пер. с англ. М., 2000. С.11.

венного богатства, не стремится к обогащению. Но с экономической точки зрения такой работник – просто несчастье для общественного производства.

Очевидно, что К. Маркс совершенно произвольно определял фундаментальную категорию теоретической экономики – стоимость рабочей силы. В этом плане он методологически ничем не отличался от своих предшественников А.Ж.Р. Тюрго или Д. Рикардо, предтечей сформулированного позднее закона «фонда заработной платы». В зародышевом виде эта мысль уже присутствует в рикардианской концепции естественной цены рабочей силы.

Поскольку К. Маркса сегодня критикуют все кому не лень, обратимся к современным его критикам, также позволяющим себе вольное отношение к научным дефинициям. Так, возмущаясь марксовым определением капиталистической прибыли как нетрудового дохода, Г. Тульчинский пишет: «Нетрудовой доход – это все равно что «круглый квадрат» или «железная деревяшка». Не то прилагательное не к тому существительному. Доход не может быть трудовым или нетрудовым»³⁰.

Элегантная «революция» в категориальном экономическом мышлении, произведенная Г. Тульчинским, основана всего лишь на своеобразном понимании им самого смысла труда. Смешивая труд и всякую хозяйственную деятельность вообще, автор фактически свел и навар спекулянта, и добычу домовника, и взятку коррумпированного чиновника к трудовому доходу. Абсолютным диссонансом поэтому звучат сентенции автора о том, что «творчество, духовность, интеллектуальный труд не уважаются и не ценятся – как труд и как проявления самостояния и самоопределения»³¹. Если уж философ и экономист не разобрался в смысле труда, четко изложенным еще Аристотелем, то чего же ожидать от чиновника или бюрократа?

Вот более свежий пример. В учебном пособии В. В. Седова «Основы рыночной экономики. Распределение» читаем название параграфа: «Заработная плата как цена труда»³². Но ведь заработная плата есть цена рабочей силы, товаром-то на рынке выступает все-таки рабочая сила, носитель способности к труду, а

³⁰ Тульчинский Г. Свобода и собственность / Русская философия собственности: XVIII–XX вв. СПб., 1993. С.447.

³¹ Тульчинский Г. Указ. соч. С.449.

³² Седов В.В. Основы рыночной экономики. Распределение. Учеб. пособие. Челябинск, 1998. С.21.

не сам труд. Если бы предприниматель приобретал труд, а не рабочую силу, он бы и оплачивал труд, то есть весь созданный работником продукт, а не необходимую его часть. Ведь К. Маркс все-таки доказал это положение, еще никем не опровергнутое. Труд есть процесс из области будущего, и непосредственно купить труд невозможно. В. В. Седова ввело в заблуждение то, «что заработная плата предстает как цена труда», он просто видимость явления принял за само явление как таковое. И, кстати сказать, в этом отношении указанный автор не одинок.

Аналогичных примеров, когда видимость явления принимается за само явление, а смысл выражающих это явление научных категорий произвольно искажается, не счесть. Аберрация экономического мышления налицо. Мы рассуждаем о повышении или понижении минимального размера заработной платы, хотя даже в официальных документах эта «зарплата» уже значится как «минимальный размер оплаты труда». Заработная плата и оплата труда – абсолютно разные и несопоставимые вещи: оплата труда есть общественная оценка самого труда, а оплата рабочей силы (заработная плата) есть общественная оценка способности к труду. Способность к труду и труд как факт – явления разные.

Чтобы способность к труду реализовалась, а труд как процесс осуществился, необходимо соединить рабочую силу как фактор производства с другими факторами: средствами производства, землей, капиталом, организаторскими способностями предпринимателя и т.д. Теория пофакторного анализа Ж. Б. Сэя, отвергавшаяся когда-то К. Марксом по идеологическим соображениям, сегодня заняла прочное место в арсенале экономического сознания людей благодаря исследованиям А. Маршалла, Й. Шумпетера и других экономистов XX в. Ее обыденная перефразировка звучала бы так: «Богу – богово, кесарю – кесарево».

Актуальность проблемы приведения категориального аппарата современного экономического мышления в «божеский вид», в соответствие с требованиями научности предполагает и унификацию категориального инструментария. Если разные экономисты, философы и социологи будут оперировать одними и теми же понятиями, но при этом вкладывать в них разное, порой взаимоисключающее содержание, то ни о каком продуктивном, органическом экономическом сознании, а тем более экономическом мышлении не может быть и речи.

Конечно, без творческого отношения к научным категориям не обойтись. Но научные категории – это прежде всего логические категории, это всеобщие схемы работы чувственного созна-

ния и теоретического мышления. Будучи таковыми, они определяют последовательность и направленность в духовном воссоздании объекта отражения субъектом. Если изменяется смысл и содержание хотя бы одной научной категории, меняется вся конструкция экономического мышления, а следовательно, и само экономическое сознание. Поэтому и сегодня актуально звучат слова, сказанные в древности Демокритом персидскому царю: «Одно верное объяснение стоит дороже престола». Это наиболее очевидно в детском творчестве. Когда дети понимают смысл категорий или явлений, они радуются. Но непосредственная радость осмысления, подлинного понимания мира, в которой дети выражают себя самым естественным и открытым образом, к сожалению, часто утрачивается со взрослением человека. Нам следует учиться у наших детей, которые способны задать сотни вопросов «почему?» только для того, чтобы получить наконец-то один—единственный, но понятый и понятный ответ: истину.

§ 2. Духовность как основа экономического сознания

Духовность экономического сознания есть историческая реальность, требующая своего осмысления. Суть ее много глубже и шире, чем «понимание хозяйства как творчества» или «свобода хозяйствования». «Понимание хозяйства как явления духовной жизни, — указывал С. Н. Булгаков — открывает глаза на психологию хозяйственных эпох и значение системы хозяйственных мировоззрений». По его мнению, «всякая хозяйственная эпоха имеет свой дух и, в свою очередь, является порождением этого духа»¹. Таким образом, дух хозяйства есть объект, отражаемый в экономическом сознании через его духовность. Начнем поэтому с объекта или предмета — самой духовности, духа хозяйства. На поверхности явлений дух хозяйства выражается в системе ценностей и социально-экономических идеалов. Ценности по своей природе есть категории морали, выражающие образ и стиль жизни. В контексте этого суждения экономика больше, чем просто хозяйство или техника выживания человека, она есть его образ жизни. Какие же ценности и идеалы выражают дух хозяйства? Для ответа на поставленный вопрос обратимся сначала к М. Веберу (1864–1920) и его работе «Протестантская этика и дух капитализма». Система веберовских ценностей капитализма выглядит следующим образом.

¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С.187.

Свободный труд – важнейшее условие существования капитализма, ибо он несовместим ни с рабовладением, ни с крепостным правом, ни с какой-либо иной системой принудительного труда. М. Вебер трактовал товарный характер труда, а точнее рабочей силы, как главное условие личной свободы. Чтобы люди могли выбирать себе работу, система социальной мобильности должна предоставлять им разнообразные возможности найма и вознаграждения за труд. Не всякое общество может состоять из самодостаточных индивидов, именно поэтому требуется система разделения труда. В связи с этим индивиды торгуют своей способностью к труду ради удовлетворения своих потребностей. В этом смысле время человека и его способность к труду – ценности, его капитал.

Разум необходим при капитализме уже потому, что само слово «капитал» в переводе с латинского языка означает «голова». Практический разум упорядочивает всю систему, способствует нововведениям, улучшению организации экономической деятельности, повышению эффективности производства и более полному удовлетворению потребностей граждан. Практический разум позволяет скоординировать взаимодействие всех элементов системы: производителей, посредников, потребителей, материалов и оборудования, то есть вещественных и «одушевленных» элементов общественного воспроизводства. С помощью разума человек может грамотно определить цели и средства их достижения и тем самым постоянно совершенствоваться в его применении. При этом разум подчинен целям предприятия, жизнь которого длиннее жизни одного отдельно взятого человека. Экономика не подчиняет человека целиком, она ведь сама подчинена жизненным потребностям. Свобода, вера и расчет составляют основу капиталистического духа.

Расчет связан с доходом. «Капитализм, безусловно, тождественен стремлению к наживе в рамках непрерывно действующего рационального капиталистического предприятия, к непрерывно возрастающей прибыли, к рентабельности. Капиталистическим мы называем такое предприятие, такое ведение хозяйства, которое основано на ожидании прибыли посредством использования возможностей обмена, то есть мирного (формально) приобретения»².

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Нью-Йорк, 1958. С.48.

М. Вебер был агностиком³, но исследования мировой цивилизации пробудили в нем огромный интерес к религиозным проблемам различных общественных систем. Например, такие виды человеческой деятельности, как торговля, ростовщичество в эпоху средневековья осуждались католической церковью как недостойные формы хозяйственного поведения христианина. Это не мешало, впрочем, церкви торговать индульгенциями, бенефициями и сервициями. М. Вебер отталкивался от принципов протестантской этики. Протестантизм возник, как известно, как отрицание официального католицизма с его лицемерием в сфере морали и бизнеса. Идейными предшественниками М. Вебера в области религиозной мысли были М. Лютер и Ж. Кальвин. Но важно иметь в виду и других его идеологических предшественников. В области формирования идей нового предпринимательского духа это были Б. Франклин, Ж. Бомарше, Дж. Локк, В. Зомбарт. Б. Франклин сформулировал основные принципы отношения к бизнесу, хозяйству:

1. Время – деньги.
2. Кредит – деньги.
3. Деньги должны создавать новые деньги.
4. Тот, кто платит точно в срок, может рассчитывать на новый заем у друзей.
5. Положение в обществе достигается посредством точности, справедливости и денег.
6. Аккуратность и пунктуальность возврата долгов создают имидж честного человека.
7. Вести точный счет расходам и доходам, остерегаться непомерных расходов и жить по средствам – главное правило умного человека⁴.

М. Вебер полностью воспринимает мысли Б. Франклина и в разных вариациях повторяет их на страницах своей книги. Огромным было влияние на М. Вебера идей В. Зомбарта, его современника и вечного оппонента. Именно В. Зомбарт впервые ввел в оборот термин «капитализм» (1902). Но В. Зомбарт сомневался в способности протестантизма служить духовной родиной европейского капитализма, некой исторической закваской, из которой впоследствии появился «дух капитализма»⁵. Неслучайным по-

³ Новак М. Дух демократического капитализма: Пер. с англ. Минск, 1997. С.51.

⁴ См.: Кравченко А.И. Социология М. Вебера: Труд и экономика. М., 1997. С.111–112.

⁵ Там же. С.37.

этому стало постепенное эволюционирование В. Зомбарта к национал-социализму и новой концепции культурно-этических начал (идея арийской нации, национального духа). В. Зомбарт в своей работе «Буржуа» писал, что сам факт возникновения из прежнего рантье, ростовщика предпринимателя-буржуа явился величайшим историческим событием, произошедшим именно в сфере культуры и духа. Отсюда – известная его мысль о том, что экономика каждой эпохи есть явление духовной жизни, а само предпринимательство – метаэкономическое явление⁶.

М. Вебер полагал, в отличие от В. Зомбарта, что протестантизм, особенно его этика, как раз являются благоприятной основой для формирования капитализма как такового, нового хозяйственного (предпринимательского) духа. Более того, М. Вебер пытается ввести новое понятие «идеальный тип хозяйства», отталкиваясь от идей Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля.

В чем же состоит «дух капитализма» по М. Веберу? Сущность «духа капитализма» состоит в том, что экономические законы и соответствующая им новая религиозная доктрина (протестантская этика), мотивировали, стимулировали, заставили, наконец, производительно работать не один, а два фактора: труд и капитал, рабочих и предпринимателей. Это взаимодействие основано на одних и тех же законах.

Аскетическая бережливость, деловая активность, свобода предпринимательства фактически, по мысли М. Вебера, должны были «снять» противоречия между трудом и капиталом, привести к трансформации социально-психологического климата в обществе. Некоторые современные исследователи полагают, что эта кардинальная трансформация уже состоялась: бедные перестали завидовать богатым, легко добываемое богатство осуждается, «богатству, добываемому в поте лица и с риском для жизни, не позавидует и последний бедняк»⁷.

Однако не все так просто и очевидно, как иногда полагают исследователи творчества М. Вебера. Тем более, что само понятие «дух капитализма» М. Вебер так и не расшифровал.

Действительно, это понятие играет ключевую роль в «Протестантской этике». Слово «дух» означает тем не менее в философском смысле слова нечто иное, нежели простая совокупность этических или эстетических принципов, воздействующих на хозяйственную деятельность человека. Сам М. Вебер в начале ра-

⁶ Зомбарт В. Буржуа: Пер. с нем. М., 1994. С.6.

⁷ Кравченко А.И. Социология М. Вебера. Труд и экономика. М., 1997. С.121.

боты заявлял, что сущность дефиниции «дух капитализма» прояснится постепенно, по мере движения теоретического анализа. Однако оказалось, что автор не сдержал обещание, не раскрыл категорию «капиталистического духа», а постоянно «как бы вокруг да около» ведет свои теоретические рассуждения.

В работе есть фрагменты и о том, что собой представляет само предпринимательство. Но следует признать, что эти рассуждения весьма поверхностны и в худшую сторону отличаются от теории предпринимательства, формулировавшейся в конце XIX – начала XX в. Й.А. Шумпетером⁸. Есть в книге М. Вебера и мысль о специфическом «этосе» как носителе этого самого «духа», но речь все-таки идет о религиозном этосе, который никак нельзя рассматривать как хозяйственный этос. В общем и целом одна из наиболее ранних, хотя и крайне актуальных попыток постановки вопроса о духовности хозяйства в его капиталистической форме, закончилась полной неудачей. Растворять или полностью сводить духовность, дух к этике и нетрадиционности хозяйственной деятельности – очень поверхностная, с нашей точки зрения, постановка проблемы. Кроме того, о какой духовности капитализма можно вообще вести речь, если основой капитализма является эксплуатация человека человеком? Пусть феномен эксплуатации много старше самого капитализма, пусть капиталистическая форма эксплуатации и капиталистическая форма частной собственности являются лишь эпизодом в глобальной истории мировой экономики, но вряд ли эксплуатация коррелируется, а тем более имманентна духовности. О чем тут разговор! Лишь то хозяйство может рассматриваться как подлинно духовное, которое основано на собственном труде работника и потребителя, которое отрицает эксплуатацию как форму присвоения результатов чужого труда отдельными лицами. Назови этих лиц хоть капиталистом, хоть предпринимателем, все равно получается, как в известной русской пословице: называй хоть горшком, только в печьку не ставь.

Суть проблемы в том, что духовное хозяйство нацелено на рост дохода точно так же, как и классическое капиталистическое. Но доход трактуется не как нажива или как прибыль, а как вознаграждение за труд! Рента, присваиваемая от реализации природных ресурсов нашей страны малочисленной кучкой новых русских, никак не может рассматриваться как заработанный доход!

⁸ См.: Шумпетер Й. История экономического анализа: Пер. с англ. М., 1996; Он же. Теория экономического развития: Пер. с англ. М., 1982.

Ведь ресурсы принадлежат всему обществу, а доход от их распродажи по существу у общества уравнивается. Такие предприниматели-воры никогда не станут духовно привлекательными для нашего народа, потому что такие субъекты – деляги и дельцы, а не делатели. В русском языке слово «дело» традиционно употреблялось для обозначения необходимого для общества труда. Но учитывая размывание трудовой практики и постепенное проникновение в наше хозяйство капиталистических отношений, связанных как раз с расширением эксплуатации на новый манер, на принципах экономического принуждения, в русском языке в 60-е гг. XIX века (сразу после отмены крепостного права и начала пореформенного периода) появляются новые термины, выражающие не только мысль, но и отношение народа к таким субъектам хозяйствования: делец, деляга. Для русского человека нувориш, присваивающий ренту, или хозяин, обкрадывающий своих рабочих, всегда были и остаются именно делягами, дельцами. Понятия «мерзавец», «стервец», «подлец», «делец» стоят в одном смысловом роду. И как в прошлые времена, так и теперь, для нравственного и подлинно духовного человека делец – совершенно неприемлемый тип деятеля, предпринимателя, хуже, чем даже обыватель-деляга. Тот хоть «работает» по мелочи, а этот ворует, формально на законных основаниях, но по-крупному⁹.

В русской философии дух хозяйства рассматривался совершенно иначе. Суть подхода состоит в трудовой природе богатства, дохода, рост которого обеспечивает предпринимательство. «Признак хозяйства – трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению. Это напряженная активность человеческой жизни во исполнение Божьего слова: в поте лица твоего снеси хлеб свой... В поте лица, хозяйственным трудом не только производятся хозяйственные продукты, но создается и вся культура»¹⁰.

Но возникает закономерный вопрос: а причем тут духовность экономического сознания? И что в чем отражается: духовность экономического сознания в духе хозяйства, или дух хозяйства в экономическом сознании как его духовность. Соотношение субъекта и объекта здесь не столь простое, как можно было бы предположить. Через философию Л. Фейербаха в марксистскую теорию познания пришло понимание идеального как субъективно-

⁹ См.: Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988. С.69.

¹⁰ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990. С.43.

го образа объективного мира. Отсюда следует, что дух хозяйства есть объективная категория, реальный мир в его идеальном проявлении, а духовность экономического сознания выступает как отражение этого объективно-идеального в субъекте, субъективный образ. Но тогда какой хозяйственный мир истинный? Тот, который вне нас, или тот, с которым мы живем в душе? Здесь важно ввести в философский оборот экзистенциальную и креатологическую (креатология – теория творчества) формулировки проблемы истины. Критерием оправданности идей и идеалов человека становится не абстрактный критерий истины (и не сама истина как независимое от субъекта его знание об объективной действительности), а «полнота освоения жизненного пространства и степень удовлетворенности этим освоением»¹¹. Экономическое сознание как активное житнетворчество, а не пассивная адаптация (приспособление) человека к окружающему его хозяйственному «интерьеру» вызывает и это самое «освоение жизненного пространства», приспособление хозяйства к ценностным основаниям экономического сознания. Человек преобразует хозяйственный мир и посредством этого осуществляет практическое духовное делание, совершенствует себя.

Если в качестве основ ценностного характера в экономическое сознание закладываются религиозные элементы сознания, то не только экономическое сознание становится религиозным, но сама экономика приобретает специфические религиозные характеристики. Так, известный американский теолог и экономист М. Проктор пишет: «Американская система свободного предпринимательства – нечто большее, чем просто система прикладной экономической науки; у этой системы есть свой моральный фундамент, который во многом основан на христианской теологии, и необходимо понять этот фундамент, если вы действительно хотите понять американскую систему»¹².

Если в качестве ценностных основ хозяйства берется светский гуманизм с его идеей плюрализма, демократии, свободы, то экономическое сознание также приобретает черты духовности, поскольку именно эти ценностные основания закладываются в дух работника, в мышление и практику человека. Здесь можно сколько угодно дискутировать о достаточности или недостаточности

¹¹ Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993. С.273.

¹² Проктор М. Экономика свободного предпринимательства: Пер. с англ. Екатеринбург, 1993. С.5.

сти светского гуманизма, о «предельных основаниях» религиозного мышления и сознания, при котором осуществлялись крестовые походы и до сих пор идут межконфессиональные разборки. Важно, чтобы в качестве целеполагания хозяйственной практики служили подлинные, человеческие, неконъюнктурные ценности: принципы справедливости, любви и достоинства.

В различные исторические эпохи формы проявления данных принципов в экономическом сознании и тем более в хозяйственной практике могут быть различными. В одно время они звучали в лозунге «Свобода! Равенство! Братство!» Но постепенно осознав, что равенство перед законом, в сфере гражданских прав совершенно нетождественно равенству в сфере экономики, что свобода не может быть бесконечной, поскольку капитал, бизнес накладывают на человека ответственность (а часто превращают его в раба), постепенно усвоив, что братство между людьми не отрицает и не должно отрицать иерархию в производстве и элементарную административно-хозяйственную (должностную) субординацию, общество заменяет прежние лозунги новыми, часто еще больше расплывчатыми и эфемерными. Вспомним некоторые: «Монархия! Самодержавие! Народ!» или «Мир! Труд! Май!» Все эти лозунги отражают лишь конкретно-историческую трансформацию сознания, в том числе и экономического сознания, в сторону возрастающей духовности, но не более того. Для подлинной духовности экономического сознания необходима определенная конкретизация этих лозунгов, этих абсолютных ценностей на уровне элементарной хозяйственной политики и хозяйственного поведения. В самом деле, что означает идея социальной справедливости, которая, как мы уже отмечали, характеризует гуманизированное экономическое мышление? Можно привести и крайне расширительные, и крайне зауженные, локализованные трактовки этой идеи. Так, Й. Шумпетер, авторитет которого в разработке методологических проблем экономического анализа никем ни в нашей стране, ни за рубежом не подвергается сомнению, совершенно иначе трактовал идею справедливости, чем за две тысячи лет до него это делал Аристотель. Понимание справедливости, изложенное Аристотелем в «Никомаховой этике», было тождественно принципу пропорциональности (эквивалентности). И хотя сам Аристотель был с точки зрения христианства язычником, это не помешало ему предугадать и христианское толкование данной идеи: «Какою мерою мерите, такую отмерено будет вам». Эти морально-этические нормы поведения, перенесенные в сферу экономики нашли свое отражение в средние ве-

ка, в частности, в учении о «справедливой цене» Фомы Аквинского. В трактате «О троице» Аквинат заявлял о недостаточности прежней традиции римского права в определении справедливого характера цены. Цена не только должна быть результатом свободных договоренностей, она должна еще и соответствовать нормальным условиям производства. При этом феномен «справедливой цены» Ф. Аквинский рассматривал как частный случай справедливости вообще. Но коли дело касалось сугубо экономического феномена, каковым является цена, разве не вправе мы сделать вывод о том, что экономическое сознание формировалось и в те далекие времена? Разве осуждая попытки продажи вещей дороже их стоимости, Ф. Аквинский не опирался при этом на Евангелие и не продолжал тем самым историческую традицию разработки ценностных оснований экономического сознания, которое складывается еще в древности? А что же Й. Шумпетер? Он также отдает дань ценностным основаниям экономического сознания, тем более, что предметно исследует теорию экономического мышления. Он, в частности, выделяет две социально-экономические системы: в «субъективистских» системах власть, государство служат личности; в «объективистских» социально-экономических системах все наоборот – личность поставлена на службу власти, государству.

Если мы признаем, рассуждает Й. Шумпетер, что не личность для власти, государства, а наоборот, власть, государство для личности, для человека, то справедливой будет «субъективистская» система хозяйства. Анализируя феодальное общество, Й. Шумпетер считал, что поскольку оно состоит из четырех сословий (светских феодалов, церковных феодалов, крестьян и горожан), то можно выделить четыре типа экономического мышления в феодальную эпоху¹³. Полагая, что часто «абстрактные картины», которые в разное время рисовали философы и экономисты «до смешного не соответствуют действительности», Й. Шумпетер тем не менее отмечал, что в средневековые индивидуалистическое направление в экономике было гораздо более сильным, чем обычно считают. Не с этим ли связан феномен Ренессанса – своеобразной духовной революции в сфере искусства?

Что мы наблюдаем сегодня? Формально, на словах, все только «за» духовность в экономическом сознании, за творчество в хозяйственной практике, за справедливость и свободу. Но еще

¹³ Шумпетер Й. История экономического анализа: Пер. с англ. М., 1996. Гл.2.С.41

Л.Н. Толстой указывал: предоставь полную свободу человеку неграмотному, безнравственному и ты получишь варварскую страну. Выступая против революционных лозунгов большевизма, он настоятельно рекомендовал сперва подготовиться каждому из нас внутренне к этой эпохе, этому царству свободы, обуздать себя, работать над собой. Что получила наша страна в годы революции и гражданской войны, известно каждому: разгул терроризма, вакханалию беззакония, чудовищное самоуничтожение народа и культуры под лозунгами классовой борьбы. Трагическая ошибка, вызванная несоответствием действий уровню и содержанию сознания. Духовность как основание экономического сознания предполагает не просто стремление (фихтевский толчок), нацеленность на абсолютные ценности, на реализацию идей справедливости, свободы, равенства, братства, достоинства и т.п. Духовность предполагает постоянное, скрупулезное соизмерение действий с реальными личностными и общественными основаниями, готовностью к этим кардинальным переменам. В. И. Ленин любил повторять слова Наполеона о том, что сначала необходимо ввязаться в бой, а затем уже смотреть, что из этого получится. Но Наполеон, как известно, рисковал самим собой и армией, то есть людьми, сознательно воевавшими за деньги и стремившимися к добыче, наживе. Социальные эксперименты над миллионами граждан, над обществом в целом – совершенно иная ситуация. Аморальность и недопустимость таких экспериментов должна стать главным вектором развития экономического сознания. Тем более сегодня, когда крупномасштабные эксперименты в области приватизации народного достояния, в сфере реструктуризации «естественных монополий» или иной области непосредственно затрагивают интересы и саму жизнь наших сограждан. Экономика России, отброшенная, как свидетельствуют статистические показатели, за годы так называемых «реформ» на десятилетия назад, это экономика, в которой господствует иной дух, точнее, «душок»: «Хватай, пока есть что!» Но это – не духовность, хотя ценностное экономическое сознание, связанное с расчетом. И если веберовские расчет и свободу принимать как самодостаточные основания духовного отношения к хозяйству, то аберрация сознания и культуры становится неизбежной. Понимание ограниченности и определенной недостаточности веберовских оснований хозяйственной духовности присуще сегодня многим западным философам и экономистам, которые продолжают искать предельные ценностные основания экономической духовности в религии.

Так, М. Новак пишет: «Согласно реалистической традиции, моральная революция в системе экономики возможна при создании системы, которая бы на протяжении максимально долгого отрезка времени способствовала свободе индивида. Но эта система порождает и грех. Тем не менее, она будет моральна при выполнении двух условий. Во-первых, она должна включать в себя систему институтов, обеспечивающих существование плюрализма и предполагающих как свободу, так и материальное благосостояние. Во-вторых, нравственность и религия обязаны обеспечить индивида инструкциями относительно того, как достичь свободы и добродетели»¹⁴. В каком-то смысле, отчасти с этим готов согласиться каждый экономист и философ.

Духовность сознания, основанная на инструкциях, есть определенно дисциплинированное сознание. Однако такая дисциплина, присуща не только монахам или аскетам, но и штурмовым отрядам, мафиозным структурам, такая «дисциплина сознания» отнюдь не является генеральным, универсальным условием хозяйственной духовности. Поэтому прав был Спиноза, который утверждал, что «мир – это не отсутствие войны, а добродетель, порожденная душевной мощью». Хозяйственный мир, если это мир добродетельных людей, стремящихся к добру в его вещно-экономическом и духовно-нравственном определении, созидаящих это добро своим трудом и посредством своего сознания, такой хозяйственный мир действительно становится одухотворенным, наполненным духовностью, истинно духовным. И духовное экономическое сознание человека, как солнечный луч направленное на хозяйство, может преобразовать это хозяйство в сказочный град Китеж. От утопии до воплощения идеала всего один шаг: но этот шаг не в сфере социально-политической революции, а в сфере сознания.

Смысл хозяйственной духовности, духовности как основы экономического (обращенного на хозяйство) сознания в сущности прост: надо любить людей и делать свое дело для людей, делать его с любовью. «Жить нужно не для себя (эгоизм) и не для других (альтруизм), а со всеми и для всех»¹⁵. Хозяйством также нужно заниматься «со всеми и для всех», а это и означает: любить не только свое дело или себя, но и (прежде всего) людей. В общем, известный принцип: «Любите людей» (А. Сент-Экзюпери «Маленький принц»), но часто не понимаемый и не принимаемый че-

¹⁴ Новак М. Дух демократического капитализма: Пер. с англ. Минск, 1997. С.97.

¹⁵ Федоров Н.Ф. Философия общего дела. Соч. М., 1982. С.89–90, 166.

ловеком. Хотя ведь сказано евангелистом Иоанном: «Бог есть любовь». Но так уж устроен человек, что подменяет заповедь проповедью. Предлагают заменить любовь верой. Как будто одно может заменить другое! Или как будто одно вообще может существовать без другого! Апостол Павел в Первом послании к коринфянам сказал: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... А теперь пребывают сия три: вера, надежда, любовь; *но любовь из них важнее*». В самом деле, с верой люди совершали преступления, с надеждой допускали ошибки, но с любовью «жили со всеми и для всех». Только любовь, положенная в качестве нравственного закона (максимы) в основу мышления и хозяйственной практики, делает наше экономическое сознание духовным и нацеленным на подлинное, истинное творчество в хозяйственной сфере нашего бытия.

К сожалению, философам тоже свойственно заблуждаться. И не только тогда, когда они осмысливают экономические проблемы, но и тогда, когда предметом философствования выступают сугубо онтологические вопросы. Так, И. Фихте, искренне считавший, что его век не понял духа философии И. Канта, писал: «Кант слишком большие надежды возлагает на деятельность рассудка, а последний «есть покоящаяся, бездеятельная способность духа»¹⁶. Толчком к деятельному рассудку, по Фихте, является «свобода воображения – реальное освобождение духовной жизни»¹⁷. Но вся беда в том, что свободу воображения немецкий философ связывает не с любовью, а со способностью к отвлечению. В «Фактах сознания» он подчеркивает, что духовность как принцип не является чувственной. Но тогда чего стоит его призыв искать духовность мира в своем собственном, но бесчувственном и отвлеченном «Я»? Словно понимая свою оплошность, И. Фихте употребляет понятие «сверхчувственного»: «Я» само по себе есть принцип и как таковое чистая мысль, оно вполне нечувственно и сверхчувственно¹⁸. В основе фихтеанской конструкции сознания лежит идея абсолютной (абсолютизированной, точнее было бы сказать) свободы: «Свободное творческое воображение создает душу как образ моего «Я»¹⁹. Но все это выглядит не просто неубедительно, но и ошибочно. Свобода противоположна

¹⁶ Фихте И. Избр.соч. М., 1916. Т.1. С.209.

¹⁷ Фихте И. Факты сознания. СПб., 1914. С.12.

¹⁸ Там же. С.62.

¹⁹ Там же. С.62.

любви, она не совместима с любовью. Формула «Счастье = Свобода + Любовь» приобретает и иное вполне логическое выражение: «Свобода = Счастье – Любовь». Но без любви «Я» ущербно, а сознание пусто и отвлеченно. «Что толку в том, что ты приобретешь весь мир, но потеряешь себя» – эти слова из Екклезиаста остались у И. Фихте без ответа.

И хотя эти ответы на поставленные вопросы И. Фихте даны не были, но и он, как и многие философы до и после него, искал ответ на вопрос, что есть духовность в истории человеческой любви. Это – совершенно иная постановка проблемы духовности, противоположная восточной традиции (буддистской, даоистской или тем более конфуцианской). В буддизме, как известно, сознание формируется не в познании, а в просветлении, которое наступает при отвлечении от всего земного, в том числе (а может быть и в первую очередь) от любви. Это и есть в буддизме то, что называется «научиться смотреть на жизнь по-новому». Сатори или «просветление» (в дзэн-буддизме) есть раскрытие сознания человека. «Если раскрытие сознания в дзэне не кончается состоянием *сатори*, то можно сказать, что это раскрытие не достигло кульминационной точки, тогда как сознанию ничего другого не остается, как прийти к *сатори* как к конечной развязке»²⁰.

Отвлечение от всего земного, столь явно сохранившееся как основополагающий лейтмотив формирования человеческого сознания в восточных философских школах, когда-то было свойственно и раннему христианству. Вспомним мотивы «не сеять и не собирать в житницы», «жить аки птицы небесные», «не думать о хлебе насущном» и т.д. Но в христианстве XIX в., а тем более XX в. подобная отвлеченность от экономической сферы человеческого бытия навсегда ушла в прошлое.

В русской философии это еще более очевидное явление. И. А. Ильин вообще рассматривал любовь как источник религиозной веры. Будучи сам глубоко религиозным человеком, он утверждал, что «вера не дается доказательствами, ибо ее источник не в рассуждении, а в предметном горении сердца»²¹.

Таким образом, духовность сознания основана на любви, одухотворенность хозяйственной практики проистекает из духов-

²⁰ Судзуки Д.Т. Основы дзэн-буддизма / Буддизм. Четыре благородных истины. М., 1999. С.533.

²¹ Ильин И.А. Религиозный смысл философии / Путь к очевидности. М., 1998. С.123.

ной основы экономического сознания. Без духовности экономического сознания хозяйство мертво и теряет всякий смысл.

Если вдуматься в истинный смысл всех этих рассуждений, то становится понятным, что только любовь очищает дух человека от ложных и низменных пристрастий, пробуждает светлые и высокие свойства его сердца. Именно в акте духовной любви наш ум преобразуется и становится подобным Провидению. Не случайно И. Кант в «Метафизике нравов» (1797) утверждал, что «любовь должна мыслиться как максима благоволения (практическая), имеющая своим следствием благодеяние»²². Именно эта максима как практическая сила пробуждает в человеке оптимизм, радость труда, творчества, окрыляет его и вдохновляет на свершение героического, превращает хозяйство из повседневной рутины в новаторство и созидание. Понимание практической значимости любви как духовной основы экономического сознания и всей хозяйственной практики человека прекрасно отражено в словах апостола Павла: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто» (I Кор 13, 1–2). Лучше не скажешь.

§ 3. Культура как объективация экономического сознания

Духовность экономического сознания непосредственно связана с хозяйствованием, поскольку последнее представляет собой не что иное, как определенную хозяйственную (экономическую) культуру. Понятие «культура» обычно рассматривается в двух смыслах: с одной стороны, она есть вся та система материальных ценностей, благ, которые созданы человеком и окружают его в жизни; с другой стороны, культура (от слова «культ») представляется как определенное отношение человека к хозяйству, к материальным благам. Если экономическая культура в первом смысле слова выступает как материальная культура общества, то во втором своем значении она есть духовная культура человека.

Конкретные, производные от термина «экономическая культура» понятия «культура труда», «культура производства», «культура потребления» и т.п., рассматриваемые в различных исследованиях современными философами и экономистами, культуру-

²² Кант И. Соч.: В 6-ти т. М., 1965. Т.4, ч.2. С.389.

логами и психологами, лишь подчеркивают разрозненность и поверхностность наших представлений об экономической культуре современного общества. Экономическая культура есть самое непосредственное и очевидное проявление хозяйственной духовности. Экономическая культура, собственно говоря, есть проекция хозяйственного духа личности и(или) общества в сфере воспроизводства. Экономическая культура в этом смысле лежит в основании всей культуры общественного воспроизводства (общей культуры человека). При этом сущностной основой экономической культуры выступает ее организационная сфера. Если вдуматься, то становится понятным, что деловая, экологическая, производственная и всякая иная культура – это всего лишь конкретные разновидности именно организационной культуры. Деловая культура как понятие охватывает отношение человека к труду, экологическая – к природе. Но сами по себе эти отношения могут быть спонтанными, непродуманными, неэффективными, а могут выступать организованными, определенным образом структурированными, субординатизированными. Культура личности, как известно, есть мера освоения человеком материальных и духовных ценностей, а также мера его деятельности, направленная на создание новых благ. Способности человека творить культуру, то есть его креативные способности, не могут сформироваться и проявиться вне организации, вне организационной культуры. Организационная культура составляет как бы остеологию экономической культуры в целом, она выражает и отражает суть организационно-экономических отношений, складывающихся в конкретно-исторической экономической системе. Как известно, эти организационно-экономические отношения выражают в свою очередь взаимосвязь между производительными силами и производственными отношениями, обеспечивая их взаимное равновесие и гармонию, или, пользуясь прежней терминологией, соответствие производственных отношений уровню и характеру развития производительных сил. Мы здесь не говорим о самой правомерности данной формулировки объективного экономического закона, дискуссия по данной проблеме отражена нами в прежних публикациях¹. В контексте предмета настоящего исследования в центре нашего внимания будет организационная культура как объективация экономического сознания, как феномен хозяйственной практики.

¹ См.: Стожко К. П. Экономическая диалектика человека. История. Теория. Методология. Екатеринбург, 1994. С.303–305.

Предваряя анализ данного феномена, хотелось бы вспомнить притчу. «Для чего вы работаете?» – спросил прохожий каменотесов. Первый ответил: «Чтобы иметь пищу». Второй сказал: «Чтобы обтесать камни для этой стены». Третий произнес: «Чтобы построить замечательный храм».

Эти слова как нельзя лучше определяют смысл феномена организационной культуры. Под *организационной культурой* понимается *целостная система выработанных в организации и свойственных ее членам моделей поведения, обычаев, нравов и ожиданий*.

Основная масса идей становятся реальностью благодаря тому, что люди, которые хотели бы их осуществить, верят в возможность этого. Каких бы высот не достиг технический прогресс, как бы фантастически не выглядели современные технологии, основным двигателем всего остается все-таки человеческая мысль.

Интуиция, вера, убеждение, несомненно, несут в себе большую духовную энергию. Их нельзя измерить и подвергнуть количественному анализу. Тем не менее, люди, добившиеся реальных успехов в бизнесе, единодушно говорят о том, что философия организации играет большую роль в достижениях, чем технологические или экономические ресурсы. А именно эта философия и есть суть организационной культуры любого предприятия.

Культура не является изначально заданной, предопределенной. Она – результат общественных взаимодействий, передается и поддерживается главным образом через обучение. Культура внутри организации проявляется через поведение.

Люди всегда управляют социальными и технологическими процессами согласно своим глубинным убеждениям о том, как (и ради чего) это нужно делать. В основе этих убеждений находится то, что мы называем ценностными ориентирами, верой в непреложность принципов, ставших основой нашей жизненной философии.

Организационная культура призвана создавать на предприятии (в организации) здоровый климат. Зафиксирована зависимость между наличием подобного климата и деловым успехом фирмы. Например, представительное обследование крупных корпораций США и Западной Европы показало, что среди высокоприбыльных фирм 88% имели специализированные подразделения, непосредственно отвечающие за внедрение моральных ценностей, 65% – программы увязки этих ценностей с мерами по по-

вышению рентабельности, 58% – специальные программы культурной работы среди персонала. У компаний со средним и низким уровнем прибыли соответствующие показатели оказались, по крайней мере, вдвое ниже².

На рубеже 70-х гг. переломной для всей управленческой мысли явилась четко сформулированная идея о том, что организация – это открытая система, которая приспосабливается к своей весьма многообразной внешней и внутренней среде. Таким образом, термин «организационная культура» достаточно новый в экономической науке. Он появился в конце 70-х гг., а на рубеже 80–90-х этот феномен оказался в центре внимания предпринимателей. На поддержание и развитие корпоративных ценностей направляются многомиллиардные инвестиции, в этой области действуют сотни консультативных фирм. Постоянные рубрики об оргкультуре появились во всех ведущих деловых журналах. Специализированные курсы по оргкультуре введены практически во всех школах бизнеса.

Стало ясно, что четко проработанные формализованные схемы управления, способы регуляции и стимулирования трудового поведения, внедренные на конкретных предприятиях и давшие там положительный эффект, в другой организации могут дать совсем иной, порой даже противоположный результат.

Дело в том, что способы и методы управления в большей степени определяются традициями и культурными особенностями фирмы. Это ярко проявляется при слиянии, поглощении предприятий друг другом или в деятельности представительств иностранных фирм на чужой территории, когда оказывается, что части, составляющие теперь единое целое, не находят общего языка: у них различные принципы работы, ценности, традиции, которым они следуют, то есть разные культуры.

В последнее время и в России предприниматели начинают осознавать, что корпоративная культура – это ключевой фактор успешного развития организации, и все больше внимания уделяют именно этой проблеме.

Учитывая особенности современного состояния рыночных отношений в России, роль организационной (ее часто называют корпоративной, хотя это и не совсем точно) культуры становится наиболее заметной на фоне общего развития отечественного бизнеса. На сегодняшний день все большее количество фирм и

² Агеев А. А. Организационная культура современной корпорации // МЭиМО. 1990. № 6. С.43.

корпораций пробует внедрять собственные модели организационной (корпоративной) культуры, которые формируются с использованием опыта деятельности зарубежных фирм, успешно использующих такую культуру, как один из основных рычагов воздействия на экономические процессы.

Организационная культура носит сугубо дифференцированный характер. Тем не менее, можно выделить ряд особенностей, характеризующих организационную (корпоративную) культуру по национальному признаку, по региональному признаку, по принадлежности к тому или иному роду деятельности.

Особую актуальность приобретают теоретические аспекты организационной культуры, ее влияние на эффективность, экономической практики, ее связь с национальными особенностями страны, присущие организационной культуре зарубежных стран особенности, а также практические проблемы формирования современной экономической культуры.

В современной литературе существует довольно много определений понятия «организационная культура». Существует несколько подходов, в рассмотрении организационной культуры.

Одни исследователи (Е. Шейн, И. Ансофф, Т. Питерс, Р. Уоттермен) рассматривают организационную культуру как некое вторичное образование, которое можно использовать как инструмент для достижения целей, в частности, регулировать поведение работников. Этот инструмент, во-первых, помогает выжить, адаптироваться к внешней среде и быть ею признанным, во-вторых, с его помощью организация может эффективно работать как единая команда³.

С точки зрения других авторов (А. Петтигрю и др.), оргкультура – это то, что отличает данную организацию от любой другой, ее индивидуальность, особенность, ее лицо. Попросту говоря, оргкультура – это как бы некая призма, единая для всех членов данной организации, через которую все события, объекты, действия воспринимаются сотрудниками единообразно.

Несмотря на очевидное разнообразие определений и толкований организационной культуры в них есть общие моменты.

Так, в большинстве определений авторы ссылаются на образцы базовых предположений, которых придерживаются члены организации в своем поведении и действиях. Эти предположения часто связаны с видением окружающей индивида среды (группы,

³ См.: Кузнецов Ю. В., Подлесных В. И. Основы менеджмента. Учеб. пособие. СПб., 1998. С.74; Конспект ЭКО: организационная культура // ЭКО. 1998. № 10.

организации, общества, мира) и регулирующих ее переменных (природа, пространство, время, работа, отношения и т.д.). Нередко бывает трудно сформулировать это видение применительно к организации.

Ценности, которых может придерживаться индивид, являются второй общей категорией, включаемой авторами в определение организационной культуры. Организационные ценности – это предметы, явления и процессы, направленные на удовлетворение потребностей членов организации и признающиеся в качестве таковых большинством членов организации. Ценности ориентируют индивида, какое поведение следует считать допустимым или недопустимым. Принятая ценность помогает индивиду понять, как он должен действовать в конкретной ситуации.

К ценностям организации можно отнести:

- цели (сами по себе составляют круг особых ценностей);
- стабильный заказчик, долговременные устойчивые отношения с этим заказчиком;
- максимальная экономическая эффективность (получение прибыли является важной организационной ценностью в условиях товарного производства);
- количественный и качественный уровень социальной политики предприятий, стабильность поведения, как отдельного работника, так и целых коллективов;
- новаторство, инициативность, творческие наклонности;
- предназначение организации и ее «лицо» (высокий уровень технологии и качества, лидерство в своей отрасли и гордость этим, преданность своей профессии);
- роль женщин в управлении и на других должностях (допустимость работы женщин на руководящих должностях; должности, недоступные или специально для них предназначенные; уважение к женщинам-менеджерам; одинаковое отношение к работникам независимо от пола; особые льготы);
- критерии выбора на руководящие и контролирующие должности (старшинство или эффективность работы; политические, этнические, национальные и другие критерии; влияние неформальных отношений и группировок);
- стиль руководства и управления (авторитарный, демократический, консультативный, стиль сотрудничества; использование комитетов и целевых групп; личный пример и способность приспосабливаться);

- процессы принятия решения (кто принимает решения; с кем проводятся консультации; индивидуальное или коллективное принятие решения; необходимость согласия);
- характер контактов (предпочтение личных или письменных);
- возможность контактов с высшим руководством; использование собраний.

Каждая организация имеет свой набор ценностей, которые придают индивидуальные для этой организации акценты событиям, предметам, отношениям, восприятию жизни. Особо важные ценности приобретают характер фундаментальных принципов, лежащих в основе идеологии, они обычно находят отражение в миссии и целях, и таким образом непосредственно связаны со стратегией организации, определяя ближайшие и перспективные планы деятельности.

Большое значение в деле распространения основополагающих принципов культуры предприятия отводится изучению истории предприятия и ее пропаганде. С этой целью крупные фирмы нередко заключают контракты с университетами. К этой работе привлекаются не только солидные ученые, но и молодые выпускники, которые берут в качестве темы своей дипломной работы историю того или иного предприятия.

Важную роль в процессе формирования организационной культуры играет исторический фактор. Основная цель обращения к истории – это не научная фиксация фактов эволюции организации, но стремление с позиций прошлого мотивировать деятельность персонала в настоящем. История предприятия играет роль посредника между прошлым и нынешним коллективом. Знание ее помогает людям адаптироваться к современным условиям функционирования предприятия. Исторические исследования позволяют объяснить, почему так, а не иначе обстоят теперешние дела, откуда взялись те или иные культурные ценности и т.д. В историческом исследовании непременно отражаются такие важные моменты, как история становления и развития самой организации, обстоятельства ее создания, возможные факты слияния с другими предприятиями, наиболее значительные даты и события, исторические личности. Здесь может идти речь об основателе предприятия, его принципах и заповедях, забастовках и т.д. Важное место отводится описанию эволюции производственной деятельности, выпускаемой продукции, с чего началось производст-

во, как шло развитие производства, на производстве каких товаров компания достигла наибольших успехов.

В тесном взаимодействии с ценностным аспектом культуры находится ее *знаково-символическая* составляющая, которая проявляется в развитых типах организационной культуры предприятий приобретает характер целостной системы. Знаково-символическая система является той формой, через которую осуществляется производство и воспроизводство культуры предприятия, ее постоянное функционирование. Многие фирмы имеют специальные документы, в которых они детально описывают свои ценностные ориентации. Однако содержание и значение последних наиболее полно раскрываются работникам через легенды и мифы, через истории, которые рассказывают сотрудники. Иными словами, культура предприятия живет и действует на основе различных форм знаково-символической системы.

Функционирование знаково-символической системы осуществляется во взаимодействии ее составляющих моментов: мифологии и обрядов. Развитые корпоративные культуры быстро вырабатывают довольно разнообразную мифологию.

Мифология выступает как умственное преобразование, интерпретация фактов. Содержательная часть такой мифологии предприятий существует в виде метафорических историй, анекдотов, которые постоянно циркулируют на предприятии. Обычно они связаны с основателем предприятия и призваны в наглядной, живой, образной форме довести до рабочих и служащих ценности компании, ее кредо. Эти истории рассказывают о том, как была создана компания, какими мотивами руководствовался ее создатель. Часто создание компании представляется как некий героический акт, который разрешил какую-то сложную ситуацию в биографии ее создателя или того города, поселка, в котором была создана данная компания. Через мифы могут быть объяснены все важнейшие проблемы деятельности предприятий. «Мифы воспринимаются с религиозной серьезностью – либо как исторический факт, либо как мистическая истина»⁴.

Особое место в мифологии занимают «герои». Это отцы-основатели, менеджеры, с которыми связан успех компании. «Герои ситуации» – это служащие, добившиеся успехов на том или ином отрезке времени, их деятельность обычно связана со стержневыми ценностями организации. Кроме «врожденных героев» и «героев ситуации» в мифологии предприятий циркулируют

⁴ Лангер С. Философия в новом ключе: Пер. с англ. М., 2000. С.158.

ют множество иных типов «героев». В легендах этих людей наделяют различными достоинствами, благодаря чему они служат образцами для подражания: «герой-экспериментатор», «герой-новатор», «герой, все свое время отдающий компании» и т.д.

Приведение в движение мифологии, ее воспроизводство, превращение в факт социального общения осуществляется при помощи обрядов и ритуалов. Обряды и ритуалы направлены прежде всего на то, чтобы придать особую важность событиям, которые связаны со стержневыми ценностями предприятий, эпохальными событиями в деятельности предприятий, его рабочих и служащих. Это могут быть торжественные собрания, обряды посвящения, церемонии проводов, совместно проводимые праздники и обеды. Основная их цель – создавать образ коллективного «Мы».

Знаки отличия статуса, награды, визитные карточки, рекламные буклеты, информационные листки, стиль одежды, оформление помещения и т.д. предназначены символизировать ценности организации. Вся эта совокупность средств идеологического и морального воздействия создает серьезные внеэкономические предпосылки для эффективной деятельности компании и реализации его сотрудниками своих сил и способностей.

В целом роль мифотворчества в деятельности фирм (корпораций) может быть обращена не только на персонал самого предприятия, но и вовне, на потребителя. При этом необходимо помнить, что «мифологическая логика много сложнее» логики формальной или даже диалектической, для решения задач или снятия противоречий «она использует разнообразные способы и приемы»⁵. Корпоративное сознание как разновидность общественного сознания (как замкнуто-коллективистское, групповое) неразрывно связано с мифотворчеством. Миф в структуре экономического сознания – это не архаизм, не пережиток, а вполне современная реальность. Напомним, что разработкой теории мифа в XX в. занимались многие западные (Э. Кассирер, К. Г. Юнг, Л. Леви Брюль, К. Леви Стросс) и российские (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Н. Ф. Лосев, Вяч. Иванов) философы. Функция мифа – преобразовать действительность⁶. Раз-

⁵ Евсюков В.В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988. С.7.

⁶ См.: Петров А.А. Миф как проблема в русской философии начала века // Становление человека как субъекта социального творчества. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1997. С.157.

витие мифа наука рассматривает как неизменную часть развития культуры⁷.

Миф непосредственно апеллирует к чувственному, а не рассудочному сознанию, к эмоциям, а не к уму, а потому и вызывает более быструю ответную реакцию в человеке. Миф пробуждает активное ценностное восприятие, отношение, которое объективируется в поведении и проявляется в эмоциях, а затем в суждениях.

Организационная культура – это набор наиболее важных предположений, принимаемых членами организации и получающих выражение в заявляемых организацией ценностях, задающих людям ориентир их поведения и действий. Эти ценностные ориентации передаются индивидам через «символические» средства духовного и материального внутриорганизационного окружения.

Организационная культура имеет определенную структуру, являясь набором предположений, ценностей, верований и символов, следование которым помогает людям в организации справляться с их проблемами. Так, иногда предлагается рассматривать организационную культуру по трем уровням⁸. Познание организационной культуры начинается с первого, *поверхностного*, или символического уровня, включающего такие видимые внешние факты, как применяемая технология и архитектура, использование пространства и времени, наблюдаемое поведение (язык, лозунги и т.п.), или все то, что можно ощущать и воспринимать через пять чувств человека. На этом уровне вещи и явления легко обнаружить, но не всегда их можно расшифровать и интерпретировать в терминах организационной культуры.

Те, кто пытаются познать организационную культуру глубже, затрагивают ее второй, *подповерхностный* уровень. На этом уровне изучению подвергаются ценности и верования, разделяемые членами организации, в соответствии с тем насколько эти ценности отражаются в символах и языке. Восприятие ценностей и верований носит сознательный характер и зависит от желания людей. Исследователи часто ограничиваются этим уровнем, так как изучение следующего уровня сопряжено с рядом сложностей.

Третий, *глубинный* уровень включает базовые предположения, которые трудно осознать даже самим членам организации без специального сосредоточения на этом вопросе. Эти скрытые

⁷ См.: Тайлор Э. Б. Первобытная культура: Пер. с англ. М., 1989. С.129.

⁸ См.: Виханский О. С., Наумов А.И. Менеджмент. М., 1999. С.432.

и принимаемые на веру предположения направляют поведение людей, помогая им воспринять атрибуты, характеризующие организационную культуру.

Соответственно тому, какие из указанных уровней изучаются, существует деление организационных культур на субъективные и объективные. Субъективная организационная культура исходит из разделяемых работниками образцов предположений, веры и ожиданий, а также из группового восприятия организационного окружения с его ценностями, нормами и ролями, существующими вне личности. Сюда включают ряд элементов символики, особенно ее духовной части: герои организации, мифы, истории об организации и ее лидерах, организационные табу, обряды и ритуалы, восприятие языка общения и лозунгов.

Субъективная организационная культура служит основой формирования управленческой культуры, то есть стилей руководства и решения руководителями проблем, их поведения в целом. Это создает различие между схожими на вид организационными культурами.

Объективную организационную культуру обычно связывают с физическим окружением, создаваемым в организации: здание, его дизайн, место расположения, оборудование и мебель, цвета, объем пространства, удобства, кафетерий, комнаты приема, стоянки для автомобилей и сами автомобили. Все это в той или иной степени отражает ценности, которых придерживается данная организация.

Хотя оба аспекта организационной культуры важны, однако субъективный аспект создает больше возможностей для нахождения как общего, так и различий между людьми и между организациями.

Особый вопрос представляет собою изучение содержания организационной культуры. Существует много подходов к выделению различных атрибутов, характеризующих и идентифицирующих ту или иную культуру, как на макроэкономическом, так и на микроэкономическом уровне. Так, Ф. Харрис и Р. Моран предлагают рассматривать конкретную организационную культуру на основе десяти характеристик⁹:

осознание себя и своего места в организации (в одних случаях ценят маскировку сотрудниками своих внутренних настроений, в других – поощряется их внешнее проявление; иногда

⁹ См.: Виханский О. С., Наумов А.И. Менеджмент. М., 1999. С.425.

независимость и творчество проявляются через сотрудничество, а в других – через индивидуализм);

вера, оптимистическое отношение к жизни вера в руководство, успех, в свои силы, во взаимопомощь, в этичное поведение, в справедливость, отношение к коллегам, к клиентам и конкурентам, к злу и насилию, агрессии, влиянию религии и морали;

взаимоотношения между людьми (по возрасту и полу, статусу и власти, мудрости и интеллекту, опыту и знаниям, рангу и протоколу, религии и гражданству и т.п.; степень формализации отношений, получаемой поддержки, пути разрешения конфликтов);

внешний вид, одежда и представление себя на работе (разнообразие униформ и спецодежды, деловых стилей, опрятность, косметика, прическа и т.п. подтверждают наличие множества микрокультур);

коммуникационная система и язык общения (использование устной, письменной, невербальной коммуникации, «телефонного права» и открытости коммуникации разнится от группы к группе, от организации к организации; жаргон, аббревиатуры, жестикация варьируются в зависимости от отраслевой, функциональной и территориальной принадлежности организаций);

осознание фактора времени, отношение к нему и его использование (степень точности и относительности времени у работников; соблюдение временного распорядка и поощрение за это; монокроническое или полихроническое использование времени);

процесс совершенствования работника, его обучение и переобучение (бездумное или осознанное выполнение работы; полагаются на интеллект или силу; процедуры информирования работников; признание или отказ от примата логики в рассуждениях и действиях; абстракция и концептуализация в мышлении или заучивание; подходы к объяснению причин);

трудовая этика и мотивирование (отношение к работе и ответственность по работе; разделение и замещение работы; чистота рабочего места; качество работы; привычки по работе; оценка работы и вознаграждение; отношения «человек – машина»; индивидуальная или групповая работа; продвижение по работе);

ценности как набор ориентиров в том, что такое хорошо и что такое плохо и *нормы* как набор предположений и ожиданий в отношении определенного типа поведения, – что люди ценят в

своей организационной жизни (свое положение, титулы или саму работу и т.п.) и как эти ценности сохраняются;

что и как едят люди, привычки и традиции в этой области (организация питания работников, включая наличие или отсутствие таковых мест на предприятии; люди приносят с собой еду или посещают кафетерий, внутри или вне организации; дотация питания; периодичность и продолжительность питания; едят ли работники разных уровней вместе или отдельно).

Вышеотмеченные характеристики культуры организации взятые вместе отражают смысл концепции организационной культуры.

Разделяя веру и ожидания, участники организации вырабатывают язык общения, совершают адекватно воспринимаемые другими действия, проявляют понимаемые всеми чувства и эмоции. Это помогает им понять и интерпретировать культуру организации, придать свое значение событиям и действиям, сделать осмысленным свое рабочее окружение. Поведение людей и групп внутри организации связано нормами, вытекающими из этих разделяемых верований, ожиданий и действий.

Содержание организационной культуры воздействует на поведение и определяется не суммой предположений, а тем, как они связаны между собой, как они формируют определенные образцы поведения. Отличительной чертой той или иной культуры является то, какой порядок, какая политика и какие принципы должны превалировать в случае возникновения конфликта. Отличительной чертой той или иной культуры является относительный порядок, в котором располагаются формирующие ее базовые предположения, что указывает на то, какая политика и какие принципы должны превалировать в случае возникновения конфликта между разными наборами предположений.

Под крышей одной общей культуры могут сосуществовать различные субкультуры. Обычно есть одна, преобладающая культура в организации, но существуют также культуры ее частей. Такого типа культура обычно соответствует мультинациональным корпорациям или, например, банкам, имеющим широкую региональную сеть.

Эти различные субкультуры могут сосуществовать под крышей одной общей культуры.

Также в организации может существовать такой тип субкультур, которые достаточно упорно отвергают то, что организация в целом хочет достигнуть. Среди этих организационных контркультур могут быть выделены следующие виды:

- прямая оппозиция ценностям доминирующей организационной культуры;
- оппозиция структуре власти в рамках доминирующей культуры организации;
- оппозиция к образцам отношений и взаимодействия, поддерживаемых доминирующей культурой.

Контркультуры в организации появляются обычно тогда, когда индивиды или группы находятся в условиях, которые, как они чувствуют, не могут обеспечить им привычного или желаемого удовлетворения. В определенном смысле организационные контркультуры являются призывом к помощи в период стресса или кризиса, то есть когда существующая система поддержки разрушилась и люди пытаются восстановить хоть какой-то контроль за своей жизнью в организации. Некоторые «контркультурные» группы могут стать достаточно влиятельными в ходе крупномасштабных трансформаций, связанных со значительными изменениями в природе, конструкции и характере организации. Наглядными примерами таких групп являлись всесильные в свое время советы трудовых коллективов, появляющиеся сейчас в ходе приватизации группы собственников контрольного пакета акций предприятий и коммерческие подразделения бюджетных организаций.

Рассмотрим типологии организационной культуры. Признание определяющей роли национальной культуры на организационную культуру предприятий привело к тому, что в современной литературе широкое распространение получили типологии организационных культур по национальному признаку. В основе этих типологий лежат важнейшие ценности, которые характерны для тех или иных стран и национальностей. Эти ценности и верования напрямую связываются с господством в данном обществе той или иной разновидности религии. Например, культуру предприятий Японии чаще всего связывают с буддистской этикой, культуру предприятий США – с протестантской этикой, культуру предприятий России – с православной этикой.

Выделяют следующие типологии организационных культур:

- 1) Типология культуры С. Ханди;
- 2) Типология культуры И. Оучи;
- 3) Типология культуры С. Иошимури;
- 4) Типология культуры У. Ноймана;
- 5) Типология культуры Р. Блейка и Ж. Мутона¹⁰.

¹⁰ Радугин А. А. Основы менеджмента. Учеб. пособие. М., 1997. С.318.

Типология С. Ханди базируется на распределении власти и связанных с ней личностных особенностей, которые обуславливают специфический характер отношений индивида и организации, структуру организации и характер ее деятельности на различных этапах развития. По этому критерию С. Ханди выделил четыре организационные культуры, которые выражаются в виде четырех богов древнегреческой мифологии.

Первый тип культуры – это «культура власти» или «культура Зевса», символ этой культуры – паутина. Зевс, как известно, олицетворяет в мифологии образ царя богов. В данной культуре организации, по С. Ханди, особую роль играет лидер, его личные качества и способности. Культура власти – это прежде всего культура организации, в которой существенную роль играет момент личной власти. В качестве источника власти заметное место принадлежит ресурсам, находящимся в распоряжении того или иного руководителя. Организации с такого типа культурой, как правило, имеют жесткую, иерархическую структуру. Принятие решений в большей степени обусловлены логикой конкурентной борьбы, борьбы влияний, чем логикой технологического цикла или формальными правилами и процедурами. Контроль за исполнением принятых решений осуществляется централизованно. Набор персонала и продвижение по ступеням иерархической лестницы осуществляется достаточно часто по критериям личной преданности, с учетом некоторых правил и небольшой доли бюрократичности. Данный тип культуры позволяет организации быстро реагировать на изменение ситуации, быстро принимать решения и организовывать их исполнение.

«Культура власти» чаще всего характерна для вновь образованных коммерческих структур. Наиболее оптимально она функционирует в небольших организациях семейного типа, рост организации для такой культуры создает значительные проблемы, поскольку бывает очень трудно координировать разнообразную деятельность большого количества людей на основе личного контроля.

Второй тип организационной культуры – это «ролевая культура» или «культура Аполлона». Ее символ – греческий храм. Бог Аполлон связывается в древнегреческой мифологии с рациональным началом, по сравнению со стихийным эмоциональным началом бога Диониса. «Культура Аполлона» – это бюрократическая культура. Она характеризуется строгим функциональным распределением ролей и специализацией участков, деятельность которых координируется и направляется небольшим связующим

звеном высшего руководства предприятия. Это тип организаций функционирует на основе системы правил, процедур и стандартов деятельности, соблюдение которых должно гарантировать ее эффективность. Поскольку основным моментом влияния и контроля являются правила и процедуры, постольку характер функционирования организаций с данным типом культуры в большей мере зависит от рационализации деятельности, распределения работы, ответственности и прав, а не от личных обязанностей сотрудников, включая и руководителей организаций.

Основным источником власти являются также не личные качества, а положение, занимаемое в иерархической структуре. Организация с подобного рода культурой, как правило, способна успешно работать в стабильной, предсказуемой окружающей среде, позволяющей сохранять значительный контроль над ситуацией. В случае быстрого и кардинального изменения окружающей среды, когда необходимо быстро реагировать, данный тип культуры оказывается малоэффективным.

Третий тип организационной культуры – это культура «личности» или «культура Диониса». Бог Дионис в древнегреческой мифологии связывается с импульсивным эмоциональным началом. Основу организации составляют творческие личности. Организация с данным типом культуры объединяет людей не для решения каких-то общих задач, а для того, чтобы они могли добиваться собственных целей. Примером таких организаций могут служить юридические консультации, адвокатские конторы, консалтинговые фирмы, творческие союзы и т.д. Поскольку функция данного типа организации состоит не в достижении ее собственных целей, а обеспечения или содействия в достижении целей составляющих ее членов, постольку власть и контроль в них носят координирующий характер. Власть основывается на близости к ресурсам, профессионализме и способности договариваться.

Четвертый тип организационной культуры – «культура задачи» или «культура Афины». Афина в древнегреческой мифологии – это богиня войны. Следовательно, и данный вид культуры организаций больше приспособлен для деятельности в экстремальных условиях. В более общем плане данный вид культуры сориентирован, в первую очередь, на решение задач, на реализацию проектов. Основное внимание здесь уделяется скорости выполнения работы, предоставление персоналу значительной доли свободы выбора организационных форм.

Эффективность деятельности организаций с такой культурой во многом определяется высоким профессионализмом со-

трудников и кооперативным групповым эффектом. Основным средством распределения власти является профессионализм и обладание ресурсами информации. Большими властными полномочиями в данного типа организациях обладают те, кто в данный момент является экспертом в ведущей области деятельности, а также те, кто обладают максимальным количеством информации.

Эта культура эффективна в тех случаях, когда ситуативные требования рынка являются определяющими в деятельности организации. Это бывает в тех случаях, когда организация производит скоропортящиеся продукты или услуги там, где важна скорость реагирования на ситуацию, поскольку она имеет возможность быстро мобилизовать ресурсы.

«Культура задачи» работает хорошо в ситуациях, когда ресурсы доступны всем, кто в них нуждается. В этом случае контроль за деятельностью осуществляется высшим руководством организации и сводится к распределению проектов сотрудников и ресурсов, не оставляя без внимания также и методы работы. В случае дефицита ресурсов высшее руководство может склониться к установлению полного контроля за методами и результатами деятельности, а руководители проектов могут вступить в конкретную борьбу за влияние, имеющее целью получение доступа к ресурсам. В силу этого наступает необходимость регламентации всей деятельности персонала. Поэтому С. Ханди считает «культуру задачи» переходной. Она способна перерасти либо в «культуру власти», либо в «ролевую культуру».

На формирование того или иного типа организационной культуры предприятий оказывают влияние многие факторы: технология производства; размер и характер решаемых задач; особенности конкурентной ситуации. Так, например, строго распланированные операции, дорогостоящие технологии, массовое производство требуют «ролевой культуры». Единичное, мелкосерийное производство, быстро меняющиеся технологии требуют «культуры задачи» или «культуры власти». Крупные организации также стремятся к «ролевой культуре». Ибо формализация управления в большей степени позволяет осуществлять координацию и контроль за деятельностью. В случае холдинговых компаний осуществляется сочетание «культуры власти» и «ролевой культуры». «Культура власти» проявляется на уровне высшего руководства, а «ролевая культура» – на уровне дочерних компаний и автономных подразделений. На тип организационной культуры влияют также личностные особенности работников. Люди,

избегающие состояния неопределенности, предпочитающие жесткие ролевые распоряжения, а также нуждающиеся в безопасности, предпочитают «ролевую культуру». К созданию «ролевой культуры» также стимулирует низкий интеллектуальный и профессиональный уровень персонала. И наоборот, персонал с высоким уровнем способностей и умений, со стремлением утверждать свою личность, реализовать свои навыки и таланты будет способствовать утверждению «культуры власти» или «культуры задачи».

С. Ханди считает, что данные типы культур можно проследить в процессе эволюции одной и той же организации. Каждая организация в своем развитии проходит четыре основных стадии: зарождение, рост, развитие и распад. На стадии зарождения преобладает «культура власти». На этой стадии все сотрудники объединены в организацию личности ее основателя и находятся в достаточно жестких обусловленных отношениях. Стадию роста больше характеризует «ролевая культура». На этой стадии происходит расширение организации, появляются новые люди, не участвовавшие в непосредственном личном контакте с руководителем, в расширяющихся объемах осуществляется стабилизация деятельности. Стадии развития в большей мере сопутствует «культура задачи» или «культура личности». На этих условиях поощряется создание различных групп проектов, призванных вывести предприятие на передовые рубежи в борьбе с конкурентами, придать организации ее специфический облик. Эти группы высококвалифицированного персонала, а также отдельные яркие личности определяют стратегию и политику предприятий. Основная же масса на этой стадии действует в режиме «ролевой культуры». На стадии распада может быть использован любой из четырех типов культур. При наступлении кризиса в организации в целях его преодоления нередко применяется «культура власти». Руководитель, пытаясь спасти организацию, замыкает все управление на себе, волевыми методами он стремится переломить ход событий. Иногда быстрое, эффективное вмешательство приносит желаемые результаты. Но бывает и так, что, разрушив привычную структуру управления, волевое вмешательство только ускоряет наступление краха.

В случае кризиса на предприятиях с господствующей «культурой личности» нередко развивается такой сценарий, когда яркие индивидуальности и прочие сотрудники, в первую очередь думающие о себе, своих личных интересах, а уж во вторую очередь о работе, предпочитают действовать в одиночку, каждый

начинает брать полномочия в свои руки. В результате наступившей дезориентации предприятия самоуничтожаются.

Другой сценарий разворачивается в условиях господства «ролевой культуры». В отсутствие руководителя, способного взять решение возникших проблем на себя, коллективное руководство предприятием реагирует на кризисную ситуацию усилением формальных, бюрократических форм деятельности, проводятся бесконечные совещания, принимается масса решений, распространяются сотни инструкций, которые в полной мере не используются. Работа тонет в ворохе бумаг и бесконечных разговорах. Причем этот процесс происходит, как правило, на всех уровнях данной организации.

На предприятиях с господствующей «культурой задачи» выход из кризиса пытаются найти, идя уже проторенным путем. С этой целью руководство предприятия создает новые группы проектов, которые теперь уже решают не перспективные проблемы развития предприятия, сиюминутные вопросы, групповые задачи становятся все более частыми, а решаемые в них вопросы все более емкими. Производственная деятельность на предприятии разваливается. Сохраняющие работоспособность группы стремятся приобрести статус автономных и отделяются от коллектива предприятия. В этой ситуации резко обостряется борьба за ресурсы. Сильные группы захватывают в свои руки контроль над собственностью. Предприятия России пережили этот этап в 1991–1993 гг. Именно с этим процессом связано образование мелких предприятий на базе крупных.

Также не менее интересен вариант типологизации предложенный крупнейшим американским специалистом в области управления И. Оучи.

Его вариант типологии организационной культуры базируется на различиях в регуляции взаимодействий и отношений. По И. Оучи, существуют три наиболее распространенных типа культуры предприятий:

- рыночная;
- бюрократическая;
- клановая.

Рыночная культура базируется на господстве стоимостных отношений. Руководство и персонал такого типа организаций ориентируются, главным образом, на рентабельность. Эффективность деятельности того или иного подразделения и сотрудников определяется на основе стоимостных показателей, связанных, прежде всего с издержками производства. Предприятие с

культурой данного типа основное внимание уделяет проблеме снижения издержек производства. Рыночные механизмы довольно эффективны и предприятия с данным типом культуры могут длительное время функционировать нормально.

Бюрократическая культура основывается на системе власти, осуществляющей регламентацию всей деятельности предприятия в форме правил, инструкций и процедур. Источником власти в данной организации является компетентность. Данная культура эффективна в стабильных, хорошо прогнозируемых ситуациях. В ситуации возрастания неопределенности, в моменты кризиса ее эффективность падает.

Клановую культуру И. Оучи рассматривает не как альтернативную первым двум культурам, а как их дополнение. Этот тип культуры может существовать как внутри рыночной, так и внутри бюрократической культуры. Клановая культура распространяется в неформальных организациях. Клан формируется на основе какой-либо разделяемой всеми его членами системы ценностей. Эта система ценностей не навязывается извне, а создается самой организацией. Поэтому она более адаптивна к изменяющимся ситуациям. В отличие от правил и инструкций, ценности не строго регламентируют действия, а лишь направляют их в определенное русло, и это создает большую степень свободы поведения, а значит, и адаптации к изменяющимся условиям. Власть в организациях с данного типа культурой получается в силу личностных преимуществ, либо в кредит от других руководителей организации.

Еще одной интересной типологией организационной культуры является модель С. Йошимири. Подход С. Йошимири основан на сравнительном анализе японского и западноевропейского менталитета. Этот анализ приведен в следующей схеме.

**Сравнительный анализ японского
и западноевропейского менталитета по С. Иошимури¹¹**

Возможные факторы анализа	Критерии Сравнения	Японцы	Западно-европейцы
Мир и его восприятие	<i>Понимание мира</i>	Монизм	Дуализм
	<i>Средства восприятия и мыслительных операций</i>	Интуитивные чувства	Смысловой аналогизм
Природа и судьба	<i>Установки по отношению к природе</i>	Идентификация	Доминирование
	<i>Установки по отношению к судьбе</i>	Покорность судьбе, согласие, стойкость	Вызов, ориентация на прогресс, преодоление
Поведение	<i>Источники норм</i>	Группа	Индивид
	<i>Детерминанты поведения</i>	Окружающая ситуация	Принципы учений
	<i>Критерии оценки</i>	Установки личности	Интеллектуальные или функциональные способности
Социальные отношения	<i>Межличностные отношения</i>	Компромисс, гармония, идентификация	Конфронтация, конкуренция, критика
	<i>Отношения организация индивид</i>	Симбиоз, идентификация	Противостояние сосуществования
	<i>Характеристика организаций</i>	Закрытость, стабильность	Открытость, нестабильность

Не меньший интерес представляет для понимания многообразия типов организационной культуры и типология У. Ноймана. Этот исследователь выступает с близких С. Иошимури методологических позиций. У. Нойман задался целью определить американский тип организационной культуры на основе верований и ценностных ориентаций. Все основные верования и ценности были сгруппированы им в большие группы, которые отличаются друг от друга по их специфической роли в ориентации личности. При этом У. Нойман исходил из предпосылки, что сущест-

¹¹ См.: Радугин А.А. Основы менеджмента. Учеб. пособие. М., 1997. С.323.

вует целая группа ценностей, которая определяет все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и сферу производственных отношений.

Наконец, обратимся к типологии культуры французских исследователей Р. Блейка и Ж. Мутона. По их мнению, в культуре предприятий возможно два варианта ценностных ориентаций, первый – ориентация на продукцию, эффективность и экономический результат; второй – ориентация на личность, удовлетворение ее потребностей, реализацию ее возможностей и способностей. В соответствии с этими ориентациями, по мнению французских исследователей, возможно существование четырех основных типов культур:

- самая жизнеспособная – сильная ориентация на личность и сильная ориентация на экономическую эффективность;
- самая нежизнеспособная – слабая ориентация на личность и слабая ориентация на экономическую эффективность;
- сильная ориентация на личность и слабая на экономическую эффективность;
- сильная ориентация на экономическую эффективность и слабая на личность.

В качестве одной из важнейших проблем, связанных с изучением экономической культуры выступает **развитие организационной культуры**.

Развитие организационной культуры включает в себя следующие стадии:

Формирование организационной культуры;

Поддерживание организационной культуры;

Изменение организационной культуры.

Как известно, внешняя среда оказывает огромное влияние на организацию, и это отражается на культуре организации. Однако, как свидетельствует практика, две организации, функционирующие в одном и том же окружении, могут иметь очень разные культуры. Это происходит потому, что через свой совместный опыт члены организации по-разному решают две очень важные проблемы. Первая – это *внешняя адаптация*: что должно быть сделано организацией и как это должно быть сделано. Вторая – это *внутренняя интеграция*: как работники организации решают свои ежедневные проблемы, связанные с их работой и жизнью в организации.

Процесс *внешней адаптации и выживания* связан с поиском и нахождением организацией своей ниши на рынке и ее приспособлением к постоянно меняющемуся внешнему окружению. Это процесс достижения организацией своих целей и взаимодействия с представителями внешней среды. В любой организации работники склонны участвовать в следующих процессах: выделять из внешнего окружения главное и неглавное для организации, разрабатывать пути и способы измерения достигнутых результатов, находить объяснение успехам и неудачам в достижении целей. Используя выработанный совместный опыт, члены организации развивают общие подходы, помогающие им в их деятельности. Люди должны знать реальную миссию своей организации. Это поможет им сформировать понимание их вклада в выполнение организацией своей миссии.

Следующая группа вопросов относится к установлению *целей* и выбору *средств* их достижения. В одних организациях работники участвуют в установлении целей и, таким образом, принимают на себя ответственность за их достижение. В других – работники участвуют только в выборе методов и средств достижения целей, а в-третьих, – может не быть ни того, ни другого или быть и то, и другое.

В любой организации ее работники склонны участвовать в следующих процессах:

- выделять из внешнего окружения важное и неважное для организации;
- разрабатывать пути и способы измерения достигнутых результатов;
- находить объяснения успеху и неудаче в достижении целей.

Отмечено, что работники нуждаются в развитии приемлемых способов доведения до представителей внешней среды информации о своих реальных возможностях, преимуществах и успехах. Некоторые компании организуют для этих целей поездки своих сотрудников и на предприятия заказчиков, и на предприятия поставщиков.

Важно также, чтобы в организации знали о том, когда можно допустить неудачу. Для этого отдельные компании при разработке новых проектов устанавливают рубежи, на которых по причине неудачи проект сворачивается.

Процесс **внутренней интеграции** связан с установлением и поддержанием эффективных отношений по работе между членами организации. Это процесс нахождения способов совместной

работы и сотрудничества в организации. Процесс внутренней интеграции часто начинается с определения себя и своего места в организации, что относится как к отдельным сотрудникам, так и к целым коллективам. Нередко это ведет к дифференциации организации.

На формирование организационной культуры, ее содержание и отдельные ее параметры влияют ряд факторов внешнего и внутреннего окружения.

На всех стадиях развития организации управленческая культура ее лидера во многом может определять культуру организации. В очень большой степени влияние лидера или основателя компании на формирование культуры проявляется, если он является сильной личностью, а организация только создается.

Формирование культуры организации связано с внешним для организации окружением:

- деловая среда в целом и в отрасли в частности;
- образцы национальной культуры.

Принятие компанией определенной культуры может быть связано со спецификой отрасли, в которой она действует, со скоростью технологических и других изменений, с особенностями рынка, потребителей.

Анализ факторов формирования организационной культуры показывает, что она является предметом развития и изменений в течение всей жизни организации. Причем изменения чаще всего протекают постепенно, а не радикально.

Второй этап развития организационной культуры это – этап ее поддержания.

Обычно организация растет за счет привлечения новых сотрудников, приходящих из организаций с другой культурой. Новые работники, хотя бы они этого или нет, заносят в нее вирус другой культуры. Какая из культур выживает, во многом зависит от ее стойкости и того, насколько данную культуру разделяют все сотрудники.

Стойкость культуры организации определяется тремя моментами:

- «толщина» культуры – определяется количеством важных предположений, разделяемых работником;
- степень разделяемости культуры членами организации;
- ясность приоритетов культуры.

Культуры со многими уровнями веры и ценностей имеют сильное влияние на поведение в организации. В некоторых культурах разделяемые верования и ценности четко ранжированы. Их

относительная важность и связь между ними не уменьшают роли каждой из них. В других культурах относительные приоритеты и связи между разделяемыми ценностями не так ясны. В первом случае достигается больший эффект с точки зрения влияния на поведение людей, так как у них формируется уверенность в том, какая ценность должна преобладать в случае конфликта интересов. Таким образом, сильная культура разделяется большим числом работников и более четко определяет приоритеты, а соответственно, имеет более глубокое влияние на поведение в организации. Сильная культура не только создает преимущества для организации. Следует иметь в виду, что сильная культура является в то же время серьезным препятствием на пути проведения изменений в организации. Поэтому считается, что в организации лучше иметь умеренно сильную культуру.

Охарактеризуем методы поддержания организационной культуры, которые не сводятся только к найму нужных и увольнению ненужных людей. Основными группами методов являются следующие:

Объекты и предметы внимания, оценки, контроля со стороны менеджеров. Это один из наиболее сильных методов поддержания культуры в организации, так как своими повторяющимися действиями менеджер дает знать работникам, что является важным и что ожидается от них.

Критерии определения вознаграждений и статусов. Культура в организации может изучаться через систему наград и привилегий. Привилегии обычно привязаны к определенным образцам поведения и, таким образом, расставляют для работников приоритеты и указывают на ценности, имеющие большее значение для отдельных менеджеров и организации в целом. В этом же направлении работает система статусных позиций в организации. Так, распределение привилегий (хороший кабинет, секретарь, автомобиль и т.п.) указывает на роли и поведение, более ценимые организацией. Вместе с тем практика свидетельствует о том, что данный метод часто используется не в полной мере и не систематически.

Критерии принятия на работу, продвижения и увольнения. Это один из основных способов поддержания культуры в организации. То, из чего исходит организация и ее руководство, регулируя весь кадровый процесс, становится быстро известно ее членам по движению сотрудников внутри организации. Критерии кадровых решений могут помочь, а могут и помешать укреплению существующей в организации культуры.

Моделирование ролей, обучение и тренировка. Аспекты организационной культуры усваиваются подчиненным через то, как они должны исполнять свои роли. Менеджеры могут специально встраивать важные культурные сигналы в программы обучения и в ежедневную помощь подчиненным по работе. Так, учебный фильм может концентрировать внимание на чистоте рабочего места. Менеджер сам может также демонстрировать подчиненным, например, определенное отношение к клиентам или умение слушать других. Постоянно концентрируя на этих моментах внимание, менеджер помогает поддерживать определенные аспекты организационной культуры.

Организационные символы и обрядность. Многие верования и ценности, лежащие в основе культуры организации, выражаются не только через легенды, становящиеся частью организационного фольклора, но и через различные ритуалы, обряды, традиции и церемонии. Даже определенные управленческие решения могут становиться организационными обрядами, которые работники интерпретируют как часть организационной культуры. Такие обряды выступают как организованные и спланированные действия, имеющие важное культурное значение. Соблюдение ритуалов, обрядов и церемоний усиливает самоопределение работников.

Реакция руководства на критические ситуации и организационные кризисы. В данных ситуациях менеджеры и их подчиненные раскрывают для себя организационную культуру в такой степени, в которой они себе ее и не представляли. Глубина и размах кризиса могут потребовать от организации либо усиления существующей культуры, либо введения новых ценностей и норм, меняющих ее в определенной мере.

Завершающим этапом развития организационной культуры является ее **изменение**.

С течением времени и под воздействием обстоятельств культура может претерпевать изменения. Однако при проведении изменений в культуре организации возникает ряд трудностей. Нередко они порождаются сопротивлением изменениям культуры. Поэтому важно знать, как проводить изменения такого рода. Методы изменения культуры организации созвучны рассмотренным выше методам поддержания культуры. Это:

- изменение объектов и предметов внимания со стороны менеджера;
- изменение критерия стимулирования;
- изменение стиля управления кризисом или конфликтом;

- перепроектирование ролей и изменение фокуса в программах обучения;
- смена акцентов в кадровой политике;
- смена организационной символики и обрядности.

Следует отметить, что изменения в поведении могут привести к изменениям в культуре, и наоборот.

Выделяют три комбинации изменений в организационной культуре и в поведении человека. В первом случае происходят изменения в культуре без изменений в поведении. В этом случае работники могут изменить одно или несколько верований или ценностей, но при этом они не способны изменить свое соответствующее поведение. Одни верят, что курить вредно, но не могут бросить курить. Во всех этих и им подобных случаях главной проблемой является то, что люди в организации не обладают требуемыми для изменения поведения в данных условиях способностями и подготовкой. Как показывает практика, решить эту проблему можно скорее путем научения на работе.

Во втором случае один или более членов организации, а может быть, даже группа или группы работников убеждены в том, что организационные изменения должны произойти, хотя при этом отдельные работники могут не захотеть этого. В зависимости от статуса и влиятельности первых изменения в организации могут происходить в задуманном ими направлении. Противники изменений формально будут вынуждены следовать выбранному курсу на изменения и даже примут новые символы, но внутреннее несогласие будет мешать переводу нового в базовые термины организационной культуры. Сейчас во многих коммерческих организациях работают люди старой закалки, добросовестно выполняя свою работу на профессиональном уровне в новых условиях, однако при этом сохраняя старое мировоззрение. Главная проблема в этом случае – это отсутствие приверженности и последовательности в переводе своего формального поведения в термины новой культуры, образно говоря, в привычку. Люди меняют свое формальное поведение либо из-за боязни потерять получаемую компенсацию, либо получают удовлетворение от умения подстроиться к новому положению дел, а не потому, что они на самом деле глубоко верят и ценят то, что их просят делать.

В третьем случае изменения происходят и в области поведения, и в области культуры. Это ситуация постоянных изменений в том смысле, что люди по-настоящему и искренне верят и ценят то, как они по-новому делают свою работу. Каждая из сторон (поведение и культура) взаимно усиливают и поддерживают

друг друга. Известно, что многие творческие группы и организации в науке, образовании и искусстве, функционирующие на свободной коммерческой основе, во многом добились своих успехов в силу именно вышеприведенных обстоятельств, поверив в свои способности делать дело по-новому и достигнув для себя внутреннего согласия с этим через принятие новой культуры.

Очевидно, что организационная культура оказывает влияние на эффективность производства. В современных исследованиях по данной проблематике выделяют несколько теоретических моделей:

Модель В. Сате.

Влияние культуры на организационную жизнь В. Сате рассматривает через семь процессов:

- 1) кооперация между индивидами и частями организации;
- 2) восприятие организационной среды;
- 3) коммуникации;
- 4) контроль;
- 5) оправдание своего поведения;
- 6) посвященность организации;
- 7) принятие решений.

При этом 1, 7, 4 корреспондируются с первым, поверхностным уровнем организационной культуры или образцами организационного поведения, а следующие четыре – со вторым, подповерхностным уровнем, имеющим ценностную основу. От того, как эти процессы протекают, зависит эффективность функционирования организации.

Кооперацию как образец поведения в организации нельзя установить только с помощью формальных управленческих мер, так как нельзя предусмотреть все возможные случаи. Насколько действительно люди кооперируются в организации, зависит от разделяемых ими предположений в этой области. В одних организациях высшей ценностью являются групповая работа, в других – внутренняя конкуренция. Говоря другими словами, все зависит от того, какая философия преобладает: индивидуалистская или коллективистская.

Восприятие индивидом организационной реальности или то, что он видит, обусловлено в значительной мере тем, что говорят об увиденном его коллеги, разделяющие с ним один и тот же опыт. Культура влияет на этот процесс, обеспечивая членов организации общей интерпретацией их опыта.

Влияние культуры на *коммуникации* происходит по двум направлениям. Первое – это отсутствие необходимости общаться

в делах, по которым имеются разделяемые предположения. В этом случае определенные действия совершаются как бы без слов. Второе – разделяемые предположения обеспечивают направленность и оказывают помощь в интерпретации получаемых сообщений. Так, если в компании работник не считается придатком машины, то и известие о предстоящей автоматизации или роботизации не вызовет в нем шока. Содержание культуры влияет также на содержание коммуникации. В одних организациях ценится открытость коммуникаций, а в других – наоборот.

Сущность процесса *контроля* заключается в стимулировании действий в направлении достижения поставленных целей. В природе управления существуют три механизма контроля: рынок, администрирование, клановость. Обычно в организациях присутствуют все три механизма сразу, но в разной степени.

Индивид чувствует себя *посвященным организации* тогда, когда отождествляет себя с ней и испытывает с ней некоторую эмоциональную связь. Сильная культура делает сильным отождествление и чувства индивида по отношению к организации. Также работники могут активизировать свои действия в стремлении помочь организации.

Влияние культуры на принятие решений осуществляется через разделяемые верования и ценности, формирующие у членов организации устойчивый набор базовых предположений и предпочтений. Так как организационная культура может способствовать сведению к минимуму разногласий, то процесс принятия решений становится более эффективным.

Культура помогает людям в организации действовать осмысленно, обеспечивая оправдание их поведению. В компаниях, где ценится риск, человек идет на него, зная, что в случае неудачи он не будет наказан и что из неудачи будут извлечены уроки на будущее. Оправдываемые таким образом действия усиливают существующее поведение, особенно, когда оно вписывается в ситуацию. Данный процесс является источником средств для изменения самой культуры. Поскольку люди используют культуру для оправдания поведения, то можно изменять культуру через изменение в поведении. Однако для успеха этого процесса необходимо, чтобы люди не могли оправдывать свое новое поведение «старой» культурой.

Модель Т. Парсонса.

В более общем виде связь между культурой и результатами деятельности организации представлена в модели американского социолога Т. Парсонса. Модель разработана на основе

спецификации определенных функций, которые любая социальная система, в том числе организация, должна выполнять, чтобы выжить и добиться успеха. Первые буквы английских названий этих функций в аббревиатуре дали название модели – AGIL:

- 1) адаптация;
- 2) достижение целей;
- 3) интеграция;
- 4) легитимность.

Суть модели состоит в том, что для своего выживания и процветания любая организация должна быть способной адаптироваться к постоянно меняющимся условиям внешней среды, добиваться выполнения поставленных ею целей, интегрировать свои части в единое целое и, наконец, быть признанной людьми и другими организациями.

Данная модель исходит из того, что ценности организационной культуры являются наиболее важными средствами или инструментами выполнения функций этой модели. Если разделяемые в организации ценности помогают ей адаптироваться, достичь целей, объединиться и доказать свою полезность людям и другим организациям, то очевидно, такая культура будет влиять на организацию в направлении успеха.

– **Модель Р. Квина – Дж. Рорбаха.**

Идеи Т. Парсонса были развиты и конкретизированы Р. Квином и Дж. Рорбахом в их модели «Конкурирующие ценности и организационная эффективность», объясняющей влияние тех или иных групп ценностей на организационную эффективность. В развитие модели AGIL было предложено рассматривать это влияние не в одном, а в трех измерениях. Поэтому использовалась модель «конкурирующих ценностей».

Данная модель включает следующие три измерения:

Интеграция – дифференциация: относится к проектированию работ и организации в целом. Данное измерение указывает на степень, с которой в организации делается упор либо в сторону контроля (предпочитаются стабильность, порядок и предсказуемость), либо в сторону гибкости (предпочитаются нововведения, адаптация и изменения);

внутренний фокус – внешний фокус: данное измерение отражает преобладание в организации интереса либо к устройству ее внутренних дел (скоординированность и удовлетворенность работников), либо к укреплению положения организации как целого во внешней среде;

средства/инструменты – результаты/показатели: измерение в модели демонстрирует различие в концентрации внимания, с одной стороны, на процессы и процедуры (планирование, установление целей и др.). а с другой – на окончательные результаты и показатели их измерений (производительность, эффективность и др.).

– **Модель Питерса – Уотермана.**

Авторы известной книги «В поисках эффективного управления»¹² Т. Питерс и Р. Уотерман выявили связь между культурой и успехом в работе организации. Взяв за образец успешные американские фирмы и описав управленческую практику, они определили ряд верований и ценностей организационной культуры, приведших эти компании к успеху:

- 1) вера в действия;
- 2) знание того, чем управляешь;
- 3) не заниматься тем, чего не знаешь;
- 4) одновременное сочетание гибкости и жесткости в организации;
- 5) поощрение автономии и предприимчивости;
- 6) простая структура и немногочисленный штат управления;
- 7) рассмотрение людей как главного источника производительности и эффективности;
- 8) связь с потребителем.

Вера в действия. Согласно этой ценности решения принимаются даже в условиях недостатка информации. Откладывание решений равносильно их непринятию.

Знай то, чем управляешь. В соответствии с этой глубоко укоренившейся культурной нормой успешных компаний ожидается, что они управляются не из-за закрытых дверей кабинетов руководителей, а через посещение руководителями управляемых ими объектов и через непосредственные контакты с подчиненными на местах их работы.

Не занимайся тем, чего не знаешь. Данное положение относится к разряду одной из важных характеристик культуры успешно действующих фирм. Эти фирмы не принимают диверсификации в сторону от основного бизнеса.

Одновременная гибкость и жесткость в организации. Парадокс этого атрибута организационной культуры успешных ком-

¹² См.: Питерс Т., Уотермен Р. В поисках эффективного управления: Пер. с нем. М., 1986.

паний разрешается следующим образом. Высокая организованность в них достигается за счет того, что все работники понимают и верят в ценности компании. Это их жестко связывает и интегрирует. Гибкость обеспечивается посредством сведения к минимуму «руководящих» вмешательств и минимизации числа регулирующих правил и процедур. Это поощряет новаторство и стремление брать на себя риск. В итоге жесткая структура разделяемых культурных ценностей делает возможной гибкую структуру административного контроля.

Автономия и предприимчивость. Компании, борющиеся с недостатком нововведений и бюрократией, «делятся» на более мелкие управляемые части и предоставляют им, а также отдельным индивидам определенную степень самостоятельности, необходимой для проявления творчества и риска. Эта культурная норма поддерживается через распространение в организации легенд и историй о своих собственных «Эдисонах» и «Фордах».

Простые структуры и мало управленцев. Типичным для успешно действующих компаний является наличие небольшого числа уровней управления и сравнительно небольшого штата управленческих работников, особенно в высшем эшелоне. Положение менеджера в таких компаниях определяется не количеством его подчиненных, а его влиянием на дела организации и, главное, на ее результаты. Согласно этой культурной ценности, менеджеры больше ориентируются на уровень выполнения подчиненными своей работы, а не на увеличение своих штатов.

Производительность зависит от человека. Данная ценность провозглашает человека наиболее важным активом организации. При этом эффективность организации измеряется степенью удовлетворенности ее членов. Вера в то, что отношение к людям с уважением ведет к успеху, лежит в основе культуры популярных организаций.

Связь с потребителем. Для успешно действующих компаний потребитель представляет фокус в их работе, так как именно от него поступает главная информация для организации. Удовлетворенность потребителя для таких фирм составляет сердцевину их организационной культуры.

Позднее, развивая свою теорию, Р. Уотермен писал: «Одной из наиболее трудных проблем в управлении является чувство ценности и кругозора»¹³. Поэтому необходимо учитывать фак-

¹³ Уотермен Р. Фактор обновления. Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании: Пер. с англ. М., 1988. С.248.

тор обновления, изменений. «Большинство людей боится перемен. Даже если мы разумом понимаем, что перемены – это нормальное явление, душа наша корчится при одной мысли об этом. Но для сегодняшних руководителей и администраторов нет другого пути, кроме обновления. Если не будет обновления – не будет и светлого будущего»¹⁴. Сегодня наша российская экономика переживает кардинальные перемены. Нравятся они кому-либо из нас или вызывают неприятие – вопрос особый. Но в условиях такой «реформации» или «бифуркации» объективно формируется совершенно другая экономическая культура. Анализ национальной самобытности российской экономической культуры – прямая функция науки.

Под национальными особенностями в экономической культуре подразумевается специфическая совокупность способов взаимодействия людей в данном обществе с окружающей их внешней и внутренней средой. Надо отметить, что организационная культура напрямую зависит от национальных особенностей экономической культуры.

В 60–80-х гг. XX столетия были проведены исследования, доказавшие определяющую роль национально-государственного и этнического факторов в становлении и функционировании культуры предприятий. Наиболее крупные исследования в этой области были осуществлены голландским ученым Г. Хофшtedом, который пришел к выводу, что индивид получает из своей национальной культуры в форме фундаментальных ценностей серию установок. Эти установки действуют во всех сферах жизнедеятельности индивида, фирмы (предприятия), национальной экономики в целом.

К сожалению, в отечественной науке данная проблематика о роли национального в организационной культуре практически не разработана, а ведь состояние современной организационной культуры во многом зависит от ее исторического прошлого.

Прежде всего следует отметить, что определенная экономическая культура была всегда присуща нашим отечественным предприятиям. Более того, следует признать, что в советский период на наших предприятиях была развита довольно сильная организационная культура. В условиях «уравниловки» в оплате труда, внедрение так называемых «моральных стимулов к труду» придавалось огромное значение. Почти каждое крупное предприятие имело свой «Музей трудовой славы», в котором наглядно

¹⁴ Уотермен Р. Указ. соч. С.346.

воспроизводилась вся история его деятельности. Огромную роль в моральном стимулировании играло социалистическое соревнование. Подведение его итогов сопровождалось соответствующим оформлением «Доски почета», вручением памятных значков, переходящих знамен и вымпелов. Имели широкое распространение и обряды посвящения, проводов и т.д., практика проведения совместных праздников и других способов неформального общения людей с различным положением в иерархии предприятий и т.д.

Надо отметить, что вся совокупность этих мероприятий, знаковосоставляющая культуры советских социалистических предприятий, была довольно эффективна. Она формировала у сотрудников чувство общности, гордость за принадлежность к тому или иному коллективу, стимулировала реализацию их сил и способностей. И это – важный культурный капитал, которым необходимо грамотно распорядиться в условиях современной России. Современные руководители предприятий, их коллективы могут и должны грамотно использовать достижения советской экономической культуры, несмотря на высокую степень ее идеологизированности.

В настоящее время на предприятиях, как и во всей стране, утрачены многие прежние ценностные ориентации, а новые ценности не смогли еще установиться в общественном и личном сознании. Идет активный поиск этих ценностей, путей и методов ценностной переориентации всей жизнедеятельности людей, в том числе и в их производственной деятельности. И формирование новой организационной культуры, культуры предприятий возможно только тогда, когда будут прояснены и получат широкое распространение новые ценности, выражающие демократические ориентиры общественной жизни и рыночную направленность развития экономики.

При становлении этой новой культуры на базе новых ценностей российские предприниматели, без сомнения, должны учитывать опыт передовых западных стран, достижения их культуры. Но в то же время они должны четко понимать, что перенос этой культуры на нашу российскую почву далеко не всегда бывает эффективен. Культура предприятий опирается на культуру общества в целом, на его культурную историю. Россия – страна с богатой культурой, в том числе и культурой предпринимательской деятельности. И возрождение культуры на отечественных предприятиях, в том числе и всех элементов культуры предприятий советского социалистического периода на базе новых ценностных ориентаций, принесет большую пользу развитию экономики, су-

щественно улучшить социально-психологический климат нашего общества.

Новые условия хозяйствования, повышение уровня образования, мотивации сотрудников дали мощный толчок развитию организационной культуры. В условиях перехода от плановой к рыночной экономике изменяется и организационная культура на предприятиях. Управленческие службы все большее внимание отводят формированию и развитию организационной культуры, так как они ожидают повышения эффективности деятельности компании.

В настоящей российской действительности понятие организационной культуры включает в себя множество компонентов, но особое место при ее формировании занимает репутация фирмы, ее авторитет. *Репутация фирмы* – сложное понятие, вмещающее в себя весь цикл операций с товаром: от его конструкторской проработки до продажи конечному покупателю. Но, естественно, на этом процесс формирования хорошей репутации не завершается. Очень важно для фирмы сохранить старых клиентов, поэтому вся деятельность фирм должна быть ориентирована на потребителя. В этих целях надо потратить немало денег, времени, сил на формирование культуры фирмы, соответствующую подготовку ее работников. Для репутации важно все: и культура речи, и манеры, и одежда, и интерьер офиса. Российским предпринимателям сейчас очень нелегко. С одной стороны, правительство проводит жесткую налоговую политику, и ослабления налогового пресса ожидать не приходится. С другой стороны, некоторые компании и фирмы преследует организованная преступность. Репутация для предприятия – это не только престиж, но и залог выживания.

Создание новой организационной культуры, основанной на национальных факторах, важно не только для поддержания самих предприятий. Это необходимо для общества в целом. Смысл новой организационной культуры состоит в том, чтобы ценности компании и человека совпадали, чтобы национальные особенности культуры не растворялись, не утрачивались. Это касается даже внешних проявлений, поэтому фирмы устанавливают правила поведения, которые должны соблюдаться всеми. Современные исследования организационной культуры в России показывают, что эффективному бизнесу всегда сопутствует высокий уровень организационной культуры¹⁵.

¹⁵ См.: Уткин Э. А. Курс менеджмента. Учебник. М., 1998. С.417.

Разработка проблем организационной культуры в целом достигла высокой степени конкретизации, что находит свое отражение и в учебной литературе. Так, Э. А. Уткин предлагает следующие рекомендации, учет которых поможет в формировании такого многогранного понятия, как организационная культура:

- выработайте привычку: все, с чем сталкиваетесь, рассматривать с точки зрения пользы для вашего дела, но в то же время учитывать интересы партнера;

- всегда выполняйте обещания в срок; если не смогли этого сделать, не оправдывайтесь, а установите новый срок и держите слово;

- будучи уверенным в себе, избегайте быть самоуверенным;

- будьте внимательны и объективны к предложениям, не представляющим для фирмы интерес, отклоняйте их тактично и вежливо;

- ничто так не компрометирует менеджера, как его даже минутная растерянность;

- не забывайте, что ваше мнение или позиция не всегда оптимальны, так как есть другие мнения и позиции отнюдь не худшие;

- не оставляйте без тщательного анализа ни один случай неудачи или промаха;

- в общении с людьми научитесь понимать не только то, что сказано, но и то, что не высказано;

- руководствуйтесь в работе тремя не: не раздражайтесь, не теряйтесь, не распыляйтесь;

- будьте терпимы к недостаткам людей, если эти недостатки не ставят под угрозу ваш бизнес;

- помните, что человека можно оскорбить не только словом – поза, жесты, мимика не менее выразительны;

- избегайте заносчивого, самонадеянного тона в разговоре, выступлении, в этом явно видна переоценка себя и пренебрежение к другим;

- никогда не упускайте из виду, что для человека нет ничего более болезненного, чем унижение; бойтесь поступить несправедливо – это очень сильно задевает людей;

- необходимо обращать особое внимание на нематериальные, внешне не воспринимаемые аспекты организационного окружения;

- скептически относитесь к предложениям, призывающим к быстрой трансформации культуры;

- оцените значимость основных организационных символов (название компании, логотип, лозунги) для сотрудников;
- периодически вводите организационные обряды для усиления культуры;
- проводите в жизнь абстрактные идеалы непосредственным и прямым образом в своей повседневной жизни.

Придерживаясь таких принципов в формировании организационной культуры, действительно можно существенно повысить эффективность деятельности предприятия. Поэтому экономическое сознание объективируется в разнообразных правилах, нормах, элементах экономической культуры, которые из артефактов как таковых становятся все в большей степени системными элементами хозяйственной практики.

И в этом своем качестве как объективированность экономического сознания, хозяйственная культура предстает синтезирующей основой всего экономического сознания. Представляется, что прежнее выделение семи форм общественного сознания (политическое, идеология, правосознание, мораль, религия, наука, искусство)¹⁶ в качестве структурообразующих устарело, оно неполно. А критерий такого выделения – «под социологическим углом» – декларативный и нелогичный. К этой «семичленке» с таким же успехом можно было бы добавить и саму культуру, и экономическое сознание, и сексуальное, и семейное сознание, а также сознание рыбаков, охотников, коллекционеров марок и нумизматов. «Социологический подход» как в высшей степени абстрактно-поверхностный критерий не способен обеспечить внутреннюю логику и последовательность в постановке проблемы. Потому что все люди, к каким бы социальным категориям в обществе они не относились, по каким бы профессиям их не классифицировала современная социологическая наука, есть все без исключения субъекты экономической деятельности и носители определенной экономической культуры. Без экономической культуры, ядром которой является организационная культура, не может быть никакой политической идеологии («политика есть концентрированное выражение экономики»), никакого правосознания (право есть в первую очередь кодификация социально-экономических отношений) и других элементов старой «семичленки». Даже религия как культ предполагает свою собственную культуру, в которой экономические аспекты вполне очевидны.

¹⁶ См.: Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания. М., 1959.

ГЛАВА III. СОДЕРЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

§ 1. Знание в структуре экономического сознания

Экономическое знание есть результат процесса познания человеком хозяйственной сферы его бытия. Казалось бы, тут нет и не может быть никаких вопросов, поскольку знание в собственном смысле слова выступает лишь информацией, фиксируемой в человеческом мозге. При этом отнюдь не важно, способен ли человек продемонстрировать это знание другому человеку в инструментах языка или символах иного порядка. Он все равно мыслит только посредством определенных символов, поэтому знание даже у глухонемого есть лишь закодированная в его сознании информация.

Не важно также, как именно получено это знание, рассудочным или чувственным путем, или одновременно и тем и другим; не важно также, какое именно получено знание: теоретическое или эмпирическое. В любом случае оно обладает своей качественной определенностью. В противном случае – это незнание! Вместе с тем существует все же одна существенная проблема, которая не может остаться без внимания: это проблема места самого знания в структуре сознания. В общем и целом вопрос можно переформулировать и так: тождественно ли знание сознанию индивида, а если нет, то в каком отношении к сознанию оно находится?

Когда знание пытаются трактовать как сам процесс познания, то, как нам представляется, подменяют процесс его результатом. Кстати, знание как результат отнюдь не всегда является конечной стадией познания. Наоборот: чем больше знаешь, тем больше забываешь; чем больше забываешь, тем меньше знаешь; чем меньше знаешь, тем меньше забываешь. Так стоит ли заниматься познанием и расширять информацию, которую все равно не удержит сознание. Результатом познания вполне может стать не получение знания и не его накопление, а расширяющееся незнание, выхолащивание, девальвация и утрата прежних знаний. «Я знаю, что ничего не знаю» (Сократ). В принципе, возникает и проблема пределов познания, точнее пределов накопления знаний. Лучше не знать, когда наступит твоя смерть, лучше не знать, что тебя предадут, что не сдашь экзамен, заболеешь или переживешь любимого человека. Разве это не выход и не рационализа-

ция познания, самого мышления, наконец? Что, в конечном счете, является деградацией экономического мышления: всемерное безудержное наращивание знания, информации о хозяйстве, напоминающее гносеологическое «обжорство» и постепенное его отчуждение от человека? Или ограничение своего познания определенными конкретными векторами, рамками и глубокое личностное освоение той, пускай даже ограниченной (отграниченной) информации, которая добывается в процессе осмысления хозяйственной жизнедеятельности?

Лидер фрейбургской экономической школы и основоположник ордолиберализма В. Ойкен, рассматривая проблему деградации мышления, полагал, что она связана с формализацией мышления, с его поверхностностью, спонтанностью, пунктуальностью и тем самым с мышлением не категориями порядка, а категориями представлений¹. Наши представления о конкурентном порядке или о роли государства в современной экономике и действительная конкурентная практика или государственное регулирование хозяйства – вещи сами по себе совершенно различные: в одном случае мы создаем образ, в другом имеет место быть действительность. «Если мы хотим выбраться из хаоса чудовищного исторического разнообразия, которое делает ненадежным любое познание и любые действия, то необходимо искать точку опоры Архимеда, отталкиваясь от которой можно познать экономическую действительность в присущих ей формах и в процессе ее изменения изо дня в день»². Проблема только в том, что само познание многовариантно, его морфология разнообразна. Уже на этой стадии возникает вопрос: какая модель мышления, сознания оптимальная. Кроме того, за точку опоры (точку Архимеда) нельзя брать категорию порядка, как это предлагает сам В. Ойкен, поскольку порядки бывают разными: от совершенной конкуренции до олигополистической и монополистической, а кроме того и неконкурентная экономика – исторический факт. Получается, что выбор порядка – дело вкуса, а они, как известно, у всех разные. Наконец, наши представления об экономических порядках и сами экономические порядки различаются как «вещь в себе» и «вещь в ее инобытии», то есть они абсолютно нетождественны. Так что же мы тогда знаем в действительности? Научная морфология скрупулезно исследуя экономическую действительность, наделя-

¹ См.: Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. М., 1995. С.269–270.

² Там же. С. 72.

ет ее лишь умозрительными образами, некими голыми абстракциями, идеальными архетипами, которые в реальной хозяйственной практике постоянно верифицируются и модифицируются.

Если не помнить об этом постоянно, то можно абсолютизировать наше знание и потом удивляться тому, что оно недостоверно. Если же помнить об этом постоянно, то возможна многовариантная модель хозяйственного развития и ситуационная реакция на перемены. В экономике нет ничего постоянного и долговечного, все в ней меняется. Лишь наши понятия и архетипы, как ярлыки, приклеенные к ней, вводят нас в заблуждение, заставляя думать, что хозяйство консервативно. Для иллюстрации данной мысли обратимся к феномену денег. Классическое определение денег известно: это всеобщий эквивалент. Данное определение означает, что в деньгах выражается стоимость и ценность любого другого товара, который только может быть представлен на рынке. В условиях рыночной экономики все продукты, производимые для продажи являются товарами. Это – основы политической экономии. Но насколько эти основы оказываются зыбкими, начинаешь задумываться только тогда, когда сталкиваешься с этим на практике.

В разгар летних отпусков приобрести билет на железнодорожный транспорт практически невозможно. Конечно, если переплатить в пять раз против его реальной стоимости, то билет получишь. Но тогда как же быть с понятием эквивалента? Ведь еще Аристотель писал, что обмен должен быть эквивалентным. Расшифровывая этот тезис, У. Петти и А. Смит в XVIII в. сформулировали теорию трудовой стоимости: эквивалентный обмен есть обмен продуктами, производство которых обошлось в равные количества труда. Если так, то покупка билета по пятикратным ценам уже не может рассматриваться как эквивалентный обмен, а значит, деньги выступают не в роли эквивалента, а в какой-то иной, не совсем понятной нам роли!

Другая ситуация. Если в самолете или в концертном зале просто физически уже нет свободных мест, значит вам билет не продадут ни за какие деньги. Конечно, если мы говорим об экономике, а не о махинациях, ничего общего с экономикой не имеющих. Но тогда как же оценить деньги? Если на них нельзя купить оружие, раба, билет в концертный зал или любое иное благо, то деньги ли то, что мы называем деньгами?

Очевидно, что сущность денег должна раскрываться в их функциях. Теоретическая экономика выделяет пять основных функций денег: функцию меры стоимости и масштаба цен; функ-

цию средства платежа; функцию средства обращения; функцию средства накопления; функцию мировых денег. Если в условиях гиперинфляции российские рубли обесцениваются и не могут служить средством накопления, являются ли они в таком случае деньгами? Если белорусские «зайчики» не могут участвовать в международном платёжном обороте – деньги ли это? И вообще, есть ли сегодня в современной экономике начала XXI в. деньги как таковые? То, что появляются различные их эрзацы, понятно: пластиковые, электронные, кредитные и т.п. Но если вдуматься в суть вопроса, то деньги должны обладать своей собственной внутренней, высокой и безусловной ценностью. Когда-то такими деньгами служило золото и серебро (неважно, были ли они представлены в слитках или монетах), но постепенно они были вытеснены из каналов обращения «бумажными деньгами».

Последние же не имеют свойства стоимости: бумажка она и есть бумажка. А коли так, не архаично ли использовать старый термин «деньги», и не солипсизм ли наделять банкноты или купюры качественной определенностью денег? Металлистическая концепция денег исходила, как известно, из того, что только драгоценные металлы являются деньгами, поскольку обладают колоссальной внутренней стоимостью. Современная фидуциарная теория денег трактует природу денег в ином духе: любые технические средства могут служить деньгами, если они выпускаются государством, а население доверяет этому государству. Степень доверия населения к власти и определяет степень ценности таких фидуциарных денег. Но кто из нас сегодня доверяет власти? Риторический вопрос. От денег же никто пока из нас не отказывается. Разве это не яркий пример двойственности экономики: с одной стороны – наш идеальный ее образ, какой-то особый, идеальный понятийный мир хозяйства, в котором мы живем; с другой стороны – реальная экономика с ее совершенно непохожими на наши умозаключения фактами. Как оценить это противоречие? Как оценить эти факты – вот в чем вопрос! И можно ли, нужно ли их оценивать? Тем более – оценивать адекватно? Ведь еще Д. Юм полагал, что «невозможно вывести должное из сущего». В XX в. Дж. М. Кейнс еще более определенно заявлял: «То, что мы можем изучать повторяющиеся экономические явления, не делая определенных ценностных суждений и не формулируя никаких экономических «заповедей», настолько не требует доказательств, что в защиту этого тезиса мы можем привести одни трюизмы». Но тут же другой экономист и нобелевский лауреат Г. Мюрдаль возражает: «Беспристрастная экономическая наука никогда не суще-

ствовала и существовать не может!»³. Так кто же из них прав? И не есть ли использование научных категорий, основанное на логической последовательности, принципе качественной определенности, диалектической однородности само по себе уже практика оценочных суждений?

В самом деле, что такое «богатство», как не оценочное суждение. «Быть богатым – это...» – говорим мы и начинаем перечислять сугубо *наши* представления о богатстве. Мы прежде всего выявляем наше отношение к феномену богатства, а не его сущность. Это происходит потому, что сущность богатства многосложная, а отношение к нему ближе нашей чувственности. Расточительство как легкомысленное отношение к богатству и скарденность, скупость нам гораздо понятнее, чем сам объект этих отношений. Два типа личности (скупец и мот) проще описать, чем сущность объекта, отражаемого в их экономическом сознании. Дискурсивное мышление есть не просто мышление в технологиях языка или речи, это прежде всего описательное *формулирование* предмета, его полагание. Совершенно точно, что «нашим самым простым чувственным опытом является процесс *формулирования*. Мир чистого ощущения настолько сложен, настолько текуч и богат, что полная чувствительность к стимулам вызвала бы лишь столкновение с тем, что называется «цветущей, суетливой путаницей»⁴.

Но полагать, что знание исчерпывается чувственным восприятием и простым формулированием было бы опрометчиво. Да и само формулирование чувственного уже есть Логос. Определение же категорий, понятий может длиться без конца. Диалоги Сократа – яркое тому подтверждение. Но ведь и сам Сократ, как известно, никогда не давал законченных, окончательных, точных, всеобщих определений справедливости, добродетели, мужеству и другим понятиям, хотя любил выпытывать «сокровенное» у своих оппонентов. Не агностиком ли был тогда сам Сократ и не впадает ли в агностицизм современная философия, когда делает вывод об относительности знания и следовательно об относительности самой возможности определения в философских или научных терминах (понятиях) сущности экономических явлений? Дело все в том, что экономические явления не стоят на месте, они развиваются. Динамический подход в отличие от экономиче-

³ См.: Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе: Пер. с англ. М., 1994. С.655.

⁴ Лангер С. Указ. соч. С.81.

ской статики как раз и позволяет рассматривать сами явления хозяйственной жизни в их непрерывном развитии и вслед за этим корректировать определения. Задолго до основоположников теории экономической динамики, даже задолго до классиков экономической теории именно Сократ, чувствуя необходимость постоянной корректировки определения понятий в соответствии с развивающейся, изменяющейся действительностью, использовал свой особый способ. «Нарастающее внесение изменений и поправок в предварительные (гипотетические) определения является характерным для метода Сократа, его поиска всеобщих определений» – отмечает Ф. Кессиди⁵.

Относительность экономического знания, выступающего в таких быстро меняющихся по сути, по смыслу и по содержанию определениях, категориях обусловлена самой динамикой, всем алгоритмом развития реальной экономики. В российской экономике в настоящее время, как известно, разворачиваются крайне сложные и противоречивые процессы диверсификации производства, концентрации капиталов, экстравертности хозяйственных потоков, дезиндустриализации, фритредерства (в противовес прежнему автаркизму и ксенофобии). Осмысление этих процессов предполагает очень серьезную философскую переформулировку прежних уже устоявшихся понятий теоретической экономики, таких, как полезность, ценность, стоимость, постоянные издержки и т.п. Только при условии глубокого и кардинального переосмысления старых понятийных форм, только при осмыслении и выявлении нового хозяйственного их содержания и смысла можно обеспечить достоверность и практическую ценность экономического знания, а следовательно, и само экономическое сознание человека превратить в источник созидания и экономического процветания.

Однако вопрос лежит гораздо в более глубокой плоскости, чем соотношение суждений и оценок, знаний и морали. Речь идет о натуралистско-позитивистской форме всего экономического знания. Мы уже отмечали, что философия экономической науки, а точнее, теоретическая экономика, которая по своей сути и есть философия экономики, с XIX в. оказалась тесно связана с позитивизмом О. Конта, Г. Спенсера, Э. Маха. Затем, в 50-е гг. XX в. появились работы К. Поппера, Т. Куна, которые существенно скорректировали позитивизм в теоретико-экономических исследованиях, но в общем и целом не устранили прежнюю практи-

⁵ Кессиди Ф.Х. Сократ. Ростов н/Д., 1999. С.180.

ку формулировать экономические гипотезы о неизбежности политико-экономического развития⁶. Иными словами, абсолютное большинство экономистов и философов искренне считают, что экономика развивается, как говорится, по нарастающей, исключительно поступательно, и этот процесс неизбежен. И хотя в начале XX в. У.К. Митчелл в США, Р. Арон во Франции, М.И. Туган-Барановский и Н.Д. Кондратьев в России высказывали идеи цикличности и волновой природы в экономическом развитии, но отталкиваясь от этих идей практически никто всерьез не утверждал, что экономика может и не развиваться вперед, по линии прогресса, а наоборот, может долгие десятилетия и столетия деградировать и погружаться в хаос, энтропию. Причем этот процесс может быть как локальным, так и всеобщим, охватывать все мировое хозяйство. Отдельные футурологи, пророчившие Апокалипсис, связывали его исключительно либо с гонкой вооружения, либо с экологической катастрофой, но не с самой экономикой как таковой. Судный день при этом откладывался на неопределенное будущее. Поэтому идея о прогрессивности экономического развития как «генеральной линии» хозяйственной эволюции, о неизбежности такого прогресса является общепринятой. Споры велись и ведутся лишь по оси «эволюция – революция», «ускоренный рост – устойчивый рост», «телеологическое или генетическое (детерминированное внутренними факторами) экономическое развитие».

Отсюда вытекает, что определенные понятия науки трансформируются в конкретные вещи или личности. Так, категория «общество» превращается в сочинениях К. А. Сен-Симона и О. Конта в действующее существо. Для К. Маркса и В.И. Ленина «капиталистический способ производства» выступает «носителем» исторического процесса. У Й. Шумпетера капитализм и социализм также выступают как существа, «добившиеся решения определенных задач»! Возникает удивительное явление: неодушевленные, неодухотворенные, абстрактные, отвлеченные научные категории, рожденные человеческим умом, наделяются силами и свойствами, присущими живым, одушевленным существам! Больше того, экономику сравнивают с актером, который чего-то требует и действует. Разговоры о том, что «экономика требует», «хозяйство нуждается», не столь уж редки и безобидны. С логической точки зрения мы сталкиваемся здесь с *гипостазиро-*

⁶ См.: Ветошкин А.П., Стожко К.П. Философия экономики. Екатеринбург, 2001. С.3.

ванием – приписыванием отвлеченным понятиям самостоятельности существования. Рассматривая в этих случаях мышление и волю, в том числе и экономическое мышление, хозяйственную волю, как самостоятельно существующие объекты, современные экономисты впадают в традиционный идеализм, потому что «творящей, созидающей является только Природа» (Б. Спиноза). Делать же абстракции самостоятельной сущностью или даже личностью, которая действует, растет, стареет и умирает, просто абсурдно. Фактически, это своеобразная *псевдозэкономическая герменевтика*, более чем несостоятельная интерпретация экономического развития, при которой абстрактные категории порой наделяются даже собственной психологией и культурой!

Такая логически недопустимая «метода», характерная для западного позитивизма и неопозитивизма, сегодня проникла и в российскую теоретическую экономику. Этого, собственно говоря, и следовало ожидать, поскольку наши экономисты активно «учатся» у своих западных коллег, преклонение перед западной экономической наукой стало просто патологическим, а вестернизация экономических исследований и экономического образования в современной России достигла угрожающих размеров и масштабов. И это отнюдь не преувеличение. В популярном учебнике Е. М. Майбурда «Введение в историю экономической мысли» на более чем пятистах страницах не упоминается ни одного русского экономиста, вся история экономической науки преподносится исключительно как история западной экономической мысли. В учебнике Р. М. Нуреева по теоретической экономике сплошь (по-странично!) идет одна математика – перепев зарубежной эконометрики. А в большинстве других учебников, рекомендованных Министерством образования РФ в качестве таковых для наших студентов, как правило, переизлагаются зарубежные курсы «Экономикс». Вот и получилось, что наша российская экономическая наука сегодня «заразилась вирусом» неопозитивизма, и заражение это уже проникло в сферу экономического образования. Следует напомнить, что современный неопозитивизм еще «опаснее», чем позитивизм XIX в., так как он сводит экономический анализ к анализу символических форм, точнее математических формул, придавая им абсолютное значение. А поскольку «символизации» поддаются любые явления, в том числе и «несущества», то надделение последних самостоятельностью и самодостаточностью формально–логично, а по существу – грубая методологическая ошибка. Это совершенно новая, складывающаяся в нашей стране «экономическая метафизика», искажающая хозяйственную ре-

альность. Современная метафизика российской экономики не только рассматривает рынок как демиурга, творца экономического прогресса, но и нас с вами ориентирует на мифические образы (конкуренция, предпринимательство и др.), которым приписывают самостоятельные свойства быть причиной возникновения различных тенденций и явлений!

Отсюда следует, что рассматривая хозяйственный процесс в качестве творца экономики, ее истории и реальности, современный российский неопозитивизм умаляет роль отдельно взятого человека, выхолащивает экономический анализ. Реформы ради реформ, за счет человека и в ущерб конкретным людям – вот реальность политизированного российского неопозитивизма в начале XX в. Картина экономического процесса дается произвольно, недоказанное выдается за аксиому, которая потом служит как аргумент. Например, рынок выдается за общую панацею от всех хозяйственных неурядиц, планирование «обвиняется» во всех грехах, конкуренция рассматривается как абсолютное благо и т.д. Метод здесь прост: отдельно взятую личность сначала растворяют в понятиях «капитализм», «общество», «рыночная экономика», словно в серной кислоте. А затем, если необходимо для иллюстрации и придания убедительности своим суждениям, из этой «гремучей смеси» вытаскиваются различными социологами и психологами то, что вообще там осталось: «репрезентативная личность», «среднестатистический потребитель»; демиург дополняется гомункулосом. Круг завершается, но это – порочный круг.

Классический пример неопозитивизма – трактовка экономических законов, о которых, казалось бы, имеются достаточно четкие и конкретные знания. Современные экономические законы толкуются как законы развития, более того как действующие экономические законы. Традиционным является следующая логическая посылка: объективные экономические законы действуют независимо от воли и желания людей. И хотя экономические законы, в отличие от законов природы, есть законы социальные и их действие связано с экономическими отношениями, то есть с хозяйственной деятельностью людей, но поскольку люди объективно являются субъектами таких отношений, то сами отношения складываются также независимо от наших воли и желаний. Если мы «знаем» и «соблюдаем» требования экономических законов, тогда экономические отношения складываются «грамотные» и «эффективные», а если мы не «знаем» или «не соблюдаем» требования экономических законов, то экономические отношения складываются... Ну и так далее. Экономические законы таким

образом выступают как основа развития, даже как его локомотив. Отсюда и родилась социалистическая идея тотального обобществления и централизованного планирования, закончившаяся, как известно, крахом советской экономики. Сегодня новые реформаторы уже в новых социально-экономических условиях пытаются повторить старую ошибку, либо отказавшись полностью от изучения экономических законов, либо толкуя их в прежнем онтологизированном виде. И хотя есть и другое крыло исследователей, в общем-то отрицающих действенность экономических законов и предлагающих атрибутивную их интерпретацию, но оно также не дает ответа на вопрос о том, являются ли экономические законы реальностью, либо они – плод научных абстракций и самые обычные «апейроны» – неопределенные и неотграниченные понятия.

Наделять экономические законы чертами живых существ недопустимо, на это указывал еще К. Н. Леонтьев. Подменять экономические законы природными, то есть ставить знак равенства между законами общественными и, например, биологическими, также недопустимо, а именно это и делали П. Сорокин и К. Поппер. Если экономические законы проявляются в отношениях людей, а вне этих отношений они не существуют, то не есть ли сущность экономического закона не что иное, как факт таких отношений? И не есть ли наше знание, в том числе и экономическое, лишь наше отношение к хозяйственным артефактам и ничто иное? Вот вопрос требующий размышлений!

«В общем и целом современное учение о неизбежности развития логически обосновано не столь серьезно, как думают позитивисты и сторонники Маркса»⁷. Утверждая это, В. Ойкен приводит три случая, когда это учение вступает в конфликт с законами логического мышления.

Во-первых, описание экономических процессов и явлений сторонниками такого учения (не важно, позитивисты они или марксисты) основывается на «внешнем» анализе. Иначе говоря, обмен у лидера швейцарской школы экономистов А. Парето, например, описывается не с точки зрения субъектов самого обмена, а как бы со стороны, извне, а уже затем предпринимается попытка вывести формулу обмена, то есть формулу макроэкономического равновесия. А поскольку «извне» очень хочется, чтобы обмен развивался, то даже если его непосредственные участники будут против, он все равно должен развиваться. Но тут скрыта ошибка:

⁷ Ойкен В. Указ. соч. С.285.

нельзя думать «о падающем камне, что тот обладает свободой и движется по собственной воле». Детерминированность обмена отнюдь не только внешняя, она прежде всего внутренняя. Если субъекты обмена не пожелают далее совершать обмен, то его и не будет. Чтобы преодолеть этот аргумент вводится императивность, обязательность обмена как такового. Вспомним тезис о том, что все люди являются субъектами экономических отношений, хотя бы они того или нет. Субъектами обмена они также являются «по божественному промыслу» и никакой свободой выбора не обладают.

Во-вторых, экономические законы, согласно и позитивистам, и марксистам, регулируют общественно-историческое развитие, которое не только не зависит от воли и сознания людей, но и более того, определяет их волю и сознание. Сами же законы как бы окостеневают при этом. Чтобы старые формы определяли новую волю и новое сознание, они должны развиваться. Чтобы увязать два конца разорванной мысли предлагается рассматривать сами экономические законы как взаимосвязи, которые автоматически самонастраиваются и эволюционируют. Но если они определяют волю и сознание людей, то кто же определяет смысл и содержание экономических законов, не Бог ли?

В-третьих, чтобы удовлетворять интересы и потребности людей как субъектов экономической политики, власть должна заранее эти потребности и интересы знать. Но интересы и потребности человека формируются не в день его рождения (раз и на всю оставшуюся жизнь), а поэтапно, постепенно, часто спонтанно. Классическими примерами такой спонтанности развития наших потребностей выступают формы скрытого и ажиотажного спроса, предъявляемого потребителями на рынке. Поэтому планирование, а тем более точное калькулирование потребностей и интересов вряд ли полностью возможно. Отсюда следует, что в экономической политике, основанной на утверждениях о достоверности плана или прогноза, всегда скрыта ошибка, возможность значительной неточности. Абсолютизация возможностей человеческого воздействия на экономику, ее прогнозирования всегда ведет если не к идеализации, то во всяком случае к деформации экономического знания как такового.

Когда В.И. Ленин писал работу «Государство и революция» (1917), указывает В. Ойкен, он не имел ни малейшего представления о хозяйственном расчете. Спустя всего лишь два года, то есть в 1919 году, в своей работе «Очередные задачи Советской

власти» В.И. Ленин рассматривает хозрасчет как главный вопрос экономики. Разве это не прожекторство?

В самом деле, прежде чем рассуждать о необходимости учета и контроля, нужно подготовиться с «идейной стороны», то есть разобраться с понятиями «интерес» и «потребности». А с ними экономическая теория не разобралась до сих пор. Существует по крайней мере три основных подхода к пониманию сущности вопроса: потребности и интересы трактуются как суть одно и то же; потребности трактуются как объективная нужда, необходимость человека в определенных благах, без удовлетворения которой он не может нормально существовать, тогда как интересы рассматриваются как субъективная нужда, прошедшая через волю и разум человека и отраженная там в определенных понятиях и целях; третья позиция трактует потребности и интересы с точностью до наоборот. Как говорится, «кто в лес, кто по дрова». И к какой бы концепции мы не присоединились, «контроль и учет», «план и прогноз» будут крайне приблизительными и лишь дополняющими рынок, но не замещающими его. Но и рынок с его фундаментальной идеей экономической свободы и конкуренции также будет несамодостаточен и лишь сочетаемым (слагаемым) с планом и прогнозом. Итак, налицо проблема конституирования понятий и принципов, а не проблема конструирования экономики в экономических понятиях как таковая. Прежде чем конструировать самолет или новую модель автомобиля, необходимо, как известно, усвоить и принять самые общие, генеральные принципы и ориентиры. Только затем начинается этап конструирования, а не наоборот. Разницу между техническим отделом и конструкторским бюро, дизайном кузова и техническими характеристиками двигателя нельзя путать ни при каких условиях.

Тем более, что даже если мы конституируем понятия «потребностей» и «интересов» и условимся о том, что будем одинаково их понимать и толковать, знание явления, выражаемого в этих понятиях, все еще будет оставаться у нас крайне приблизительным. Допустим, что мы условимся трактовать потребности как субъективную нужду, то есть интерес, трансформировавшийся при прохождении через наше мышление, волю, разум, психику в потребность как таковую. Ну и что из этого вытекает? Обычно утверждают, что производство должно ориентироваться на потребности человека. Но на какие потребности? Ведь есть потребности рациональные и иррациональные. Предлагается ориентироваться на выпуск *качественной* продукции безотносительно классификации потребностей: хорошие сигареты, прекрасный

коньяк, лекарства без побочного эффекта и т.п. Но представим, что производство освоит выпуск самого чистого, самого качественного героина. Будет ли такое производство полезным? Нужно ли обществу такое производство? В отдельных странах уже легализованы производство и продажа наркотиков, в других – нет. Единства мнений нет до сих пор. В Екатеринбурге уже предпринималась попытка легализованной продажи «слабых» наркотиков, сопровождавшаяся разговорами о гуманности и сострадании. Относиться к этому можно как угодно, но приводить «за» или «против» этой идеи экономические расчеты (прибыль предприятия, дополнительные доходы от акцизов в бюджет) просто кощунство. Как и в случае с ввозом в Россию и хранением у нас радиоактивных отходов. Кто-то подсчитывает ежегодные доходы в бюджет на федеральном уровне, кто-то планирует урвать кусок и на региональном уровне, но ведь это аморальная «двойная бухгалтерия», когда помимо конкретного дохода в чей-то бюджет получается всеобщая угроза здоровью народа. А сколько стоит здоровье нации, кто и когда считал? Кроме того, потребности бывают как известно, не только рациональными и иррациональными, но и унифицированными и дифференцированными. Представим себе ситуацию: у картины Рембрандта стоят пятеро – эстет, рабочий, пьяница, дальтоник и слепой. Полезность картины для каждого из них будет, очевидно, различной. Но это же не означает, что искусство, наука, культура, спорт должны принадлежать (быть доступны) только эстетам, только грамотным, образованным людям. В противном случае возникла бы кастовость, замкнутость сфер науки, культуры, спорта, которая привела бы к социальному инцесту. Ротация и открытость выступают условием развития всех сфер общественного производства, в том числе и сферы духовного производства. Поэтому возникает вопрос: на какие именно потребности должно ориентироваться производство? Если на высшие, эталонные, то не произойдет ли богемизация, элитизация и корпоративизация производства и потребления? Если на низшие, то не произойдет ли деградация, пауперизация и люмпенизация духовного производства? Да и как можно, например, ориентироваться в производстве парацетамола на разные интересы, если существует определенный стандарт лекарства. Нельзя же в самом деле богатым предлагать полностью очищенный препарат, а бедным – суррогат!

Проблема учета, контроля, калькулирования, планирования, прогнозирования наших потребностей и интересов заставляет задуматься о природе экономического знания и его относи-

тельности. Мы знаем, что должно быть, но следует знать и когда, почему должно быть. Вера в централизованное управление и вера в неизбежность процесса развития возникают вместе и это не случайно. При этом, «вера в неизбежность развития и мышление категориями коллектива составляют единое целое»⁸. Но если встать на сторону персонализма, личностного понимания экономики, то далеко не все в ней – общественно, социализированно, коллективизированно. И точно также как человек рождается и умирает индивидуально, он индивидуально решает и многие хозяйственные проблемы своего бытия. Ни один муж не предлагает своей супруге оформить в семейную собственность предметы своего индивидуального туалета. Если же доводить идею социализации и планомерности до абсурда, то вместо эффективной экономики действительно получается котлован, в котором тонет все, что от хозяйства, от труда, от творчества и вдохновения. Это происходит потому, что труд, творчество, а тем более вдохновение могут быть, конечно, коллективистскими по форме, но по существу, по сути – это индивидуальный процесс духовного самоопределения, духовного развития человека. А духовное развитие – это не только личностно-интимный, но и персонализированный процесс.

Отсюда проистекает субъективная относительность знаний, когда опыт и знания одного поколения – не указ другому, когда новое поколение снова вынуждено «изобретать велосипед» или «наступать на грабли». Абсолютизируя наше экономическое, хозяйственное знание, мы порой забываем, что его место в структуре индивидуального, личного и общественного сознания может быть лишь строго индивидуальным, дифференцированным и персонализированным. Хотелось бы подчеркнуть, что речь не идет о персонализме как таковом, а только лишь о том, что знание занимает в структуре сознания всегда определенную, адекватную личности человека, нишу. Можно (наверное, даже нужно) быть единомышленниками, соработниками, сотоварищами, оставаясь при этом людьми совершенно разного знания и сознания как с точки зрения конкретных навыков, умений, информированности, опыта, так и с точки зрения морали, этики и эстетики. Тотальное единодушие и идентичное мышление может быть только на кладбище. Но, как известно, души там не обитают. Однако плюрализм в трактовках понятий, категорий экономической науки

⁸ Ойкен В. Указ. соч. С. 288.

и хозяйственной практики вовсе не означает вселенское столпотворение и беспредметный спор, некую *эристику* софистов.

Вспомним опять-таки Сократа: он полагал, что знания и поступки, теория и практика – едины: знание (слово) определяет ценность «дела», а «дело» – ценность знания. Отсюда его уверенность в том, что истинные знания и подлинная мудрость (философия), доступные человеку, неотделимы от справедливых дел и других проявлений добродетели. В диалоге Платона «Менексен» он утверждает: «И всякое знание, отделенное от справедливости и другой добродетели, представляется плутовством, а не мудростью»⁹.

Исходя из этой сократовской идеи можно сделать лишь один вывод: экономическое знание есть одновременно и хозяйственное дело, в основе которого лежит добродетель, делание добра для себя и для окружающих людей. Экономическое знание, таким образом, является ключевой предпосылкой добродетельного экономического сознания, ориентированного на делание добра, на улучшение жизни человека, на хозяйственное творчество, обладающее свойствами общественной полезности и значимости. Но это не гедонизация идеи, характерная для более позднего времени, а «внутренняя» этизация, ориентированная на задачу «познать самого себя».

Сократовская установка на самопознание существенно отличается от бентамовского гедонизма, эгоцентричного в своей основе. Дельфийская формула мудрости, воспринятая Сократом, вышла далеко за рамки своего времени, сегодня она звучит как никогда актуально. В кардинально меняющемся хозяйственном мире познание самого себя предполагает осмысление и переосмысление своей новой роли, своего места, своих ориентаций в этой новой экономической реальности. Это, собственно говоря, и есть сознание как таковое, как созвучие экономического знания времени и миру, как определенное к ним отношение. Ведь «если ты недооцениваешь сознательный подход, ты нелегко отыщешь другое средство осуществления благополучия»¹⁰. Сознательный подход, по Сократу, есть сознательное отношение к добру и злу. Противопоставляя свое этическое знание «многосознанию» софистов-современников, Сократ оставил нам не только свою публичную майевтику, но и свое учение о благе. И если внимательно вдуматься в это учение, оно становится очень созвучным совре-

⁹ Цит. по: Кессиди Ф.Х. Сократ. Ростов н/Д., 1999. С. 136.

¹⁰ См.: Кессиди Ф.Х. Указ. соч. С.197.

менным экономическим проблемам и реалиям. Ведь и сегодня, как столетия назад, каждый человек стремится использовать свои знания себе на пользу, во благо. Но если гедонизм и утилитаризм Нового времени ориентировали личность на эгоизм по отношению к окружающим (классический гедонизм), то у Сократа речь идет об общем благе (гуманизм). Кроме того, если сегодня большинство философов и экономистов трактует благо в контексте экономической деятельности как максимизацию прибыли, то в сократовской интерпретации благо есть общая выгода, а последняя может приобретать самые разные формы: это и максимальная прибыль, и имидж (рейтинг) предприятия, и слава, репутация его владельца, и политическая карьера предпринимателя, и, наконец, обеспечение нормальных условий для долгосрочного производства¹¹. Античная философская мысль, во многом воспринявшая сократовскую постановку вопросов о благах и о знании, свидетельствует о том, что прагматизация нашей экономической морали и экономического мышления отнюдь не должна приобретать абсолютное значение и порождать те дикие формы, которые присущи ей в начале нового (третьего) тысячелетия. Разве не дикой является психология стяжательства, фетишизация денег, культ богатства? И разве не следует задуматься над феноменом богатства, алчности, корыстолюбия прежде чем посвятить (пожертвовать) им свою жизнь? Разве экономическая деятельность (работа, предпринимательство, карьера) исчерпывают весь смысл жизни? И разве может экономическое знание даже в максимальной своей достоверности исчерпывать наше сознание? Наверное, нет. И в экономическом сознании еще остается место для традиций, обычаев, «преданий старины глубокой», всего того, без чего в принципе невозможно народное, национальное самосознание.

§ 2. Традиция и ее место в структуре экономического сознания

Традиция и ее роль в формировании и развитии экономического сознания остаются *terra incognita* в современных социологических, этнографических, экономических и философских исследованиях. За исключением отдельных работ данная проблема полностью обходится исследователями, что является явным

¹¹ См.: Экономика предприятия / Под ред. Ф. К. Бса, Э. Дихтла, М. Швайтнера: Пер. с нем. М., 1999. С.7.

упущением современной гуманитарной науки. Не секрет, что экономические трансформации последних десятилетий в России, те, что называют реформами, не дают желаемого эффекта, «пробуксовывают», поскольку не учитывается роль традиции, традиционализма в осуществлении социально-экономических изменений.

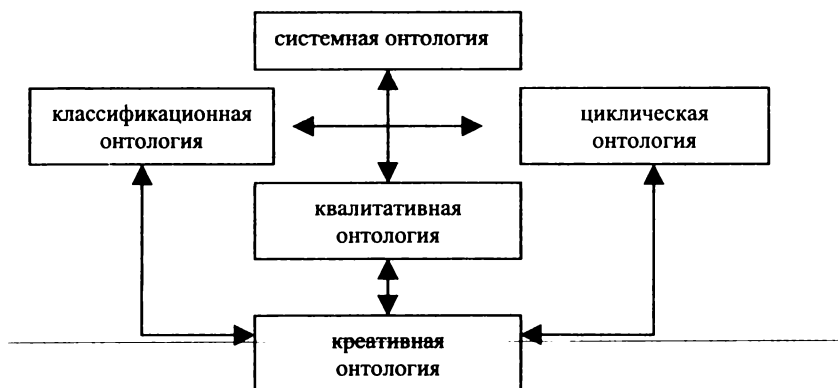
Собственно, термин «традиция» переводится как «передача». В широком смысле слова традиция может рассматриваться и как исторический опыт нации (народа), и как континуитетность, преемственность исторического развития, и как социальная и культурная память человека, обеспечивающая движение от прошлого к будущему. Традиция не только охватывает системы различных ценностей, но также имеет свою собственную структуру и иерархию. Она присуща самым разным областям личной и общественной жизни, хотя ее роль в этих областях далеко не одинакова.

С определенной точки зрения традиция может рассматриваться и как некая системность (направленность, организованность) обобщений, знаний, суждений, идей, что позволяет изучать ее и с «негуманитарного», кибернетизированного угла зрения, как предмет теории систем. В конце XX в. возникла и получает все большую известность такая область научного знания, как системогенетика — институционализированная теория систем, основанная на генетическом подходе. К числу ведущих законов системогенетики сегодня относят: закон системного наследования, закон подобия, закон наследственного программирования, закон наследственной инвариантности, закон цикличности, закон системного времени и гетерохронии (непрерывного развития системы как целого), законы необходимого разнообразия системогенотонда, парные законы дивергенции (роста разнообразия) и конвергенции (сокращения разнообразия), закон спиральной ~~фрактальности системного времени и ряд других.~~ С философской точки зрения традиция как преемственность, последовательность и поступательность хозяйственного развития может иметь два аспекта: внешний, когда это развитие обусловлено экзогенными факторами, и внутренний, когда это развитие обусловлено внутренними, эндогенными факторами. При этом синтетическая трактовка взаимодействия эндогенного и экзогенного факторов в экономическом развитии уже относится к области синергетики. Системогенетика таким образом пытается дополнить синергетику и служить важной научной базой для философского осмысления не только хозяйства как такового, но и феномена экономического сознания.

Однако вряд ли правомерны амбиции некоторых системогенетиков, претендующих на создание универсальной онтологической системы мира. Признавая, что онтологическая системность переходит в онтологическую расклассифицированность посредством разнообразных бифуркаций, необходимо выявить природу таких возмущений и исследовать их воздействие на системность. Природа таких бифуркаций не укладывается в узкое русло системогенетики. А морфология как системная онтология выступает лишь феноменологией и не в состоянии дать ответы на многие серьезные вопросы, отталкиваясь исключительно от общих, формализованных критериев и оценок. Да и вообще, вряд ли стоит отождествлять морфологию и онтологию, поскольку они соотносятся как частное и общее. Часто предлагается использование качественной онтологии, которую трактуют как отражение мира в понятиях качества. Но рассмотрение мира сквозь призму качества также весьма условно и ограничено. Термин «качество» столь же размыт в современном сознании, сколь и понятие «класс». Классификационная онтология пытается объяснить экономические процессы, а вслед за этим и само экономическое мышление также в категориях феноменологии. Ведь морфология, использующая термины «типы», «группы», «страты», «классы», «разряды» и т.п. дает лишь условные представления об объекте. В самом деле, что такое тип, вид, разновидность, форма, модальность и проч.? Среди экономистов на этот счет не было и нет единого мнения, поэтому, например, проблема собственности имеет у них разную постановку. Частную собственность называют то типом, то видом, то формой. Кооперативную форму собственности рассматривают то как самостоятельную форму, то как разновидность другой, более «широкой» формы (например, у Л. И. Абалкина, Г. А. Козлова, В. Н. Черковца и др.). При таком «разброде и шатании» о какой системогенетике в экономическом сознании вообще может идти речь! С другой стороны, качественная онтология – тоже фантом, потому что объяснять в понятиях «качества» хозяйственный мир, используя при этом даже качественные методы исследования, можно сколько угодно: но «на вкус и цвет товарища нет». Для нас светло и темно – одно понятие, для домашней кошки – совсем другое. Для туарегов собственность – одно, для европейцев – другое. Для одного народа семья – это нечто определенное, а для другого народа, живущего в рамках полигамных отношений, семья как качественная определенность вообще отсутствует. Да и в цивилизованной эко-

номике понятие «качество» имеет самые разные «прочтения» и «толкования».

В одном случае под качеством подразумевается прочность, в другом – простота в эксплуатации, в третьем – оформление, в четвертом – все сразу, но без внутренней субординации, в пятом – определенная система, основанная на экзогенных факторах, в шестом – система, выстроенная на эндогенных факторах, наконец, в седьмом – некая «синтетическая» система, некая космополитизированная оформленность, одинаково «приемлемая» для всех. Так что же в конечном итоге будет служить качественной онтологией? Поэтому ряд исследователей пытается разрабатывать и использовать еще одно нововведение – креативную онтологию. Под креативной онтологией подразумевается некая синтетическая онтология, в которой преломляются и классификационная, и временная (циклическая), и качественная, и системная онтологии. Схематично рисуется некая новая универсальная онтологическая модель¹, в рамках которой каждая из онтологий вроде бы занимает свое, строго определенное место.

Но вся абсурдность такой «философской, а проще говоря дискретной (раздробленной) системогенетики, становится очевидной, когда закон конкуренции ставится в одно рядоположен-

¹ См.: *Субетто А.И.* Общественный интеллект, неклассическая системо-генетика и императив выживаемости человека в XXI веке // На пути к постиндустриальной цивилизации. Материалы II международ. конд-ратьевской конференции. М., 1996. С.41.

ное место с законом кооперации. Ведь закон кооперации – это закон объединения хозяйствующих субъектов, тогда как закон конкуренции – это закон разъединения субъектов хозяйствования. И хотя кооперация как форма сотрудничества может сопоставляться с конкуренцией, но называть последнюю формой сотрудничества нельзя². Вряд ли есть у них и единое, общее, «организационное» начало.

И хотя А. А. Богданов когда-то совершенно справедливо рассуждал о фундаментальном принципе изоморфизма, проявляющемся в организации разных систем, но сам основатель «Всеобщей организационной науки», в отличие от его современных интерпретаторов, всегда помнил, что «общение с другими существами – вот что делает человека человеком»³. Рассматривая же общество как «комплекс однородных единиц», А.А. Богданов уже в определенной степени допускал обезличение человека и тем самым как бы отрицал множественность однородности в пользу однородности тождеств. А тождества не обладают свойством традиции, как бы парадоксально это ни казалось, потому что они тождественны. И поэтому вместо традиции между тождествами имеет место быть самая обычная репродуктивность, мультипликация. Отсюда совершенно логично предположение, что традиция есть не простое, механическое повторение прошлого опыта, а его развитие в новых условиях, его преобразование; соответственно и общество есть не сумма одинаковостей, а симбиоз разностей, в котором традиция только и может развиваться.

Когда же современные системогенетики сводят этот симбиоз разностей к сумме тождеств, получается абсолютизация тождественности. Так, рассуждая об общих организационных началах конкуренции и кооперации, или производства и развития, исследователи сводят в принципе несводимые понятия, находящиеся на различных уровнях абстракции, не говоря уже о самих явлениях, отражаемых в экономических категориях. Пытаясь оправдать «усложнение» понятий и явлений они и используют креативную онтологию, разные концепции дуальности, флуктуации, парадигмы, «обменную теорию циклов» и т.п. В действительности, в основе всех экономических процессов, происходящих в обществе, в основе всех экономических категорий, отражающих

² См.: Стожко К. П. Основы современной конкуренции. Екатеринбург, 2000. С.90–91.

³ См.: Богданов А. А. Новый мир // Богданов А. А. Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С.30.

эти процессы, в основе хозяйственного поведения самых разнообразных экономических субъектов действительно лежит некая общая изначальность, нечто такое, что делает их имманентными, коррелируемыми, общими – это традиция. В самом общем смысле слова, традиция есть та изначальная детерминация, в лоне которой развивается каждая цивилизация и каждая культура. Несмотря на многообразие цивилизаций и культур в хозяйственной жизни людей сам по себе принцип традиции не только не опровергается, но, думается, и не может быть опровергнут в рамках научного мышления. Другое дело, что сама традиция может иметь различные, в том числе и неадекватные формы воплощения и проявления. Ее негативное проявление в истории Ф. М. Достоевский называл «искажением великодушной идеи». Искажение, а точнее искаженное, неадекватное восприятие исторического опыта, как раз и выступает в роли иррационального отношения к традиции как таковой. Но традиция в этом случае остается объектом отражения в сознании! Конфликт отцов и детей, столь блестяще описанный И. С. Тургеневым, – лишь один из сотен примеров такого иррационализма. Но и в этом случае, отрицание традиции есть лишь временное явление. Отцы примиряются с детьми, а дети – с родителями, традиция торжествует. В XX в. разрыв и конфликт поколений выглядел еще более остро, чем в XIX в. Но вчерашние хиппи, панки, рэперы, благополучно перебесившись в молодости, надели строгие костюмы, галстуки и занялись предпринимательством, политикой, то есть тем, что называется делом. Фрондист, сохраняющий до глубокой старости антураж и запал субкультурности отрочества, – редкость в нормальном обществе. Экономика в этом смысле не является исключением. Традиция означает, что нормальной экономика становится именно тогда, когда традиция торжествует.

Естественно, что принцип традиции и принцип изоморфизма или универсальной организации – суть разные принципы. Первый лежит в плоскости антропологии и антропогенетики, а второй – в сфере технократизма и техногенетики. Системогенетика, оперирующая принципом организационной изоморфности не может быть онтологией сущего, а именно онтологией хозяйства, поскольку последнее есть не техника, а образ жизни. Труд в некоторых обществах больше чем труд, он является смысловым состоянием человека. Предпринимательство в отдельных цивилизациях больше чем просто феномен экономики, оно – плоть от плоти и кровь от крови – общественная психология, культура и мораль. И хотя между цивилизацией и культурой лежит огромная

дистанция, но даже между ними гораздо больше общего, чем между традицией и организационным изоморфизмом. И сколько бы не называли «большой логикой» методологию такой механизированной системогенетики ее апологеты, на наш взгляд, это лишь «умные слова». И ничего более.

К таким исследователям вполне можно применить слова И.А. Ильина, который писал: «Философия, оторвавшись от предметного опыта, сама потеряла живую уверенность в бытии и в объективности своих предметов... Эта гносеологическая рефлексия, не вскормленная живым общением с предметом, была обречена на несущественность, отвлеченность и бесплодность. Люди, говорившие от имени философии, теряли самое главное – предметную интенцию и заботились более всего о непротиворечивости и систематичности своих произвольных построений. Эти рассудочные комбинации обходились без духовного опыта»⁴. В том и разница между системогенетикой как выхолощенной наукообразной рефлексией о беспредметности и философией, отталкивающейся от подлинного, живого опыта, что только подлинность этого опыта, отраженная в философском опыте, открывает и раскрывает саму онтологическую природу опыта как такового. Никакой иной онтологии, взятой вне опыта, в принципе быть не может. Если исторический, хозяйственный, культурный опыт выбрасывается из конструкций онтологии, то сама онтология превращается в пустое доктринерство. «Нереальные возможности» системогенетики, воспринятой совершенно наивно, доктринерски нашими исследователями от западной «традиции», сами по себе есть нарушение традиции, перенос чуждого (чужого) содержания на новую (свою) почву, эдакая «сухая влага» или «сапоги всмятку», просто «праздные функции». Ведь для таких конструкций нет ровным счетом никакого реального основания, даже чувственного опыта, рассудочно переработанного и духовно осмысленного. А, как известно, только опыт является критерием достоверности знания. Поэтому «внетрадиционность» (дискретность, релятивизм) знания уже сама по себе есть та «адская смесь», в которой гибнет духовное естество человека. Экономiku как факт, в отличие от системогенетических конструкций и моделей, каждый человек переживает и осмысливает лично и самостоятельно. Он судит об экономике в вузовских аудиториях и на домашней кухне, он ощущает ее при выдаче или задержке заработной платы и

⁴ Ильин И. А. Религиозный смысл философии // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998. С.58.

стипендии. Живой опыт нашего хозяйствования позволяет нам воспринимать и осознать само время, его ритм и алгоритм, его динамику и цикличность, и только этот опыт может быть основой для теоретической и практической экономики. Именно на этом опыте, основываясь на его «уроках» и отталкиваясь от него, а не по указаниям сверху, новых толкователей и прорицателей от системогенетики, мы понимаем и осознаем наступление переходных фаз или эпох в хозяйственной жизни, трансформации и сдвиги в инфраструктуре национального хозяйства, экологии, семейных отношениях, в самом нашем человеческом «Я». И когда некоторые системогенетики уверенно заявляют, что благодаря современным экономическим реформам человек «перестал быть винтиком индустриальной машины», что «роль творческих способностей усиливается» в реальной экономической жизни, то возникает закономерный вопрос: а не выдают ли они желаемое за действительное? И что этому причиной? Может быть, известное герценовское выражение: «страшно далеки они от народа»? Может быть, ленинское положение о том, что «нельзя ни на грош верить продажным профессорам от буржуазии»? Может быть, в том, что в отличие от генетики, системогенетика наукой не является?..

Но здесь удивительным образом спасает нас от скороспелых суждений именно традиция. Русская традиция терпения и долготерпения. Рассуждая о духовном терпении русского человека, И. А. Ильин отмечал, что русские люди находят в себе все новую и новую силу духа, помогающую им в очередных испытаниях. В основе этого духовного терпения русский философ выделял юмор и молитву: «улыбку земной мудрости» и «способность уйти от страданий»⁵.

Экономическое толкование терпения как проявления русской традиции гораздо шире: это и соборность, и сизигийность, и коллективизм, и бессребренность, и софийность хозяйственного поведения русского человека. Будь то мастеровой «левша» или купец, подобный Н. А. Алексееву (московский градоначальник) или Прохоровым, Мамонтовым, Третьяковым, все они в своем хозяйственном поведении постоянно решали проблему добра и зла на основе отечественной традиции. В соответствии с традицией, например, Н. А. Алексеев выделил миллион рублей на строительство в Москве больницы, а братья Н. В. и К. В. Рукавишниковы на рубеже XIX–XX вв. дали полмиллиона рублей на создание приюта для малолетних преступников. Старообрядец

⁵ Ильин И. А. Указ. соч. С.649.

Ф. А. Гучков, крайне строгий и непритязательный в личном обиходе, сотни тысяч рублей отдал на пожертвования, вклады и приношения. В истории предпринимательства Западной Европы благотворительность, меценатство, столь характерные и «широкие» в России, были скорее исключением из правила, чем самим правилом⁶.

В современных условиях, воспринимая западноевропейскую экономическую психологию и традицию, наша новая буржуазия, «новые русские» в значительной степени разрывают духовные узы, которые были столь характерны для «людей дела» в прошлом. Не в этом ли заключена причина одичания нашей олигархической космополитизированной элиты? А ведь состояния нынешних российских олигархов – не чета состояниям русских предпринимателей начала XX в.: В. Алипберов – 7,5 млрд. долл.; В. Богданов – 5,75 млрд. долл.; Р. Вяхирев – 5,55 млрд. долл.; В. Черномырдин – 5,55 млрд. долл.; В. Потанин – 4,88 млрд. долл.; В. Шеремет – 3,7 млрд. долл.; А. Чубайс – 3,1 млрд. долл.; Л. Меламед – 2,95 млрд. долл.; А. Мордашов – 2,1 млрд. долл.; Р. Абрамович – 1,9 млрд. долл. и т.д.⁷. Придя в элиту бизнеса через менеджмент и обворовывание государства по самым различным «законным» схемам, эти господа не только забыли о том, что в справедливом и цивилизованном обществе «богатые платят за бедных», но и требуют ежедневно и ежечасно вернуть им наши «долги» за свет, газ, электричество. Очевидно, что их представления об экономике, а равно и о патриотизме, отечестве, правовой свободе, справедливости сугубо утилитарны: родина там, где им хорошо. Отрыв от традиции порождает смерть души, расколотость личности и сознания.

Насаждение западной философии, психологии, моральных ценностей в российское, русское экономическое сознание есть не просто нарушение традиции в ее основах, но и колоссальная диверсия против нашей культуры, нашей экономики. Дом без своего фундамента долго не стоит.

⁶ См.: *Шильдбергер Ф.* Пионеры автомобильного бизнеса; *Шнее Г.* История династии финансовых магнатов: Пер. с нем. Ростов н/Д., 1998; *Вейхер З.* Вернер фон Сименс; *Шрёдер Э.* Крупн: Пер. с нем. Ростов н/Д., 1998; *Ландберг Ф.* Богачи и сверхбогачи: Пер. с нем. М., 1975. и др.

⁷ См.: *Бутрин Д., Козицын С., Ладыгин Д.* Кто управляет финансами России // *Деньги*, 2001. № 16(320). С.12–13.

Здесь уместно выделить две основные канвы фактора традиции в экономическом сознании: национальную и общемировую. Конечно, обмен культур и растущая открытость стран и народов навстречу друг другу способствует взаимопроникновению идей, ценностей и технологий. Но, привыкнув к легкости и скорости коммуникаций и совершенным средствам связи XX в., многие из нас склонны к преувеличению, абсолютизации значения роли таких контактов и связей. Идея, что «заграница нам поможет», высмеяна еще в бессмертном произведении И. Ильфа и Е. Петрова. «Наведение мостов» между разными культурами, экономиками, обществами отнюдь не то же самое, что ассимиляция одной культуры другой, распад одной экономики под воздействием другой, развал одной страны на потеху другим! И безусловно, внутренняя, национальная традиция как инструмент самосохранения и саморазвития национального хозяйства, должна иметь приоритет перед общемировой традицией, тем, что с легкой руки некоторых исследователей получило название «общечеловеческих ценностей».

Охаивание и нивелирование национальных хозяйственных традиций и превознесение, идеализация западных традиций («а в Америке вот как»!) неизбежно приводит к эффекту Мартышки, которая меряет очки. Подобный нигилизм стал стереотипом современного экономического мышления многих предпринимателей, служащих, молодежи. Это не может не огорчать и не вызывать тревогу. Мы уже писали о том, что миф о русской безалаберности, разгильдяйстве, лениности завезли в нашу страну еще в XV–XVI вв. западные визитеры: послы и «гости» (Олеарий, Герберштейн и др.). Но эти суждения адресовались ими скорее своим монархам, от имени которых данные лица вели наблюдения в Московии. Сегодня же подобные пропагандистские рассуждения обращены на нас самих. Сегодня «поддакивая» подобным «обвинениям» и используя различные пропагандистские клише, некоторые наши историки (А. С. Ахиезер), философы (от А. Антонова до А. Ципко), экономисты (от П. Авена до Г. Явлинского) создают свою собственную новую «традицию» самоочернительства и самобичевания – эдакий социально-экономический мазохизм. Так, историк В. В. Колесов в своих комментариях к русскому «Домострою», написанному еще в XVI в., уверенно и прямо заявляет: «Нам многое становится ясным, и мы уже не совершим ошибки, прямолинейно заявляя, что «Домострой» является «выражением

русского духа» в чистом виде»⁸. Однако писался-то «Домострой» не В. В. Колесовым (по-видимому, умеренным «западником») и не зарубежными посланниками XVI в., а Сильвестром, русским монахом! Конечно можно дискутировать о том, был ли сам Сильвестр переписчиком и интерпретатором более раннего варианта «Домостроя» или полноценным его автором, но то, что это сочинение (как и многие другие, плохо осмысленные нашими исследователями) есть явление чисто русского духа, может отрицать только «западник».

Удивительно, но сам ход экономического развития возрождает давно угасшее противостояние между «западниками» и «почвенниками». Есть основания предполагать, что в ближайшие десятилетия, если не на более длительную перспективу эта борьба станет основным вектором в развитии экономического сознания и самосознания русских людей. Все происходит строго по А. Тойнби: вызов – ответ! Прежде чем строить дом, нужно определиться: будешь ли ты строить его, как «дом, который построил Джек» или все-таки «по Домострою».

«Домострой», как справедливо отмечал Н. Федоров, изначально был призван восполнить пробел в официальной морали, и этот пробел восполнялся «от духа русского». Смысл этого восполнения автор воспроизвел абсолютно точно: «Полная добродетель состоит в соединении нравственности со знанием и искусством. Такая добродетель не делает человека только достойным счастья; она и дает его; она есть не только благо или добро, но и само блаженство»⁹.

Широта души русского человека, когда он «последнюю рубашку» готов отдать нуждающемуся, возможно, и воспринимается некоторыми современными отечественными экономистами в их вестернизированном экономическом сознании как «блаженство («блажь»», а такие люди – как «блаженные». Возможно даже, что в этом случае в само слово вкладывается даже какой-то отрицательный, негативный смысл. Но в своем собственном отечестве мы вольны поступать так «блаженно», как нам этого хочется и как требуют этого наши традиции. Как говорится, «нечего идти со своим уставом в чужой монастырь».

Разрушение традиции неизбежно ведет к саморазрушению сознания. В том числе и экономического сознания человека. Он

⁸ См.: Колесов В. Д. «Домострой» как памятник средневековой культуры // Домострой. СПб., 2000. С.353.

⁹ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С.165.

начинает мыслить не о том, что ему необходимо, выгодно, эффективно, нужно или полезно с точки зрения его живого опыта, а теми стереотипами и инструментами, которые ему навязываются в контексте «общечеловеческих» экономических ценностей (рынок, конкуренция, экономическая свобода, предпринимательство) в средствах массовой информации. В медиасфере в процессе перехода от индустриализма к постиндустриализму вместо прежней «массовой культуры» формируется своеобразная «клип-культура». Как признает Э. Тоффлер, «демассифицированные средства информации демассифицируют наше сознание». Вкладывая в термин «демассификация» и идею дифференциации в информационной политике СМИ, автор далее рассуждает: «Постоянная накачка стандартизированного образного ряда привела к тому, что критики называют «массовым сознанием». Сегодня уже не массы людей получают одну и ту же информацию, а небольшие группы населения обмениваются созданными ими самими образами»¹⁰. С рассуждениями Э. Тоффлера можно было бы согласиться, однако его понимание демассификации весьма узкое, оно сводится просто к идее дифференцированности потока информации. В действительности же, под лозунгами дифференциации, специализации, эксклюзивности, борьбы с потоком, со стереотипами и т.п. в нашем обществе сегодня фактически протаскивается идея разрушения традиции, ненавязчивого перевоспитания масс, технологии «эксклюзивного зомбирования». Переход в информатике и пропаганде к «производству на заказ» порождает вопрос: на чей заказ? Кто заказчики? Сам же Э. Тоффлер дает определенный ответ: Мировой банк Реконструкции и Развития, Международный Валютный Фонд, ГАТТ и т.п.¹¹. Но если так, то разве не очевидна вся пагубность, вредность, вся негативность разрушения «национального кода» – традиции в сфере хозяйства для нас, русских? Разве не являются заигрыванием с огнем рассуждения о вхождении российской экономики в мировое хозяйство», об экономической интеграции?

Нет слов, интеграция и кооперация, международное сотрудничество необходимы, но только на основе национальных интересов, а не по принципу «лишь бы успеть в последний вагон»¹². Следовательно, без традиции вместо интеграции мы мо-

¹⁰ Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. М., 1999. С.277.

¹¹ Там же. С.165–166.

¹² Подробнее о проблемах экономической интеграции см. в кн.: Стожко К.П. История экономики. Екатеринбург, 1998. С.481–506.

жем получить самую обычную ассимиляцию. Отсюда также следует, что сохранение традиции в экономическом сознании человека дела, работника, предпринимателя – это сохранение его национального самосознания. В принципе все мы, русские и татары, чуваш и украинцы, башкиры и эвенки – интересны для западной цивилизации только и исключительно как носители национальной традиции, национального духа, национальных особенностей. Даже на блошиных рынках заезжие туристы покупают в первую очередь каслинское литье, хохлому, палех, гжель, то есть те товары, в которых присутствует и находит свое максимальное выражение наше национальное, наша традиция. В противном случае, в случае утраты традиции, мы все и каждый из нас в отдельности будем представлять для западных наций интерес лишь как «рабочий материал» (для арийцев), как «человеческое сырье». Участь более чем незавидная. Именно поэтому в Западной Европе даже самая малочисленная нация или народность, какие-то косовские сербы или лихтенштейнцы (уж и не знаешь, нация это или нет) хранят свое национальное, экономическое, этнографическое, политическое и культурное «особенное». И правильно делают.

Неслучайно вдумчивое, внимательное отношение к проблеме национальной традиции столь характерно для западной философской мысли конца XIX – первой половины XX вв. О. Шпенглер рассматривал нацию как «духовное единство» и «ментальную общность», «единую социальную душу»; отсутствие национальной традиции у американцев, по мнению Д. Бурстина, является причиной того, что «американец не шут, но и не джентльмен»¹³ и т.д.

Естественно, что традиция вовсе не означает и не предполагает подражательность, слепое копирование или апологетику. Но и нигилизм как отказ от традиции в хозяйственной сфере недопустим. Кстати, слово «нигилизм» впервые употребил И. С. Тургенев в своем романе «Отцы и дети» (1862). Русский писатель не захотел быть подражателем и вместо прежних малоизвестных и давно забытых слов «фармазон», «ничегошник» или «вольтерьянец» просто придумал новое слово (*nihil* – «ничто»). В том смысле, в котором его использовал И.С. Тургенев, оно и закрепилось в русском языке: быть нигилистом означает отрицать все, что было ранее – науку, культуру, философию, опыт. Выступая против нигилизма как отрицания традиций, следует подчерк-

¹³ См.: *Бурстин Д.* Американцы: Национальный опыт: Пер. с англ. М., 1993. С.144.

нута, что преемственность есть прямая функция традиции. Ведь даже титаны эпохи Возрождения стояли на плечах гигантов античности. Конечно содержание их творчества, в котором они только отталкивались от античности, не было и не могло быть простым повторением греческой и римской литературы, искусства. Оно зависело от новых условий, появившихся в Италии в XIV–XV вв. И все-таки это было творческое продолжение и развитие именно античной традиции. Элементы античности в творчестве корифеев эпохи Возрождения свидетельствовали о сохранении традиции и ее творческой преемственности. Но при этом «происходило не простое заимствование мотивов или приемов, но проникновение в существо жизнеощущения, здоровой чувственности и величавого ритма античности»¹⁴. А затем и творческое преломление традиции в индивидуальности творцов новой эпохи. Так и в экономике: обращение к мотивам, идеям, принципам, концепциям экономистов прошлого, к историческому опыту «нового курса» Ф.Д. Рузвельта в США или к практике индикативного планирования при Ш. Де Голле во Франции, или даже к более «свежим» идеям «тэтчеризма» в Великобритании и «рейганомики» в Америке, конечно, оправдано и имеет смысл. Но простое копирование чужого опыта, будь то американский монетаризм, с которым буквально «носился» Е. Т. Гайдар, или «аргентинский вариант», пропагандировавшийся не так давно «всерьез и надолго» Б. Федоровым, наносят и могут нанести национальной экономике только вред и ничего более. Нужна колоссальная осторожность («семь раз отмерь – один раз отрежь») в осуществлении зарубежных рекомендаций, исходящих от Международного валютного фонда или Всемирной торговой организации. И, безусловно, необходимо их осмысление, глубокое и всестороннее осознание и творческое адаптирование к отечественным реалиям (традициям) хозяйствования. Любые социальные и экономические идеи и технологии могут дать положительный эффект на российской почве лишь в том случае, если они сочетаются, вступают в гармоничную «реакцию» – синтез с нашей традицией в самом широком смысле этого слова. Если же этого синтеза не происходит, то любые, даже самые прогрессивные и соблазнительные рекомендации, идеи и «проекты» необходимо отвергать! Из «двух зол» (отказ от традиции в пользу инновации или отказ от инноваций в пользу традиции) нужно выбирать «меньшее» зло, а им является вторая

¹⁴ Bunnep Б.Р. Борьба течений в итальянском искусстве XVI в. М., 1956. С.284.

идеологема: сохранение традиции даже ценой временного отказа от инновации. Искусство скульптора, как известно, состоит в том, чтобы отсечь от мраморной глыбы все лишнее. Разве скульптор не жалеет при этом драгоценный материал, идущий в отходы! Искусство писателя состоит в том, чтобы не писать лишнего: кто ясно мыслит, тот четко излагает. Разве писатель не сожалеет при этом об упущенных возможностях усилить интригу, улучшить фабулу, усовершенствовать сюжет! Политика, как известно, трактуется как искусство возможного. Поэтому, если чужая новация, чужой опыт, чужие рекомендации отторгаются традицией, бессмысленно силой навязывать их. Кроме разрушения сознания и самого хозяйства это ничего другого дать не может.

Традиция как условие, фактор экономического сознания и традиции как элемент экономического сознания – несколько разные вещи. В экономическом сознании закрепляются не все устои прошлого, не все итоги исторического и хозяйственного опыта нации. Процесс отбора (подбора) и творческого использования (отражения) в экономическом сознании самой хозяйственной традиции есть одновременно и процесс ее осмысления и переосмысления, процесс выработки своего собственного, личного отношения к ней, своего взгляда на приемлемость и конструктивность прошлого опыта. Отказ от традиции в экономическом мышлении, экономическом сознании, а как результат этого и в экономической практике, существенно повышает риск социально-экономических потрясений и кризисов. Оценка подобного риска рассматривается большинством современных экономистов безотносительно фактора традиции и его места и роли в развитии современного экономического сознания. И хотя много говорят о новом типе экономического мышления, экологическом и инновационном мышлении, разнообразных его типах, но все это остается на уровне морфологии и феноменологии. Так, финский исследователь П. Маляска выделяет следующие типы экономического мышления:

– **Утопическое мышление.** Его отличает оценка современной ситуации с точки зрения будущего. В данном типе мышления отражаются новые идеи о позитивных тенденциях развития и о событиях, стремление усовершенствовать мир и условия человеческого существования. В качестве примеров подобного типа мышления можно привести книгу Ф. Бэкона «Новая Атлантида», написанную в XV в., а также знаменитую «Утопию» Т. Мора. Из современных работ – книга «Управление в информационном об-

ществе» Й. Масуды и «Третья волна» Э. Тоффлера, книга Б. Гейтса «Дорога в будущее».

– **Деспотическое мышление.** Его можно охарактеризовать как противоположное утопическому. Оно исходит из существующих недостатков, препятствий и неправильного поведения людей. Раскрывая механизмы и причины, оно полагает, что и в будущем они сохранятся и даже более того – усилятся. Выводы носят крайне пессимистический характер и основаны на проекции в будущее негативных тенденций прошлого. К мышлению подобного рода П. Маляска относит книги Олдоса Хаксли «Прекрасный новый мир» и «1984» Джорджа Оруэлла, а также доклады Римскому клубу «Пределы роста» (Дж. Форрестер, 1972) и его обновленную версию «За пределами» (1992).

– **Мышление по аналогии.** Это мощный инструмент понимания будущего, использующий знания одной сферы духовной и материальной жизни человека, а также природных процессов параллельно с другой, или сравнения двух исторических периодов, экономических эпох во времени или их ранней стадии развития с более поздней. В качестве примера такого мышления приводится книга Г. Кана и А. Винера «Год 2000». П. Маляска подчеркивает, что многие представления о постиндустриальном обществе, в котором промышленное производство потеряет свою доминирующую роль, как ранее – сельское хозяйство, основаны на мышлении по аналогии.

– **Системное мышление.** Это хорошо разработанная область научной методологии. Системное мышление получило распространение в науке. Оно оказалось также полезным для исследований будущего, хотя применяемые математические методы анализа подвергаются критике. В частности, примером такого типа мышления является второй доклад Римскому клубу «Человечество у поворотного пункта: стратегия выживания» (Э. Пестель, М. Месарович, 1974).

– **Сценарное мышление.** Это способ введения идеи альтернативного будущего в практику исследований. Его цель – разработка и описание возможного варианта развития, выбор целей и формулирование стратегий. В качестве примеров сценарного мышления П. Маляска приводит проекты группы регионального планирования «DATAR» во Франции и специальный проект, предложенный президенту США Дж. Картеру под названием «Глобальный доклад президенту: 2000 год».

– **Эволюционное мышление.** Такой тип мышления исходит из того, что мир в целом и любой изучаемый его объект в ча-

стности существуют в каждый данный момент времени, а в сложных системах, таких как экономика, хаос означает не внутренний беспорядок, а особый вид порядка. В соответствии с таким типом мышления необходимо осуществлять постепенные, поэтапные улучшения в системах¹⁵.

Кроме указанных типов экономического мышления можно выделить и другие: революционное мышление, догматическое мышление, метафизическое мышление и т.п.¹⁶. Но важно подчеркнуть, что в классификации П. Маляски все типы мышления оторваны от прошлого. Они, во-первых, в лучшем случае связаны с настоящим и учитывают фактор настоящего в постановке задач будущего; во-вторых, они ориентированы исключительно на осмысление будущего, а не на изучение прошлого опыта хозяйственного и социального развития общества, что само по себе является односторонним подходом в анализе проблематики экономического сознания. В-третьих, и это, пожалуй, самое главное, даже пионеры современного эволюционного мышления, такие как И. Пригожин, В. Мандельборг, П. Аллен, Е. Ласло (автор книг «Эволюция: великий синтез», 1987 и «Век бифуркации», 1991) рассматривают экономические процессы не как экстраполяцию прошлого в будущее, не на принципах преемственности, а на основе умозаключений и субъективных представлений современников, исходя из воображаемых координат: умозрительных ценностей, потребностей, интересов, установок, приоритетов и т.п. Это в свою очередь делает прогнозы социально-экономического развития весьма шаткими, проблематичными, маловероятностными, а часто просто искусственными, придуманными! Все это повышает риск в осуществлении экономической политики на уровне макроэкономики и в хозяйственном поведении каждого отдельно взятого человека на уровне микроэкономики. И хотя давний спор детерминистов и интердетерминистов до сих пор не решен, но вряд ли кто-то из философов и экономистов всерьез сомневается в возможностях нашего хозяйственного, экономического сознания минимизировать риски социально-экономических реформ в обществе и усилить элементарный инстинкт самосохранения и выживания. Еще П. А. Сорокин, занимавшийся этой проблемой, построил таблицы и графики доминирования в разных исторических

¹⁵ См.: *Маляска П.* Сфера исследований будущего // На пути к постиндустриальной цивилизации. Материалы II Междунар. Кондратьевской конференции. М., 1996. С.99–100.

¹⁶ См.: *Стожко К. П.* История экономики. Екатеринбург. С.10–14.

и хозяйственных цивилизациях тех или иных факторов: предпочтений, установок, идеологем. Эти таблицы и графики П. А. Сорокина охватывали почти две с половиной тысячи лет¹⁷.

С. Н. Булгаков, в свою очередь, наоборот, всерьез отрицал саму возможность предсказания и минимизации подобных рисков. Он, в частности, писал в «Философии хозяйства» о том, что идея исторического предсказания является сама по себе плодом глубокого недоразумения, смешения различных понятий¹⁸. Подобные суждения религиозного философа были в духе своего времени. В этой связи вспоминаются слова главного героя из знаменитого романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо»: «Пока не наступит день, когда господь отдернет пред человеком завесу будущего, вся человеческая мудрость будет заключена в двух словах: ждать и надеяться».

Если человеку остается только ждать и надеяться, то спрашивается: зачем ему экономическое сознание? Разве планирование противоречит вере? И как спор между сторонниками планирования и его противниками способствует развитию экономического сознания? Свои идеи в критике марксистской теории планирования формулировали Ф. Хайек, М. Фридмен, К. Ясперс, К. Поппер и многие другие экономисты и философы Запада. Но ведь на Западе в 40–50-е гг. XX в. идея планирования не только была популярной, но и являлась фундаментом экономической политики в ряде стран, достигших благодаря планированию существенных успехов в хозяйстве. Генетически идея планирования вовсе не есть прерогатива марксизма или западного либерализма. Ведь и В. Ойкен выступал с идеей «экономических порядков», призывая «регулировать» правила игры (конкуренции). Другое дело, что в самой идее планирования, как выражающей признание традиции в хозяйственном развитии (иначе идея экономического прогресса просто «повисает в воздухе», потому что нечего развивать из прошлого в настоящем и будущем!), могут быть разные подходы и интерпретации. Наиболее известен в нашей стране спор представителей «генетического» и «телеологического» подходов к планированию. Сторонники «генетического» подхода в планировании (Н. Кондратьев, В. Базаров, В. Громан и др.) противопоставляли диктатуре плана, его директивному характеру рыночный подход, рыночный механизм хозяйствования. Предлагая опираться в планах и прогнозах не на постановления партии и

¹⁷ См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

¹⁸ См.: Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990.

правительства, а на реальные тенденции экономического развития, на тщательное изучение во многом стихийных экономических процессов переходного периода, они призывали выявлять экономические законы, изучать механизм их действия, учитывать рыночную конъюнктуру.

Сторонники «телеологического» подхода в планировании (Г. Кржижановский, С. Струмилин, В. Мотылев, Н. Ковалевский, В. Милютин и др.) наоборот, ратовали за примат плана перед рынком, за примат целевых установок в плане, за директивные методы управления. Тем самым рисовалась модель административной системы хозяйствования, в которой экономические законы оказывались подмененными псевдозаконами: «законом индустриализации», «законом коллективизации», «законом усиления классовой борьбы» по мере строительства социализма и проч.

К сожалению, борьба идей в нашей стране переросла в 20–30-е гг. XX в. в борьбу людей, многие из представителей «генетического» направления были репрессированы и расстреляны (в том числе и Н. Д. Кондратьев). Так решались научные вопросы в условиях диктатуры пролетариата. Спрашивается, при чем тут Бог или Провидение, если в силу античеловеческих, антигуманных способов решения научных вопросов возобладало директивное планирование, заведшее нашу экономику в эпоху застоя и тотального дефицита?

В европейских же странах вместо директивного планирования использовалась более близкая (хотя и не тождественная) «генетическому» подходу практика индикативного планирования. Очевидно, что экономическое сознание, породившее две принципиально различные системы планирования (директивное и индикативное) исходило из разного отношения к традиции: в советской идеологии звучал призыв «отречься от старого мира», то есть забыть все, что было достигнуто прежней «буржуазной», «продажной» наукой; в европейских странах процесс эволюционного развития науки основывался на преемственности по отношению к прошлому, на бережном отношении к достижениям предшественников. Поэтому итоги индикативного планирования и в Европе, а сегодня и в Японии, а отчасти и в США, не вызывают никаких сомнений: сложная экономическая система должна развиваться не стихийно, спонтанно, а в рамках определенных программ, планов, прогнозов.

В том, что ни один пятилетний план развития народного хозяйства в СССР выполнен не был, не вина идеи плановости как таковой, а вина «экономической политики» и ее представителей.

Строго по В. И. Ленину, «экономика всегда была и есть заложница политики». Беда только в том, что при этом советская политика отнюдь не являлась «концентрированным выражением экономики».

В чем принципиальные отличия индикативного и директивного подходов к планированию социально-экономического развития? В целом они могут быть сведены к трем основным параметрам: директивное планирование носит тотальный, всеобщий и постоянный (во времени) характер, тогда как индикативное планирование касается лишь отдельных отраслей национальной экономики, отдельных предприятий (служащих индикаторами развития); индикативное планирование осуществляется лишь в ситуациях угрозы кризиса или спада, а не в ситуации стабильного экономического развития; директивное планирование носит обязательный характер для всех субъектов хозяйства, а индикативное планирование носит исключительно рекомендательный характер, и основано на стимулах (контрстимулах – экономических санкциях); кроме того, индикативное планирование исходит из особенностей национальной экономики и «генетически» учитывает фактор традиции, тогда как директивное планирование есть самый элементарный волюнтаризм по отношению к хозяйству, основанный на установках надстроечных политических структур. Именно этим объясняется и пролонгирование современного экономического кризиса в нашей стране, который формально начался с фазы резкого спада в 1991–1992 гг., но сползание в пропасть депрессии было предопределено уже политическими событиями и экономическими экспериментами (госприемка, антиалкогольная компания, аграрная программа, программа «Жилье–2000» и т.п.) уже в начале 80-х гг. XX в. Конца этому кризису не видно.

Важным фактором, усугубляющим положение в экономике, является то, что в процессе экономических «реформ» конца XX в. «с водой из ванны выплеснули и ребенка». То есть, отказались от макроэкономического планирования как осознанной, осмысленной и научно выверенной, а не ориентированной на интересы кланов и плутократии политики.

Упразднение Госплана, других профильных госкомитетов, укрупнение министерств, вызвавшее дублирование функций и неразбериху в компетенции, постоянная чехарда с руководящими кадрами в правительстве, – все это лишний раз доказывает, что сфера бессознательного, неосмысленного, интуитивного, часто импульсивного и популистского воздействия на экономику вызывает лишь ее обвал. Необходимо немедленно восстанавливать

функцию макроэкономического управления национальной экономики и делать это надо начиная с изучения фактора традиции в российском хозяйстве и организации имманентных нашей экономике, а не чуждых ей структур.

Существенное значение в осмыслении традиции и ее экстраполяции на будущее имеет проблема границ, пределов планируемого. К. Ясперс в своей работе «Истоки истории и ее цель» критикует тотальное планирование как таковое, доказывая, что тотальное планирование в принципе невозможно. Но далее К. Ясперс делает совершенно неожиданный вывод о том, что границы, пределы, а следовательно, и возможности планирования определить нельзя, а следовательно, планирование в экономической и социокультурной сферах недопустимо¹⁹. Такая манера «передергивания» аргументов характерна для позитивистов. В самом деле, если тонет корабль, то это не означает, что обязательно утонут и все его пассажиры. Ведь на каждом корабле есть спасательные средства, начиная от шлюпок и заканчивая надувными кругами. Кроме того, следует учитывать и технику безопасности, с которой обязательно знакомят каждого пассажира как морского, так и воздушного судна. А что такое техника безопасности, как не сконцентрированный опыт прошлого, обращенный на будущее? И разве при соблюдении правил безопасности мы не в состоянии спланировать последствия самых различных ситуаций и минимизировать риски?

Другой позитивист, К. Поппер, сформулировавший знаменитую идею «открытого общества» также сомневался в возможностях планирования и прогнозирования. Он полагал, что нельзя предсказать даже рост знания научными методами, не говоря уже о развитии конкретных хозяйственных процессов, многие из которых весьма инертны. Действительно, развитие научных знаний, а также результаты экономического действия сказываются порой не сразу, а спустя некоторый период времени (так называемый временной лаг). Но разве не ясно, как отразится на экономике страны рост эмиссии денежной массы или сокращение поголовья скота? Ведь это – в общем-то элементарные зависимости, для выявления которых не нужно быть крупным математиком. Другое дело, что политики об этом не думают, не хотят или забывают думать: «После нас хоть потоп!» Но если об этом думать, то экономическое сознание, основанное на традиции, способствует тому, что экономическое поведение становится более грамотным.

¹⁹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с англ. М., 1991.

Так, при Н. С. Хрущеве началась кампания по освоению целины. Но ведь политики просто не думали о том, к чему приведет расширение зоны рискованного земледелия на севере Казахстана и сокращения там же зоны гарантированного животноводства. Надеялись избытком зерна покрыть дефицит мяса. Но вместо технологии боронения верхнего слоя почвы была использована практика плужного вспахивания. Плодородный гумус, вынесенный плугом на поверхность степей, вскоре оказался сдут суховеями. Началась эрозия почв. Вместо гарантированного земледелия страна по недомыслию политиков получила зону рискованного земледелия. Покрыть избытками зерна дефицит мяса не удалось. Очень скоро в Россию пошло зерно из США, Канады, даже далекой Аргентины. А причина столь губительной политики была одна – отказ от учета традиции в хозяйстве, игнорирование практического опыта прошлых поколений людей, искони занимавшихся на земле хозяйством.

§ 3. Идеология и экономическое сознание

Период с конца 80-х до конца 90-х гг. XX в. прошел под лозунгом деидеологизации экономической науки. Важной стороной такой деидеологизации стало «ниспровержение» марксизма и его столь же тотальная критика, сколь тотальной была его апологетика в предшествующий период. Основанием для такого «ниспровержения идеологизмов» стало разочарование в результатах социально-экономического развития нашего общества, несбывшиеся надежды на то, что «развитой социализм» рано или поздно органично перерастет в коммунизм, когда «свободным потоком польются...» и так далее. По этому поводу А. Антонов справедливо писал: «Самого К. Маркса стало модным выставлять не то самонадеянным вралем и фантазером, не то злодеем, вроде пушкинского Черномора»¹. Вроде бы посочувствовав основоположнику материалистической диалектики, автор и сам в своем эссе «Блеск и нищета марксизма», как говорится, «приложил» классика. Досталось марксизму и от Г. Лисичкина, Н. Шмелева, В. Нуйкина, Г. Попова, В. Селюнина, А. Ципко и др. Главным философским основанием научной критики марксизма со стороны отечественных философов, историков и экономистов стало то, что именно марксизм, по их мнению, стал причиной идеологиза-

¹ Антонов А. Блеск и нищета марксизма // Крест-І. Альманах. Пермь, 1992. С.189.

ции экономической науки, самого общественного сознания! Удивительная оценка, если не сказать больше. Тем более, что сам К. Маркс не устал повторять, что его учение – не догма. «Выдающийся» деидеологизатор общественного сознания и марксистского учения, бывший член Политбюро и секретарь ЦК КПСС А. Яковлев в своих публичных выступлениях обвинял марксизм даже «в излишних жертвах, которые понес советский народ во время Великой Отечественной войны», в репрессиях сталинского режима, и еще во многом.

А может ли экономическая наука быть в принципе не идеологической? Может ли экономическое сознание быть вне идеологии? Что такое идеология? Какова роль идеологии в общественном, в том числе и экономическом, сознании?

Обратимся к одному из западных исследователей феномена идеологии – Г. Маркузе, автору известного сочинения «Одномерный человек». Эта книга имеет подзаголовок: «Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества». Оказывается, основатель франкфуртской школы философии, ученик М. Хайдеггера и Т. Адорно занимался-таки, как он сам утверждал, важным делом – исследованием идеологии. Почему? Ответ на это дает сам автор. Рассматривая рост благосостояния людей в условиях индустриализма, он пишет, что этот рост вовсе не уничтожает идеологию как таковую, что это «поглощение идеологии действительностью не означает «конца идеологии»². И далее: «Поскольку проекты и противостояния философии разворачиваются только в мышлении», постольку сама философия «представляет собой идеологию», «и в этом идеологическом характере – судьба философии», которую не дано преодолеть никому и ничему³.

Итак, зафиксируем два основных исходных положения: во-первых, идеология не исчезает с изменением богатства или бедности, подъемом или спадом в экономике; во-вторых, идеология есть «судьба философии», то есть нечто такое, что постоянно присуще философии.

В «Философском словаре» понятие «идеология» определяется как «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закреп-

² Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества: Пер. с англ. М., 1994. С.15.

³ Там же. С.262.

ление или изменение (развитие) данных общественных отношений»⁴.

Итак, идеология прежде всего выступает как система идей и взглядов. Если же идеи, концепции, теории, отражаемые или закрепляемые в экономическом сознании, не находятся в системе, то есть в упорядоченном виде, а пребывают в состоянии хаоса, бардака, беспорядка, то какова ценность такого экономического сознания? Естественно, что системность мышления и системность сознания обеспечиваются именно идеологией, то есть определенной субординацией иерархией, структурой, в рамках которых выделяются приоритеты, порядки и логика. Если системности, то есть идеологии нет, то и порядок, логика мышления нарушаются. Например, появляются «дикие» вопросы о том, что если, с точки зрения К. Маркса, «труд создал человека», то «кто создал труд»? Выстраивая подобные вопросы, А. Антонов пишет: «Следовательно, прежде чем что бы то ни было производить по-человечески, обезьяны должны были сначала произвести само сознание. Логика развития исходных мыслей обязывала К. Маркса поставить в начале человеческой истории производство идей, идеального, сознания. Однако представить обезьян, производящих идеи, К. Маркс не смог – в его глазах это было бы равносильно возведению обезьян в профессиональное звание»⁵. Остроумная, но совершенно несостоятельная критика. Видимо сам А. Антонов просто запечатлел, что сознание возникает, развивается одновременно с развитием самого человека, его хозяйственной, в том числе и трудовой деятельности. Поэтому забывчивость критика и порождает подобные претензии. Тем более, что сам же А. Антонов цитирует слова К. Маркса о том, что «людей можно отличать от животных по сознанию», но «сами люди себя отличают от животных, как только начинают производить»⁶. Иначе говоря, человек становится человеком не тогда, когда это признает А. Антонов или любой другой критик, а когда они сами это осознают, а осознание означает не что иное, как начало производства, восприятие производства как особой формы человеческой деятельности. Итак, сперва производство, в том числе и труд, а значит, и появление человека, а только потом осознание

⁴ Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев и др. М., 1983. С. 199.

⁵ Антонов А. Указ. соч. С.194–195.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.19.

производства и труда, появление сознания и сознательного человека. И никак не наоборот. Вот и вся идеология.

Приведенный пример иллюстрирует, что как только мы отказываемся от идеологии в экономическом мышлении, в экономическом сознании то немедленно нарушается логика самого мышления и сознания. Поэтому порядок идей должен следовать за порядком вещей, а никак не наоборот, никак не порядок вещей – за порядком идей. Производство как функция человека первично, а сознание, очевидно, вторично. И предпосылать сознание производству исторически неверно. Тем более что логика, как проявление идеологии в сознании, есть самый элементарный историзм.

Вместе с тем, понимание идеологии как определенной системности в экономическом сознании, как самой логики экономического сознания, в процессе которой выстраивается система ценностей и приоритетов, понятий и идей, часто подменяется совершенно иным пониманием идеологии. Порой идеологию рассматривают исключительно как классовое самосознание, то есть систему идей и взглядов определенного класса. Это, в общем то традиционное толкование идеологии в советской литературе, сегодня вызывает серьезные возражения. Ведь с точки зрения социологии можно выделить и профессиональное сознание, и самосознание, а значит, и профессиональную идеологию. А с позиции экологии – экологическое сознание, а следовательно, и экологическую идеологию. Ведь принцип классообразования в идеологии может толковаться по-разному, с точки зрения любой социальной группы. Сама по себе идея членения общества на классы отнюдь не принадлежит В. И. Ленину, а определения классов существуют самые разнообразные. Эту идею сформулировал еще Плутарх, который в своих «Жизнеописаниях» описывает случай, когда некий царь разделил все городское население на классы по роду занятий⁷. Ленинское определение классов также общеизвестно. Но вот как быть с современной бюрократией, является ли она классом? А номенклатура? А олигархия? А плутократия? Разве это не новые образчики общественных классов со своей «классовой» идеологией? Так сколько же классов может быть в обществе, сколько идеологий существует? И вообще, правомерно ли называть классовое самосознание, корпоративное мышление или номенклатурную психологию идеологией как таковой?

⁷ См.: *Плутарх. Избранные жизнеописания*: В 2-х т. М., 1990. Т.1. С.145.

Совокупная и индивидуальная роль каждой социальной группы общества в процессе общественного производства, размеры получаемого богатства, способы извлечения доходов, – разве это единственные раз и навсегда данные, окостеневшие признаки классовообразования? Представляется, что процесс классовообразования имеет в любом обществе перманентный характер, и связан он не только с теми признаками, которые указывал В. И. Ленин, или которые учитывал древнегреческий царь, разбивая город на общественные классы.

Если идеология есть узко классовое самосознание, то в таком своем качестве она перестает быть подлинно общественной категорией, характеристикой общественного сознания, и превращается в характеристику группового, кланового, корпоративного сознания.

Идеология в ее внеклассовом понимании есть система базовых ценностей, исходных положений, одинаково приемлемых для всех социальных страт общества, для всего общества в целом безотносительно к его внутренней социальной структуре. Такое толкование идеологии позволяет ориентировать общество не на классовую вражду, не на борьбу с инакомыслием, а на социальное партнерство, на укрепление социального мира и развитие хозяйства. Когда же «грохочут пушки» классовой борьбы, «молчат музы» экономического процветания.

Мы отвергаем прежнюю советскую интерпретацию идеологии как классового самосознания. Но при этом мы не отрицаем того очевидного факта, что формирование общественной, в том числе и экономической идеологии, происходит в поле взаимодействия разных классовых, социальных интересов, в сфере их столкновения. Однако противоречие таких интересов может решаться и разрешается, как и любое противоречие, двояко: либо подавлением, уничтожением одной стороны, либо координацией и сочетанием своих интересов с интересами другой стороны. «Снятие» противоречий классовым террором и социальной революцией показывает, что такое понимание идеологии и такая механика разрешения социальных противоречий непродуктивны. В обществах, где находились механизмы и схемы взаимной координации, сочетания, партнерства, вопросы социально-экономического развития решались гораздо успешнее, бескровно и эффективно.

До возобладания классовой идеологии в нашей стране существовала совершенно иная, более гуманная и конструктивная трактовка идеологии как общественного сознания и самосозна-

ния. Фундаментальной основой такой трактовки служила идея социального мира, сотрудничества и гармонизации человеческих отношений. Для иллюстрации этого вывода обратимся к опыту развития гуманитарной отечественной мысли в пореформенный и предреволюционный периоды.

Л. А. Тихомиров, известный российский революционер, а позднее – монархист, писал, что государство необходимо для коллективного существования людей. Само по себе государство есть «союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей его верховной властью»⁸. С точки зрения Л. А. Тихомирова, именно «общечеловеческий принцип справедливости» как общий для всего конкретного общества, народа, нации и конституирует государственную власть как таковую. Союз, основанный на принципе всеобщей справедливости, предполагает объективное благо. «Общественный союз, имеющий в виду эту цель (общественное благо – К.С.) и основанный на трудовой деятельности есть экономическое общество», – указывал и В. С. Соловьев. С его точки зрения, «общество есть дополненная, или расширенная личность, а личность – сжатое или сосредоточенное общество»⁹. Формулируя свои идеи о всеединстве, об особом пути социально-экономического и культурно-исторического развития России, разные российские философы, в общем и целом, разделяли идею социального партнерства, гармонии, выступали против классовой вражды и «разъединения» общества. В работах Н. А. Лосского, С. Л. Франка, И. А. Ильина, А. Ф. Лосева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, П. В. Вышеславцева и других содержатся призывы отказа от классовой конфронтации. А Н. А. Бердяев предпослал одному из главных своих произведений «Спасение и творчество» слова апостола Петра: «Служите друг другу, каждый тем даром, который получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией».

Лидер российского анархизма П. А. Кропоткин назвал одну из своих фундаментальных работ «Взаимная помощь как фактор эволюции», в которой доказывал, что не вражда, соперничество, конкуренция, а взаимодействие и взаимопомощь обеспечивают выживание человека, его развитие и процветание. Наконец, Л. И. Мечников также рассматривал солидарность как главную

⁸ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С.31.

⁹ Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Русская философия. Конец XIX – начало XX века. СПб., 1993. С.43.

движущую силу исторического прогресса, а свободу, процветание, благосостояние человека выводил в качестве функции общественной солидарности.

Единение, общность, солидарность, взаимопомощь, партнерство – понятия рядоположительные, почти синонимичные, имманентные друг другу и совершенно нетождественные, даже противоположные идее классовой борьбы, вражды, насилию. Развитие и углубление этих понятий постепенно приобрело в русской философии контуры личности, «русскости», очертания «русской идеи», в основе которой был положен принцип соборности, утверждавшийся в сочинениях С. Н. Трубецкого, С. Л. Франка, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова и др. Так, по мнению С. Н. Трубецкого, соборность означала совпадение религиозно-нравственного и социального начал. По мнению С. Л. Франка, соборность означала общность социального порядка. И в самом деле, русский человек «изнутри» социален, его идеи определяются и опосредуются этой внутренней социальностью. Если западный гражданин – сугубая индивидуальность, то русский человек – изначально общественный по своей природе. Он просто не может жить, страшится жить в одиночестве. В нашей жизни семья, коллектив, национальная принадлежность играли и продолжают играть неизмеримо большее значение, чем в жизни западного человека. Протестант или католик «купаются» в своем одиночестве, тогда как русское сердце от него страдает. Ощущение этого выносишь из поездок в европейские страны и общения с представителями европейских наций. Так, в современных европейских странах семья практически перестала играть сколько-нибудь заметную роль в развитии личности. Молодые люди обычно (в лучшем случае) раз в неделю (по воскресным дням) встречаются за традиционным «воскресным обедом» с родителями и не более. Родители также не опекают своих детей, в большинстве случаев «выпуская» их в «свободное плавание» по жизни уже в детстве посредством сдачи в интернаты или школы продленного дня и т.п. В старости родители, достигшие благополучия и финансовой независимости, не только не поддерживают своих детей, но и в буквальном смысле отчуждаются от них, беспокоясь по поводу возможных покушений отпрысков на свое благосостояние. Не приходится говорить и о заботе со стороны детей в отношении своих родителей, о том самом пресловутом «стакане воды», который на старости должны дети поднести своим старикам. Какое уж там семейное тепло!

Русские люди совершенно иначе устроены и воспитаны. Идеология общности, семейственности, родительское чувство и преданность детей – не глупые побасенки досужих писателей, а реальные характеристики русской ментальности. Другое дело, что в современных условиях эта идеология общности, солидарности, всеединства выветривается, деформируется под натиском вестернизации, пропаганды западного образа жизни. Не приходится удивляться, что классовая идеология, идея классовой борьбы пришла в Россию именно с Запада. Марксизм был импортирован в нашу страну с Запада так же, как сегодня импортируются оттуда идеологемы и стереотипы «американского образа жизни» или идеи «борьбы с авторитетами», нигилизма и т.п. В поисках идеала западное общество само постепенно зашло в тупик, выход из которого до сих пор не найден¹⁰. Повторять эту ошибку в нашем случае нет никаких оснований, но в начале нового, третьего тысячелетия наше общество, к сожалению, ее все-таки повторяет. О самостоятельном, осмысленном пути развития России, о собственной подлинной идеологии нашего народа говорить пока не приходится. И все-таки определенные положительные тенденции спустя полтора–два десятилетия российских реформ отметить можно и нужно.

Сегодня в современных условиях, происходит переосмысление классового характера идеологии. Представляется, что мы долгие десятилетия просто сталкивались с путаницей в понятиях, отождествляя идейность, т.е. приверженность определенным, строго отграниченным в социальном плане идеям и установкам и идеологию, т.е. систему всеобщих (общесоциальных) ценностных ориентаций, ценностей и установок. Отказываясь от старого догматизированного представления о классовой идеологии вообще, необходимо корректировать и представления об экономической идеологии, тем более что идеология и идейность соотносятся как общее и частное. Иногда говорят: «идеология наживы», «идеология денег», «идеология прибыли» и т.п. Гораздо реже слышишь сегодня об идеологии труда, хотя философия труда в истории русской философской и экономической мысли отражена довольно глубоко и имеет давнюю традицию. Не вдаваясь в характеристику конкретных аспектов экономической философии (труда,

¹⁰ См.: Парсонс Г. Человек в современном мире: Пер. с англ. М., 1985; Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества: Пер. с англ. М., 1979; Розенталь Э. В поисках идеала. М., 1976; Яницкий Я. Тревоги молодежи Запада: Пер. с польск. М., 1976. и др.

собственности, богатства, распределения, предпринимательства и т.п.)¹¹ подчеркнем, что идеология в экономике есть выстраивание таких систем хозяйственных приоритетов и ценностей, которые присущи (одинаково необходимы) обществу в целом, могут действительно быть общественной идеологией, то есть выполнять объединяющую и созидающую функции в сфере хозяйственной деятельности людей. Все остальные «идеологизмы» и «идеологемы» остаются только отдельными «кирпичиками», из которых следует выстроить целостное здание «идеологии». При этом важно подчеркнуть, что метафизика хозяйственного духа, воплощающаяся в виде духовности самого экономического сознания, выступает собственно как идеология экономики. Неслучайно, С. Н. Булгаков и С. Н. Трубецкой рассматривали именно метафизику как «систематическую идеологию сущего»¹². Именно системность и метафизичность выступали для этих философов определяющими признаками идеологии.

Экономическая идеология возникает ранее всякого капитализма или социализма, она пронизывает все известные науке экономические системы: патриархальное, натуральное хозяйство; простое товарное хозяйство; рыночную экономику; индустриальную и постиндустриальную системы. В каждой из них складывается своя особая экономическая идеология, выступающая как функция экономического сознания. Но «истинным и притом трансцендентальным субъектом хозяйства, олицетворением *чистого хозяйства* или самой функции хозяйствования является не человек, а человечество»¹³. Это суждение справедливо в том плане, что хозяйство есть общественный феномен, все люди выступают его участниками, поэтому и функция общественного сознания, каковой выступает экономическая идеология, должна быть общей, общественной, общенациональной, общенародной. Неслучайно поэтому конечной целью в рамках коммунистической идеологии провозглашалось формирование бесклассового общества, а на этапе «зрелого социализма – формирование новой социальной общности – «советского народа» и т.п. Это было связано, как нам представляется, с одной стороны, с глубинными противоречиями между толкованием коммунизма как новой бесклассовой общественно-экономической системы (формации) и идео-

¹¹ См.: *Спиркин А. Г.* Философия. М., 2001. С.641–657; *Ветошкин А. П., Стожко К. П.* Философия экономики. Екатеринбург, 2001. С.135–292.

¹² См.: *Булгаков С. Н.* Указ. соч. С.31.

¹³ *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1990. С.94.

логией, как узко классовой, групповой, корпоративной функцией общественного сознания, а с другой стороны, противоречиями между догматизированным марксизмом и реальной хозяйственной практикой.

Иное дело, когда мы начинаем размышлять о метафизике экономической идеологии, метафизике хозяйственного духа. Здесь можно выделить онтолого-гносеологический, ценностно-этизированный и некоторые другие подходы к предмету исследования¹⁴. Но разночтения в определении самого содержания и конкретных его элементов отнюдь не отменяют правомерный тезис о необходимости общей (единой) интерпретации смысла, самой сущности экономической, хозяйственной идеологии как таковой.

Экономическая идеология представляет собой не просто идеологию, обращенную на экономическую проблематику, не просто «совокупность систематизированных духовных образований», нацеленных на хозяйственную сферу человеческой жизнедеятельности. Такое представление об экономической идеологии как результате теоретического отражения системы экономических отношений, традиционное для прежних лет в нашей философской литературе, сегодня явно не достаточно.

В самом деле, прежде чем отражать социально-экономические отношения, их необходимо построить, создать, организовать. Следовательно, идеология есть феномен не столько и не только отражения, но прежде всего создания, строительства, организации таких социально-экономических отношений в обществе. То, что эти отношения формируются «независимо от воли и сознания людей», не позволяли утверждать себе даже классики диалектического материализма, ограничивавшиеся только заявлениями об объективном характере экономических законов, по которым (на основании которых, и в соответствии с которыми) формируются эти отношения! Но формирование социально-экономических отношений есть общественная практика, то есть уже есть сознательная и, следовательно, идеологически совершенно определенная, определившаяся и целеполагательная деятельность человека. Отвергая прежние классовые рамки, в

¹⁴ См.: *Денисова Л. В.* Догматическое основание метафизических систем. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. филос. наук. Томск, 1999. С.6–7; *Князев В. М.* Метафизика духа в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. филос. наук. Екатеринбург, 2000. С.29–31.

которые отечественные ученые пытались буквально втиснуть экономическую идеологию, необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что классовая идейность и экономическая идеология – суть разные понятия и явления. Первое основано на корпускулятивном восприятии общества, на понимании социума как механической совокупности молекул-классов и социальных страт, второе – на диалектическом понимании социума как системы постоянно взаимодействующих молекул-классов и социальных страт, результатом чего, собственно говоря, и выступает синтетическая, системная, социализированная экономическая идеология. Классовое понимание экономической идеологии, даже если оно отталкивается от расширительного представления о классах (например, когда речь идет не о рабочем классе, а о трудящихся в целом) все же есть механистическое, примитивное восприятие идеологии как реальности человеческой жизни. Потому что в данном случае исследователь, зашоренный рамками классовой убежденности (самосознания) не имеет целостного сознания как такового и уподобляется ребенку, разобравшему сложную игрушку, в надежде узнать, как она устроена. И что же? Узнать-то он узнает, но как она работает, как движется – не понимает. И собрать заново он не в состоянии.

Идеология есть в экономическом смысле слова не просто «совокупность философских, экономических и политических, правовых, нравственных, художественных и других взглядов и идей какого-либо класса, «выражающая условия и образ их жизни, их коренные интересы»¹⁵. Экономическая идеология есть в отличие от экономической технологии, во-первых, *система*¹⁶ определенных взглядов, во-вторых, система сугубо социально-экономических взглядов (правил, принципов, норм, стандартов, установок), *которыми руководствуются люди* в процессе своей хозяйственной деятельности. Так, с точки зрения агрономии, выращивание кукурузы или арбузов что в капиталистическом, что в социалистическом, что в натуральном секторах экономики организационно и экономически единообразно. Точно также и организационно-экономические отношения в этих секторах не могут и не должны быть различными. Это прекрасно понимал В. И. Ленин, который в свое время предлагал учиться капитализму, использовать «капиталистических спецов». Разве не в этом была суть но-

¹⁵ Цит. по: Попов В. Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981.

¹⁶ См.: Философский словарь. М., 1980. С.123.

вой экономической политики? И разве задолго до В. И. Ленина в «Вехах» П. Б. Струве не предлагал также «пойти на выучку к капиталистам»?

Экономическая идеология как система взглядов на организацию производства, распределения, потребления есть, безусловно, общая для всех социальных категорий населения данности. Другое дело, что *отношение* (выделено нами – К.С.) к этой данности, восприятие этой определенной, качественно однородной идеологии со стороны представителей различных категорий населения может быть и часто действительно бывает принципиально противоположным. Культивирование этой противоположности под лозунгами классовой принадлежности, вражды и непримиримости есть фактор разрушения экономики как единого целого. «Весь мир насилия мы разрушим...» Отношение к насилию нравственно оправданно, но экономически порой просто бессмысленно. Прежде всего потому, что эксплуатация как квинтэссенция насилия в его экономическом смысле всегда была, есть и, вероятно, будет. Уничтожение эксплуатации – лозунг политической организации, но, одновременно, – романтика и не более. Экономика немыслима без насилия (экономического принуждения), без эксплуатации точно так же, как жизнь без смерти, закономерность без случайности, юность без старости, доход без расходов! Иное дело – форма и мера такой эксплуатации. Если задуматься над этой стороной экономической идеологии, над отношением различных социальных групп населения к феномену эксплуатации, то становится очевидным, что оно субъективно разное и субъективно оправдано. Так, волк, безусловно, является санитаром леса, но требовать от больного зайца или дряхлого лося понимания и признания этого очевидного обстоятельства было бы просто глупо. Своя шкура – дороже. Так и в обществе: отдельные личности могут возвыситься до уровня надклассового, общесоциального понимания сущности экономики, но основная масса населения – нет.

Классовая экономическая идеология есть лишь привычка винить в собственных неудачах других, в своих просчетах – постороннего. Это очень соблазнительная привычка, но она имеет такое же отношение к экономической идеологии, как прививка оспы к телеграфному столбу. Выражая экономические интересы различных классов в обществе, классовая идейность выступает только зародышем, начальным моментом, элементарным «клоном» будущей общественной экономической идеологии. То, что в процессе такого «классового клонирования» порой вырабатыва-

ется идеология тоталитарного характера, когда система установок отдельно взятой группы людей навязывается обществу в целом, когда вместо взаимодействия разных систем взглядов, различных ценностных, мировоззренческих подходов происходит их уничтожение в рамках определенной «культурной революции» – факт, столь же очевидный, сколь и печальный. Расцвету экономики он, как свидетельствует история, не способствует.

Отсюда следует, что фундаментальной, философской основой экономической идеологии выступают взаимодействие, сотрудничество, солидарность, соборность, то есть те характеристики общества, которые его объединяют, а не разъединяют. То, что разъединяет людей, должно быть отвергнуто, как квазиидеология. Когда у кого-нибудь возникает неполадка с краном, зовут водопроводчика, с насморком идут к врачу. В условиях экономического расстройства, кризиса также необходимо «идти друг к другу», двигаться навстречу, а не бежать и не прятаться по углам. После развала СССР прошел достаточный срок, чтобы убедиться в фатальности разъединения, в наивности идеологических установок «отсидеться по углам», переждать экономическое лихолетье. Как когда-то в державе Александра Македонского диадохи разделили страну, как в арабском халифате наместники расчленили на провинции единое геополитическое пространство, так и в прежнем СССР политические лидеры и поддерживавшие их элиты сознательно уничтожали единую страну, «распределили роли». Но это сепаратное разъединение еще никому не пошло на пользу. Пройдут десятилетия, прежде чем экономика оправится от беловежского шока, гайдаровской «шоковой терапии».

Открытое насилие политической элиты над экономикой страны в начале 90-х гг. XX в. породило столь долгосрочную губительную волну гиперспада и разрушения экономического потенциала, с которой «верхи» вряд ли справятся в обозримой перспективе. Рассуждения же о приросте или даже экономическом росте, которые имели место быть в конце XX в. есть лишь политизированное очковитительство и завышенная самооценка роли современного чиновничества.

Тесная взаимосвязь и взаимообусловленность экономических и политических взглядов проявляется в том, что порой политические взгляды доминируют над экономическими, а экономика в очередной раз становится жертвой, заложницей политики. То, что экономические и политические взгляды выражаются в различных понятиях и категориях, отнюдь не является основным их различием, как, например, утверждали в свое время советские

ученые. Вспоминается русская пословица: «Хоть горшком назови, только в печку не ставь». Принципиальное различие между экономической и политической идеологией состоит в том, что экономическая идеология отталкивается от сугубо хозяйственных, экономических проблем, тогда как политическая идеология обусловлена конъюнктурными, политическими, порой либо популистскими, либо узкокорыстными, номенклатурными интересами. Экономика в этом плане выступает как всеобщее основание, как всеобщая категория, а политика как частное основание, как категория частного. Гипертрофированная частность становится основной преградой на пути экономического прогресса. И все нарушается, как в известном случае с изголодавшимся путником, которому открылся стол, уставленный яствами. С чего начинает утолять голод путник? Как он будет утолять голод? Будет ли он соблюдать культуру потребления, пользоваться салфеткой, приборами, соблюдать очередность блюд? Глупые «правильные» вопросы, ибо они задаются не к месту, так как изголодавшийся человек набросится на пищу без соблюдения каких-либо правил. Так и политика порой «набрасывается» на экономику, превращая ее в мишень своих установак: попытки поворота великих сибирских рек вспять, гигантомания в советские годы, современные экономические «эксперименты» (ГКО, «МММ», «Тибет», «Селенга» и т.п.) свидетельствуют о том, что, во-первых, экономическая идеология как таковая может и должна быть единой для всего общества, и во-вторых, что классовая идеология есть лишь удобное средство для чиновников натравливать одних людей на других по принципу: «разделяй и властвуй». В.И. Ленин искренне верил, что люди будут оставаться «эдакими дурачками» до тех пор, пока они не осознают классовой природы идеологии. В действительности, люди будут оставаться в заблуждении до тех пор, пока они не осознают противоположности политической и экономической идеологии и необходимости строжайшего соблюдения и исполнения экономических требований в политической сфере. Экологическая ситуация, проблема продовольственной безопасности в стране, демография – эти и многие другие сферы человеческой жизнедеятельности настолько очевидным образом свидетельствуют о глубоком разрыве между требованиями экономики и современной политической идеологией «верхов», что только слепой или глупец могут и далее продолжать всерьез философствовать о классовом характере экономической идеологии. В условиях стихийных бедствий смерть или беда наступают человека безотносительно к социальному статусу, стажу работы, карьере или

имиджу. Чем глобальнее проблема и последствия, тем беззащитнее перед ними отдельно взятых человек – экономический субъект.

В контексте приведенных рассуждений может сложиться впечатление, что политическая идеология – абсолютное зло и объективно мешает экономическому развитию. В действительности, все зависит от правильного понимания роли политической идеологии в экономическом сознании. Если политическая идеология нацелена на объединение усилий в деле экономического творчества, если она не противопоставляет хозяйствующих субъектов друг другу под разными надуманными «основаниями», а наоборот ищет точки соприкосновения и взаимодействия для всех хозяйствующих субъектов без исключения, то она носит глубоко позитивный характер. Тем более, что политика есть «искусство возможного». В возможностях политической идеологии поощрение предпринимательства, налаживание системы социального партнерства, активизация социальной политики государства, борьба с незаконными доходами и их «отмыванием» и т.п. Но если политическая идеология начинает ориентировать часть людей, недовольных своим положением, своими доходами, своим местом в общественном воспроизводстве на новый передел собственности, на перераспределение доходов, на «революционную ломку» экономических отношений и внеэкономическое насилие, то это еще хуже, чем эксплуатация или деформации рынка. Потому что такая «идеология» есть лишь попытка «отрезать полы кафтана, чтобы пришить к нему рукава» и не более того. Собственно говоря, общеизвестно, что социализм как «положительное учение» зарождался не как идеология производства, а именно, как идеология перераспределения. В сочинениях социалистов-утопистов, а тем более в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина речь идет главным образом о перераспределении собственности, средств производства, доходов и т.п. Это уже стало вполне традиционным для социалистического мировоззрения. И во взглядах многих современных европейских политических и общественных деятелей социалистической ориентации сквозит все та же перераспределительная установка, нацеленность.

Я как-то поинтересовался у одного из молодых политиков в Барселоне, как он видит возможности сближения людей. На это представитель новой социалистической волны заявил, что следует повсеместно организовать постоянно действующие молодежные клубы, где люди отдыхали бы в условиях изобилия, комфорта и дружбы. Главное – исключить воинственную раздражитель-

ность, добавил мой собеседник – каталонский политик. Причиной этой раздражительности, по его мнению, является нужда. Путем полного удовлетворения потребностей устраняется нездоровый ажиотаж, враждебность, люди становятся миролюбивее. Идея заразная и она часто подкрепляется граффити и изображением серпа и молота на зданиях и заборах в Испании.

Но кто из философов или экономистов не мечтал об обществе изобилия? Проблема состоит, однако, не в распределении или перераспределении уже имеющегося достояния, а в создании, производстве этого самого изобилия! Проблема – в «природе и происхождении богатства народов», как точно подметил еще А. Смит. И вот эту-то истину великого английского экономиста и не следовало бы забывать сегодня тем, кто пытается всерьез рассуждать об экономической идеологии!

Глава IV. РУССКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

§ 1. Исторические корни русского экономического сознания

Истоки русского экономического сознания уходят в глубь веков. Еще в ранний период своей истории, когда восточные славяне не знали государственного устройства, формировались их социально-экономические воззрения, связанные с основными видами хозяйственной деятельности наших предков: земледелием, скотоводством, ремеслами, торговлей. В языческой, дохристианской Руси даже в тот далекий период, когда населявшие Русь славяне еще не имели письменности, уже формировались первые хозяйственные «учения». Они представляли в общественной жизни людей в виде различных традиций, обычаев, культур и процедур. Это было, безусловно, некое первичное «духовное начало» экономической деятельности русичей. Поэтому нельзя согласиться с выводом С. М. Соловьева о том, что в дохристианскую эпоху русской истории у наших предков «не было еще духовного начала, которое бы дало духовную связь, духовное единство» и что таким «духовным началом, принесшим единство на Русь», стало христианство¹.

Именно дохристианские религиозные, языческие представления и обусловленные ими хозяйственные традиции и обычаи были на первых порах развития русского народа тем духовным началом, которое объединяло людей. И объединение это осуществлялось прежде всего в хозяйственной, а несколько позже и в политической сферах. Поэтому экономическое сознание исторически предшествовало политическому сознанию русского народа.

Религиозные верования, наслаивавшиеся на хозяйственную практику, становились основой для последующего развития хозяйственных представлений древних славян. В религиозном языческом пантеоне древнеславянских богов (кумиров, идолов), в культурных традициях той поры вполне можно обнаружить совершенно определенную иерархию, системность в представлениях древних людей о всех важнейших силах природы, от которой целиком и полностью зависело как само хозяйство, так и благополучие наших предков. Традиционно самым важным идолом на Руси почитался Перун – бог молнии. Его славяне почитали как верховного Мировправителя, его именем давались клятвы и скреплялись уговоры (договоры). Затем по своей важности следовали

¹ Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С.174.

Хорос, Дажьбог, Стрибог, Мокош, Самаргл и другие идолы. Они олицетворяли силы и духи ветра, дождя, других природных стихий. Особо почитали славяне Ладо – бога мира и благополучия и Купалу – бога плодородия. Были и сугубо «хозяйственные» идолы и кумиры: Валес (Волос) – покровитель скота; Сварог – покровитель кузнечного дела; Переплут – покровитель урожая, посевов. Об этих и других кумирах, покровителях различных сфер хозяйственной жизни русского народа в дохристианскую эпоху его истории написано достаточно подробно².

Впоследствии, с принятием на Руси христианства (988 г.) язычество еще долго будет играть определенную роль в хозяйственной жизнедеятельности людей и оказывать свое влияние на их экономическое сознание. Это найдет свое отражение в сохранении в русских деревнях и селах традиций поклонения деревьям, культу огня и т.п. Поклонение отдельным деревьям, например, священным рощам, было свойственно восточным славянам вплоть до XV в. Наряду с сохранением культа деревьев долгие столетия после принятия на Руси христианства сохраняется культ огня. Определенное значение в обыденной жизни людей играла и практика табу. Так, Дж. Фрэзер, например, упоминал о том, что в России долго сохранялся обычай в день Святого Егора (Егория) – 23 апреля – украшать юношей листьями и цветами³. Он же отмечал и практику табу у восточных славян, в частности, у гуцулов, живших в Карпатах (Галице-Волынская Русь), когда «жена охотника не могла прясть, пока ее муж охотится; иначе дичь будет вертеться, как веретено, и охотник не сумеет ее поразить»⁴.

О сохранении пережитков язычества в христианскую эпоху на Руси свидетельствует и Э.Б. Тайлор. По его мнению, именно в языческую, дохристианскую эпоху у восточных христиан возникло учение о существовании души и ее жизни после смерти человека, а также обычай «снаряжать» в курганы и могильники умерших со скарбом (приношения). Считалось, что скарб понадобится им в загробной жизни. Такое хозяйское отношение не только к актуальной, но и будущей жизни способствовало появлению специфических славянских празднеств-поминок. Позднее поминки распространятся во многих странах Европы. У славян же традиция справлять поминки (заупокойные празднества) со столом для ни-

² См. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т.1; *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1988 и др.

³ См.: *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Пер. с англ. М., 1980. С.150.

⁴ Там же. С. 31.

щих, заставленным рыбными пирогами, мисками щей и кувшинами с квасом, а для друзей – со столом, убранном более изысканными угощениями, с воскурением ладана и пением «вечной памяти», обретала свои особые смылосодержательные интонации. Справляя эти «заупокойни» на девятый и двенадцатый дни, а также на сороковой день после кончины, славяне как бы троекратно свидетельствовали потусторонним силам об умершем и о том, насколько он достоин счастливой новой жизни «по своим делам».

Здесь уже совершенно очевидно, что, во-первых, представления о душе и ее загробной жизни складываются у наших предков в дохристианскую эпоху, и, во-вторых, что заупокойня как традиция несет в себе нравственное начало, свидетельство достоинства души умершего на загробную жизнь и заботу о ее продолжении (приношения). Речь не идет ни о рае, ни о блаженстве, ни о других конкретных состояниях души в будущей жизни, это придет позднее, уже с христианством. Но само по себе христианство также станет продолжением прежней языческой традиции, впитает в себя многие представления дохристианской эпохи. До сих пор дохристианские традиции все еще живут в народе. Так, до сих пор в церквях подается в блюдах кутья. Раньше она делалась из вареной пшеницы, позднее – из вареного риса и изюма, подслащенных медом. Православные славяне, в том числе и русские люди, дают этому пережитку первобытных приношений, как их совершенно определенно называет Э. Б. Тайлор, следующее символическое объяснение: мед – небесная сладость, увядшие изюмины должны наполниться и превратиться в прекрасные грозди, зерно символизирует воскресение⁵.

Об обычаях творить по умершему тризну у «русских славян» упоминает и Н.М. Карамзин⁶.

Итак, первый, начальный этап возникновения и развития экономического сознания русского человека был обусловлен его языческими представлениями и осуществлялся в лоне этих представлений. Нерасторжимая взаимосвязь экономического сознания, а в целом и сознания человека с его верованиями, языческими представлениями не вызывает никаких сомнений.

Однако с принятием христианства и оформлением русской государственности представления восточных славян, в том числе

⁵ См.: Тайлор Э.П. Первобытная культура: Пер. с англ. М., 1989. С.273.

⁶ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т.1. С.87–88.

и русичей о хозяйственной жизни, роли и сущности хозяйствования меняются. А с ними меняется и само экономическое, хозяйственное сознание. Рост крупного землевладения, появление и развитие отношений собственности, возникновение и распространение регулярной торговли, как внешней (гостьба), так и внутренней (порубежной, поместной), наконец, расширение сферы товарно-денежных отношений привело к необходимости первоначальной кодификации и унификации хозяйственной практики, возникновению и развитию грамоты и законодательства.

Одним из крупнейших древнерусских памятников социально-экономической мысли, проливающим свет на процессы развития русского экономического сознания в X–XII вв., является «Русская Правда», первые сведения о которой относятся к годам правления князя Ярослава Мудрого (1019–1054), а дальнейшая ее разработка относится уже к годам правления его сыновей. Отсюда и второе название «Русской Правды» – «Правда Ярославичей».

Ко времени возникновения этого первого в истории русского народа свода законов русское общество уже накопило значительный опыт хозяйствования, в том числе в сфере организации хозяйства: управлении, распределении, налогообложении, денежного обращения. Первый налог в русской хозяйственной практике – вира, появляется уже к десятому веку, а первые деньги и того ранее. Восточные славяне знали не только слитковые (гривна) или натуральные (куны), но и монетарные (златники) деньги задолго до образования древнерусского государства. Отсюда следует, что деньги объективно возникают с развитием хозяйственных процессов и предшествуют появлению государства как такового, а не являются следствием его возникновения, как иногда утверждают историки. Другое дело, что с возникновением государства начинается возникновение и самого процесса монополизации денег, то есть появляется тенденция к установлению государственной монополии на выпуск (эмиссию) денег.

Первые собственно русские монеты – златники появляются на Руси при великом Киевском князе Владимире Святом (980–1015) в конце X в., однако в VIII–IX вв. на Руси использовались иноземные монетарные деньги, особенно византийские. О том, что деньги далеко не всегда чеканились государственными органами, свидетельствует вся древняя практика. Например, в древнеримской империи существовали так называемые легионерные монетные дворы, когда любой крупный удачливый полководец мог начеканить для своих нужд необходимую сумму

динариев, было бы серебро! Монастыри, отдельные наместники и даже просто очень богатые люди также использовали слитковые и даже монетарные денежные инструменты для осуществления необходимых расчетов. Поэтому философия денег, то есть осмысление их сущности, роли и места в хозяйственной практике людей, возникает в нашем обществе раньше, чем государственность.

«Русская Правда» несет на себе этот отпечаток двойственности: с одной стороны, она отражает обычное право и прежнюю практику хозяйствования восточных славян, но в определенном смысле она – результат уже государственного законотворчества, выражение государственной практики. Сам по себе свод законов (правил) «Русской Правды» также не однороден и состоит из нескольких разделов: «Краткой Правды» и «Пространной Правды».

Центральное место в «Русской Правде» занимают экономические вопросы: имущественные взаимоотношения; ответственность за хозяйственные правонарушения; вопросы торговли, кредитования, налогообложения, распределения и т.п. Так, в «Краткой Правде» из 43 статей вопросам регулирования отношений собственности посвящено 20 статей. Из 121 статьи «Пространной Правды» 87 статей также регулируют различные стороны хозяйственной жизни общества. Все это свидетельствует прежде всего о том, что экономическое сознание русского общества, складывавшееся в предшествующий период, было достаточно полно отражено в данном своде русских законов. Из этого свода древнерусских законов мы узнаем о том, что на Руси уже в X–XI вв. складывается своеобразная финансовая и налоговая система. «Вира» – специальный налог, о котором упоминалось выше, вообще не имеет аналогов в международной финансово-налоговой практике того времени: он уплачивался за преступления против личности, например, за убийство княжеского управителя (80 гривен) или княжеского служителя (40 гривен) и т.д. Эта древнейшая на Руси форма налогообложения в качестве своеобразного финансового механизма компенсации заменила древний обычай кровной мести намного раньше, чем в иных европейских странах. На Корсике до сих пор сохраняется вендетта, в Сицилии – обычай кровных расчетов, да и на Кавказе подобные взаимоотношения, когда, выражаясь словами известной героини из кинофильма «Кавказская пленница», ошибки нужно «не прощать, а смывать кровью», не изжиты.

Отсюда можно сделать вывод, насколько цивилизованнее и гуманнее была хозяйственная и государственная практика в

древнерусском обществе в период становления российской государственности.

Об этом же свидетельствует и практика «продажи» – использования штрафов за преступления против собственности. В качестве фискального инструмента «продажа» использовалась в борьбе с воровством. Доход в казну от нее был довольно весом. Много места в «Русской Правде» уделено вопросам займа и процента, порядку взыскания долгов и т.д. Можно сделать вывод о том, что на Руси также как и во многих европейских странах в эпоху Средневековья довольно распространенным явлением было ростовничество.

Вместе с тем в основном налоги и сборы в Древней Руси носили натуральный характер: «настав на мед», «жито в присоп» и т.д. Даже деньги отчасти были натуральными. Их роль выполнял куний мех. «Исто», то есть деньги, отданные в рост, порой также возвращались с «натуральными» процентами, когда к возвращаемой сумме в деньгах присовокуплялся также натуральный продукт. Регулировала «Русская Правда» и размер процента («рез») по ссудам, устанавливая его на уровне 10 кун (куна = 1/25–1/50 части) с гривны (1 гривна = 409 гр. серебра) за год. В процентном выражении «ред» равнялся в Киевской Руси 20–25% годовых.

Весьма важной стороной «Русской Правды» является регулирование трудовых отношений и определение социального статуса различных категорий населения Древней Руси. В ст.110, например, перечисляются условия, при которых простые крестьяне – смерды – превращаются в рабов – холопов. Принцип защиты частной собственности проходит красной нитью через весь текст этого интересного исторического документа.

Можно сделать вывод о том, что благодаря «Русской Правде» отношения собственности получают свое правовое оформление и регламентацию, сменяющие обычай, традицию, или первобытное право («право сильного», «право первенства» и т.д.).

Среди аналогичных кодексов древнейших законодательных актов своей эпохи «Русская Правда» бесспорно была гораздо более обстоятельным и детализированным сводом норм и правил в области хозяйственной жизни. Если сравнивать ее с «Саллической Правдой» во Франции, «Бургундской Правдой» в Бургундии, «Вестготской Правдой» у германских племен и т.д., то можно отметить, что хозяйственная проблематика в ней проработана гораздо глубже, нежели в европейских аналогах.

Другим интереснейшим памятником развития экономической мысли в Древней Руси являются «Поучения» Владимира Мономаха (113–1125). Обращенные к княжеским сыновьям эти поучения содержат в себе и важные экономические рекомендации. Например, в них сказано и об ответственности в области управления хозяйством: «В хозяйстве сами прилежно смотрите за всем, не полагаясь на отроков или тиунов». Это поучение было направлено против нерадивых управителей и сохраняет свое значение до сих пор. Необходимо сказать и о таком сочинении той эпохи, как «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. В этом сочинении помимо общеполитических и идеологических вопросов содержится призыв использовать христианские заповеди в хозяйственной, трудовой, созидательной деятельности людей. Нельзя согласиться с прежними оценками, будто бы христианские принципы, сформулированные Илларионом, «превозносили самоуничтожение, смирение, подчинение, презрение к самому себе», как это утверждал в свое время автор фундаментальной трехтомной «Истории русской экономической мысли» А. И. Пашков. Сочинение Иллариона содержит апелляцию к светлым сторонам человеческого характера и призыв к честному исполнению каждым своего долга, в том числе и долга трудиться, жить честно, в гармонии со своей совестью. Более чем актуальные призывы для современных предпринимателей.

Не менее интересным с точки зрения анализа эволюции социально-экономической мысли является и такое сочинение, как «Изборник» князя Святослава (1076), в котором содержатся рассуждения о том, как нужно распределять свои обязанности, какой должна быть хозяйственная дисциплина, какую роль играет в жизни людей труд. Несмотря на общий характер нравоучений и, скорее философский, чем экономический смысл рассуждений, «Изборник» дает представления об отношении древнерусского общества к труду, долгу, о способах хозяйствования в Древней Руси.

Совершенно особенным источником, проливающим свет на развитие торговли той эпохи является знаменитое сочинение «Хождение за три моря» тверского купца Афанасия Никитина (1468–1475). Спецификой этого сочинения считается его неофициальный, приватный характер. Это – записки человека без какого-либо ясного адресата, скорее всего сделанные для себя. Из этого сочинения мы узнаем, что его автор отнюдь не был богатым или особенно удачливым купцом: единственным товаром, который он доставил в Индию, был конь, купленный им в дороге. Вме-

сте с тем сочинение проливает свет на характер торговли того времени, содержит массу интересных фактических данных. В частности, в «Хождении за три моря» содержится достоверное описание Индии, сделанное русским купцом за 25 лет до того, как она официально была «открыта» португальцем Васко да Гамой. Кроме того, в «Хождении» описываются приграничные с Русью земли, хозяйственная жизнь портовых городов на Черном, Каспийском и Аравийском морях, гостевая торговля, различные подворья, сделки, обычаи и т.д.

Особой группой письменных источников, содержащих важную информацию о состоянии экономического сознания в Древней Руси является *агиографическая* житийная литература. Жития святых были излюбленным чтением наших предков. За долгие века своего существования эта литература соединила в себе греческую риторику и русскую духовность. Одну из первых попыток обобщить русские жития предпринял известный историк В. О. Ключевский. Однако в советское время этот жанр не рассматривался в качестве источниковой базы по истории экономической мысли. И напрасно. Ведь канонизация святых церковью происходила не только за их военные или дипломатические подвиги, но и за хозяйственные деяния. Одним из первых житий из истории Киевской Руси было житие св. мучеников князей Бориса и Глеба. Русские князья не были мучениками за веру, а стали жертвами своего брата Святополка, стремившегося установить самодержавие (единодержавие) на Руси. Вместе с тем канонизация Бориса и Глеба ставит перед читателем не только проблему правомочности возведения в разряд святых жертв политических интриг, но и защитников старых социально-экономических традиций (удельное землевладение, вотчинное хозяйство).

В другом сочинении – житии св. Феодосия Печерского также присутствует элемент социально-экономического характера – проповедь умеренности в потреблении, аскетизма. Рекомендую русскому монашеству «худые ризы», этот святой сам «выходил с рабами на село и работал со всяким смирением». Мотив уважительного отношения к труду, хозяйствованию, присутствующий в деятельности Феодосия, принципиально отличается от философии раннего христианства и евангельских призывов: «Не сейте и не собирайте в житницы» и т.д.

Особое место в житийной литературе занимают жития Сергия Радонежского. Почитание святых становится более массовым в период монголо-татарского ига. Сергий в эту эпоху был, пожалуй, наиболее почитаемым на Руси. Вместе с тем, он, также как

Феодосий Печерский и другие святые, проповедовал умеренность, скромность, трудолюбие, «радение» о благосостоянии каждой отдельной семьи и русской земли в целом. Крестьяне, пришедшие поглядеть на Сергия, не узнали его в нищенской одежде. Богача, взявшего у крестьянина борова, святой наказывает тем, что боров «исходит червями». Языческое и христианское переплетается здесь с хозяйственной проблематикой: христианину святой насылает порчу на имущество. Много интересного можно узнать и о благотворительности, к которой призывал богатых и власть имущих Сергей Радонежский.

Специфическим жанром для изучения истории экономических учений являются *русские былины*. Описываемые в них конфликты народных богатырей с князьями свидетельствуют о серьезных социально-экономических противоречиях в русском обществе. Главный герой русских былин – Илья Муромец – крестьянский сын. Он воспевается не только как герой, но и как защитник «вдов и сирот».

Другой персонаж русской былины – Микула Селянович – земледелец, богатырь, в образе которого воспевается тяжелый труд русских крестьян. Былина о Микуле Селяновиче рассказывает о широте взглядов и простоте нравов жителей русской деревни, об общинном, коллективистском труде у русских людей.

В другой знаменитой былине о Садко также содержится социально-экономическая фабула: конфликт свободолюбивого и смелого простолюдина Садко с корыстолюбивым новгородским купечеством.

Былины – важный источник, проливающий свет на русскую хозяйственную духовность, экономическую философию, вопросы организации труда, понимания сущности богатства, собственности и т.д.

Все эти формы проявления экономического сознания русского народа свидетельствуют о том, что память о прошлом органично синтезируется в русском мышлении с опытом настоящего. Экономическое развитие Древней Руси уже в дохристианскую пору отличалось динамизмом и многокачественностью, что способствовало порождению многообразных форм и проявлений духовной культуры, в том числе и ее экономического компонента. Чтобы понять мировосприятие русского человека того времени, следует обратить внимание на особенности его сознания в период раннего Средневековья. Особенность сознания русских людей в данный период, как нам представляется, связана прежде всего со спецификой мифологического восприятия действительности.

Будет совершенно неправильным оценивать суть дохристианских и даже христианских представлений восточных славян исключительно с познавательной, гносеологической точки зрения. На самом деле все много сложнее.

Сознание русского человека в эпоху Киевской Руси, а затем и в период формирования Московского царства носило еще нерасчлененный, синкретический характер. В нем язычество органически переплеталось с христианством, светское с религиозным, прагматизм с духовностью. Миф и его типичная объективация – первобытный обряд сочетались с христианскими канонами и их православной интерпретацией. Это был сложный, во многом противоречивый, многоаспектный и полифункциональный процесс, в котором причудливо переплетались и органически сливались элементы магии, тотемизма, зачатки художественного творчества, нормы христианской этики, социальные нормы, выработанные практикой, внешние (иностранн)ые заимствования. Экономическое сознание Древней Руси так же не было застывшей формой, оно развивалось и из сферы язычества через христианство переходило в сферу народного творчества, каковым, собственно говоря, и является хозяйствование.

Подлинным духовным богатством Древней Руси было именно хозяйственное творчество, проявлявшееся не только в иконописи, зодчестве, но и в земледелии, кузнечном и оружейном деле и т.п. В изготавливаемых предметах русские люди отражали свое мировоззрение, свою душу, свое мироотношение. Человек труда в Древней Руси постоянно занимался определением смыслового статуса окружающих его вещей. В набор таких вещей обычно входили утварь, пища, постройки, одежда, украшения. Это в большей части своей были предметы из сфер сакрального и повседневного обихода, однако статус таких предметов мог меняться во времени, быть различным для разных ситуаций. Именно поэтому сами предметы, вещи изготавливались, «делались» так, чтобы не было стыдно и гостям их предложить и в храм пожертвовать. Отношение к труду как делу «для себя» в древнерусском обществе практически не отличалось от отношения к труду как делу «для других». Это в эпоху массового товарного производства происходит обезличивание процесса труда и его продукта – товара. В эпоху Средневековья на Руси продукт изготавливался в условиях натурального, а затем простого товарного производства и в массе своей сохранял индивидуальные, личностные характеристики своего создателя – ремесленника, работника. А это уже не просто труд, а искусство труда, творческое и ответ-

ственное отношение к процессу изготовления, производства продукта. Оно находит свои корни именно в экономическом сознании человека. Искусство труда, искусство как одухотворенное производство, как процесс творческого отношения к труду и производству играло важную роль в синкретическом мышлении древнерусского человека. С появлением церковной символики, казалось бы строго канонизированной и не располагающей к многообразию и творчеству, духовность труда не только не угасает в русском обществе, но и наоборот, находит новые формы и направления своего выражения!

Происходит удивительная метаморфоза византийско-греческого православного варианта христианства в русском обществе. Христианство в силу своего в целом пессимистического мировосприятия и мироотношения (идея всеобщей греховности, культ страдания, идеализация аскетизма и т.п.) оказалось изначально направлено против оптимистического, ориентированного на реальную жизнь, демократического по духу отношения славян к действительности. И благодаря русскому экономическому сознанию, русскому отношению к хозяйству христианство изначально претерпевает процесс существенной метаморфозы, существенного изменения: крайности византизма и европейского католицизма не приживаются на Руси, не знавшей инквизиции, еретических костров и религиозных войн, подобных гугенотской или альбигойской. Терпимость к инакомыслию, конечно, отнюдь не беспредельная, но вместе с тем гораздо большая, чем на Западе, содействовала тому, что в последующий период расширения Московского государства и вхождения в Российскую империю различных народов, исповадовавших другие религии, процесс сближения их в едином экономическом пространстве, едином хозяйственном взаимодействии был более органичным и латентным, чем в любой другой стране мира. Восток и Запад встречались не столько на полях битв и религиозных противостояний, сколько, и прежде всего, на ниве творчества и соработничества.

Период XV–XVI вв. – особый этап в развитии русского экономического сознания, этап, связанный с формированием российского народа, многонационального или полиэтнического по своему характеру. Русский народ составлял (как и сегодня) костяк этой новой социальной общности, основой для возникновения которой послужили отнюдь не политические устремления правящей элиты или успешные военные экспедиции, а хозяйственная деятельность, общие социально-экономические и природно-климатические условия для самой хозяйственной деятельности.

Такие факторы экзогенного характера, как культурные связи Руси с Византией или распространение христианства по русским землям, в этот период уже утрачивают свое значение и заменяются новыми силами, определяющими процессы развития экономического сознания: расширением территории российского государства, интеграцией различных народов и наций в единое экономическое и политическое пространство и т.д. В оценке характера масштабов и динамики воздействия этих факторов на процесс развития экономического сознания русского человека многие исследователи расходятся, однако отрицать сам факт наличия таких внешних детерминирующих сил было бы бессмысленно. Все яснее становятся типологические отличия русского и российского экономического сознания, но вместе с тем русский народ не просто воспринимает и копирует, а перерабатывает и творчески использует в своей хозяйственной практике ценные и полезные культурные элементы других наций и народностей, входивших в российское государство. Российская цивилизация формируется хотя и на базе этого творческого синтеза различных экономических традиций, обычаев, установок, правил и норм, но в сущности продолжает оставаться именно русской не только в количественном, но и в качественном смысле. Это блестяще иллюстрирует «Домострой» – памятник русской социально-экономической мысли XVI в.

«Домострой» написан в форме подробных наставлений (очень популярный литературный жанр той поры) главе дома о том, как он должен вести себя по отношению к членам своей семьи: к жене, детям, слугам, родственникам или гостям. В «Домострое» рисуется идеал благопристойного семейства, налаженного эффективного домашнего хозяйства, формулируются основные принципы и нормы экономической культуры. По разному оценивали социально-экономическое и общественно-политическое содержание «Домостроя» в нашей стране. Так, В. О. Ключевский прямо указывал, что «Домострой» дает своим героям немного минут для умственных занятий», что мелочная размеченность жизни по дням и часам была призвана «выбивать автоматическую совесть» в обществе, не так в общем-то далеко ушедшем от периода дикости⁷. Н. А. Добролюбов рассматривал «Домострой» как книгу о «скопидомстве», «самодурстве», открытое формулирование эгоизма⁸. Ему вторил В. Святловский:

⁷ См.: Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913. С.243.

⁸ См.: Добролюбов Н. А. Избранное. М., 1987. С.291.

«Жестокость и приниженность даже у домашнего очага, этот бесповоротный эгоизм, это животное самолюбие...»⁹.

С другой стороны, можно отметить и восторженное отношение к «Домострою». Например, Д. С. Лихачев называл «Домострой» великим и бесценным регулятором жизни»¹⁰. Где же истина? Представляется, что подходить с мерками сегодняшнего дня к оценке хозяйственной морали, нравственности, культуры, идеологии и практики прошлого совершенно бессмысленно. Как остроумно писал когда-то Э. Ильенков, «критика теории имеет смысл лишь в том случае, когда она сравнивается с тем самым предметом, который в ней изображается, а не с чем-то иным». И далее: «Легко опровергнуть, скажем, атомистику Демокрита с помощью данных, полученных на синхрофазотроне. Даст ли, однако, эта критика хоть что-то для понимания как теории Демокрита, так и строения атома?»¹¹.

И все же представление об единстве народа, основанное на общности языка и веры, выражено в «Домострое» отчетливо. Такие характеристики экономического сознания, как чувство долга, доброй нравственности, хозяйственной ответственности, рачительности и бережности, свойственные русскому человеку, нашли свое яркое проявление в этом сочинении. В «Домострое» не просто подробнейшим образом излагаются правила «домового строения», то есть ведения домашнего, натурального хозяйства, тем более хозяйства «зажиточного человека». Отнюдь. Большое внимание уделено и обучению грамоте, ремеслу, торговому делу. При этом в «Домострое» речь идет и о традициях, вере, языке, культуре русского человека. Понимая это, В. О. Ключевский не случайно подчеркивал, что «язык и вера надолго оставались той чертой, за которую нельзя было допустить никакого иноземного влияния, чтобы не стала на земле смута»¹². В этом сочинении действительно отражено экономическое сознание русского народа. А поскольку русское экономическое сознание той поры было многомерным, многоплановым, даже внутренне противоречивым, носило характер переходности, отражавшей всю переходную

⁹ См.: *Святловский В.В.* История экономических идей в России. Пг, 1923. Т.1. С.29.

¹⁰ См.: *Лихачев Д. С.* Литература «государственного устройства»: середина XVI в. // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С.13.

¹¹ См.: *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М., 1984. С.113, 243.

¹² *Ключевский В. О.* Очерки и речи. М., 1913. С.388.

эпоху от прежних обычаев «старины глубокой» к периоду укрепления абсолютизма, то необходимо учитывать это обстоятельство при оценке «Домостроя». Представляется устаревшей оценка А. И. Пашкова о том, что «совершенно несостоятельным является стремление некоторых историков толковать изложенные в «Домострое» экономические взгляды расширительно, как якобы яркое выражение вообще экономических воззрений русского народа в XV–XVI вв.»¹³.

Но тогда чем же является «Домострой»? Справедливо критикуя В. В. Святловского за его необъективную оценку русской экономической мысли, сам А. И. Пашков, оставаясь на классовых позициях, фактически рассматривал «Домострой» как пример «классовой идеологии верхов». Вряд ли это было правильно.

Гораздо важнее то, что сочинения, подобные «Домострою», были не пустыми сентенциями или схоластическими энтименами, а практическими руководствами хозяйствования, определенными инструкциями по поводу того, как наиболее грамотно и эффективно осуществлять свои экономические интересы на практике.

Важно также отметить, что подобные инструкции и руководства основывались на представлениях об истине, правде и представляли собой экономизированный вариант русского правдоискательства, то есть стремления к законной (узаконенной), регламентированной, организованной хозяйственной деятельности, направленной на благо всех и каждого и отталкивавшейся от норм морали, нравственности и совести. Неслучайно, первый свод русских законов назван «Правдой». И хотя под правдой современные исследователи понимают и пытаются выделить (увидеть) некие отдельные, «монадные» самостоятельные и даже самодостаточные «апейроны», такие, как правила, откровение, законы, это вряд ли справедливо. В синкретическом сознании русского человека правда была неким синтетическим представлением, сопряженным и с праведностью, и с достоверностью, и со справедливостью. Расчленять феномен правды в сознании, в том числе и экономическом сознании русского человека, было бы бессмысленной вивисекцией. И тем более странными выглядят утверждения о том, что «начиная с XVIII в. правда обретает религиозное значение»¹⁴. Экономическая, хозяйственная правда как

¹³ Пашков А. И. История русской экономической мысли. М., 1955. Т.1, ч.1. С.194.

¹⁴ См.: Ефимова С. В. Онтология правдоискательства. Автореф. дисс. канд. филос. наук. Омск, 2001. С.11.

достоверность, истинность и справедливость безусловно носила на себе отпечаток религиозности и задолго до XVIII в., еще до появления и распространения таких феноменов, как старчество, юродство, скитальчество, развившихся не столько в силу активизации самого процесса правдоискательства, сколько в силу существенного изменения социально-экономических условий жизнедеятельности русских людей: усиления гнета, укрепления крепостничества, роста бремени налогов и повинностей и т.д.

Вместе с тем, необходимо отметить, что устремленность к поиску истины, правды, была характерна для русского общества и ранее XVIII в., так же следует подчеркнуть единство, диалектическую взаимосвязь и нерасторжимость сакрального, светского и религиозного аспектов правдоискательства. Об этом свидетельствует известный спор Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, относящийся к началу XVI в. В сущности, этот спор был сугубо экономический, хозяйственный, хотя и облеченный в религиозную форму. Вспомним, что Иосиф Волоцкий около 1507 г. написал специальный трактат в защиту крупного монастырского землевладения. Ссылаясь на тексты священного писания, он настойчиво убеждал читателя в том, что монастырское землевладение должно быть неприкосновенным, а церковное богатство следует не «изничтожать», а возвеличивать, поскольку «оно есть суть богатство нищих, сирот и стариков». Из анализа этого сочинения видно, что Иосиф Волоцкий не дает действительных, сугубо экономических, аргументов в защиту церковного богатства и монастырского землевладения. А такие аргументы безусловно были¹⁵. Вместо этого он морализирует и философствует, что и придает определенную неубедительность его рассуждениям. Неслучайно поэтому сторонники Иосифа Волоцкого получили в истории прозвание «стяжателей». После смерти Иосифа новым лидером «стяжателей» становится опять-таки игумен Волоколамского монастыря Даниил, который позднее, с 1522 по 1539 гг. будет даже митрополитом всей Руси.

Оппоненты «стяжателей» – «нестяжатели» во главе с Нилом Сорским, Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком – критиковали стремление своих противников защитить монастырское крупное землевладение и накопление церковных богатств в руках духовенства. Нил Сорский еще в 1503 г. на соборе в Москве выступил с критикой монастырского землевладения. Это нашло

¹⁵ См.: Малахов А. Священная экономика // Деньги. 2000. № 47.

поддержку и у Ивана III, который распорядился продолжить работу собора и сочувственно отнестся к идеям Нила Сорского.

Нил Сорский кроме всего прочего выступал с критикой праздного образа жизни духовенства, требовал их посильного участия в физическом труде, а для монашества – аскетического образа жизни. Он также высказывался за ослабление гнета по отношению к крестьянам, сокращение барщины и оброка, но руководствовался при этом также, как и его оппоненты, главным образом мотивами нравственного совершенствования человека. Другой представитель «нестяжателей» Вассиан Патрикеев, выходец из княжеского опального рода, проникнувшись идеями нравственного самосовершенствования, также осудил сребролюбие, славолубие и утверждал, что ростовщичество, мздоимство, накопительство, стяжательство – смертные грехи. В древности, утверждал он, монахи жили в монастырях своим трудом, а не глядели в чужие руки, не утучняли себя христианской кровью, не занимались ростовщичеством¹⁶. Эта резкая критика вызвала гнев со стороны духовенства, а митрополит Даниил добился соборного суда над Вассианом (1531 г.) и его заточения в Волоколамском монастыре. Однако неожиданную поддержку нестяжательство нашло в лице прибывшего из Афонского монастыря в Москву ученого и переводчика книг Максима Грека, который также выступил с открытой критикой корыстолюбия и стяжательства русского духовенства. В целом борьба между двумя основными направлениями в религиозно-философской мысли русского общества в начале XVI в. велась по сугубо экономическим вопросам, но на поле нравственно-этических идей. Поэтому расчленять или разрывать и противопоставлять хилиастическую и официальную тенденции, их сакральный и секулярный аспекты в сфере идеологических противоборств (а именно таковым была борьба между стяжателями и нестяжателями) совершенно недопустимо.

Нужно еще раз подчеркнуть, что религия, теология были в основном только внешней формой, в которой выражались идеи той эпохи. Содержание же составляли нередко конкретные общественные проблемы. Идеология церкви была формой апологетики складывавшихся социально-экономических отношений, а ереси – формой нападок и критики официальной церковной идеологии. Подчеркнем, не самой православной веры, а именно идеологии, то есть выводившихся из православных догматов общих пра-

¹⁶ Цит. по: История русской экономической мысли / Под ред. А. И. Пашкова. М., 1955. Т.1, ч.1. С.120.

вил и норм поведения и жизнедеятельности, подобных идее монастырского землевладения или накопления богатств церковью. В Западной Европе также существовали подобные проблемы. Еще до Реформации Ян Гус в Чехии выступал с критикой церковных богатств, а Иероним Пражский в своих разъездах по европейским странам пропагандировал идеи «дешевой церкви» и монашеского аскетизма. Революционная идеология могла в те века вырасти исключительно из идей проповедников. Поэтому Ж. Кальвин, Цвингли, М. Лютер и некоторые другие проповедники явились предтечами Реформации в Европе. В России происходили во многом схожие процессы: борьба с церковным могуществом вовлекла в свою орбиту и власть. Спор между патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем закончился сокрушением никонианства и ужесточением контроля над церковью со стороны светской власти.

Эти, казалось бы, сугубо политические проблемы, тем не менее имели непосредственное отношение к формированию исторических условий и развитию экономического сознания в русском обществе.

Дело в том, что идеологическая борьба тех лет, облаченная в термины философии и религии, выходила далеко за рамки православной веры и непосредственно затрагивала самый широкий круг хозяйственных, экономических проблем жизни русского общества. Больше того, она же стимулировала и осуществление реформ в этой сфере. От идей отказа от крупного монастырского землевладения и накопительства до призывов устранить или сократить эксплуатацию, ввести элементы протекционизма, усилить роль государства в управлении хозяйственными процессами не столь уж далеко. И с этими идеями выступает в XVI в. Иван Пересветов, автор «Сказания о царе Константине», «Сказания о книгах», «Сказания о Магметесалтане», «Предсказания философов и докторов» и многих других интересных сочинений. И. Пересветов не просто выступает с идеей опоры царской власти на дворянство, а не на крупных феодалов, не только обличает вельмож за их самоуправство и сепаратизм, но пытается формулировать и экономические аргументы в пользу идеи укрепления централизма и государственного регулирования экономики. При этом доводы или цитаты из «Священного писания» уже не играли у И. Пересветова решающей роли. Указывая на негативную роль холопства, автор утверждает, что все результаты их труда присваивают бояре, а казна остается пустой. Порубежные границы и сепаратизм со стороны удельных князей, по мнению автора, мешают

развитию торговли. Интересны идеи И. Пересветова о регламентации торговли, налогообложения, отношений собственности, активизации внешнеэкономической политики. Эти рассуждения отражали формирование нового явления – дворянства на Руси. И будучи выражением классовой идейности, они включались в процесс развития общественного экономического сознания.

То же самое можно отметить и в отношении другого мыслителя XVI в. Ермолая Еразма, автора «Слова о рассуждении о любви и правде, побеждении вражды и лжи». В своих сочинениях Ермолай ставил вопрос о богатстве, рассматривая его как в экономической, так и в религиозной плоскости. Рассматривая крупное богатство как несправедливое, он высказывался за достаток, умеренное богатство – как более нравственное. Произведение Еразма «Благохотящим царем правительница и землемерие» представляет собой фактически первый специальный в истории России политико-экономический трактат. Термин «правительница» употреблен в нем в смысле «руководство», а речь в сочинении идет уже не о домашнем хозяйстве, как в «Домострое», а об экономической политике, о том, как надобно управлять хозяйством целой страны.

Особо необходимо отметить кружок митрополита Макария, ставший центром подготовки реформ при Иване IV Грозном. Именно из этого кружка вышло монументальное сочинение «Четьи-Минеи» – двенадцатитомное собрание сочинений житий русских святых, предназначенное для личного (индивидуального) чтения и сыгравшее колоссальную роль в воспитании многих поколений русских людей из самых разных сословий.

Духовная традиция как континуитетность, преемственность экономического сознания пронизывает многие столетия. Казалось бы, какое дело потомкам до мыслей и призывов тех, кто жил в XV–XVII вв.?

И тем не менее тесная связь прошлого, настоящего и будущего очевидна. Неслучайно в 1988 г. в год тысячелетия принятия христианства на Руси митрополит Макарий и Максим Грек были причислены к лику святых.

Итак, христианство, как и язычество, исторический спор между иосифлянами и нестяжателями, религиозное правдоискательство русских людей в целом послужили тем историческим материалом, из которого формировалось собственно экономическое сознание. Хозяйственное отношение к окружающему миру, формирование экономического мировосприятия и мироотношения стали возможными в силу простого обстоятельства: человек

не мог представить себя вне труда, вне хозяйства, вне экономики. Аскеты и монахи, отрешавшиеся от всего мирского, и те занимались, подобно отцу Сергию в известном произведении Л. Н. Толстого, не только молитвой, но и хозяйством. Идеи «не сеять и не собирать в житницы» всерьез не воспринимались ни монашеской братией, ни тем более русскими крестьянами и мастеровыми. Но постольку, поскольку народ был вынужден объективно заниматься хозяйством, он вырабатывал своим хозяйственным опытом определенную систему экономических идей, постулатов, правил, которыми надлежало руководствоваться каждому человеку в своей хозяйственной деятельности. И этот процесс осуществлялся в рамках религиозного мировоззрения.

Эти, казалось бы, отвлеченные рассуждения, однако находят свое подтверждение в обычных, общепринятых навыках, традициях, обычаях. Отметим, например, такой обычай: русский человек начинает вести счет (хозяйственный акт, действие) по пальцам, начиная их загибать с мизинца, как бы подчеркивая этим, что первое дело еще не дело, а только лишь начало большого дела. Тогда как второй или третий поступок уже обозначаются безымянным и средним пальцами и воспринимаются как нечто более серьезное, как состоявшееся дело, продолжающееся и осмысливающееся. Завершается общий ход дела загибом большого пальца, подтверждающего, что «конец – делу венец». Можно вспомнить, что Штирлиц в известном сериале по признаку загибания или разгибания пальцев выявлял «наших» и «ненаших», русских или немцев. Загибать пальцы – типично русский обычай. Интересно, что нынешний президент В. Путин отгибает пальцы... Ему подражают члены правительства. Как и в обычае носить часы на правой руке. Не о политике, подчеркнем, идет речь, а об обычае. В экономическом сознании простого труженика, работника только завершённое дело есть ценность, потому что «у работающего в руках дело огнем горит», а «бог труды любит». Разве эта философия труда, работы и связанные с этим обычаи и традиции не свидетельствуют о том, что русское экономическое сознание не только самобытно и колоритно, но и вполне практично, операционально? Исторические условия его формирования и развития способствовали тому, что экономическое сознание постепенно начинает выполнять не только гносеологическую, воспитательную и познавательную функцию, но и функцию социально организующую, управленческую, регулятивную.

Зрелость русского экономического сознания формируется неразрывно с социально-экономическими отношениями, склады-

вающимися в нашем обществе, и отражает все его стороны. Логика развития экономического сознания обусловлена логикой развития исторических условий, в которых актуализируется и осуществляется сама экономика. Здесь мы подходим к очень важной проблеме сформировавшегося (или несформировавшегося) экономического сознания. В самом деле, можно говорить о неразвитом или формирующемся экономическом сознании, отталкиваясь от каких-то определенных признаков его целостности и завершенности. В действительности, экономическое сознание находится в постоянном развитии, процессе эволюции, но при этом само сознание, как и его экономическая ипостась, есть система неких идей, ценностных ориентаций, правил и норм хозяйственного поведения. Возникает вопрос о том, когда же экономическое сознание есть целостное, а когда – незрелое явление? С нашей точки зрения, главным критерием целостности, системности, полноты экономического сознания выступает его социально-преобразующая функция. Когда человек становится способным преобразовывать хозяйственную деятельность, улучшать и совершенствовать ее, мы вправе говорить о полноте и целостности его экономического сознания.

Вместе с тем, зрелость экономического сознания обусловлена и теми конкретными свойствами, характеристиками личности, чертами ее характера, которые внедрены в человеческое сознание исторической средой, религиозностью как основной формой мировоззрения русских людей. Религиозность русского человека, отменявшаяся весь советский период под лозунгами массовой атеизации и культурной революции, имеет гораздо более длительную историю, чем «новое» атеистическое мышление. И хотя многим представляется, что религиозность – анахронизм и светское, секуляризованное мышление – единственно правильное, но даже такие люди не могут отрицать колоссального значения, которое оказывала в исторической ретроспективе-диахронии религиозность на формирование экономического сознания и отношения людей к хозяйству. В чем же проявляется это влияние? Из христианства в хозяйственную практику органически «перетекали» такие характеристики и свойства личности, как терпение, смирение, упорство, совестливость, добросердие, достоинство, умеренность, опрятность, рачительность, обучаемость и др. На основе этих характеристик развиваются и трансформируются различные хозяйственные обряды, традиции, культы. И в фольклоре эти характеристики отражаются в виде пословиц и поговорок, подтверждая самобытность и преемственность христианства

(православия) и экономического сознания русских людей: «Хоть лыком шит, да мылом мыт»; «Плохо жить без забот, худо без доброго слова»; «Праздность – мать пороков» и т.п. В современных условиях, когда в нашем обществе снова возрождаются свобода вероисповедания, свобода мысли и свобода слова, изучение и осмысление такой преемственности экономического сознания и исторических условий его формирования и развития является важным фактором адекватного, исторического, комплексного подхода к постановке проблемы экономического сознания.

§ 2. Самобытность русского экономического сознания

Русское экономическое сознание обладает свойством самобытности. Что есть самобытность в контексте онтологии? Бытийность сама по себе, как указывал М. Хайдеггер, еще «не есть», потому что она непостижима. Вряд ли с этим суждением следовало бы согласиться безусловно, первая его часть вполне может быть воспринята серьезным философом, поскольку «быть» не исчерпывается «являться». «Есть» выступает предикатом такого «являться», своеобразным «поставом» бытия, но не в негативном, отрицательном, иллюзорном смысле, а в сугубо сущем понимании такого «являться». Бытие и бытийность в этом смысле разводятся самим явлением как общая и специфическая онтология. В самом деле, бытие охватывает не только некое универсальное, но и вполне частное, специфическое, самобытное.

В определенном смысле, самобытность есть самостоятельность бытия, а сознание – автономия такого бытия. Дело в том, что сознание не существует вне человека, шире – живого мыслящего существа, но оно не существует исключительно или «замкнуто» и в самом человеке, его мозге. Оно вовсе не есть некий «мировой разум», присущий космосу, но зато совершенно явно, очевидно проявляется в своем «инобытии», в опредмеченных артефактах. И вот именно по этим артефактам мы только и можем выявить самобытность определенного сознания, в том числе и экономического, в том числе и национального.

Среди наиболее важных характеристик национального экономического сознания выделим его экологичность, геософичность, гуманистичность, операциональность, техничность, софийность, сизигийность, соборность, утопичность, многомерное соотношение сознания и подсознания, сознательного и внесознательного, мифологичность, чувственность, приоритетное отношение возвышенного, духовного к материальному, синтетичность,

органичность, синкретичность, структурно-содержательную гармоничность, универсальность, глубинность (укорененность), суверенность, специфически-определенную секуляризованность и (наоборот), религиозность, некоторую неконкретность, пассивность и высокую идейно-идеальную активность.

Калейдоскоп этих характеристик необходимо выложить в уникальную мозаику, дающую определенность и завершенность в понимании самобытности русского экономического сознания как особой данности. В самостоятельном значении каждой характеристики невозможно отыскать эту самобытность, хотя их внутрисмысловая наполненность и качественная определенность вполне обоснованно воспринимаются как некий признак национального экономического сознания. Вместе с тем, поскольку речь идет о национальном экономическом сознании, необходимо отделять национальную самобытность в целом, самобытность национального сознания в общем, экономического сознания – в частности.

Русское экономическое сознание, безусловно, связано с особенностью русского этноса, а следовательно, и с его определяющими, родовыми признаками: общностью экологической ниши, суверенностью, общностью хозяйствования и т.п. Однако, когда речь заходит об этих признаках, то они очевидным образом модифицируются в самом экономическом сознании. Так, экологичность сознания в контексте экономики может рассматриваться в отражаемом и отражательном аспектах, иначе говоря, в отношении сознания к природе, хозяйству, либо во влиянии природы и хозяйства на экономическое сознание. Русское экономическое сознание в этом аспекте не просто экологично, оно геософично и экософично, то есть его философичность обусловлена самой природой: землей, реками, лесами, равнинами и т.п. На это обстоятельство как ключевое для понимания русского характера, а мы добавим – и русского сознания, в свое время совершенно правомерно обращали внимание В. О. Ключевский, И. Т. Посошков, И. М. Карамзин, Н. К. Михайловский и многие другие русские философы, экономисты и историки. Геософический аспект идей С. М. Соловьева, Л. И. Мечникова, П. Н. Савицкого и многих русских исследователей позволяет судить о том, что широкие просторы русских равнин, полноводные реки и озера, богатейшая русская природа не просто наполняли русское экономическое, хозяйственное сознание ощущением самодостаточности, основательности, но и вызывали на подсознательном уровне чувства державности, гордости, восхищения «объектом» хозяйствования. В миниатюрных европейских странах, страдавших хроническим

дефицитом земли, ресурсов, природных богатств, такого в хозяйственном сознании бюргера или негоцианта не происходило. Именно специфика самого объекта хозяйствования – русской природы вызывала в русском человеке сознательное (осмысленное) отношение к самому себе не как временщику, потребителю благ, но как к хранителю того, что было ему даровано свыше – всему тому неисчерпаемому богатству, которым необходимо было умело распорядиться. При этом русское экономическое сознание вовсе не было неким пассивным рефлексированием субъекта, оно было активным, но активным в созидательно-преобразовательном, а не агрессивно-интервенционном смысле слова. Русским людям незачем было осуществлять захваты чужих территорий, поскольку своих земель было (и есть) более чем достаточно для прокормления русской популяции. Присоединения земель в российской истории были, как известно, обусловлены в первую очередь необходимостью обороны рубежей русской земли от агрессии чужих племен: половцев, хазаров, печенегов, скифов, сарматов, монголо-татар, немцев. Расширение территории Руси и ее превращение в Россию отнюдь не вызывалось самым экономическим сознанием русского человека. Тем более – его мифической агрессивностью. Наоборот, вхождение Украины, Закавказья, других районов в состав русского государства обуславливалось прежде всего политической и экономической необходимостью для самих «входивших» территорий и населявших их народов.

Геософичность и экософичность русского экономического сознания вызвали к жизни такие черты русского национального характера, как широта, щедрость, самоотверженность, нравственность. Россия мыслилась русскими людьми как планета, как целый мир, как огромный океан, как просторы «без конца и края», как континент. И в контексте этого мышления (отчасти, глобального, «евразийского») особое значение приобретали идеи «земли-матушки», «реки-кормилицы» (с «кисельными» берегами или без оных), «чувство леса», «чувство поля» и другие метафоризированные проявления сугубо национального и экономического в сознании. Это же можно заметить и в отношении того, что производилось, создавалось: «хлеб-батюшка», «рожь высокая», «репка велика», «рухлядь добрая» и т.п. Эта геософичность (термин П. Н. Савицкого) и экологичность экономического сознания русских людей, возможно, сама по себе и не была бы самобытно-специфической его характеристикой, если сравнивать его с хозяйственным мышлением или экономическим сознанием колони-

затора Северной Америки или представителей древних культур – Китая, Индии и др. Но отличие самой природы Руси, самого объекта хозяйственного осмысления и преобразования от американской прерии или китайских пустынь или тропиков безусловно накладывало, и до сих пор накладывает, своеобразный отпечаток на экономическое сознание русского человека, определяет специфическую наполненность его экологизма, что неразрывно связано с формированием особой духовности экономического сознания. «Хозяйственная, материальная жизнь не может быть противопологаема жизни духовной, не может быть от нее совершенно отвлечена и оторвана, – указывал Н. А. Бердяев. – Хозяйство есть акт человеческого духа. И от качества духа зависит характер хозяйства»¹. От качества природы, питавшей этот дух, русское хозяйство приобретало черты основательности, масштабности, самостоятельности и самодостаточности. Россия и сегодня может производить все, что ей потребно и жить в режиме автаркии, если этого потребовал бы объективный ход развития. Англия или Германия этого себе позволить в принципе не могут. Для иллюстрации тезиса достаточно вспомнить о том, какой огромный урон понесла Великобритания в годы континентальной блокады, объявленной Наполеоном. По свидетельствам очевидцев, на улицах городов не оставалось ни одной собаки – всех съели гордые пуритане. Россия же даже в эпоху «холодной войны» успешно строила свою экономику.

Западничество, пришедшее на Русь с Петром, было призвано не заменить русское экономическое сознание, а дополнить его опытом европейских народов и ускорить экономическое развитие страны. В этом смысле сам Петр I никогда не рассматривал русское хозяйство как нечто такое, что необходимо уничтожить. Однако расплодившиеся на Руси западники именно так переформулировали задачу и «переориентировали» национальное экономическое сознание. Поэтому борьба почвенников, народников, славянофилов с западниками стала неизбежностью, опять-таки навязанной русской культуре, науке, экономике извне.

Русский народ, который, по мысли Ф. М. Достоевского, представляет собой «воплощение всеединства», воспринимая западные экономические технологии и культурные ценности, однако не собирався отказываться от собственного сознания, в том числе и экономического. Столетия противостояния, продолжаю-

¹ Бердяев Н. А. *Философия неравенства* // Русская философия собственности. XVII–XX вв. СПб., 1993. С.294–295.

щегося и до сих пор, лишь укрепляют в русском экономическом сознании его сугубо специфические свойства: соборность, сизигийность, софийность. Эти свойства есть суть смысло-содержательные и сознательно-действенные признаки экономического сознания, актуализирующиеся в хозяйственном поведении, творчестве человека. Так, соборность экономического сознания (сам термин «соборность» принадлежит А. С. Хомякову) предстает не просто как коллективизм экономического сознания и даже не столько как его народность, патриотичность или державность, сколько как духовная его наполненность, цельность и подвижническая основательность. В условиях суровой русской природы только с молитвой и с чистыми помыслами в сердце мог идти русский человек и на ратный бой, и на трудовой подвиг. Подсечное земледелие, опасный отхожий промысел в дремучих и труднодоступных лесах, тяжелый сплав леса или наполненная риском путина на широких и своенравных русских реках, – разве все это не вызывало особый настрой человеческой души, особый уклад нашего сознания?

Преобладание возвышенно-духовного над меркантильно-прагматичным в экономическом сознании русских людей во многом было и остается ключевой характеристикой народа. Мы уже показывали проявления соборности в русском труде, в русском отношении к хозяйству. Но если хозяйство выступает объектом, на которое проецируется экономическое сознание, то неизбежно возникает вопрос о том: не сам ли русский дух проецировался в хозяйственной деятельности наших предков и не имеет ли сам термин «русский дух» гораздо более глубокий, нежели просто метафоричный, смысл.

Представляется, что русский дух как основа экономического сознания русского человека – сущее в бытии русского народа. Он есть, и это «есть» мы видим не только в ностальгии по русским щам, но и по самому содержанию нашего хозяйствования. Оно, это содержание, наполненное русским духом, заставляет русского человека слушать, чувствовать и воспринимать природу как некое живое существо. Современная потребительская экономическая идеология, основанная на импортированных западных приоритетах и установках, активнее всего пропагандируется и распространяется людьми, не русскими ни по национальности, ни по духу, людьми, духовно и душевно невзрослыми, не ставшими еще русскими. Их онтогенез «застрял» на уровне инфантильного «дай!», «мое!» и т.п. Не случайно С. Н. Булгаков столь саркастично отзывался о так называемой «педократии» – всевластии ин-

фантильных людей! Инфантилизация современного экономического сознания, спровоцированная экспансией в русское экономическое сознание чуждых ему «культурных» ценностей и превращением их в некие тотальности, всеобщности, универсальности, является философской основой общей хозяйственной деградации. Однако, такая деградация может быть рассмотрена и в контексте защитной функции самого «организма» русской хозяйственной цивилизации и культуры. Саморазрушение уникального кода национального экономического сознания вызывает уплотнение и усиление в нем момента самосознания, посредством которого начинается отторжение инородного. Это происходит через софийность сознания. Софийность в хозяйстве есть изначальноность, обращение к первоисточкам, первоосновам русского хозяйственного уклада, к глубинным основаниям самоидентификации. София при этом присуща не только в потенции, но и в актуальности, она есть постоянная сверка, выверка, ориентация, ориентированность, сопоставляемость и соответствие хозяйствования исконно русскому, тому, что «предсуществовало» до современной экономики «пред-было» до индустриальной эпохи, «преднаходилось» до самой цивилизации хозяйства. Все «наносное», привнесенное цивилизацией — продуктом взаимоотношения и взаимодействия разных наций и народов, этносов, временно «снимается» в софийности, которая выступает как совесть и духовность того, кто занимается деланием, хозяйствованием. И такое делание как духовный акт, материализуемый в хозяйственной сфере, принципиально отличает русский этнос от любого другого этноса. Это — своеобразная метафизика, «металогия» (Ф. М. Достоевский, «Сон смешного человека») русского духа, мышления, сознания. И в самом деле, «жить не по лжи» (Л. Н. Толстой, А. Солженицын), так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» (Н. Островский), это обостренное сознание Правды (с большой буквы. — К.С.) в хозяйстве, в деятельности, в акте самого бытия — типично русская черта. Она — не то же самое, что суфизм, мазохизм, альбигойство, цвинглианство или еще какие-либо восточные и западные ереси и «изыски»; она нечто более существенное в русском сознании: правдолюбие, поиск правды — это стремление сделать сущее — бытием, наполнить бытие смыслом, внести в хозяйство дух, а вместе с тем и само хозяйство превратить в сферу духа. В западных ересьях — это лишь отказ от внешнего богатства, умеренность, идея «дешевой церкви». Для марксистской материалистической диалектики, точно также как и для фейербаховского или фрейдистского сексуа-

лизированного «полового подразумевания» смысла хозяйствования, эти рассуждения – неприемлемы. Мы говорим о русском экономическом сознании; возможно, протестантское экономическое сознание, действительно более «сексуализировано» или «физиологично». Но, как говорится, «у кого что болит, тот о том и говорит». «Сексуальная озабоченность» протестантского экономического сознания и «духовная озабоченность», искания духовности в русском экономическом сознании – совершенно разные составляющие самобытности как таковой.

В самом деле, там, где европейский мещанин – прагматик, русский работник – созерцатель Красоты. «Красота предмета есть его софийная идея»², а общение с Красотой, ее созерцание и восприятие есть одухотворение труда, акта хозяйствования. Бездушная, в принципе непроницаемая для такой софийности – одухотворения красотой самой хозяйственной деятельности – хозяйственная практика современных работников конвейерного производства, служителей штампа и клише, всегда вызывала в русской душе чувство презрения, возмущения и даже отчаяния. «Онтологическая основа мира» для русского работника, крестьянина, мастера (Данилы), умельца (Левши) всегда заключалась «именно в сплошной метафизически-непрерывной софийности его основы»³.

Однако, если «красота призвана спасти весь мир», она неизбежно должна быть универсальной, общей для мира, а сам мир – не расколотым на дискретности (классы, корпорации, логи, партии и т.п.), а органичным целым. Отсюда следует, что для восприятия красоты как реальности русского хозяйства и русской природы необходима особая социальная и духовная гармония людей – сизигия. Именно такая духовная и социальная гармония, которая обуславливает единство в многообразии, органичность в плюралистичности, чувственность в рассудочности и рассудочность в чувственности, именно такая гармония, которая сочетает утопичность и мифологичность с интуитивностью и наитием, именно такая сизигийность в социальном, этническом, экономическом, духовном аспектах самого существования русского народа и его экономического сознания является центральной, всеединой, универсальной характеристикой этого сознания, отличающей его от любого другого сознания какого бы то ни было этноса. И в

² Булгаков С. Н. Софийность твари (космодицея) // Русская философия. Конец XIX– начало XX века. СПб., 1993. С.325.

³ Там же. С.326–327.

контексте такой сизигийности «национальное» отнюдь не есть «национализм», отнюдь не есть «шовинизм» (В. И. Ленин), «ядерная бомба фашизма» (А. Стреляный) или «свойство него-дьяев» (А. Черниченко).

Национализм есть тот ракурс, угол зрения, «особость» отношения, через которые и посредством которых русские люди творят хозяйство, создают русскую землю ради себя и своих потомков. Не по шаблону зарубежных указчиков, а по своему разумению. На уровне сознания эта самостоятельность как факт национального в сознании и есть суверенность. Суверенность русского экономического сознания есть не просто самостоятельность и национальность, она есть духовная самостоятельность и духовная самобытность, проявляемая в том идеальном образе хозяйства, той картине хозяйственного мира, том замысле обустройства родной земли, которые формируются в недрах экономического сознания русского человека.

А процесс такого обустройства, та образность и идеальность, которые определяют самостоятельность и суверенность экономического сознания русского человека, сизигийность и софийность русского экономического сознания в общем и целом характеризуют саму его природу, единство, синтезированность, комплексность, целостность, обуславливают и его цель: поиск самой истины, правды. Целью русского экономического сознания являются не интересы или самоутверждение отдельной личности, класса или слоя, а этноса как такового, его самосохранение и саморазвитие, а в нем – самосохранение и саморазвитие всех и каждого. В этом и состоит истина хозяйства. Ради этого этнос и осуществляет свое хозяйство.

В контексте такого самосохранения и саморазвития высвечивается еще одна, особая черта русского экономического сознания – его гуманистичность. В рамках гуманистичности экономическое сознание («экономизм» в понимании русских философов) не является самодовлеющим, оно носит подчиненное значение, служит духовному развитию и расцвету личности. И хотя С. Н. Булгаков рассматривал «экономизм» как духовное порождение (вырождение) гуманизма, он в целом не отрицал гуманистической окраски русской культуры, противопоставляя лжегуманизм антихристианский, западный гуманизму действительному, подлинно православному, русскому.

Другие русские философы XIX – начала XX вв. с еще большим основанием разводили гуманизм формализованный и подлинный, одухотворенный. «Познание реальности духа обер-

нулось историей самопознания философского сознания»⁴ – отмечает В. М. Князев. Но реальность духа проявляется не только в душе, в мире сугубо идеального, она опредмечивается, материализуется, становится в «своем инобытии», воплощается и в хозяйстве, в его артефактах и результатах. Поэтому возникает вопрос о философии экономики, хозяйствования, о философском понимании и отражении в экономическом сознании феноменов хозяйства: труда, собственности, богатства, денег, нищеты, кооперации и т.п. Необходимость отражения в мышлении, сознании сугубо экономических феноменов, а также тех социально-экономических взаимосвязей и взаимозависимостей, которые складываются по их поводу в хозяйстве, постоянно заставляло русских философов обращаться к хозяйственной проблематике, философски осмысливать ее и отражать в экономическом сознании прежде всего через и посредством философской рефлексии. Важнейшим результатом такой рефлексии как раз и стало признание факта гуманизма самого экономического сознания русского этноса и русского хозяйственного уклада.

С точки зрения философии, в современной гуманитарной науке сложилось и существует несколько концепций *homo oeconomicus* – «хозяйствующего человека», в рамках которых гуманизм играет принципиально разную роль. Философское осмысление гуманизма как важного признака хозяйствующего субъекта, черты его экономического сознания стало неперменным условием и собственно экономического анализа еще в XVIII в.

Известно несколько направлений в мировой экономической науке, в рамках которых создавались подобные модели. Первое направление представлено английской классической экономической школой и ее последователями – маржиналистами и неоклассиками. В основе выработанных представителями этого направления моделей человека был эгоистический материальный интерес, прежде всего денежный интерес как главный мотив в предпринимательстве. Знаменитое рассуждение А. Смита о том, что не от благотворительности или добросердия пивовара, булочника или торговца ожидаем мы удовлетворения своих потребностей, а от их эгоизма и расчетливости, стало аксиомой западной экономической мысли. В рамках такого понимания человека, его роли в экономическом развитии общества не оставалось места духов-

⁴ Князев В. М. Метафизика духа в русской религиозной философии конца XIX – начала XX века. Автореф. докт. дисс.. Екатеринбург, 2000. С.24.

ным проявлениям человеческой личности: доброте, милосердию, любви, терпимости, ответственности и т.д. Ущербность и ограниченность подобного понимания человеческой хозяйствующей личности стала очевидной уже в середине XIX в., в связи с чем появилось направление в экономическом анализе, представленное кейнсианцами, американскими институционалистами, австрийской школой предельной полезности и др. Данное направление – одно из наиболее популярных и мощных в мировой экономической науке до сих пор. Модели человека, выработанные в рамках этого направления экономической мысли, представляются более сложными и вместе с тем адекватными самому человеку, его личности. В частности, мотивационная сторона в таких моделях включает в себя уже не только эгоистический интерес и стремление к материальным благам, но и духовный компонент: милосердие, традиции, обычаи народа, культуру. Однако следует подчеркнуть, что духовный компонент в рамках этой модели «экономического человека» носит подчиненный характер.

Третьим мощным направлением в истории мировой экономической науки стал марксизм с его идеей классовой ненависти и непримиримости, классовой борьбы до победного конца и физического уничтожения собственника и самой частной собственности. Отождествив самого человека с экономическими отношениями, в которых он является субъектом, персонифицировав его как носителя антагонистических противоречий, марксизм сделал вывод о необходимости «устранения» таких носителей и тотальном перевоспитании масс посредством «культурной революции». В основе же модели человека как хозяйствующей личности марксизм вообще отказался от упоминания духовной стороны жизни индивида, сведя все к грубому материализму, прагматизму. Классическое рассуждение о том, что бытие определяет сознание было истолковано в том духе, что материальное благополучие (или его отсутствие) определяет мышление человека и всю его жизнь. Попытка же низшим измерять высшее, материальными условиями жизни измерять и объяснять смысл человеческой жизни привели к утрате главной ценности – самой человеческой личности.

Три названные модели «хозяйствующего человека» присутствуют в экономической науке до сих пор. Однако предано забвению то обстоятельство, что именно русская социально-экономическая мысль на рубеже XIX–XX вв. разработала принципиально иную, своеобразную модель человека, образ «гуманного человека», в котором духовные характеристики стали приоритетными по отношению к материальным. Сквозными идеями в рам-

ках этой гуманизированной модели «хозяйствующего человека» стали идеи социального партнерства, социальной справедливости, многоукладности форм собственности, многомерности самой экономики, экономической свободы личности и формирования экономической культуры как условия цивилизованной экономики. Эти идеи нашли свое отражение в работах многих мыслителей: среди них были философы, историки, социологи, собственно экономисты и даже отцы церкви.

В целом, русских ученых, которые разрабатывали гуманистическую модель хозяйствующей личности, можно условно разделить на три крупных течения: религиозно-философское течение в социально-экономической мысли; реформистское (светское) течение и революционное (умеренное) течение в истории экономической науки.

Необходимо отметить особенность, характеризующую состояние экономической мысли в России в конце XIX – начале XX веков. Экономическая наука в рассматриваемый период существовала не просто в тесной взаимосвязи с другими гуманитарными науками, а была интегрирована в них. Многие общественеды были одновременно историками и экономистами, философами и экономистами, юристами и экономистами. Взглянуть глазами экономиста на творческое наследие таких мыслителей, как философы В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, Е. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн, И. А. Ильин представляется в высшей степени своевременным и важным. Следует отметить, что между философами тех лет развернулась настоящая полемика по методологическим и общетеоретическим проблемам экономики. Среди этих проблем наиболее дискутируемыми были три: о границах экономической науки; о характере труда; о собственности. По поводу первой проблемы спор шел о том, самодостаточна ли экономическая наука и всякая другая отрасль науки для объяснения смысла человеческой жизни. Одни мыслители полагали, что только вера, религия дают возможность гармонизировать свое бытие и смысл жизни. Другие считали, что экономическая наука способна ответить на вопрос о смысле жизни и является единственным основанием для разработки принципов хозяйственной практики. Однако вопрос о том, является ли экономическая наука, да и вся экономика в целом, только техническим средством самореализации человеческой личности, а попытки научно объяснить мир – простым проявлением человеческой гордыни, или экономика есть нечто большее, чем социальная техника, она есть определенный

образ жизни человека и его неотъемлемая ипостась, а научное знание – единственный способ познания и объяснения человеческого бытия – этот вопрос так и остается нерешенным. Это и понятно, потому что факт существования или отсутствия Бога нельзя, как полагает большинство философов, доказать строго научно. Но это «нельзя» имело также двойственный смысл: нельзя либо «абсолютно», как считали одни, либо «относительно», в силу ограниченности развития науки в данный исторический период, как полагали другие. Однако, между многими философами было и понимание того, что христианские, православные ценности являются неотъемлемым элементом, даже фундаментом экономической культуры, которую необходимо сформировать в обществе.

Интересно решался вопрос и о характере труда. С. Н. Булгаков в своей работе «Философия хозяйства» сформулировал идею софийности труда, основным содержанием которой было утверждение, что не эгоистические расчеты, а духовность, вера «зажигает» человеческое сердце, наполняет его труд высоким смыслом, делает его созидательным, творческим.

Начав как экономист, С. Н. Булгаков, как известно, пришел к религии, принял сан. Софийность труда со временем «вылилась» у него в целое учение о мотивационной стороне, характере и общественных формах труда, известное под названием «софиология труда». В этом учении С. Н. Булгаков на первый план ставил нравственные, морально-этические характеристики труда как особой формы человеческой деятельности.

Продолжая эту традицию философы поставили в повестку дня в экономической теории проблему гармонизации интересов личности и общества, преодоления противоречий в самом труде как основы полного преодоления антагонизмов в экономике и ее гармонизации. У П. А. Флоренского эта идея получила наиболее яркое воплощение и подтверждение. Рассматривая в качестве главного условия творческого, созидательного, «софийного» труда не столько саму веру, сколько любовь, ее высшие духовные проявления, П. А. Флоренский сформулировал идею «сизигии», т.е. полной гармонизации интересов хозяйствующих субъектов через любовь, как особый вид духовной деятельности человеческой личности. Другой русский философ Н. Ф. Федоров в книге «Философия общего дела» также трактовал духовную форму любви как «духовное делание», как «братотворение», как способ соединения людей в единый общий организм, в рамках которого осуществляется «сизигистическое» взаимодействие между лич-

ностью и обществом. В. С. Соловьев, продолжая эту гносеологическую и методологическую традицию, выступил с идеей духовности труда, полагая, что труд есть прежде всего духовный процесс. Формулируя философские интерпретации любви, разрабатывая проблемы духовного богатства человеческой личности, соединяя их с экономическими концепциями переустройства общества, русские философы обогатили отечественную социально-экономическую мысль действительно гуманистическими идеями, шедшими впереди времени, закладывавшими «скважины глубокого бурения» не только в научном, но и в нравственном, а также в практическом плане. Это нашло свое подтверждение в разработке проблем собственности. Идеологемы защиты и отрицания частной собственности буквально «схлестнулись» на рубеже XIX–XX веков. Если В. С. Соловьев и И. А. Ильин явились наиболее откровенными «обоснователями» частной собственности, то В. Ф. Эрн и некоторые другие философы выступили с идеей ее «опровержения». Напоминая содержание Священного писания, В. Ф. Эрн доказывал, что мотив собственности, а тем более мотив частной собственности, является чуждым христианству, православию. Знаменитую евангельскую аксиому «не сейте и не собирайте в житницы», «не можете служить Богу и Мамоне» В. Ф. Эрн рассматривал как отправную точку для действительно христианского отношения к собственности. Совершенно иначе на проблему собственности взглянул И. А. Ильин, считавший, что только частная собственность делает человека личностью, выступает основой для достойных условий существования и даже объективно способствует объединению человечества в единое содружество творцов.

С точки зрения раннего христианства, В. Ф. Эрн был безусловно прав, однако следует учесть, что христианство, возникшее как «религия бедных», под лозунгом отрицания собственности отрицало вообще саму экономику. Эпоха его возникновения и современная эпоха – несопоставимы. Очевидно, что в XIX и XX веках без активной хозяйственной деятельности человек не мог обеспечить себе не просто достойных, но даже физиологически приемлемых условий жизни. Поэтому и состоялось «обоснование частной собственности» И. А. Ильина. Но это было в полном смысле слова гуманистическое и нравственное «обоснование», которое выступило альтернативой тотальному огосударствлению и превращению человека из собственника-хозяина в «винтик» хозяйственной машины, субъект подневольного труда.

Особого внимания заслуживают политико-экономические попытки разработки проблем российской государственности. Вопрос о роли государства в экономической жизни общества – частный аспект более широкой и глубокой проблемы: государственности как таковой. Наиболее серьезный анализ этой проблемы можно найти в сочинениях Л. А. Тихомирова и П. А. Сорокина. Если первый из названных мыслителей совершил колоссальную внутреннюю нравственную эволюцию от участника «Народной воли» и соучастника убийства Александра II до сознательного защитника монархической государственности и советника П. А. Столыпина, то второй – социолог и политик всегда был сторонником демократической государственности. Но при внешней разнонаправленности взглядов Л. А. Тихомирова и П. А. Сорокина в их суждениях можно найти много общего. И прежде всего, это относится к методологии экономического анализа, к экономическому гуманизму, благодаря которому оба ученых формулировали свое мирозерцание.

Л. А. Тихомиров обосновывал идею монархической государственности на базе теории кооперации, полагая, что идея об отмирании государства равно как и теория общегосударственного строя эфемерны. Пытаясь доказать совместимость самоуправления территорий и идею самодержавия, Л. А. Тихомиров внес много нового и ценного в разработку мер по преодолению бюрократизма государственной машины, решение вопроса о наделении крестьян землей, демократизацию хозяйственных отношений в стране. Решая задачу «адаптации» царизма в качественно новых исторических и социально-экономических условиях, Л. А. Тихомиров полагал, что монархия выступает единственной интегрирующей и сплачивающей силой в многонациональной стране. Православие, монархия, народ – эта терминология, которую безосновательно приписывали черносотенной реакции, в действительности является квинтэссенцией глубоко научных и гуманистических размышлений Л. А. Тихомирова. В свою очередь П. А. Сорокин пытался обосновать идею российской государственности с позиций социологической теории взаимодействия. Не называя это взаимодействие общественной кооперацией, П. А. Сорокин полагал, что это есть не что иное, как взаимное влияние людей друг на друга. Рассматривая проблемы «сложного взаимодействия», П. А. Сорокин категорически отвергает насильственные способы решения проблем в экономике и политике. Вместе с тем, оценивая роль экономических факторов на жизнь человека, П. А. Сорокин хотя и видит ограниченность такого влияния, даже называет

сам экономический фактор «так называемым», вместе с тем недооценивает его значение. На первое место социолог ставил нематериальные компоненты: обычаи, традиции, менталитет, культуру, национальную мораль, веру. Можно как угодно относиться к правомерности такой постановки проблемы человека и человеческого «взаимодействия», но не видеть прогрессивного значения такой модели человеческой личности нельзя.

Огромный вклад в гуманизацию экономического анализа и разработку экономического сознания внесло реформаторское направление русской экономической мысли, наиболее яркими представителями которого являются М. И. Туган-Барановский и А. В. Чаянов. Авторитет М. И. Туган-Барановского в начале XX в. был колоссальным. Его сочинения характеризуются гуманистическим, общенациональным подходом к экономической жизни общества. Однако методология М. И. Туган-Барановского вовсе не была внеклассовой или «надклассовой», как часто об этом писали в отечественной историографии. Правильнее было бы назвать ее межклассовой, иначе говоря, общечеловеческой, направленной на разработку идеи социального мира и партнерства, ориентированную на сотрудничество и цивилизованную координацию интересов различных хозяйствующих субъектов. М. И. Туган-Барановский отрицал революцию и революционную ломку общественного строя не только по морально-этическим соображениям. За свой эволюционистский подход и реформистский характер своих идей он получил титул лидера «легального марксизма», хотя сам никогда не был марксистом и не разделял марксистской доктрины. Морально-этические аргументы отказа от марксизма были для М. И. Туган-Барановского лишь поводом. Причиной же служило то, что совершенствование социально-экономического устройства общества через насилие, революционную «ломку» старых порядков он отвергал как не рациональное, «не экономное», считая революции насилием над историей, ее естественным ходом.

Следует отметить, что именно М. И. Туган-Барановский впервые в истории экономической мысли попытался соединить трудовую теорию стоимости и теорию предельной полезности австрийской экономической школы. Это дало повод некоторым советским экономистам причислять М. И. Туган-Барановского к категории «полумарксистов». Однако, следует подчеркнуть, что трудовую теорию стоимости сформулировал отнюдь не К. Маркс. Задолго до него ее сформулировали В. Петти, А. Смит и Д. Рикардо. Следовательно, соединяя теорию трудовой стоимости с

теорией предельной полезности Е. Бем-Баверка, М. И. Туган-Барановский осуществлял задолго до П. Самуэльсона и других современных западных экономистов свой «неоклассический синтез», свою научную конвергенцию. Больше того, в понимании трудовой теории стоимости М. И. Туган-Барановский расходился с российскими марксистами, трактовавшими вслед за К. Марксом цену как денежное выражение стоимости. Для М. И. Туган-Барановского цена отражала диалектическое единство двух свойств товара: стоимости и потребительной стоимости. Именно поэтому он и предпринял попытку синтеза теорий стоимости и полезности. В основе этой попытки лежала идея об эквивалентном обмене как основе удовлетворения потребностей человека и обеспечения ему достойных условий жизни.

В качестве конкретного способа такого обмена и вместе с тем в качестве средства выживания в трудных условиях рыночной организации хозяйства М. И. Туган-Барановский предлагал кооперацию. В своей книге «Социальная теория кооперации» он отталкивался от идеи ограниченности ресурсов и нарастания конкурентной борьбы на рынке, что, по мнению автора, делало неизбежным объединение мелких и средних товаропроизводителей, которым становилось все труднее противостоять в одиночку мощному давлению капитала. Кооперирование товаропроизводителей, по мнению экономиста, выступило не только средством выживания, но и источником развития (саморазвития) общества. Именно кооперирование, а не конкуренцию М. И. Туган-Барановский считал источником экономического и социального прогресса. По логике автора, если конкуренция ведет не только к росту состязательности, но и к откровенному соперничеству, порождает нелегитимные методы конкурентной борьбы, способствует непроизводительной растрате ресурсов и энергии, то кооперация наоборот способствует развитию сотрудничества, экономному и рациональному использованию всех имеющихся возможностей.

Известный марксист Н. И. Бухарин в своей книге «Политическая экономия рантье» обвинял М. И. Туган-Барановского в отступлении от марксизма и непонимании марксовской интерпретации трудовой теории стоимости. На наш взгляд, отступление М. И. Туган-Барановского от весьма модного в начале века в России марксизма и его отказ признать научной марксистскую постановку вопроса о соотношении стоимости и цены являются безусловной научной заслугой этого выдающегося отечественного ученого.

Другим экономистом, который разрабатывал проблемы экономического гуманизма в России, был А. В. Чаянов, автор знаменитой теории семейных трудовых крестьянских хозяйств. Еще в 1912 г. в своих первых научных публикациях он сформулировал основные тезисы этой теории и в качестве основополагающего мотива хозяйственной деятельности русского крестьянина назвал не получение прибыли, а удовлетворение потребностей многочисленной крестьянской семьи. В условиях советского времени, когда мелкотоварное производство было предано забвению, особенно в период «военного коммунизма», А. В. Чаянов продолжал разрабатывать идеи о преимуществах мелкотоварного крестьянского, по существу, фермерского производства, вызывая яростные нападки со стороны коммунистического «командования». Однако, до поры до времени, возражений научного характера у нового политического режима против идей А. В. Чаянова не было. Используя математические методы анализа, ученый разработал не только свой взгляд на кооперацию, на проблемы организации крестьянских хозяйств, но и убедительно доказал недостатки «коллективных», насильственно организованных колхозов. Поэтому безосновательными выглядят отдельные попытки современных исследователей показать А. В. Чаянова чуть ли не как идеолога коллективизации.

Своеобразным и вместе с тем весомым вкладом в области развития экономического сознания обогатило экономическую науку умеренное крыло русского революционного направления в конце XIX – начале XX вв. Само революционное направление в России было весьма пестрым: от социал-демократов, большевиков, эсеров, энесов до октябристов, конституционных демократов и проч. Однако наиболее представительными являются три течения: большевиков, эсеров и кадетов. На первый взгляд покажется странным говорить об «умеренности» большевиков. Однако в их среде далеко не все были сторонниками пролетарской диктатуры и классовой ненависти. Следует отметить позицию А. А. Богданова, который, разрабатывая свое понимание социализма, выступил с философской концепцией «собирания человека». У этой концепции были сугубо материальная, прагматическая и чисто духовная, нравственно-этическая стороны.

С точки зрения прагматической, А. А. Богданов объяснял необходимость объединения усилий людей в «экономическом переустройстве» общества мотивами экономии времени, рационального распределения ресурсов. Идея «единой фабрики», с которой выступил А. А. Богданов и которую потом вульгаризиро-

вали его «критики», предусматривала добровольный и сознательный характер объединения людей и создание не административно-управляемой (из единого планового центра) экономики, а самоуправляемой экономической системы. Эти принципиальные различия благополучно «забыли» некоторые современные интерпретаторы творчества А. А. Богданова, обвиняющие его в идеализме, субъективизме, эмпириомонизме и прочих грехах. Особенно досталось ему от В. И. Ленина за сциентизм, социалдарвинизм и биологизацию экономических проблем. Однако теория организации, всеобщая организационная наука, которую А. А. Богданов частично «подсмотрел» в природе, а частично сам разработал и усовершенствовал применительно к человеку, до сих пор остается непревзойденным образцом гуманитарной мысли.

Мало кто из нас понимает, что такое ингрессия, конъюгация или дезингрессия. Но знаменитая богдановская идея об изоморфизме различных организационных структур, об общности в маркетинге, менеджменте, организации производства в различных странах с различными социально-экономическими условиями сегодня уже стала одной из гносеологических основ процесса конвергенции. На идеях А. А. Богданова базируются не только современное мировое хозяйство, международное разделение труда, международная экономическая интеграция. Идеи этого выдающегося ученого стали предметом изучения философов, на них базируется общая теория систем Л. Берталанфи, современная кибернетика и т. д. Богдановские идеи о «цепной связи», действии «закона наименьших», перемене труда, принципе отбора в совершенствовании экономической организации, о биорегуляторе, идея обратной связи – вылились в «тектологию» – науку об организации человеческого общества. И благодаря этой науке происходит действительное обобществление мировой экономики и «собираение» людей: создана единая Европа без границ, формируется свободная экономическая территория на всем североамериканском субконтиненте.

В нашей стране, к сожалению, игнорирование идей А. А. Богданова и классовая борьба с «богдановщиной» привели к формальному обобществлению производства, отчуждению работника не только от продукта его труда, но и от средств производства. Попытки же вновь соединить работника и средства производства через ваучеризацию или приватизацию выглядят по меньшей мере несерьезными. Под видом наделения граждан собственностью их наделили пустой бумажкой, которая не дала и не может дать нашим соотечественникам ни собственности, ни

власти, ни чувства хозяина. Слишком мал был тот «кусок» общественного пирога, который посредством ваучера предназначался каждому индивиду, слишком заумным оказалась механика одаривания собственностью, слишком непродуманной была и остается политика современного государства в этой области. Как тут не вспомнить об А. А. Богданове, который в своей ранней статье «Проклятые вопросы философии» писал, что со временем человек неизбежно умнеет, становится «существом логическим и этическим». Наш современник в этом плане не исключение: он сам начинает понимать истинную ценность новой реформаторской «парадигмы».

Совершенно иначе предлагали решать проблемы собственности революционеры типа В. М. Чернова. Лидер эсеров, наиболее крупной и мощной политической партии в России, В. М. Чернов выступил с идеей социализации собственности. Суть этой идеи состояла в непосредственном увеличении числа собственников реальных средств производства. Иногда приходится слышать суждения о том, что социализация равнозначна обобществлению и тем самым отрицает передачу собственности в чьи-либо руки. В. М. Чернов прекрасно понимал разницу между наемным и свободным трудом, между частной и личной собственностью. «Передача средств производства в частные руки еще не есть формирование частной собственности», — отмечал В. М. Чернов. Отвергая эксплуатацию, безвозмездное присвоение чужого неоплаченного труда, В. М. Чернов сводил проблему социализации собственности к наделению труженика трудовой личной собственностью, из которой впоследствии на строго добровольной основе могут возникнуть коллективные формы собственности: коммунальная, кооперативная и т.д. В своей брошюре «Пролетариат и трудовое крестьянство» он изложил принципиальные различия в понимании проблем социализации собственности у эсеров и большевиков.

Если сам В. М. Чернов предлагал начинать реформирование отношений собственности «органично», с человека, сделав его собственником, то большевики считали необходимым немедленную экспроприацию, национализацию и огосударствление земли, заводов и фабрик. К чему это привело — судить не трудно. Социализация собственности «по Чернову» вылилась в социал-демократические модели экономики в Швеции, Франции, Израиле, где наряду с коммунами, кибуцами существуют и частнокапиталистические фирмы. В России тотальное огосударствление во все не привело к победе над капитализмом в области производи-

тельности труда. Все это – уроки, которые следует всем нам усваивать.

Экономический гуманизм как основа национального экономического сознания, как особое мировоззрение и миросозерцание стали, на наш взгляд, основой научного ренессанса, подъема гуманитарной мысли, который начался в России на рубеже XIX и XX вв. Думается, и в современных условиях глубочайшего экономического кризиса именно экономический гуманизм может стать методологической и гносеологической основой культурного, нравственного, и в конечном счете, экономического подъема нашего народа, началом его продвижения к цивилизованной экономике.

§ 3. Основные тенденции развития русского экономического сознания

Пройдя эпохи язычества, христианства и атеизма, этапы сословной и конституционной монархии, буржуазной и советской республики, формации феодализма, капитализма и социализма, горнило исторических сражений между иосифлянами и нестяжателями, никонианцами и старообрядцами, западниками и славянофилами, реформаторами и революционерами разных направлений и оттенков, русское экономическое сознание в начале III тысячелетия снова, уже в который раз, оказалось на остром, переломном рубеже своей истории. От того, по какому направлению и как именно будет оно развиваться, зависит сам факт существования русского экономического сознания и русского хозяйства в целом. Что ожидает нас: полная ассимиляция, уничтожение самобытного русского хозяйства и русского экономического сознания под натиском вестернизации, культа западничества, бездумного копирования и подражательства? Или новый подъем отечественной экономики и отечественного экономического сознания, закаленных в борьбе с культурной, идеологической, экономической интервенцией (экспансией), впитавших в себя все полезное, что есть в мировом опыте и сохранившее в себе то самобытное, специфическое, что всегда было присуще русской цивилизации? Вопрос гораздо более сложный, чем гамлетовский!

Какие же основные векторы развития русского экономического сознания мы можем выделить уже сегодня и какие следовало бы очертить для последующего его развития? Вот предмет данного раздела нашего исследования.

О том, что сознание постоянно находится в движении, в развитии, писали и говорили многие философы. Напомним хотя бы рассуждения М. О. Гершензона, писавшего в начале XX в.: «Два общих закона могут быть установлены с очевидностью, вопреки учению исторического материализма: Первый – тот, что характер деятельности нашего сознания (т.е. ее ритм, напряжение и окраска) всецело обусловлены врожденной психофизической организацией личности; второй – тот, что направление и емкость сознания на известном уровне в значительной мере автономны»¹. И далее: «Сознание может уходить от личности вдаль, блуждать свободно по разным путям, долетать до неба. Оно – тот орган духа, который приемлет в себя истину. Велико количество истины, которое способен воспринять отдельный ум. Но знать истину и жить по истине, как известно, разные вещи»².

В самом деле, «бесплотное мышление», которое критиковал М. О. Гершензон, подразумевавший под этим термином безволие и оторванность сознания российской интеллигенции от реальной народной жизни, уродует наше сознание, в том числе и экономическое. Однако обращение к воле само по себе не дает гарантированного конструктивного выхода, хотя экономическое сознание должно, по идее, выполнять непосредственную функцию преобразования, хозяйственно-практическую, инструменталистскую в своей основе. «Хотеть – значит мочь», говорят в народе. Однако в контексте экономического сознания, «мочь» значит, прежде всего, уметь, знать и понимать, как именно следует преобразовывать экономическую реальность. Когда зуд реформаторства, поражает некоторых политиков и чиновников, то вместо осмысленной и общественно-полезной практики получается пляска святого Витта! «Хотели как лучше – а получилось как всегда» – этот популярный афоризм до сих пор справедлив для экономической политики. Но он же может быть применен и для оценки индивидуальной хозяйственной практики. «Мочь» – вот ключевое слово, код экономического сознания, обусловленный определенными детерминантами. При каких же условиях повышается мера, степень, или, пользуясь терминологией М. О. Гершензона, «ритм», «напряжение», «емкость» этого «мочь?» Важнейшей детерминантой, с нашей точки зрения, выступает народность экономического сознания, экономического мышления и экономиче-

¹ Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. М., 1991. С. 87.

² Там же. С.88.

ского действия, самой хозяйственной практики. Имманентность хозяйственной потенции, рассудочного замысла, сознательной целеполагательности «народному» делает экономику, хозяйство, само экономическое сознание актуальностью как таковой. Отрыв же экономического сознания и хозяйственной деятельности от детерминанты «народного» превращает их в виртуальную активность, в «суету сует», стимулирует хаос, брожение. Экономическое сознание по своей сущности должно быть поставлено в соответствие с хозяйственной жизнедеятельностью русского общества по ее коренному смыслу. Коренный смысл русского хозяйства состоит не в стяжательстве, не в накопительстве, не в максимизации прибыли или ренты, а в сохранении и самостоятельности нашего русского, российского хозяйства, нашей хозяйственной цивилизации и культуры. В этом «коренном смысле» главные составляющие его элементы: сохранение и самостоятельность (самостояние). «Идея самостоятельности, идея очень старая, – писал когда-то народник И. Е. Забелин. – Славянофильство восторжествовало потому, что оно ставило родной и всем ясный образ самостоятельности в народном, исключительно русском смысле»³. И далее: «Мы заметили, что различие славянофильства и западничества состоит в том, что одно смотрит в прошлое, другое – в будущее... Западничество полагает целью общественного и государственного развития не какую-либо народную форму, а человеческую личность. Оттого западничество мало дорожит прошлым. Оно ничего там не ищет, ибо смотрит на него, как на старый дедовский гардероб... Западничество несравненно больше верит в собственное богатство... Оно хочет быть самостоятельным...»⁴ Однако, хотеть еще не значит мочь, самостоятельность основывается и должна основываться на историческом опыте прошлого, воспринятом и творчески усвоенный новыми поколениями. Самостоятельность не может быть эфемерной, безосновной, ненародной, а именно этого и не хватает современным «западникам», предлагающим заменить отечественный опыт чужим. У западничества поэтому нет и не может быть народности, оно чуждо национальному, оно космополитично по своей сущности и потому отрицает, отвергает какую бы то ни было национальную самостоятельность. Отсюда следует, что развитие русского экономического сознания должно основываться на ис-

³ Забелин И. Е. Современные взгляды и направления в русской истории // История и историки. Сб. ст. М., 1995. С. 420.

⁴ Там же. С. 437.

пользовании исторического опыта самого народа, на соблюдении собственных национальных интересов. Приоритет «национального» над «общечеловеческим» в этом смысле обретает контуры аксиомы.

Кроме того, самостоятельность предполагает сохранение прошлого исторического опыта (как культурного, так и религиозного, как хозяйственного, так и военного и т.п.). Сохранение и самостоятельность – две стороны народности, без них народность мертва.

В самом деле, если западничество соблазняет человека величиной богатства, уровнем комфорта, степенью личной свободы, то оно же и пугает человека феноменами социального одиночества, обезличенностью современной «стандартизированной» культуры (будь то культура потребления или поведения, все равно), бездушным прагматизмом и расчетом. Жить в таком обществе русскому человеку невыносимо прежде всего потому, что он – продукт совершенно иной культурной и экономической среды. Это впечатление, в общем-то, достаточно подробно описанное и нашими писателями и отечественными философами, неизбежно выносишь из опыта поездок в западные страны. После первых дней эйфории по поводу всех достижений «технотронной» и «постиндустриальной» цивилизации вдруг сталкиваешься с вакуумом духовности, поверхностью мнений, предвзятостью оценок и страхом той самой «свободной личности», о которой так много рассуждали в XIX в., рассуждают и в начале XXI в. наши доморощенные «западники».

Народность экономического сознания в принципе есть идея здорового консерватизма, отказа от «левацких» и «радикальных», «ультрамодных» идей и установок в экономике. «Семь раз отмерь – один раз отрежь» гласит народная мудрость. В западных странах, кстати, также можно выявить подобный здоровый консерватизм. Ни Ф. Д. Рузвельт, автор «нового курса» в экономической политике, ни Р. Рейган, с именем которого также ассоциируется определенный новый стиль в сфере экономической политики («рейганомика») в США, ни М. Тэтчер в Великобритании («тэтчеризм»), ни Ш. Де Голль во Франции («голллизм») не занимались перманентным перетряхиванием составов своих правительств, разукрупнениями и сокращениями, слияниями и трансформациями в хозяйственной инфраструктуре, как это происходит уже на протяжении полутора десятилетий в нашей стране. Любые идеи, будь то идея индексации доходов или введения критериев эластичности, индексов, механизмов либерализации или «заморажи-

вания» цен, а уж тем более меры, связанные с реформированием банковской системы, крупных корпораций и базовых отраслей хозяйства, сперва в обязательном порядке апробировались на локальных рынках, в локальных рамках. В начальный этап отечественной «народнохозяйственной перестройки» также использовалась практика экспериментов. И только очевидные и несомненно положительные результаты таких новаций становились базой для общих макроэкономических решений. Так, средняя урожайность измерялась по трем годам кряду, а не по одному, как теперь, уровень цен – по определенному долгосрочному базисному периоду в отношении к настоящему; наконец, экономический рост исчислялся по основаниям устойчивости, стабильности, а не на основе конъюнктурных колебаний в краткосрочном периоде. В нашем случае, к сожалению, такого здорового консерватизма в принятии экономических решений, а тем более их реализации на практике не наблюдается. Это свидетельствует о незрелости экономического сознания тех реформаторов, которые, возможно, имеют достаточно высокий уровень образования и профессионализма, но «забыли» о необходимости сопоставлять, координировать, приводить в соответствие свои решения и замыслы с условиями места и времени, об элементарной осторожности. Поэтому народность экономического сознания как ориентация экономических замыслов на успех неразрывно связана с самостоятельностью и сохранением: самостоятельностью в их разработке и осуществлении; сохранении того положительного, что было уже достигнуто в прошлом. Когда же «реформы» разрушают экономический потенциал страны, созданный в прошлые десятилетия, то это все равно, что происходит в отдельном случае с домохозяйством, который для того, чтобы расширить кладовку или веранду, сносит весь дом.

Народность экономического сознания имеет разные грани отражения объективной хозяйственной действительности: это и простота замысла, и доступность его формулирования, изложения, восприятия («кто ясно мыслит – тот четко излагает»), и соответствие установок, идей, решений коренным интересам народа, нации. Насильно вгонять народ в рыночную экономику столь же опрометчиво, как и насильственно коллективизировать крестьян или «единым военным лагерем» строить социализм: результат всегда плачевный. Такие экономические «преобразования» лишь дискредитируют в обществе идею рыночной экономики. Еще А. Кропоткин предупреждал об «историческом маятнике» и его «революционных колебаниях». Если формирование либерализа-

ции и «рынконизации» в 90-е годы XX в. было призвано пройти «точку возврата» и сделать процесс перехода от одной экономической системы к другой необратимым, то эти расчеты следует признать по меньшей мере наивными. Только органический синтез нового и старого, «авангарда» и консерватизма способен обеспечить устойчивое и логически необратимое движение к новому. Соответствие замыслов, рождающихся в экономическом сознании реформаторов коренным интересам тех, для кого и ради кого, судя по лозунгам, осуществляются реформы – вот главное условие экономического прогресса.

Однако установить факт такого соответствия (или несоответствия) экономических решений или идей национальным интересам гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Так, установление таможенных пунктов на границах России с другими странами СНГ, с одной стороны, разрушает общее экономическое пространство, снижает динамику и объемы товаропотоков, способствует росту цен, издержек, в том числе и транзакционных издержек (вплоть до взяток отдельным чиновникам), а с другой стороны, защищает нашу экономику от контрабанды, товарных интервенций, наплыва на российский рынок вредных и опасных товаров (наркотики, порнопродукция, оружие, нелегальные лекарственные препараты, алкогольная продукция и т.п.). Так что же следует делать: и дальше «огораживать» наши границы, вводя визовый режим и прочие ограничения на ее пересечение, или все-таки открывать их, как это делают европейские страны, которые не меньше нас озабочены борьбой с наркоторговлей или нелегальной миграцией населения? И какие меры будут реально соответствовать национальным интересам?

Следует, видимо, определиться с самим пониманием «соответствия». Соответствие должно касаться не только и не столько государственных чиновников и их интересов (хотя без этого реально не обойтись), а массового потребителя, интересов широких слоев населения. Если повышается таможенный сбор за импорт подержанных иномарок, то это происходит вовсе не в свете заботы о российском автомобильном рынке, а исключительно в интересах самих транспортных монополий и их лоббистов в правительстве. Если увеличиваются акцизы на алкогольную продукцию или тариф на проезд в общественном транспорте, плата за коммунальные услуги, то это способствует реальным образом не совершенствованию общественного транспорта, коммунального хозяйства или торговле спиртным, а росту коррупции и бесхозяйственности в стране.

С такими образчиками экономического политиканства общественность, безусловно, должна бороться. Ведь «под лежащий камень вода не течет». Но способность населения грамотно оценивать все экономические действия администрации разных уровней все еще весьма слаба. Даже на уровне своей семьи и домашнего хозяйства эта способность остается довольно низкой. Так, решение потратить деньги на отдых, образование или лечение часто воспринимается как бесполезная их растрата. В самом деле, разве женщина, получающая полторы–две тысячи рублей в месяц, может спокойно относиться к тому, что путевка для ее ребенка на приморский курорт сроком на пару недель равна ее годичному «фонду оплаты труда»! Или обучение в институте «съедает» ее многолетние накопления! Несопоставимость и неэквивалентность доходов и расходов заставляет изменяться наше экономическое сознание и вырабатывает уже не операциональные, практические, а оценочные и идеологические установки и суждения. Мы начинаем решать не «как», а «зачем», не «как заработать?», а «как ликвидировать сложившееся состояние?». Вместо процесса производства, творчества, активизации созидательных сил общества начинается рост неприязни, конфронтационности. Это может свидетельствовать об инородности, антинародности экономических действий со стороны кого-либо (правительство, местная администрация, соседи, наконец), о внутренней деформации экономического сознания (предвзятость, тенденциозность, агрессивность) и в силу люмпенизации хозяйствующего субъекта.

Как отмечает А. А. Дробышев, «люмпенизация сознания происходит при переходе из одного социального образования в другое, если этот переход происходит в ухудшающихся условиях». И далее: «Существует и так называемое интеллектуальное люмпентство, характерное главным образом для интеллигенции. Его причиной является резкий разрыв с традиционной народной культурой, с ее фольклорными истоками и нормами, народными традициями, обычаями и обрядами. В этом случае оказывается невозможным и подлинное усвоение новой культуры, вполне возможно, что и более высокой, во имя которой зачастую как раз и приносится в жертву своя»⁵.

⁵ Дробышев А. А. Противоречивость социальных основ гуманизма // Становление человека как субъекта социального творчества. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1997. С. 53.

Вместе с тем народность экономического сознания не отрицает опыт других экономических культур и не отвергает возможность, а порой и настоятельную необходимость их восприятия и творческого усвоения, переработки. Объективные процессы интеграции, глобализации, интернационализации современной экономики как в сфере производства, так и в сфере торговли, потребления, научного и художественного творчества настоятельно диктуют необходимость выработки такого умения творческого восприятия и грамотного отношения к хозяйственному опыту других народов и стран.

Соответствие установок экономического сознания социальным интересам есть лишь необходимое первичное условие для развития самого экономического сознания по линии прогресса и совершенствования. Однако соответствие содержательных компонентов экономического сознания не исчерпывается его конкретно-социальной стороной, оно с неизбежностью распространяется и на общесоциальную сферу, каковой выступает экология. В самом деле, человек немислим вне природной среды точно также как он немислим вне социума, при этом природа есть необходимое условие существования и личности, и социума. Сама экономика выступает сферой сознательного воздействия человека на природу с целью ее приспособления к своим нуждам и собственной адаптации в ней. Традиционно считается, что экологическая сфера охватывает потребление и сводится к постановке проблем рационального природопользования. Однако если вдуматься глубже, пользование или потребление не исчерпывают экологическую сферу экономического сознания. Важное, если не ключевое место в ней сегодня должна занять проблематика воспроизводства самой природы, ее восстановления и улучшения. Слишком тяжелыми являются те последствия промышленных революций, которыми человечество на протяжении сотен лет «одаривало» природу. Во многих случаях она просто уже стала непригодной для жизни самого человека, а тенденции к ухудшению ее качества не вызывают ни у кого особых возражений. Поэтому экономическое сознание не может пройти мимо этого комплекса проблем, в противном случае оно перестает быть сознанием экономическим и становится сознанием извращенным, пауперистическим, лишенным собственно экономической основы. Его можно было бы назвать, вслед за И. А. Ильиным, «уклонившимся сознанием». Самым очевидным образом требуется «под-

ведение уклонившегося сознания к восприятию самого предмета»⁶ – природы, вне которой оно мертво.

Смысл такого «подведения» состоит в экологизации сознания в целом, а экономического сознания в частности. Вместе с тем сама проблема экологизации экономического сознания отнюдь не сводится к внешней, феноменологической адресности и конкретности. Если встать на точку зрения Б. В. Яковенко, выделявшего четыре типа познания (чувственное, эмоционально-волевое, научное и философское), и отследить вслед за ним их феноменологический смысл, то всякий из приведенных типов познания, в процессе которого формируется само сознание человека, «страдает» определенными «погрешностями»: чувственное познание – догматической наивностью и чрезвычайной ограниченностью, поскольку оно всегда сосредоточено на чем-либо отдельном; эмоционально-волевое – крайним субъективизмом и произвольностью; научное познание – критичностью, общностью и объективизмом, что связано с дефицитом конкретности и предметности; наконец, философское познание – безпредпосылочностью, а следовательно, отвлеченной произвольностью⁷. Только синтез этих типов познания способен дать искомый результат – экологизированное как вовнутрь (ориентированное на физическое и духовное здоровье личности), так и «вовне» (ориентированное на гармонию личности и общества с природой) экономическое сознание. Отказ от идей поворота великих рек или затопления русских равнин, от «строек века» и элементарного надругательства над природой, а значит, и над самим собой, приходит только через такое соответствие, синтез, сизигию. При этом, думается, не следует идеализировать и философское познание, а тем более фактически ставить его над познанием научным, как это делал Б. В. Яковенко. Не случайно И. А. Ильин в целом рассматривал философию не просто как стремление познать истину (этим занимается и научное познание), но и как стремление разрешить вопрос о том, что есть истина. Отсюда он полагал, что философия есть «внутреннее делание» предметом которого является исследование «жизни души». И в этом своем смысле она

⁶ См.: *Ильин И. А. Философия как духовное делание* // *Русская философия: Концы XIX – начало XX века*. СПб., 1993. С. 454.

⁷ См.: *Яковенко Б. В. Путь философского познания* // *Русская философия: Концы XIX – начало XX века*. СПб., 1993. С. 432–435.

присутствует и должна присутствовать в любой гуманитарной науке⁸.

Ключевой характеристикой философско-научного познания, то есть познания синтетического, комплексного, сизигийного выступают характеристики обязанности и ответственности сознания. «Философствование обязывает; сознание этого должно неперестанно гореть в душе» – утверждал И. А. Ильин⁹. Сизигийность познания органично формирует такое свойство сознания, как обязанность, ответственность. Это значит, что человек сам, свободно, добровольно, а не под нажимом других людей принимает на себя определенную ответственность. Объясняется это в сущности довольно просто: общение с красотой (эстетика), добродетель (этика) не могут не формировать ответственного сознания в хозяйственной, экономической, в том числе и «природопользовательной», сфере человеческой жизнедеятельности. Поэтому «положительные», «высокие» эмоции от общения с природой закладывают в сознание отдельного человека «коды» его духовного здоровья, его метафизическую «опрятность», сознательную зрелость. Как некий генотип, они определяют не только сами условия дальнейшего развития сознания личности и общества, но и саму хозяйственную сознательную практику. Первым, и самым явным проявлением такого здорового с экологической точки зрения экономического сознания является само исчерпание злобы (злости, озлобленности) и отказ от поиска виновных. Вопрос о том, «кто виноват?» – это не русский «традиционный» вопрос, а вопрос революционеров всех наций и мастей. Когда люди начинают чувствовать на себе различные негативные явления, такие, как неудачи, убытки, потеря работы, последствия неурожая и т.п., они начинают оглядываться вокруг и искать виновного. Это весьма характерное поведение человека эпохи индустриализма контрпродуктивно и не соответствует собственным коренным потребностям личности. Разжигание подобных девиантных и деликвентных моделей сознания и поведения различными политическими и общественными силами и порождает насилие.

Особая раздражительность, озлобленность и даже обида могут возникнуть и в условиях социального неравенства, когда кто-то покупает иномарку или строит коттедж, тогда как у тебя самого едва хватает средств для того, чтобы прокормиться. Но вместо того, чтобы сменить род занятий, активизировать свою

⁸ См.: *Ильин И. А.* Указ. соч. С. 455–456.

⁹ Там же. С. 461.

деятельность, пересмотреть прежние оценки, изменить собственную самооценку, отдельные работники предпочитают обвинять и завидовать, требовать передела и собственности, и власти безотносительно количества и качества своего труда. К сожалению, люмпенизация, созревающая в таких условиях, распространяется довольно быстро, а бороться с нею много труднее, чем просто ее предупредить. Осознание того простого факта, что каждый человек обладает разными дарованиями, разными способностями и талантами, а следовательно, будет получать и разные доходы, плохо приживается в экономическом сознании пролетариев. Точно также понимание того, что *aurea mediocritas* – «золотая середина», умеренность должны соответствовать грамотному хозяйственному поведению даже самого «крутого» дельца, иногда приходит с большим опозданием.

Экология сознания как «внутренняя» характеристика, как признак экологии души, вызывается к жизни не самопроизвольно, а серьезной работой над самим собой, сосредоточенностью и ответственностью. Поэтому философия и наука дают лишь общие, стартовые, изначально верные ориентиры для развития личностного экономического сознания, а через него и посредством него и общественного экономического сознания. Дальнейший процесс его «взросления» связан уже с другими детерминантами. Одной из них, определяющей истинность и правильность вектора в развитии экономического сознания выступает непосредственное общение с природой, постоянный контакт с нею. Урбанизированная личность, часто надолго оторванная от таких контактов, деформируется прежде всего в сфере экономического сознания: дорожить результатами чужого труда можно только тогда, когда воспринимаешь их как ценность, а само понятие ценности приходит в сферу человеческого сознания только через природу. Именно в ней человек соприкасается с абсолютными ценностями; именно она (природа) есть источник таких ценностей. Все, что впоследствии создается трудом человека есть лишь видоизменение и преобразование природных ценностей. Если вдуматься в суть экономической деятельности, то она состоит именно в преобразовании природы! Но насколько же ответственна и многотрудна эта задача, часто непосильная многим людям. Ведь испортить природу в ее абсолютных ценностных проявлениях гораздо проще, чем улучшить или усовершенствовать их! Уродуя ландшафт, истребляя фауну и флору, загрязняя атмосферу и гидросферу, человек тем самым уродует себя. И причина этого – отсутствие целостного, сизигистичного в своей основе экономи-

ческого сознания. Как часто «благие намерения ведут в ад» бесхозяйственности, хотя эти намерения исповедывают в общем-то вполне нравственные и сознательные люди. Но сознательность и нравственность эта – не экологическая, а следовательно, и внеэкономическая.

Эту фальшивую сознательность взрослых остро чувствуют дети, у которых сознание более экологизировано, а мышление более непосредственно и конкретно, чем у взрослых. Дети часто говорят: «Мне жалко кошку или собаку, будь у меня деньги – накормил бы всех бездомных животных. А вот людей мне не жалко, они сами могут позаботиться о себе». Позаботиться о себе может и собака, и кошка, если им не будет мешать человек. Если у рыбы будут чистые водоемы, будет жить рыба, будет равновесие в природе. Если будут чистые луга, будет корм и для животных, будет и равновесие в природе. Удивительно, но только человек, обладающий сознанием, «царь природы» является единственным источником нарушения природного равновесия. А нарушение природного равновесия ведет к нарушению гармонии между природой и человеком, а значит, уродует и самого человека. Так является ли человек, разрушающий такую гармонию и лишенный экологического сознания, венцом этой самой природы? Далеко не праздный вопрос, учитывая колоссальный рост наркомании, преступности, нервных заболеваний и психических расстройств в современном обществе. Поэтому такое неэкологическое, неэкологизированное сознание, мышление, познание есть уродующая человека действительность. Безусловно, прав был Б. В. Яковенко, когда утверждал, что «практическое познание» употребляет познание в качестве средства, в виде орудия или инструмента, само по себе совсем не будучи познанием и называясь познанием только отраженно, переносно, а потому и двусмысленно»¹⁰. Действительно, простое отражение факта природы ведет к разным последствиям и только экологизированное отражение, когда в мышлении, познании и сознании хозяйствующего субъекта природа предстает как абсолютная ценность, ведет к гармонии с нею, а следовательно, к «внутренней» гармонии. У людей, любящих природу, живущих с нею в гармонии, нет злобы, зависти, они не стремятся винить в своих трудностях или житейских неудачах других. Потому что нравственное начало привносится в него природой. И хотя бихевиористы полагают, что человек посредством своей психики просто отражает внешнюю среду, но это лишь

¹⁰ Яковенко Б. В. Указ. соч. С.433.

часть истины. Другая ее часть состоит в том, что «внешняя среда» перетекает в «среду внутреннюю» и становится «внутренней средой» человека не только через психику, но и через сознание, через ценностное восприятие и понимание, осмысление этой среды. Природа как внешняя среда и природа как внутренняя среда сливаются в экологизированном сознании личности не на уровне условных или безусловных рефлексов, а на уровне синтеза всех типов познания, понимания, постижения.

Экологизация экономического сознания есть восприятие природы как абсолютной ценности. Не только для себя, но и для всех окружающих, не только для ныне живущих, но и для тех, кто будет жить после нас. Это восприятие рождает бережное, чуткое, любовное отношение к природе, начиная от отношения к приусадебному участку или газону под собственным балконом, и заканчивая отношением к природе вообще, к глобальным проблемам экологии в целом. Выработывая особую «манеру» мышления и поведения, личность начинает ощущать себя не потребителем, а хранителем природы, не только ее продуктом, но и творцом. В самом деле, любое богопонимание и богоискательство в философии есть лишь слабая рефлексия человеческого духа не на гнозис, а на природу. Человек, сохраняющий и лелеющий природу – чем не миссия, свойственная Богу? Продолжение и сохранение жизни, продолжение и сохранение природы – это жизнь во времени и вне времени. Следует осознать, что природные ценности отнюдь не являются просто ресурсами, как их рассматривает современная экономика. Такое потребительское и неэкологизированное отношение к природе – варварство. Природные ценности не просто в ряде случаев невозпроизводимы, но и невозполнимы, уникальны. Сторонники клонирования и других технологий в современной биогенетике и евгенике могут возразить, что можно воспроизвести даже мамонтов, вымерших миллионы лет назад. Но вряд ли это станет массовым явлением в силу крайней дороговизны самого процесса, а кроме того, всегда будет ощущаться разница между подлинником и его копией, между синтетическим и натуральным самоцветами, между культивированным жемчугом и его природным образцом.

Точно также дизайнеры могут воссоздать утраченный рельеф или рошу, но эти «английские парки», стриженные под одну гребенку, эти Евродиснейленды и Порто-Авентуры, в которых Мексика, Полинезия, Дикий Запад и сказочный Восток, расположены на территории всего в пару десятков гектаров, есть лишь детское развлечение и ничего более. Настоящая природа – не

ресурс, а среда жизнедеятельности человека. Но и такое восприятие природы далеко от полного, потому что природа есть также душа человека, поскольку «душа – это поток переживаний, чувствований, ощущений, приятных и неприятных состояний, воспоминаний и забвений и т.д.»¹¹. А поток души, как и любой другой поток, имеет свое начало и конец: начало и конец человеческой души и есть сама природа. Человек же, его мозг и сердце – это лишь русло, по которому движется душа; если у потока нет русла, оно превращается в отмель, болото...

Аллегорическое и метафоричное описание экологизма в нашем случае, вероятно, далеко от полноты. Но тем не менее, представляется, что экологизация – важнейший вектор развития и совершенствования экономического сознания, придания ему полноты, полноценности. Можно было бы рассуждать и философствовать в этом отношении достаточно долго. Но совершенно очевидным является факт настоящей и даже объективной необходимости экологизации современного сознания в целом, и русского экономического сознания в частности. Отметим в связи с этим лишь одну важную черту. Русское сознание, в том числе и сознание экономическое, на наш взгляд, гораздо более западного экономического сознания предрасположено к экологизации. И хотя, казалось бы, в европейских странах с их малыми пространствами, ничтожными природными богатствами и высокой степенью «загрязненности» экономическое сознание достигло несоизмеримо больших побед, чем русское, а в нашей стране, с ее колоссальными природными ценностями и богатствами еще преобладает бесшабашное, часто просто наплевательское и совершенно лишенное экологизма экономическое сознание, но в действительности здесь речь должна идти о преобладании бессознательного в хозяйственной практике, а не о сознательном разрушении природы. Дело все в том, что соотношение сознательного и бессознательного в экономическом мышлении и хозяйственном поведении детерминировано массой различных факторов: историей, культурой, природной средой, демографией, этнографией, психологией и ментальностью и т.п. Комплекс этих детерминант в русском обществе самобытно-специфичен и все еще плохо осмыслен в контексте его воздействия на хозяйство. Кроме того, говоря о низкой или вообще «никакой» экологизации современного сознания в нашей стране, не следует путать российское экономическое сознание и русское экономическое сознание. Сове-

¹¹ Ильин И. А. Указ. соч. С.456–457.

менное российское экономическое сознание представляется «мусорной свалкой различных отходов»: идей и «идеек» монетаристского, неоклассического, неолиберального, неокейнсианского, неинституционального и всякого иного толка. Современное российское экономическое сознание одновременно есть и смесь обыденного сознания, доморощенных идей и установок с привнесенными извне «концепциями», начиная от «чуч-хэ» и заканчивая национал-социализмом. Ничего общего с действительно русским экономическим сознанием, основывающемся на собственном историческом опыте, на собственной богатейшей культуре, на собственном природном богатстве и духовном самостоянии, у всех этих проявлений «российского» экономического сознания сегодня нет. Как бы ни блеснул глянец на культивированном жемчуге, он всего лишь жалкая копия природного. Русское экономическое сознание в полной мере сохраняет свою целостность и ценность, хотя оно и не является официальной идеологией или «генеральной линией» современной администрации. Тем хуже для власти! Потому что подмена подлинника копией ведет к выхолащиванию общения зрителя с художником, а в нашем случае – к отчуждению власти от народа.

Русское экономическое сознание проявляет свою экологичность в самых неожиданных ракурсах и феноменах. Так, новые русские строят пышные особняки не в городах, а на природе. Сначала они живут среди мусора и клещей, но затем начинают финансировать строительство дорог и санитарную обработку леса или водоема... Разве традиционная тяга русского человека к земле, к природе не есть проявление большей склонности русского сознания к экологизму? И разве урбанизированное экономическое сознание американца или европейца, предпочитающего пикник и уикэнд постоянной жизни на природе, не свидетельствуют об обратном?

В этой предрасположенности русского экономического сознания к экологизации, к сожалению, отягченного сегодня потребительством, культом западного, антипатриотичностью, скрыта, с нашей точки зрения, колоссальная энергия. И только надежда на раскрепощение, освобождение и разумное использование этой, пока скрытой, энергии русского экономического сознания дает нам оптимистическую уверенность в большом будущем нашей экономики, в том, что наше общество через фазу выживания перейдет в фазу устойчивого экономического развития и достигнет этапа процветания.

ГЛАВА V. ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

§ 1. Глобализация современного экономического сознания

Трансформация современного экономического сознания в начале нового тысячелетия поражает воображение. Меняется буквально все: скорость получения и обработки информации; способы ее добычи; методология мышления; масштабы обработки получаемых знаний, с которыми с трудом справляются современные поколения техники. Но вместе с тем, до сих пор остается нерешенной проблема сущностной характеристики современных процессов трансформации экономического сознания, его причин, динамики, конкретных направлений, общей направленности. Представляется, будто экономическое сознание развивается автоматически вслед за научно-техническими революциями, за изменяющимся миром хозяйства, напрочь забывается идея об определенной самостоятельности, автономности экономического сознания. Плохо осмыслена идея ноосферы и роли экономического сознания в ее развитии. Более того, трансформация экономического сознания, как и сознания в целом, вообще, часто обобщается совершенно взаимоисключающими друг друга терминами, подобными «акселерации», «парадигме», «дереализации», «прорывам», «динамизму» и т. п., что никоим образом не проливает свет на то, что же такое есть сама трансформация современного экономического сознания. Является ли она уплотнением экономического сознания во времени или просто связана с резким увеличением знания (информации) о хозяйстве? Является ли такая трансформация метаморфозой экономического сознания, обусловленной пауперизацией мышления и прагматизацией нашей морали или под трансформацией следует понимать исключительно усовершенствование, улучшение, модернизация экономического сознания безотносительно его прикладной стороны? Переход количества информации, получаемых человеком знаний о хозяйственной сфере его жизнедеятельности, в какое-то новое качество, если это качество реально актуализируется и не является лишь нашим представлением, требует серьезного философского осмысления сущности процесса такой трансформации. Мы оговариваемся по вопросу о том, является ли новое качество экономического сознания и получаемого знания (и будет ли оно) лучшим или худшим по сравнению с прежним состоянием экономического сознания, потому что взвешенные оценочные сужде-

ния в этом вопросе возможны лишь после выявления характеристик данного качества экономического сознания человечества и степени его соответствия или несоответствия коренным интересам личности, общества и окружающего нас мира.

Рассматривая экономическое сознание как продукт научно-философского познания, невольно обнаруживаешь удивительную тенденцию: суть ее состоит в смене прежнего традиционного позитивизма новой его модификацией – инструментализмом. Последний, пройдя фазы модернизма и постмодернизма, вступил в самом конце закончившегося тысячелетия в фазу «качественно» нового состояния, что, собственно говоря, и обусловило его «перетекание» из других сфер применения в экономику. Постмодернизм пришел непосредственным образом в экономику из архитектуры, и это символично. Ведь архитектура, с одной стороны, есть замысел, потенция творческого ума, а с другой, – его реализация в хозяйстве, собственно, экономика в новом качестве. Руководствуясь тезисом А. Гауди (Испания) о том, что «чем совершеннее формы, тем меньше декоративной отделки они требуют», современные модернисты-философы особое внимание уделяют в сфере философско-экономического анализа именно формам, инструментальному исследованию. Развитие современной морфологии достигло в XX в., безусловно, выдающихся высот. Морфология рынка, цен, прибыли, инфляции широко известна уже на уровне вузовского обучения и способствует развитию представлений учащихся о многообразии и бесконечности не только самой природы, материи, но и «природы экономики», экономической материи в том числе. Но, как нам представляется, увлекаясь морфологией, исследованием форм и инструментария современной экономики, т.е. тех способов, методов, приемов, с помощью которых можно обнаружить, исследовать и использовать на практике конкретные формы хозяйствования, современный инструментализм предаёт забвению другую важную мысль, высказанную В. Розановым (Россия) о том, что «совершенство формы есть преимущество падающих эпох»¹. В самом деле, прежний позитивизм также исходил из необходимости накопления, описания и систематизации информации, как и современный инструментализм, что вполне роднит его с современным постмодернизмом-инструментализмом: описание затрагивает внешние проявления экономических явлений, т.е. формы, но не касается сущности

¹ *Розанов В. В. Эмбрионы // Русская философия: Конец XIX – начало XX века. СПб., 1993. С.166.*

процессов экономики, причин появления или отмирания конкретных ее форм, трансформации этих форм. Разница между современным инструментально-модернистским философствованием западных исследователей в области макро- или микроэкономики и традиционным позитивизмом К. Поппера, Т. Куна, Р. Карнапа, Л. Роббинса, П. Фейерабенда и др. заключается лишь в том, что, в отличие от традиционного позитивизма конца XIX – начала XX вв., сегодня акцент делается именно на инструментальной стороне вопроса. Что такое форма? «Она есть то, что мы о ней говорим». Отсюда следует вывод о символизме, роли языка, герменевтике и т. п. Конечно, это важные аспекты философии хозяйства, но стоит ли ограничиваться ими и тем более сводить философию экономики к лингвистике или даже мистике? Конечно, нет.

Мистификация современного экономического сознания между тем факт непреложный. Давайте обратимся к примеру. В XX в. в условиях господства той или иной доктрины (в СССР и странах социализма таковой доктриной в XX в. был диалектический материализм) все казалось ясным и «разложенным по полочкам»: все вопросы, будь то вопрос о роли масс в истории или смене одних общественно-экономических формаций другими, о классовой борьбе или тенденции экономического развития, казались полностью изученными, а ответы на них – исчерпывающими. После крушения этой догмы оказалось, что наше сознание в целом, а экономическое сознание в частности, столкнулось с вакуумом этой самой «исчерпанности», ясности и очевидности, в иллюзорном мире которых все мы пребывали до сих пор.

Вместо научного объяснения процессов политической, экономической и идеологической борьбы, которые разворачиваются на пространствах современной России, мы сталкиваемся с феноменом полнейшего непонимания и «хаотизации нашего сознания». В самом деле, задаемся мы вопросом, как могло так случиться, что несколько «реформаторов» упразднили Советский Союз как геополитическую реальность? Как могло такое случиться, что ГКЧП, в руках которого была вся полнота власти, «лопнул» как мыльный пузырь? Как могло так произойти, что в конце XX в. на улицах Москвы гремели залпы танков, обстреливающих законодательный орган власти в стране? Как могло так случиться, что богатейшая страна превратилась в страну-попрошайку, когда ее премьеры и министры разъезжают по миру и просят реструктурировать или пролонгировать внешний долг? Вопросов – лавина, а ответов на них практически нет. Потому что каждый обывательский ответ, каждый индивидуальный вариант объясне-

ния дается в меру собственных мыслительных способностей, а научного и философского мышления не выработано.

Но и на Западе, с крушением старого позитивизма, началась «хаотизация сознания». Пытаясь найти объяснения этому в описании «универсума фактов», связывая «метафизическую сферу со сферой социологии», Г. Маркузе также приходит к выводу о том, что традиционное «одномерное общество в ходе своего развития изменяет отношение между рациональным и иррациональным». Но это изменение остается лишь внешним, оно есть переход от структурализма к постструктурализму, обычная семиотика. В этом переходе можно обнаружить отдельные вариации: от символики и языка (Лангер), опять к эросу², от эмоции – к «разделенному Я»³. Но суть трансформации современного экономического сознания, как и сознания вообще, западные исследователи опять-таки сводят к частностям⁴.

Тот же Г. Маркузе видит суть такой трансформации в «слиянии Разума и Искусства», как будто прежде экономика отвергала искусство или оно отсутствовало, было вне экономического сознания.

С нашей точки зрения, современная трансформация, затрагивающая все сферы человеческой жизнедеятельности, а экономическую прежде всего, связана с глобализацией хозяйства. Проживая свою жизнь в условиях глобализации современной экономики, мы не можем оставаться «робинзонами» или отшельниками. Поэтому и методология «робинзонады», присущая экономической теории XIX века или экзистенциализм исследователей XX в. сегодня «не работают», они очевидным образом устарели. Вместо них и появляется инструментализм с лозунгами: «Суть – в частностях», «Все внимание технике», «Философия техники» и т.п. При этом упускается из виду сама по себе глобализация экономического сознания.

Конечно, причинами глобализации экономического сознания являются процессы глобализации в реальной экономике, нарастание числа и масштаба тех самых глобальных проблем, о которых мы часто имеем смутное представление. Традиционно считается, что глобальной является проблема, требующая совместных усилий, решение которой в одиночку (отдельно взятым

² См.: Маркузе Г. Эрос и цивилизация: Пер. с англ. М., 1995.

³ См.: Лейнг Р. Разделенное Я: Пер. с англ. М., 1994.

⁴ См.: От структурализма к постструктурализму: Современная французская семиотика / Сост. Г. Косикова, А. Жарковский. М., 1995.

государством или крупной транснациональной корпорацией) невозможно. Однако в этом суждении улавливается лишь количественная характеристика проблемы, но не ее качественность. Глобальная проблема отнюдь не сводится к масштабам. Дело в том, что глобальная проблема – это проблема, которую нельзя решить раз и навсегда, которую приходится решать постоянно, кропотливо и системно. Отсюда следует императивность глобального характера современного экономического мышления. Нам кажется, что охрана окружающей среды или освоение космического пространства, использование богатств мирового океана или борьба с бедностью и нищетой – проблемы весьма отвлеченные, непосредственно каждого из нас не касающиеся, не затрагивающие. Однако, когда нищета начинает стучаться почти в каждый дом многих россиян, когда мы пьем отравительную воду, которая льется из кранов, когда обломки и остатки космического мусора падают на крыши наших домов – наступает прозрение. Это начальное прозрение и есть основа трансформации современного экономического сознания.

Глобализация экономического сознания выражается тезисом: «Мне до всего есть дело». «Конечно, – писал когда-то В. Ф. Эрн, – можно повернуться к бедам других людей спиной... Но если я хоть сколько-нибудь добросовестный человек, случайная и недостаточная помощь двум или трем не может заслонить предо мной горе и слезы сотен тысяч. Горе и слезы остаются вполне самостоятельным вопросом, и вопрос этот обнаруживает свои громадные, мучительные размеры»⁵.

Глобализация экономического сознания приводит в конечном счете к изменению иерархии нашего знания об экономике, к отказу от пиетета одних задач и выдвижению на передний план других, новых. Изменение иерархии экономического сознания обуславливает и более широкую, экстенсивную трансформацию сознания в целом, поскольку вслед за изменением иерархии экономического знания и сознания начинается цепная реакция в политическом, культурном, нравственном, правовом сознании и т.д. То, что эти процессы происходят несинхронно, спонтанно, часто противоречиво обуславливает частоту и глубину социально-экономических потрясений и кризисов в обществе. Следует учитывать также, что реальные тенденции социально-экономического развития отнюдь не моментально и не со всей

⁵ Эрн В. Ф. Христианское отношение к собственности // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб., 1993. С.210.

полнотой «отражаются» в экономическом сознании. Наконец, само экономическое развитие как отражаемый предмет (объект) наполнено противоречиями. С одной стороны, можно выделить, например, тенденцию к индустриализации и постиндустриализации (компьютеризация, информатизация, автоматизация производства и сферы услуг), а с другой – тенденцию к дезиндустриализации, расширению сферы ручного труда. Так, в европейских странах выше всего ценится именно продукция «made hand» – сделано вручную. Индивидуализация и персонализация в сфере современного туризма, персонификация обучения, вариативность медицинского обслуживания или страхования немыслимы на основе исключительно шаблона, потока, конвейера. Единство и борьба этих двух тенденций в современной экономике – реальность. Такая же, как и реальность другой борьбы и другого единства противоположностей: между центристскими силами и тенденциями и центробежными. Например, в Западной Европе набирают силу именно центристские тенденции, развивается Единая Европа, экономика в рамках Шенгенского Соглашения. В России наоборот, возобладали центробежные тенденции, приведшие к распаду Советского Союза, подтачивающие единство современной России. Это единство и борьба «противоположностей» отслеживается и внутри каждой страны: в борьбе политических партий и общественных движений, выступающих либо за консолидацию, либо за «развод»; между крупными корпорациями, в интересах которых – сохранение единых рынков, и профсоюзами, выступающими против миграции рабочей силы и товарных интервенций. Такая внутренне противоречивая природа «отражаемого объекта» в экономическом сознании порождает определенные трансформации в последнем. Эти трансформации находят свое выражение в новых идеях и законах, новых правилах конкуренции и производства, в новом отношении потребителя к производителю, а производителя к потребителю. Классическим примером «смены вех» является отношение российской власти к крупным корпорациям. Ленинское учение о том, что любая монополия ведет к загниванию, предложения Э. Чемберлена ограничивать деятельность монополий, лозунги Дж. Робинсона о контроле над монополиями сегодня в нашей российской действительности практически «обернулись» в практику всевластия крупнейших монополий и государственное поощрение их безнаказанности. Слияние власти и корпораций, личная уния, способствующие формированию в России государственно-монополистического типа капитализма – основа такого отношения. Когда бывший гла-

ва Газпрома становится премьер-министром, а затем «уходит на пенсию» послом в самую газопотребляющую республику СНГ, когда вице-премьер российского правительства опять-таки становится управляющим Газпрома – это уже традиция и личная уния в ее классическом виде. К чему она приводит в долгосрочной перспективе, Западная Европа уже знает: к тоталитаризму и фашизму. Но в нашем случае в качестве актуальной стоит другая проблема: «день простоять и ночь продержаться». Вот и «впрыскивается» в общественное экономическое сознание идея о недопустимости развала естественных монополий, которые уже до небес подняли тарифы на потребление энергии, топлива, услуг. Это – основа системного отчуждения власти от народа и нарастания объективного противостояния между ними. Экономическое развитие таким образом из режима эволюции неизбежно переводится в режим конфронтации и революционного противоборства.

«Революционаризация» современного российского экономического сознания выступает проявлением глобализации экономики и непродуманного непроработанного отношения к ней со стороны власти и со стороны населения. Но и в Европе антиглобалистов хоть отбавляй. Интересно, что они в основном состоят из молодежи, юнцов, которые и в экономике-то не разбираются. Ангажированность такой «социальной среды» – лишь проявление люмпенизации экономического сознания новых поколений. И это – опаснейшая тенденция. Продажность (толерантность) человеческого сознания, его способность отчуждать свои собственные экономические интересы долгосрочного характера за сиюминутную взятку в виде денежного аванса или продвижения по службе, не могут не удручать.

Глобализация экономического сознания, однако, выражается не только в смене иерархии самого экономического знания, не только в изменении познавательных технологий, методологии и инструментария самого экономического мышления, не только в изменении понятий, содержания научных категорий. Если бы это было так, то достаточно было бы издания одного общего экономического словаря для того, чтобы ликвидировать многоголосицу мнений и суждений. Глобализация экономического сознания выражается не только в ускорении сбора и обработки информации, растущем ее объеме и напряжении осмысления происходящих «тектонических» перемен в хозяйстве; эту проблему также можно было бы решить с помощью развития информатики, распространения и совершенствования ЭВМ, компьютеров, модемной связи и т.п. Глобализация экономического сознания проявляется преж-

де всего в его дегуманизации, выхолащивании из экономического мышления и экономического лексикона самого мотива человека, разрушении антропологической его составляющей. Технологизация и инструментализация, технократизация и корпоративизация экономического мышления превращает человека эпохи постиндустриализма в существо без корней, в киборга, в мыслящую машину. Во все большей степени человек становится античеловеком, дегуманизированным существом, бесчеловечным эксплуататором, потребителем, собственником. Экономические «ипостаси» его stagnирующей человечности в условиях глобализации реальной экономики многообразны и изощренны. Руководствуясь сугубо экономическими расчетами, мотивами максимизации прибыли, личной власти, собственного авторитета он отнюдь не служит интересам других даже в собственной стране, не говоря уже о транснациональных корпорациях, для которых родина – кошелек. Дегуманизация и эгоизация хозяйственного поведения отслеживается уже на уровне формирования экономических мотивов. Новая мотивация и есть новая онтология хозяйства в условиях глобальности.

Дегуманизация мотивационной стороны в хозяйственной деятельности, хозяйственной политике, сфере хозяйственной этики и экономической идеологии обостряет все конфликты, как на уровне межличностном, так и на уровне межнациональном, межгосударственном. В начале III тысячелетия современный человек готов убивать, взрывать небоскребы, нисколько не задумываясь над проблемами гуманности. Его мало что отличает от животного или дикаря, которые осуществляли свою борьбу в целях выживания. Современный человек имеет цели, не поддающиеся логике. Потому что первоначальное логическое объяснение мотивов, которыми руководствуется браконьер, контрабандист, террорист, фальшивомонетчик или крупная корпорация, производящая заведомо вредные лекарства, фальшивые продукты или низкопробные услуги, оставляет нас неудовлетворенными. В самом деле, уничтожая конкурента, противник уничтожает среду, которая объективно диктует ему необходимость совершенствования производства и выпускаемой продукции, так порождается лень и стремление сорвать куш за счет потребителя. «Капиталист порождает своего будущего палача». Почему? Потому что разваливая единое национальное экономическое пространство экономический агрессор уничтожает покупательную способность своей будущей жертвы, которая уже никак не сможет приобрести дорогостоящую иномарку, сантехнику или евроквартиру. Увеличивая

налоги ради пополнения казны, власть одновременно наркотизирует свое стремление тратить несоразмерно доходам, опустошать казну. Но мораль-то одна: дегуманизация экономического сознания тем шире и глубже, чем быстрее происходит глобализация хозяйства. И в этой связи встает задача изыскания и применения противовесов, сдержек такой дегуманизации. Таким противовесом может служить только национальное самосознание, через которое, как через сито пропускаются все мотивы, задачи, цели, инструменты и методы решения глобальных проблем. Вместе с тем, сама постановка глобальных проблем не может носить исключительно национальный характер. Подлинный гуманизм в этом смысле не делает разницы между людьми разных наций и национальностей.

Подлинный гуманизм не только не отвергает, а даже предполагает глобальный подход к экономическому обустройству человеческого существования. И в этом нет никаких противоречий. Богатые страны в рамках разнообразных программ ООН оказывают гуманитарную помощь и поддержку отсталым странам. То, что такая поддержка носит небескорыстный характер, вовсе не отвергает и не отрицает необходимость ее осуществления. В этом смысле, речь должна идти о степени и форме гуманизма, а не о самом гуманизме как желательном или нежелательном эпизоде экономической политики.

И когда президент одной страны выражает соболезнования по случаю многочисленных жертв стихийных бедствий и техногенных катастроф президенту другой страны, то в этом проявляется лишь очень маленькая степень гуманизма экономического сознания главы конкретного государства. Почему он не выражает непосредственно соболезнования родным и близким погибших людей? Когда чиновник заявляет о том, что он будто бы «опроверг» обвинения репортеров в растрате, нецелевом использовании или присвоении бюджетных средств, то он только отвергает, но никак не опровергает эти утверждения! Когда мы думаем, что «своя рубашка ближе к телу» и нужно «думать сперва о себе, а потом о Родине», в нас срабатывает чувство корыстолюбия, стяжательства, ничего общего не имеющее с характерными свойствами русского национального экономического сознания: его гуманистичностью, сизигийностью, соборностью, патриотичностью, приоритетностью духовного над материальным, возвышенностью чувственного над идейно-рациональным, гармоничностью и органичностью. Выпадение этих и ряда других наиболее важных черт национального экономического сознания при вестернизации рос-

сийской экономики и обуславливает дегуманизацию хозяйственного мировосприятия и мироотношения современного человека.

В русском экономическом сознании приоритет общего, коллективного, соборного, народного над индивидуальным, персональным, личным был не просто осмысленно-осознанным, но и находился в полной гармоничной соотнесенности с субъективно-объектной сущностью экономического сознания как такового. В экономическом сознании русского человека эта гармоническая соотнесенность проявлялась в самой глубине народного понимания необходимости единства всех и каждого. Объективацией такого понимания и выступало саморазвитие такого хозяйствующего этноса, как русский народ. Не о населении, а о русском народе как народе России идет речь. При этом народ России был и есть в хозяйственном сознании русского человека не простой конгломерат или механическое соединение различных этносов или национальных групп, даже не просто «российский народ», а суть русский народ как исторически сложившаяся и развивающаяся межэтническая общность, в которой русское начало выступает определяющим, синтезирующим, преобразующим, воспринимающим и генерирующим все другие «начала». В смысле хозяйства речь идет о взаимодействии различных хозяйственных культур, традиций, технологий, в процессе которого саморазвивается именно русское хозяйство и русское экономическое сознание.

Не следует путать такое саморазвитие с примитивными и достаточно беспредметными, внесущностными, внесмысловыми процессами, подобными информатизации, компьютеризации или автоматизации. И хотя XXI век безусловно будет веком мировой экономической информатизации, вовлеченность в которую нашей страны представляется неизбежной, но сама по себе информатизация может быть благом только в том случае, если она будет способствовать развитию и сохранению экономического сознания, а не разрушать его.

Экономика постиндустриального общества – это, безусловно, информационный сдвиг, но куда?

Что такое экономика постиндустриального общества? Если мы попробуем охарактеризовать ее как роботизированную, компьютеризированную, автоматизированную экономику, то это будет лишь часть общей картины. Переход от простого индустриализма к сложному, который был связан с роботизацией, автоматизацией и компьютеризацией производства, начался полномасштабно еще в 60-е гг. XX столетия. Но этот процесс вел только к усилению индустриализма, к развитию поточного производства,

дифференцированию и специализации, диверсификации и концентрации. Все это – разные стороны одного и того же процесса углубления общественного разделения труда, который продолжается уже не одно тысячелетие.

Если мы рассмотрим экономику постиндустриального общества с позиции качественно нового критерия, мало что общего имеющего с критерием индустриализма, то следует, прежде всего, этот критерий найти и сформулировать. Современное развитое общество и его экономика в полной мере пока сохраняют черты индустриализма с его приверженностью к централизации, гигантизму, унификации, иерархичным структурам. Однако уже нынешний, новый уровень технико-технологического развития обуславливает формирование новой системы ценностей в экономике, с ориентацией на децентрализацию, независимость, многообразие. Особенностью современной экономической ситуации является, прежде всего, стремительность перемен, уплотнение времени, в рамках которого происходят крупномасштабные тектонические изменения, которые в прежние времена заняли бы целые века. Мы живем в стремительно меняющемся мире. По мнению А. Тоффлера, скорость перемен неуклонно нарастает, и современный человек как бы проживает не одну, а несколько жизней: в детстве он видел, как в обиходе появляются примитивные механизмы, а к старости он запросто управляется с компьютером или автоматом.

Что же лежит в основе перехода к качественно новой экономике? Казалось бы, в основе такого перехода лежит глобальная информатизация общества. Б. Гейтс, владелец мировой корпорации «Микрософт», в своей книге «Дорога к будущему» пишет, что информатизация общества есть начало новой революции во всех сферах жизни. Сегодня, когда вычислительная техника доступна по цене и может использоваться в повседневной жизни, мы стоим на пороге новой революции – делает он свой вывод. Какая революция имеется в виду? Речь идет о возможности соединения всех, существующих в мире компьютеров друг с другом и о создании грандиозной глобальной информационной сети, прообразом которой сегодня выступает Интернет. Рассматривая рыночную экономику сквозь призму компьютеризации и информатизации, Б. Гейтс полагает, что единая информационная магистраль резко увеличит динамизм и эффективность функционирования рынка.

Вместе с тем, на наш взгляд, ошибочно подходить к проблеме информатизации общества как к технической проблеме.

Такой подход свидетельствует о неверном понимании самого содержания процесса информатизации общества. Дело в том, что по своей природе и по содержанию, информатизация означает общественный, социально-экономический, социально-политический и культурный переворот в жизни общества, его переход в новое качественное состояние. Особенность этого этапа в развитии мировой экономики состоит в спаянности социальных и технических процессов. Новая технология, направляемая современной наукой, выражает и новую социальную культуру общества. Ключевое слово в последней фразе «направляемая». В самом деле, вскоре после второй мировой войны технология занимала важное место, что было вызвано такими ее достижениями, как радар, кодирование, лазер, синтетический каучук, атомная бомба. Но уже в 60-е гг. многие страны поняли, что без маркетинга и менеджмента реализовать достижения НИР невозможно. Возник даже лозунг: маркетинг – ключ к успеху. Повальное увлечение молодежи проблемами маркетинга и менеджмента в нашей стране сегодня есть лишь запоздалая реакция на общемировой бум в этой области, который приходится на 70-е гг.

Поскольку политику стал диктовать рынок, а не технология, расходы на НИР стали заметно падать во всех странах, а расходы на организацию производства и сбыта наоборот – возрастать. Фактор организации стал, пожалуй, важнейшим в процессе жизнедеятельности многих крупных корпораций. Стали появляться транснациональные гиганты – корпорации, представляющие собой не прежние международные картели или синдикаты типа «Ост-Индской К^о» или «Вест-Индской К^о», а мощные финансово-промышленные группировки, объединявшие десятки предприятий и организаций.

Для эффективной организации производства и сбыта, разработки концепции менеджмента и маркетинга потребовалось осознать ту простую истину, что в конце XX в. люди имеют дело с концептуальным пространством, связанным электроникой, а не с физическим пространством, связанным легковым автомобилем.

Период становления постиндустриальной экономики начался. Западные экономисты и социологи (Э. Тоффлер, Дж. Нэсбит, Е. Масуда, Р. Хейлброннер, Д. Белл и др.) в своих работах анализируют закономерности формирующейся постиндустриальной цивилизации: переход от национальной экономики к наднациональной, мировой; переход от старых технологий к высоким технологиям – биогенной инженерии, кодированию, лазерным технологиям и проч.; отход от централизма к децентрализму,

развитию самоуправления; конвергенции социально-экономических систем, некогда принципиально различных. «Хотя мы продолжаем думать, что мы живем в индустриальном обществе, – утверждает Дж. Несбит, – мы фактически перешли к экономике, основанной на создании и распределении информации».

Информация уже сегодня пронизывает все сферы жизни, стала основой экономического роста, движущей силой технологии, высочайшей экономической ценностью. Оттеснив такие традиционные факторы производства, как земля, труд и даже капитал, информационный фактор в возрастающей степени оказывает влияние на экономический рост, эффективность и занятость. Передовые страны сегодня развиваются как информационные экономические системы во все возрастающей степени зависящие от масштабов производства наукоемких информационных товаров и услуг.

Информационное общество предстает как интегральное понятие, охватывающее все стороны функционирования социальной системы. Основные характеристики этого общества: в технической сфере – широкое внедрение информационных технологий в производстве, сбыте, управлении, рекламе, образовании; в социальной сфере – воздействие информации на социальный статус личности, социальное мышление людей, социальные институты, отношения и традиции; в экономической сфере – превращение информации в главный источник добавленной стоимости, непосредственную производительную силу общества; в политической сфере – формирование соответствующих политических систем, норм и ценностей под активным воздействием информатизации.

Промышленность постиндустриальных стран развивается в направлении от электроники, лазеров, оптики, массовых коммуникаций и информации к генетике, альтернативной энергетике, экологической инженерии. Последние представляют собой экономизированную информационную технологию, подобную медицинской радиолокации или технологии клонирования. В связи с этими «изобретениями» постиндустриального общества встает закономерный вопрос: а гуманно или это общество, гуманна ли свойственная ему экономика? Не происходит ли дегуманизация экономики и самого общества в силу сверхиндустриализации не только самих производительных сил, но и производственных, а если шире – всех экономических отношений? Не есть ли постиндустриальная стадия развития этап, на котором происходит отказ

от культура как таковой, в том числе и от экономической культуры?

Эти вопросы предполагают обращение к самому понятию культура и анализу того значения, которое она имела на этапе индустриализации экономики и имеет теперь, в эпоху постиндустриальности. Весьма соблазнительно, как иногда это делают некоторые исследователи, полагать, что культура есть не что иное, как механизм адаптации человеческой популяции к изменяющимся конкретно-историческим, социально-экономическим или природно-климатическим условиям среды. Культура в таких трактовках фактически теряет свой смысл и становится лишь инструментом приспособления, социальной мимикрии. Есть, например, «асфальтовая культура», когда в урбанизированной до предела среде, лишенной естественного ландшафта, жители городов приспосабливаются к конкретным условиям обитания с помощью роликов, велосипедов, самокатов, скейтбординга и прочих новшеств индустрии развлечений. Сюда же можно отнести и различные полуфабрикаты «быстрого приготовления», например, суповые брикеты или вакуумно упакованные консервы.

Однако совершенно ясно, что дегуманизация современного общества как раз и проявляется в ослаблении влияния культуры на человека и усилении воздействия субкультуры, то есть той самой «культуры приспособления», о которой часто приходится слышать. Культуру и субкультуру нельзя считать синонимами и не следует подменять одно другим. Если действительная, подлинная человеческая культура есть способ самореализации человека как личности, форма проявления его творческого начала, созидательная сфера духовности, то субкультура выступает лишь как инструмент, обеспечивающий технико-комфортные условия жизнедеятельности и ничего более. Способом самовыражения она является, но способом самореализации нет. Вспомним феномен 60-х гг. в условиях индустриализма – субкультуру хиппи, панков, рокеров и др. Эти формы самовыражения в конце концов доказали лишь то, что выражалась энергия человека, а не его личность, биологическая активность, а не социальность. В конечном итоге некогда активные представители этих субкультур преспокойно с возрастом, т.е. с изменением собственного биологического статуса, надевали сорочки, галстуки и пиджаки и становились добропорядочными гражданами, служащими, обзаводились семьями.

Поэтому следует констатировать два вывода: во-первых, культурой экономики, равно как и любой иной сферы челове-

ского бытия, является не адаптация, приспособление, мимикрия человека, не его пассивная реакция на изменение экзогенных факторов, внешней среды обитания или биологического поля, а активное и созидательное взаимодействие с внешним миром, с окружающей его природной и социальной средой, способствующей совершенствованию и самореализации человеческой личности и возвышению духовности; во-вторых, в условиях постиндустриального общества дегуманизация экономики связана с утратой культуры в хозяйственной деятельности людей, с возобладанием мотивов корысти, эгоизма, зависти, элементарного расчета. Концепция естественного порядка и невидимой руки, сформулированная А. Смитом еще в XVIII в., оказалась под большим и обоснованным сомнением.

Логика смитианства состояла, как известно в том, что стремясь к удовлетворению своей корысти, эгоизма своих собственных интересов, человек тем самым обязательно работает и на все общество, выполняет общественно-полезную деятельность и служит другим людям.

Развитие товарно-денежных отношений в XX в. и переход к постиндустриальной стадии со всей очевидностью доказали наивность смитианских идей в этой области. Оказалось, что удовлетворяя свой эгоизм, расчет и интерес, очень многие люди предпочитают заниматься не общественно-полезной экономической деятельностью, а самым элементарным казнокрадством, взяточничеством, спекуляцией и всем тем, что еще Аристотель называл «хрематистикой», а не экономикой. Самым ярким примером массового характера хрематистической деятельности в нашем обществе выступают, например, итоги всех трех этапов российской приватизации. Если в результате ваучерной приватизации 1992–1993 гг. в РФ было создано около 650 чековых инвестиционных фондов, собравших с доверчивых россиян десятки миллиардов рублей и пустивших более восьмидесяти процентов этих средств не на долгосрочное инвестирование базовых отраслей хозяйства, а на краткосрочные спекулятивные операции, то в результате второго этапа приватизации, так называемой «денежной приватизации», страну наводнили различные пирамиды и жульнические компании типа «Тибет», «Селенга», «Алиса», «МММ», «Деловой мир» и т.п., ограбившие миллионы граждан. Сегодня идет доприватизация, когда еще оставшиеся в руках государства реальные ценности, по спекулятивным ценам в принудительном порядке оплачивают квартиросъемщики или арендаторы. О какой экономической культуре или гуманизации экономи-

ческих отношений может в контексте этих махинаций идти речь? Криминальный социально-экономический режим и формирование олигархии в нашей стране официально признаются и высшими представителями государственной власти. В западных странах ситуация аналогичная, с той лишь разницей, что дегуманизация экономики была более латентной, осуществлялась в менее чудовищных, одиозных формах. Уровень жизни там конечно выше, чем у нас, но другие формы проявления дегуманизации хозяйственной сферы те же: высокая безработица, высокая смертность, стрессы, падение рождаемости и т.п.

Дегуманизация постиндустриального общества сегодня столь очевидна, что такие крупнейшие экономисты как П. Самуэльсон и Р. Нордхаус в конце своего популярного учебника «Экономикс» честно признаются в том, что они лелеют мечту о том, чтобы использовать преимущества рынка и демократии для гуманизации общества, в целях гуманного, а не просто цивилизованного развития человечества. Если уж такие крупные специалисты признают факт обездуховнивания и дегуманизации современного постиндустриального общества, то стоит ли вообще уповать на вхождение России в стадию постиндустриализма и копировать западные технологии, стремиться в структуры Лондонского или Парижского клубов и интегрироваться? Не стоит ли вспомнить об элементарном самосохранении и здоровой автаркии?

Идея автаркии имеет самые разные оттенки: от полного изоляционизма и ксенофобии до здорового консерватизма и опоры на национальные интересы. *Первым шагом* на пути разработки идеи здорового автаркизма могла бы стать борьба с вестернизацией отечественного образования, особенно в тех формах, в которых она осуществляется современной властью и компрадорской интеллигенцией, становящейся постепенно и буржуазией, поскольку извлекает свои доходы из различных зарубежных «проектов» и «пилотных программ». Ярким доказательством этого становится заполнение иностранной учебной литературой образовательного поля и издательского рынка. Не только экономику, но даже отечественную историю и философию сегодня «предпочитают» преподавать и рекомендуют изучать по зарубежным учебникам и пособиям, словно нет наших собственных серьезных и очень талантливых изданий. В таких западных публикациях отечественная история часто трактуется как склоки между недоразвитыми представителями политических элит, а экономика – как сплошное недоразумение. Такая откровенно враждебная, ненаучная и просто вредная ориентация предполагает введение

собственной внутривузовской научной цензуры и строгого контроля за используемой учебно-методической базой. Думается, начинать возрождение отечественной духовности и экономики нужно прежде всего с самих себя, с осознания того элементарного факта, что наша наука, культура, экономика и нравственность ничуть не уступают зарубежным, а следовательно, импортные «аналоги» нет никакой нужды рекламировать и распространять у нас. Осознание своей собственной полноценности и самодостаточности станет основой для реализации идеи здоровой автаркии и возрождения российской экономики на принципах высокой духовности и хозяйственной эффективности.

Следующим шагом на пути восстановления национальной экономики и национальной культуры должна стать реформа гуманитарного, прежде всего социально-экономического и правового образования. Это – сердцевина всей реформы национального образования.

Иногда приходится слышать от обиженных современными недоборами на технические специальности педагогов: не экономисты или историки, правоведы или социологи накормят страну, а металлурги, энергетики, слесари и токари. Логика в этих суждениях есть, но самая железная логика должна быть гибкой, если она претендует на то, чтобы ее разделяли и воспринимали. О какой профессиональной подготовке может идти речь, если экономико-правовой подготовки будущие металлурги, слесари и токари не получают? А ведь жить-то им придется в принципиально новых, чем еще десять лет назад, условиях. И вряд ли они скажут спасибо своим педагогам, которые, как оказалось, защищали своими нападкамии в адрес гуманитарного образования не их, а свои собственные интересы, выторговывая побольше часов учебной нагрузки и патологически боясь сокращения штатов.

Сегодня практически все вузы г. Екатеринбурга, например, готовят экономистов и добрая их половина – юристов. О какой квалификации может идти речь в этих условиях, если за дело берется колледж или вуз, где нет не только соответствующей школы экономистов или юристов, но даже профессоров по этим специальностям. Настоящие научные школы создавались в основных вузах города и страны десятилетиями, а некоторые руководители вузов, реагируя на рыночный спрос, пытаются на скорую руку выпускать новоиспеченных экономистов или юристов «ничтоже сумняшеся», нанося огромный вред стране и молодым людям.

Требуется решительная перестройка в системе подготовки кадров экономистов и юристов. Нужно оставить несколько базовых вузов, имеющих право готовить такие кадры, а в остальных вузах создать филиалы базовых учебных заведений. Следует на государственном уровне поставить заслон для некоторых ретивых администраторов. Высокая взыскательность и повышение требований к профессиональной подготовке в целом позволяет преодолеть тот формализм в системе образования, когда формально выпускник имеет диплом, а по существу – он абсолютно неполноценный специалист. Требовательность и взыскательность педагога к учащемуся не должны устраняться.

Наконец, *третьим шагом* на пути вывода нашей экономики из кризиса является осмысление и восприятие собственного исторического опыта. В советский период исторический опыт экономических реформ прошлого отрицался по классовым соображениям. Но классовый нигилизм не принес нашей стране обещанного социализма, не стал основой новой духовности, замещенной на тотальном атеизме и классовой ненависти. Именно поэтому лозунги о пролетарском интернационализме и классовой солидарности оказались фантомом, а русский этнос – легкой добычей импортных идеологий, типа марксизма или мунизма. Сегодня, к сожалению, наблюдается варварское отношение к собственной истории, когда советский период изображается исключительно в черных тонах, а идеализируются монархия, религиозность и т.д. Крайность таких суждений очевидна. И уж ни о какой преемственности, континуитете экономических преобразований не идет и речь. Вместо этого опять повторение ошибок прошлого, попытки «большим скачком» оказаться в рыночной экономике. Технократический и прозападный вариант реформ, монетаристская ориентация правительства и абсолютная бесперспективность и ненаучность принимаемых мер по стабилизации и улучшению ситуации говорят о том, что исторический опыт не усвоен, уроки прошлого – не восприняты. В этих условиях информационный сдвиг, который в индустриально развитых странах способствует сглаживанию социальных и экономических противоречий, в нашем обществе только усугубляет и обостряет эти противоречия. Ярким примером этого стала «рельсовая война», объявленная шахтерами, периодические выступления работников бюджетной сферы и т.д. Очевидно, что создание единых информационных систем, модемных коммуникаций и иных каналов связи не ускоряет движение денежных средств, предназначенных для оплаты труда газовиков, шахтеров, нефтяников, учителей или вра-

чей. То, о чем так красочно живописует в своей книге Б. Гейтс, в российских условиях отсутствует, а эффект от информатизации прямо противоположный: деньги переводятся за рубеж, капиталы мигрируют из страны, компьютеризация кассово-расчетных, и в целом банковских операций, способствует криминализации этой сферы, когда «нет файла – нет и проблем».

Воспринимая современные научно-технические новации и используя их в практической хозяйственной деятельности следует помнить, что без экономической антропологии, без воспитания элементарной нравственности и духовности человека не может быть высокоэффективной экономики. Освоение новых технологий, в том числе и социальных, образовательных, предполагает выработку четких понятий аксиологии и праксеологии.

Какие духовные ценности закладываются в основу образования и реформ, какие цели предполагается достичь в ходе этих преобразований? Если речь идет об элементарном перераспределении национального богатства и смене ведущей формы собственности, о воспитании в людях технократизма в его самых чудовищных формах эгоцентризма, то такие преобразования не будут восприняты русским народом, которому чужда психология индивидуализма, частнособственничества. И дело не в том, что эту психологию можно изменить, дело в том, что русский народ объективно живет в таких условиях, которые подобные западные ценности не допускают. Суровый климат, высокие риски в хозяйственной деятельности, многонациональное и многоконфессиональное поле, в котором русский народ существует, предполагают коллективные, а не индивидуальные формы организации труда, собраний, артельный характер трудовой деятельности. Там, где европейцы могут обходиться собственными силами и ведут личное хозяйство, в России обязательно возникают и развиваются кооперативы, коммуны, товарищества, являющиеся способом выживания русского этноса. И что характерно, аналогичные организационно-правовые, экономико-правовые формы общности появляются и в среде других этносов, населяющих Россию. Следовательно, детерминированность экономики внешними условиями среды обитания предполагает, что никакая автоматизация, роботизация или информатизация не в состоянии заменить исторически вызревшие и адаптированные к реалиям сегодняшнего дня формы самоорганизации и экономической самореализации русского народа.

Об этом свидетельствует и практика. Приватизированные предприятия в своем абсолютном большинстве «на боку», масса

из них уже обанкротилась, другая часть – на грани банкротства. Сегодня со всей очевидностью понятна и ясна абсолютно неправильная, чуждая нашим людям ориентация экономических реформ, отсутствие концепции национальной экономической безопасности, нарастание справедливого гнева населения против тех, кто осуществляет очередной передел собственности и развал экономики страны. Нарастание социальной напряженности постепенно достигает критической отметки. Известная любому экономисту «кривая Лоренца» находится очень близко от точки излома, когда центробежные тенденции приведут к неизбежному распаду не только государства, но и единого экономического пространства.

Выход видится в том, чтобы основой экономической и социальной политики стали не технократические, а гуманистические ценности. В качестве одной из таких ценностей можно назвать этноцентризм. Русский народ, составляющий подавляющую часть населения России, является основой ее существования. Русская идея, идея возрождения русской духовности, русской экономики, русской культуры может и должна стать началом подъема всей страны, возрождения всех, населяющих Россию наций и народов. Но при этом совершенно очевидно, что нет никакого русского народа, как не было и нет британского или бразильского народов. Есть именно русский народ, а следовательно, политические и экономические реформы должны осуществляться русскими для русских. Русскими не только по происхождению, но и по убеждениям, по образованию, по воспринятой культуре, по своей духовности. Все разговоры о великодержавном шовинизме и русском национализме следует прекратить, поскольку восприятие таких суждений, боязнь быть обвиненными в этих «грехах» есть лишь проявление собственной этнической неполноценности. Информатизация мировой экономики сегодня как раз и направлена на формирование стереотипов типа «человек ойкумены», «мировой человек», «гражданин мира» и т.п. Размывание национальной культуры и самобытности с помощью информационных технологий есть лишь условие размывания и отечественной экономики, превращения нашей страны в полигон для испытания иностранных социальных и промышленных технологий. Информационный сдвиг действительно есть сдвиг, но как говорят в народе, «сдвиг по фазе», когда за красиво упакованные «Марсы» и «Сникерсы» нас заставляют забыть о том, кто мы и зачем мы на этой земле живем. Культура потребительства вместо культуры труда, субкультуры утилитарного гомункулуса вместо духовности рус-

ского человека – вряд ли это то, что всем нам сегодня необходимо. Воспитание духовности остается важнейшей задачей современного общества.

Глобализация экономического сознания должна осуществляться, в этом нет сомнения. Но нельзя пускать на самотек этот процесс. Необходимо разработать комплексную национальную концепцию безопасности в сфере экономики, образования, просвещения. В этой концепции, которой нет до сих пор, необходимо прописать роль и место глобальных проблем, отношение к ним власти и значение гуманизма в деле формирования нового экономического мышления. Экономический гуманизм как альтернатива бездумной глобализации, как способ самосохранения и развития национального хозяйства должен быть противопоставлен идеологии классовой борьбы или современной формализованной и неэффективной политике «социального партнерства». Вместо болтовни об индексации доходов, вместо пустых разговоров о протекционизме необходимо реально гуманизировать внутреннюю и внешнюю экономическую политику власти; в этом заключается и новая парадигма развития самой экономической и социальной политики и судьба самой власти современной России. Это необходимо осознать уже сейчас!

Там, где пустой либерализм ищет максимальной занятости, гуманист ищет достойные условия для существования человека! Там, где российский реформатор ищет возможность для преобразований, гуманист ищет сохранения всего того, что «сродственно», присуще народу! Там, где продажное чиновничество готово сдать позиции, настоящий гуманист будет отстаивать их, потому что глобализация глобализации – рознь. Нам не нужна ассимиляция и поглощение, но нам не нужна и полная автаркия, ксенофобия и изоляционизм. Нам нужен новый, прекрасный, действительный, а не виртуальный мир, в котором русские как нация будут полноправными и полноценными участниками, а наша страна – самостоятельной, прекрасной планетой, вращающейся не вокруг другой, пускай, и более крупной «супердержавной» планеты, а вокруг солнца культуры и гуманизма!

§ 2. Интеграция современного экономического сознания

Глобализация экономики и мирового хозяйства неизбежно приводит к необходимости интеграции экономического сознания. «Совместность» в разрешении глобальных проблем немыслима на основе конфронтации и постоянных антагонизмов, без коорди-

нации противоречий и интересов, без интеграции мотивационной и нравственной, технологической и гуманитарной составляющих. Интеграция осуществляется в экономике по различным направлениям: в области совместного производства, путем создания совместных предприятий, открытия особых зон хозяйствования (свободные экономические зоны); в сфере внешней торговли путем отмены двойного налогообложения, создания режима наибольшего благоприятствования; в области валютно-финансовых отношений, путем создания единых валют (евро, экю) и унификации валютно-финансового регулирования¹. В глобальном смысле интеграция есть формирование ноосферы, а интеграция экономического сознания – процесс формирования планетарного экономического сознания. Возможно ли это? Не химера ли? В. И. Вернадский в свое время полагал, что «биосфера переходит в новое эволюционное состояние – в ноосферу, перерабатывается научной мыслью социального человечества»². Действуя как накопитель, синтезатор человеческого разума ноосфера образует новые связи, прежде всего информационные со всей биосферой³. В. И. Вернадский делал вывод о том, что ноосферогенез порождает независимость человечества от других форм жизни (автотрофность человечества). При этом его супруга М. Н. Вернадская особое внимание обращала на роль нравственного фактора в этом самом ноосферогенезе⁴.

По справедливому замечанию А. И. Пономарева, «наша политическая экономия за экономическими формами перестала видеть человека, его взаимосвязи и отношения с другими людьми. Это и есть безнравственность теории, что лишает ее самого смысла существования»⁵. Подмена экономической теории прикладной герменевтикой обуславливает экономическое невежество и аберрацию экономического мышления, экономического сознания. И хотя концепция ноосферы В. И. Вернадского получила широкое философское освещение, она до сих пор практически не осмыслена экономистами и не используется экономической нау-

¹ Более подробно см.: *Стожко К. П.* История экономики. Екатеринбург, 1998. С.532–564.

² *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. М., 1977. Кн.2. С.20.

³ См.: *Пономарев А. И.* Концепция ноосферы В. И. Вернадского и проблемы экономической теории // *Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли.* М., 1989. Вып.1. С.222.

⁴ Там же. С.225.

⁵ *Пономарев А. И.* Указ. соч. С.199.

кой. Ноосферный подход предполагает поиск новых путей интеграции и сближения локальных, национальных экономик. Будет ли этот процесс сближения ассимиляцией, конвергенцией или интеграцией зависит от того, как человек использует законы природы, хозяйства, сохранения количества энергии и т.д. Но не меньшую, если не определяющую роль здесь играет и понимание смысла и назначения интеграции. Если мы опять-таки обратимся к западной философии, то увидим, что в исследованиях позитивистов и неопозитивистов все время речь идет о частностях. В этом – сама суть структуралистического понимания и реальной экономики, и мира в целом. Общие суждения объявлялись «бессмысленными» (Л. Витгенштейн), «внеаучными» (Р. Карнап), «примитивными» (Г. Гадамер) и т.п. М. Хайдеггер, анализируя традиционный экзистенциализм, вообще пришел к выводу о том, что «сущность человека заключается в экзистенции», но экзистенция означает не действительность, а только возможность⁶. Точно также он и гуманизм сводит к экзистенции, к возможности, а не реальности. Можно было бы выразиться определенно: по М. Хайдеггеру, человеческое сознание и есть экзистенция. «На что еще другое, если всерьез задуматься, должна указывать приставка «со» в именах «со-знание» и «само-со-знание», кроме как на экзистенциальное существо того, что существует поскольку экзистирует?» – вопрошает М. Хайдеггер⁷.

Принципиальная роль фактора понимания сущности и смысла интеграции как явления хозяйственного развития не вызывает сомнений. Но само по себе это понимание суть различно. Так, в западных странах в качестве методологической концепции широко распространен априоризм, в основе которого лежит своеобразная концепция или доктрина *verstehen* – понимания. Суть ее сводится к тому, что в основу выделения принципов и норм хозяйственного поведения человека закладываются не объективные законы экономики, а психологические соображения. «Психологический метод» суждений, оценок и выводов – «интроспекция», положенный сегодня в основу объяснения проблем хозяйственного поведения формирования экономического сознания, присущ Л. Роббинсу, Ф. Найту, Ф. Хайеку и др. По их мнению, сознание в целом основывается на произвольно постулируемых положениях и предположениях, а не на опыте. По выражению Л. Мизеса «никакой опыт никогда не может заставить нас отвер-

⁶ Хайдеггер М. *Время и бытие*: Пер. с нем. М., 1993.

⁷ Там же С.32.

гать или модифицировать априорные теоремы»⁸. Но в этом суть позитивизма, который и сегодня, несмотря на серьезные достижения в области этики, эстетики, психологии, языка, герменевтики (толкования текстов), остается крайне ограниченным и обуславливает распад и аберрацию экономического сознания человека. Если не опыт является основой нашего сознания в экономике и не он – критерий истины, а априорные теоремы, то о какой интеграции вообще может идти речь? Только общее экономическое пространство, единство экономических расчетов, целесообразность хозяйственных технологий могут быть основой для интеграции, а никак не разнообразные априорные теоремы, порождающие конфронтацию, разлад и агрессию. Понимание ограниченности априоризма и позитивизма присутствует и в современной философии. Так, Т. Хатчинсон видит недостаток априоризма в том, что он «переполняет современную теорию псевдонаучными догмами».

По мысли М. Фридмена, недостаток современного позитивизма и априоризма состоит в неразработанности инструментального анализа⁹. С критикой априористского принципа «нереалистических предпосылок» выступал и Ф. Махлуп, считавший, что такие предпосылки отнюдь не способствуют выяснению истины. Наконец, К. Леви-Строс предложил математизировать не только экономику, но и психологию и даже лингвистику. Дальше, как говорится, уже некуда! Критикуя позитивизм за одни «грехи», философы «улучшали» его посредством других, напрочь отбрасывая положение о том, что только опыт может в хозяйстве служить критерием истины, а не отвлеченные априорные установки! Негативный опыт способствует распаду экономики, позитивный – ее интеграции и росту.

Собственно современная мировая экономика развивается вопреки идеям позитивистов. Представляется, что если бы хоть один из лидеров послевоенной Европы всерьез послушался рекомендаций своих философов и экономистов, он неизбежно завел бы свою страну в трясину хаоса и кризиса. Современная экономика характеризуется нарастанием процессов интеграции, которые находят свое проявление, отражение в разных формах: интернационализации хозяйственных связей; растущей открыто-

⁸ Цит. По: История экономических учений (современный этап) / Под ред. А. Г. Худокормова. М., 1999. С.329.

⁹ См.: *Фридмен М.* История позитивной экономической науки // Thesis. 1994. Т.2. Вып.4.

сти национальных экономик; фритредерской политике властей; развитии международной кооперации; углублении хозяйственной специализации; ускорении структурных сдвигов в национальных экономиках отдельных стран и т.п. Как это отражается в экономическом сознании?

Схематично процесс интегрирования экономического сознания можно представить в виде череды сменяющих друг друга фаз в его развитии. Первая фаза связана с начальным освоением, первичным отношением субъекта экономического сознания к объекту. Она выглядит как мышление эрудита, свободно владеющего несколькими иностранными языками. Не только в письме, но и в мышлении он пользуется терминологией как родного языка, так и других языков, часто заменяя слова, формулируя свои мысли в терминах чужого лексикона. Делается это либо для удобства (ради скорости изложения), либо по эстетическим соображениям. Это как бы интенция экономического сознания, свойственная многим людям. Особенность данной фазы состоит в том, что мысли, оценки, суждения, установки – все то, что составляет содержание экономического сознания – сохраняются «свои», выработанные собственным личным или общественным (национальным, народным) опытом, тогда как язык, символика уже смешанные. В этом нет ничего предосудительного, поскольку использование инструментария не отрицает саморазвития и осознания ценности собственных достижений. Так, А. С. Пушкин или И. С. Тургенев свободно переходили с русского на французский язык, даже занимались словоизобретательством. Это способствовало взаимообогащению языков, культур, но не вело к утрате национального характера в их творчестве.

Но если культура человека находится на низком уровне, такое взаимопроникновение символов, терминов, знаков, процедур становится весьма опасно. Потому что активно проникает более агрессивная и, как правило, менее развитая культура, «субкультура», разрушающая более широкую, глубокую и развитую культуру. Свидетельством такого проникновения является наполнение нашего языка не терминами из развитых языков других народов, а сленгом, обценной лексикой и другой низкопробной продукцией. Вспоминается эпизод из известного кинофильма «Джентльмены удачи», когда главного героя обучали тюремному жаргону. Сегодня, к сожалению, этот жаргон присущ широким слоям населения, подчас заменяя им культуру речи.

Как видно, уже первая фаза интеграции сознания, в том числе и экономического сознания, может быть с «положитель-

ным» и с «отрицательным» зарядом. Все зависит в этой фазе от того, кто у кого и что перенимает, какие культуры взаимодействуют. Люди выбирают круг лиц для общения, моду, район для проживания, одежду, режим питания и т.п. Делая это осмысленно, они руководствуются среди всего прочего и мотивом: не опуститься, не деградировать. В экономическом мышлении этот мотив играет не меньшую, если не большую роль. Совершенно новой является фаза, когда человек излагает не свои, не выработанные самостоятельно в его сознании, а привнесенные в него извне, посредством пропаганды, рекламы, зомбирования чужие, а часто и чуждые ему мысли, установки, теоремы. Такое их продвижение, часто осуществляемое от своего имени, авторизированно, есть уже новая стадия интеграции экономического сознания. Здесь мотивами удобства и простоты не обойтись. Особое значение на этой стадии интеграции экономического сознания приобретает способность сознания соотносить «свое» и «чужое», «сущностное» и «феноменологическое», «общее» и «частное», «корневое» и «функциональное». Незрелость данной способности порождает компиляторство, склонность к заимствованиям, подражательство. Ипостась «самосознания» в сознании утрачивается, человек начинает мыслить однонаправленно, линейно, а его сознание превращается в суммарное, совокупное, а не синтезированное и критически усвоенное знание и мышление.

Следующей фазой интеграции экономического сознания выступает фаза превращения знания в убеждения. Вряд ли можно всерьез говорить о том, что человек по убеждению воспринял в своем сознании и отражает в своей хозяйственной деятельности установки западной экономической культуры. Он никак не может их воспринимать как убеждение, поскольку он никогда не жил в конкретной культурной среде и не знаком с ее условиями. Но когда со всех каналов телевидения нам заявляют, что оливковое масло – самое полезное и снижает на 70% риск инсульта или инфаркта, кто требует скрупулезной проверки? Или когда во всех газетах нам доказывают, что масло «Рама» самое вкусное и питательное, а оно – вовсе не масло, а элементарный маргарин, и о его вкусовых характеристиках можно спорить!

Как же происходит такая интеграция, когда установки, поступающие в наше сознание помимо нашего опыта, извне, не просто остаются в нашем сознании, но превращаются в наши «убеждения», в руководство к действию? В психологии ли тут дело? Или быть может в уровне культуры личности? Если мужчина примеряет на себя женское белье – он трансвестит. Но если рус-

ский человек курит «Кэмел» или «Мальборо» потому, что надеется, что тогда уж точно будет «как американец» – разве это не признак душевного нездоровья? Если мы выращиваем у себя на полях не отечественные, а зарубежные сорта овощей, если мы практикуем не свой, а американский или японский менеджмент, разве это не напоминает нам Мартышку из известной басни? Но такая фаза интегрирования экономического сознания также может быть преодолена, пройдена. Обмен опытом, достижениями технологий безусловно полезен. Следует лишь выработать правила такого обмена, способы «усвоения» чужого опыта, достижений чужой культуры. Следующей фазой в процессе интеграции экономического сознания выступает апробирование усвоенных идей, теорий, положений на практике. Часто эта фаза пропускается. Новый менеджер, маркетолог, руководитель начинают «с места в карьер», а потом оказывается, что «гора родила мышь». Апробирование есть осмысление установок экономического сознания в контексте практики, есть практическая разработка содержания экономического сознания, его преобразование. Поэтому апробирование является фазой интеграции экономического сознания.

Однако и эта фаза обладает характеристиками амбивалентности. Апробация апробации рознь. Апробация отнюдь не самодостаточна, и сводить суть фазы апробации в интеграционном развитии экономического сознания каких-либо установок, присутствующих в нашем экономическом сознании, к голому эмпиризму недопустимо. В этом смысле интересной является идея Т. Хатчинсона о том, что современная экономическая теория нуждается в новой философии, нежели априоризм. Таковой Т. Хатчинсон считает логический позитивизм, дополненный принципом фальсификации К. Поппера. Суть дела, по мнению К. Поппера, состоит не в подтверждении правильности или истинности, а в возможности опровержения каких-либо положений науки. Замена принципа верификации принципом фальсификации не спасла, однако, ситуацию потому, что «борьба за строгость, научность философии сводилась к логико-лингвистическому анализу»¹⁰, и не более того.

В действительности апробация отнюдь не требует верификации или фальсификации с позиций науки. Такая «процедура» осуществляется на предшествующих фазах интеграции экономи-

¹⁰ Введение в философию / Под общ. ред. И. Т. Фролова. М., 1989. Ч.1. С.352.

ческого сознания. Она предполагает окончательное осмысление существа вопроса, «завершенное» определение ценности тех или иных установок экономического сознания с позиций материализованных (то есть, возможных для осуществления) интересов, будь то интересы духовные (в образовании, занятиях спортом, отдыхе и т.п.) или сугубо материальных (в доходе, собственности, выгоде). Важным моментом этой фазы является отказ от нереальных, «преждевременных» или «запаздывающих» ценностей и задач.

В контексте такого подхода апробация должна восприниматься как аксиология экономического сознания, оценочная ее составляющая, но аксиология «расширенная», учитывающая все аспекты проблемы, а не только ее «местный» срез.

Наконец, весь цикл формирования конкретной модели экономического сознания замыкает фаза инновации. Инновационная фаза связана с полным завершением обновления исторически данной модели экономического сознания. До сих пор речь шла только о возможности такого обновления, о проверке такой возможности, о желательности или нежелательности обновления, об изучении последствий возможного обновления. Мы как бы допускали гипотетически само изменение экономического сознания, но не осуществляли его непосредственно. Больше того, реальное изменение, трансформация хозяйства сопровождались даже некоторым застоем в нашем экономическом сознании, выжиданием удобного случая его изменить. И вот наступает время перемен, удобный случай – фаза инновации.

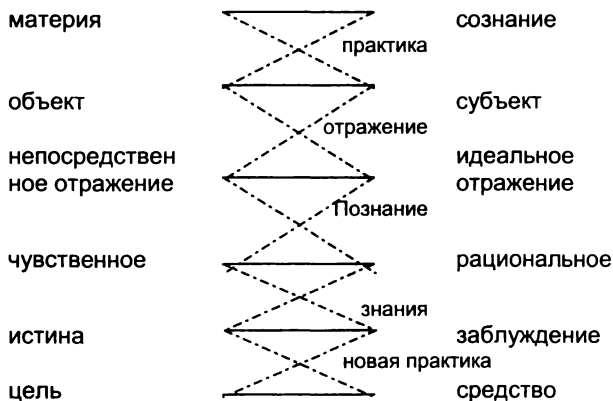
Что представляет собой фаза инновации экономического мышления? Какое отношение она имеет к интегрированности сознания? Дело в том, что наступает момент «решающей битвы» старого и нового компонентов в структуре экономического сознания, когда «семь раз уже отмерено» и приходится что-то «отрезать». Показатели обновления экономического сознания актуализируются, становятся не только мотивами, но и правилами, установками такого обновления. Обновление экономического сознания представляет собой проявление интеграционности сознания и выступает частью воспроизводственного процесса человека. Даже самые консервативные из нас меняют свои оценки и суждения. И тут мы сталкиваемся с тем, что интегрирование экономического сознания отнюдь не исчерпывается психологией, но и невозможно без психологии. Епископ Монтанелли в романе Э. Войнич «Овод» отдает собственного сына в жертву внешним обстоятельствам – морали, нравственности, религии. Но обнаруживает

ся, что это – напрасная жертва, аморальная и бессмысленная в своей основе. Допустивший роковую ошибку, отец обвиняет Бога: «Боже! Ты взираешь с небес на земные мучения и улыбаешься окровавленными губами». Но разве не ложные представления об абсолютных ценностях, заместившие гуманность, послужили причиной страшной ошибки? По этому поводу С. Кьеркегор писал: «Я могу мысленно войти в героя, но только не в Авраама, стоит мне достигнуть этой высоты, как я падаю вниз, поскольку то, что здесь предлагается – это парадокс»¹¹. Так и в экономическом мышлении ложные ценности порой «замещают» абсолютные. Поэтому модернизация экономического мышления, авангардизация экономического сознания отнюдь не всегда идут во благо человеку, руководствующемуся преходящими, временными интересами, ценностями, задачами. Мыслить по-новому, в сущности, означает находить новые решения для реализации старой как мир идеи гармонизации человеческой сущности. Хозяйство есть сфера приложения новых идей, сфера инновационного сознания.

Но здесь встает другой вопрос: ради чего? Если в предыдущих фазах интегрирования экономического сознания вставляли вопросы: «Как? Когда? Почему?», то теперь встает вопрос: ради чего? Ради чего частный случай экономического эксперимента превращать в общую экономическую установку? Ради чего осуществлять тотальную приватизацию собственности? Ради чего вводить всеобщую госприемку? Ради чего повышать налоги? Благими намерениями мостится дорога в ад, но намерения эти имеют важное значение для тех, кто берется за дело реформ или кто берется судить реформаторов. По сути своей, замыкающая, арьергардная постановка вопроса «ради чего», свидетельствует о несовершенстве доктрины, о слабости нашего экономического сознания. Ведь в соответствии с логикой необходимо определиться с целями до начала сражения, до начала реформирования. Но сколько раз эти цели, определяемые до начала, были смехотворными и нереальными. Заявление М. Горбачева о том, что СССР должен стать законодателем моды в автомобилестроении (Тольятти, 1985), или предновогодние извинения Б. Ельцина на телевидении в том, что «не все удалось», – разве это не свидетельство эфемерности «доначальных» целеполагательных установок? Цели формулируются не до и не после, а в процессе актуализации экономического сознания.

¹¹ Кьеркегор С. Страх и трепет: Пер. с дат. М., 1993. С.34.

Интеграция экономического сознания осуществляется не только темпорально, но и гносеологически (смыслосодержательно). Обратимся к интегрально-графической системе гносеологических категорий, предложенной еще в 80-х гг. XX в. Д. В. Пивоваровым, выделявшим «парные» и «мерные» категории¹². Он утверждает, что, например, «сущность» и «явление» не просто статичные полюсы целого, они взаимодействуют и взаимоотражаются, друг друга изменяют. Это и есть интегрирование сознания, при этом конкретная взаимосвязь сущности и явления индивидуальна, своеобразна не просто у каждого предмета, объекта, отражаемого в сознании, но и в каждой модели, виде, типе сознания. Именно это обстоятельство и позволяет выделять различные модели (морфология) сознания. В экономическом сознании происходят во многом аналогичные процессы. Но хотелось бы обратить внимание на особый момент интегрально-графической системы гносеологических категорий, предложенной Д. В. Пивоваровым. Хотя она и названа интегральной, но строго философского обоснования этому все же не дано. Вместо этого речь идет о синтезе и об интериоризации. Под синтезом в категориальном мышлении подразумевается «логическое пересечение» двух родственных категориальных пар¹³.

Однако, что происходит при этом с самими «парными» и «мерными» категориями? Сохраняются ли они вообще или «сни-

¹² Пивоваров Д. В. Методические указания по изложению теории познания как системы гносеологических категорий. Свердловск, 1987. С.4.

¹³ Пивоваров Д. В. Указ. соч. С.8.

маются», меняется ли их смысл или форма, содержание и назначение? Синтез – это не интеграция, а возникновение нового качества на обломках старого, рождение нового понятия при уничтожении старых, это диалектика, когда «отрицается отрицание».

Интеграция в категориальном мышлении есть особая диалектика, когда новые категории – продукт синтеза не отрицают, а дополняют старые понятия, существуют совместно и обуславливают логическую преемственность и смысловую гармонию в сознании. Первый вид диалектики был присущ К. Марксу. «Разложив» человека (анализ) на признаки, он взял для своего политико-экономического исследования рабочую силу, абстрагировавшись от всех других характеристик целого. При этом дело не дошло даже до синтеза. Так и случилось, что в теоретической экономике вместо человека оказалась рабочая сила, а самого человека свели к фактору производства, винтику в машине¹⁴. Но пересечение «парных» и «мерных» категорий в «Капитале» «убив» целое, «родило» новое – учение о двойственном характере труда и теорию прибавочной стоимости. Следует признать, что Марксова диалектика оказалась недостаточной для понимания экономики именно в силу того, что синтез мыслился им как уничтожение прошлого, а, кроме того, часто просто вообще опускался в его логических конструкциях. Такая интериоризация – превращение внешних характеристик поведения человека во внутреннее, умственные действия в марксизме привела к явным ошибкам: заявлениям и неизбежности скорой гибели капитализма, мировой революции, всеобщем кризисе экономики и т.п.

Другой вид диалектики – интегральная диалектика предполагает не только анализ-синтез, индукцию и дедукцию, но и *сохранение* прежних понятий в научном мышлении, поскольку идеальное отражение не уничтожает реальных явлений, а появление новых явлений и дефиниций отнюдь не «снимает» прежние. Вот этой-то интеграции в экономическом сознании очень часто и не происходит. Нетерпимость к инакомыслию, презрение к прошлому – лишь некоторые проявления гносеологически неинтегрированного мышления, поверхностной диалектики.

Марксова сугубо материалистическая диалектика есть не просто условие формализации сознания, но и фактор его упрощения. Она основана на многочисленных произвольных допущениях (ошибках) и несостоятельных «абстрагированиях (просче-

¹⁴ Более подробно см.: *Стожко К. П.* Экономическая диалектика человека. История. Теория. Методология. Екатеринбург, 1994. 424 с.

тах)¹⁵, что превращает само мышление экономиста-марксиста в удобоприемлемую технологию. В этой связи вспоминается суждение Ф. Ницше, цитированное М. Хайдеггером: «Мышление нам средство не «познавать», но обозначать, упорядочивать происходящее, делать его доступным для нашего употребления: так мыслим мы сегодня о мышлении: завтра, возможно, иначе». И далее Хайдеггер добавляет: «Мышление толкуется здесь чисто «экономически», в смысле «механической экономии»¹⁶. В самом деле, при такой диалектике мышления, какую мы видим в марксизме, речь не идет о достоверности знания, потому что отражаемый объект подвергается определенной вивисекции в мышлении, воспринимается предвзято.

Мышление под одним углом зрения, даже если он кажется кому-то единственно правильным, в ориентирах одних категорий, если они представляются единственно истинными, приводит к искажению самой реальности-объекта, отражаемого в мышлении. Необходимо использовать различные, и старые и новые подходы для выявления достоверного. «Если мы действуем с одним и тем же предметом разными способами, но в итоге при интерференции превращенных форм (интериоризованных) операций образуется операционный вариант, то он и является приближением к предметному аспекту знания»¹⁷. Но и в этом случае до тех пор, пока мы мыслим мышление и его результат как «операционный инвариант», будут лишь приближением, слабой копией реальности, своеобразной философской «граффити».

Но «приближение» еще не есть адекватность, подлинность знания о мире, природе, хозяйстве. И разнообразные способы познания, способствующие взаимоотражению чувственного и рационального вовсе не «взаимопогашают» противоречивые частности и не создают зеркального, абсолютно тождественного объекту отражения идеального образа в нашем сознании. В экономической деятельности это наиболее очевидно: начинается реформирование, а получается кризис. Разве кто-то из реформаторов

¹⁵ См.: Ткачук С. А. «Баснословная догма» А. Смита. Ложное обвинение. Акмола. 1996; *Он же*. О феномене закона тенденции нормы прибыли к понижению. Ложное допущение К. Маркса. Акмола, 1993; *Он же*. Второй том «Капитала». Схемы воспроизводства и годового общественного продукта. Грубый просчет К. Маркса. Акмола, 1996; *Он же*. Третий том «Капитала». Закон движения земельной ренты. Числовой произвол классиков. Акмола, 1995.

¹⁶ Хайдеггер М. Время и бытие: Пер. с нем. М., 1993. С.139.

¹⁷ Пивоваров Д. В. Указ. соч. С.26.

предполагал это? Покупаешь дачу для отдыха, а получается ка-торга в огороде. Разве для этого вкладывались средства?

В таком односторонне-диалектизированном мышлении и сознании упускается, на наш взгляд, главное – роль идеального. Если современный инструментализм представляет собой субъективно-идеалистическое учение Д. Дьюи и его последователей, разновидность прагматизма, в которой сознание рассматривается как одно из средств приспособления к изменяющимся условиям среды, но и марксизм в свою очередь с точки зрения экономики (мы не говорим здесь о других аспектах анализа), предстает как некое объективистски-идеализированное учение, в рамках которого экономическое сознание выступает скрыто как одно из средств приспособления субъекта к изменяющимся условиям среды. Разница состоит также и в том, что Д. Дьюи признает свое учение адаптером, прагматикой, а К. Маркс и его российские последователи – нет. Хотя тот же В.И. Ленин указывал, что «марксизм – не догма, а руководство к действию».

Поскольку хозяйствующий субъект – человек – есть существо биполярное, социобиологическое или биосоциальное (в зависимости от того, чего в нем больше – инстинктов и животности или интеллекта и общественного), то и его сознание может быть как субъективно-идеалистическим, так и объективистски-идеалистическим, как субъективистски-материалистическим, так и объективистски-материалистическим. Но отвергать любое из этих «образований» под лозунгом поиска Абсолюта – неправильно. Иначе получается, как в известном рассказе О. Бальзака «Неведомый шедевр»: большой художник всю жизнь рисовал свою картину, скрывая ее от друзей и зрителей, по сотне раз переписывая и исправляя ее, а в результате получилась мазня! Так и «большой» философ порой увлекается поисками абсолюта – единственно верного мышления, знания, сознания, адекватно отражающего мир, забывая при этом, что любая модель сознания, форма мышления и вид знания по-своему отражают бесконечную многообразность мира. Толкования о единственно «правильном» сознании, основанном исключительно на материалистической диалектике, это та же «мазня», искажение проблемы.

В контексте данных рассуждений интересно привести известную притчу:

«– Что такое мир? – спросила маленькая рыбка.

– Я плавала везде и я знаю, что такое мир, – ответила рыба-мать. – Это просто очень много воды.

- Что такое мир? – спросил свою мать белый медвежонок.
- Мир? – задумалась белая медведица. – Это ледяные горы и ледяные поля и немного воды под ними. Да, да, это так... Я была везде, и я это знаю.
- Что такое мир? – спросил маленький рыжий верблюжонок.
- Мир? – переспросила верблюдица, прикусывая сухую колючку. – Это просто очень много песка, немного глины, немного травы. Я была везде, и я это знаю».

Но никто не дал всеобщего, универсального определения мира. Все их определения мира были одновременно и «философскими», и «житейскими», и «эмпирическими». Но недостаточными. Человек, наделенный помимо рефлексов еще и сознанием, мог бы сказать после этого: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Но мог бы сказать о том, что его собственное мышление, знание и сознание относительно, неуниверсально. Однако он охвачен гордыней, претендует на всеохватность, всеобщность, целостность и полноту своего знания.

И с огромным трудом приходит понимание того, что ученый напрасно думает, что наука может объяснить все, а философ – что рефлексия всемогуща. Наше мышление ограничено бесконечностью отражаемого в нем объекта – самого мира. Мир экономики, хозяйства в этом смысле так же бесконечен, как и мир природы. Потому что «хозяйствование есть очеловечивание природы» (С. Н. Булгаков). И только интегральность нашего сознания, способствующая сохранению, а не отбрасыванию прежних символов, знаков, понятий, категорий, разных способов и культур мышления наибольшим образом приближает человека к отражаемому в его сознании объекту – природе и хозяйству. Синтезированное мышление есть лишь частный случай сознания, точно также как и интерференция, диффузия или диффракция дефиниций, как интериоризация в познании. Эти «ступеньки», рубежи познания не исчерпывают всей полноты самой проблемы интегрированности сознания, в том числе и экономического сознания. Потому что интеграция сознания есть не только и не столько элементарная инструментальность, прагматизм, способ приспособления человека, общества к изменяющимся экологическим, геополитическим или макроэкономическим условиям развития человеческой цивилизации. Интеграция сознания, особенно в сфере экономического, хозяйственного, есть, прежде всего, механизм саморазвития человека, его человеческого, а не животного-

го компонента, его общественного, социального, а не рефлексивного и приматного начала. Новый человек, человек будущего, будущий «homo economicus» – человек экономический – будет не просто «социальным», «культурным», «сознательным», он будет гармоничным. Гармония – главный приз интеграции сознания; идеальное человечество – суть гармонии. Введенное когда-то Пифагором (учение о гармонии сфер), это представление о гармонии было воспринято в экономической теории (А. Смит, Ф. Бастия, Дж. Кларк, М. И. Туган-Барановский, А. А. Богданов, Ф. Хайек, Дж. К. Гэлбрейт и др.), хотя под гармонией в экономике и сегодня подразумеваются разные, часто полярно противоположные вещи. Но означает ли это, что экономическое сознание ошибочно? Означает ли это, что учение о гармонии – «пошлятина», как выразился когда-то К. Маркс. Следует ли требовать унификации представлений об экономической гармонии? Возможно ли ее предугадать, осмыслить через наитие? Английский экономист Дж. Шэкп заявляет: «Человек, поддающийся предвидению, это нечто меньшее, чем человек, но человек, способный предвидеть, это нечто большее, чем человек. Человек в своей подлинной сущности не в состоянии ни предвидеть, ни быть предугаданным»¹⁸. Странное, но вместе с тем и интересное суждение.

Как видно, сегодня сложилось два полюса восприятия «homo economicus» – хозяйствующего человека: прагматический и агностический. Модель человека как сугубо рационального существа, оптимизирующего свои действия утвердилась в политической экономии в результате маржиналистской революции в конце XIX в.¹⁹ В конце XX в. утверждается идея непредсказуемого, непостижимого, бессильного хозяйствующего человека. Это – итог развития структурализма, инструментализма, позитивизма, экзистенциализма и ряда других течений философской мысли, проникших в экономические исследования. Именно поэтому «распад экономического сознания» на частности, развитие прикладной экономики и застой в экономической теории сегодня выступают фактом, а синергетика используется как обоснование такой ситуации.

Гармония как результирующая интегративного сознания, наоборот, предотвращает такой распад, рост скепсиса, агности-

¹⁸ Цит. По: История экономических учений: Современный этап / Под ред. А. Г. Худокормова. М., 1999. С. 189.

¹⁹ См.: Автономов В., Аукционек С. Финансисты поневоле, или Некоторые загадки экономического поведения // МЭиМО. 1990. № 12. С. 18–19.

цизма, солипсизма, то есть всего того, что словно бы говорит: экономика непостижима. Но с другой стороны, эта же гармония как результирующая интегративного сознания предупреждает и от излишней самоуверенности, увлеченности абсолютным, догматизма. Потому что плюрализм мнений, способов мышления и самовыражения, экономического знания и сознания – единственная плодотворная, конструктивная и продуктивная основа для проникновения в новые и старые тайны хозяйственного бытия человека и человечества.

§ 3. Диверсификация современного экономического сознания

Диверсификация есть расширение и углубление множественности, многообразия, различности. Бесконечность многообразия хозяйства и хозяйствования предполагает диверсификацию экономического сознания. Его дифференциация, синергетизация, дизъюнкция выступают конкретными проявлениями такой диверсификации как в синхронии, так и в диахронии.

Диверсификация сознания может осуществляться и одновременно, когда политическое, экономическое, правовое и другие виды общественного сознания развиваются параллельно. Но возможна и диахроническая диверсификация сознания, когда развитие правового сознания опережает экономическое, а развитие политического сознания забегает вперед по отношению к экономическому и правовому и т.п. Экономическое сознание также как экономическое теоретизирование может отставать или опережать реальное хозяйствование, развитие производительных сил или экономических отношений. Больше того, производительные силы могут опережать в своем развитии экономические отношения или запаздывать по отношению к последним. Закон соответствия производительных сил уровню и характеру производственных отношений, описанный К. Марксом, является лишь законом бескризисного развития экономики. Но гораздо чаще такого соответствия нет, а экономика развивается через кризисы, их преодоление. Цикличность, волнообразность такого развития описана в исследованиях экономистов достаточно полно. Но как развивается экономическое сознание? Какова его динамика? Почему оно то отстает, то опережает «естественный ход вещей», почему народ то «не готов» к реформам, то «созрел» для них? Почему каждый отдельно взятый человек либо может, либо не может быть предпринимателем? Ведь предпринимательство –

это определенное отношение экономического сознания к хозяйствованию, а не профессия, призвание или судьба. Человек, годами сидевший на одном месте и получавший мизерную заработную плату, вдруг в одночасье становится предпринимателем, не имея при этом ни таланта, ни организаторских способностей, ни даже начального капитала, а предприниматель с многолетним стажем разоряется и становится пролетарием. Почему? Рассуждения А. Маршалла о том, что предпринимательство обязательно связано с наличием организаторских способностей, а Й. Шумпетера о том, что предпринимательство есть новаторство, лишь штрихи к портрету, но не сам портрет.

Диверсификация экономического сознания – вот главная проблема в осмыслении творческой экономики, предпринимательства. Без такой диверсификации не может быть предпринимательства. В самом деле, диверсификация выступает в качестве способности экономического сознания находить и предлагать различные способы решения конкретной задачи, «пробивать» типовые ситуации и извлекать пользу из заведомо проигрышных «экономических раскладов».

Там, где диверсификация экономического сознания – там же отмечается и нетрадиционное мышление и хозяйственное поведение. Мыслить и вести себя подобно конкуренту, копировать чужие социальные технологии или ноу-хау, – неприемлемо для предпринимателя.

Диверсифицирование экономического сознания есть инвестирование энергии мозга в различные виды знания, а не в «общий котел», не в «одну корзину». При девальвации отдельных видов знания, соответствующих им профессий или типов производств такое диверсифицированное экономическое сознание предохраняет человека от потери работы, от убытков, от банкротств и разорений. В самом деле, на рынке труда сегодня «в почете» не узкие специалисты, а работники «широкого профиля». При сокращении штатов из школы увольняют учителя-предметника, но учителя-междисциплинарника оставят безусловно. В больнице уволят конкретного специалиста, но работника, владеющего двумя–тремя специальностями – никогда. Почему? Потому что таким образом экономится фонд оплаты труда, издержки производства.

Таким образом, диверсифицирование экономического знания – непереносимое условие формирования дифференцированного и диверсифицированного экономического сознания. Важным условием формирования такого сознания выступает и диверси-

фикация познания, будь то теоретическое обучение, моделирование, апробация или непосредственная работа. В самом деле, процесс обучения дифференцируется на разные формы: уроки, семинары, лекционные курсы, тренинги, тестирование, деловые игры, мониторинговые занятия, самостоятельную работу в аудитории и вне ее. Такая дифференциация познания через обучение способствует включению различных «рецепторов» головного мозга, задействованию различных клеток и обоих его полушарий. Мобилизуются все или почти все ресурсы, которые включаются в познавательный процесс. Тем самым, отражение объективного, экономического, предметного в сознании происходит посредством различных «зеркал». Это и есть диверсификация сознания, когда развивается не одна, а множество мыслительных способностей, используется комплекс «инструментов» познания и в разных направлениях. Наконец, диверсификация экономического сознания предстает как процесс формирования многообразного, многопрофильного, многостороннего, многоуровневого, многопредметного (межпредметного) сознания, то есть сознания объемного, комплексного, диалектического, латерального в своей основе. Такое сознание несоизмеримо более подготовлено к превратностям экономической жизни, решению хозяйственных проблем, чем сознание формализованное, плоское, поверхностное, нелатеральное.

Диверсифицированное сознание активно, оно выбрасывает энергию интеллекта (интелехию) в окружающий социум, заражает окружающих. Такое сознание присуще лидеру, эрудиту, полиглоту, общение с которыми возбуждает, заинтересовывает, увлекает.

Однако диверсифицированное сознание отнюдь не есть само по себе лидерство, а тем более не есть единственная основа для принятия управленческих решений. Как бы это ни было соблазнительно, нельзя утверждать, что диверсифицированность сознания уже будто бы равнозначна профессиональной или даже социальной компетентности¹.

¹ О социальной компетентности см.: *Ветошкин А. П., Гончаров С. З.* Гуманизация профессионального образования // Гуманизация и гуманитаризация профессионального образования. Ч.1. Екатеринбург, 1994; *Каменских Н. В., Стожко К. П.* Русское хозяйство. Философский аспект анализа. Екатеринбург, 1994. С. 34–54; *Кукин А. Б.* Гуманитарное образование в становлении личности молодого работника. Автореф. канд. дисс. Омск, 1996; *Шабатура Л. Н.* Становление социальной компетентности в процессе профессионального образования. Автореф. канд. дисс. Омск, 1997.

Речь в данном случае идет лишь о стремлении личности «запасться» таким объемом и такими видами знаний, так осмыслить и познать объект хозяйства, чтобы адаптироваться к нему, выжить в новой среде. При этом сам процесс принятия управленческих решений есть вопрос инструментальности экономического сознания, есть способность применять содержание экономического сознания на практике.

Диверсификация экономического сознания неразрывно связана с переходом от простых понятий и упрощенных представлений к более сложным, системным, «многорядовым». Мы имеем ввиду дизъюнкцию экономического сознания. Так, в классической логике дизъюнкция вместе с отрицанием образует функционально-полную систему пропозициональных связей, что позволяет мышлению продвигаться дальше по пути более глубокого и детального понимания объекта экономики. Например, капитал и труд выступают в марксовой политической экономии как изначальные и общие понятия, предполагающие друг друга. При этом капитал предполагается и ростовщический, и купеческий, и промышленный, и торговый, и финансовый. Труд также предполагается различный. Без капитала, по К. Марксу, будто бы немислим труд, а без труда – капитал. Вторая часть тезиса, безусловно, верная. Поскольку капитал создается трудом, природа капитала трудовая. Критикуя догму А. Смита и будто бы «порочный круг» его рассуждений, К. Маркс утверждал, что затраты на капитал есть не что иное, как затраты на рабочую силу, поскольку станки, машины и оборудование, инвестируемые предпринимателем в производство есть «прошлый труд», продукт труда все тех же наемных рабочих. Но при этом «стыдливо» забывалось, что данные объекты труда присвоены, выкуплены, приобретены, отчуждены от наемных рабочих за деньги, за труд предпринимателей, самих же капиталистов. Прежде чем присвоить, нужно поработать, потрудиться. «Без труда не вынешь и рыбку из пруда» – гласит русская пословица. Хотелось бы увидеть такого русского предпринимателя, который сам не вкладывал бы свой труд в бизнес, в дело. При этом не следует путать предпринимателя и вора-олигарха, который действительно просто украл, а не создал новое благо. Он и не предприниматель.

Но вот первая часть дилеммы о том, что без капитала немислим труд; очевидно, ложная. И в этой части марксизм представляется ошибочным. Капитал всегда предполагает труд, но труд далеко не всегда предполагает капитал, поскольку он, труд, и есть самовозрастающая стоимость, есть процесс создания но-

вой стоимости самим работником. В этом смысле труд уже не есть капитал, а эксплуатация не есть самоэксплуатация. Однако уничтожение капитала бессмысленно, точно так же, как и уничтожение частной собственности, потому что они возникли естественно, исторически и должны развиваться в этом же режиме.

Капитал и труд не предполагают друг друга, просто на определенном этапе историко-экономического развития они становятся имманентны друг другу и выступают разными формами, ипостасями, модификациями предпринимательства. Предприниматель – капиталист – работник, капиталист – рантье – паразит – вот и вся «премудрость» политической экономики как науки, столь же отличная от марксистской политической экономики, как научное мышление от премудрости щедринского пескаря. Другое дело, что посредством дизъюнкции экономического сознания мы можем принять и воспринять капитал не как эксплуатацию или насилие, а как «сэкономленный», «прошлый» труд, инвестированный не в желудок или гардероб, а в производство. Кому-то вольготно растрачивать заработанные средства, кому-то предпочтительнее их инвестировать. Капитализация и есть инвестирование с целью получения дохода, а диверсификация есть инвестирование в различные направления и объекты с целью обезопасить свои инвестиции от обесценивания. В сфере обучения это следует делать точно так же, как и в сфере производства. Спрос на специальности постоянно меняется: то мы наблюдаем «недопроизводство» философов и историков, то экономистов и юристов. Диверсификация знания – первый этап на пути диверсификации экономического сознания.

Экономическое сознание как сознание научное и философское выступает в качестве сознания «поискового», постоянно «саморазвивающегося». «Остановленное сознание» не может быть сознанием диверсифицированным. Но если экономическое сознание – поисковое, саморазвивающееся, то оно связано с исследованием. Функция исследования есть функция сознания. В конце концов, может случиться и так, что какая-то корпорация или организация пригласят на работу «и жнеца, и кузнеца, и сапожника, и пекаря», то есть личность безусловно всесторонне образованную. Но «остановленное сознание» очень скоро выявит ограниченность мышления или поведения этой личности, руководствующейся штампами, стереотипами, образцами, усвоенными в процессе образования из разных наук. Отсутствие способности к творческому их развитию и приложению очень скоро «вышвернет» такого «энциклопедиста» на рынок труда, потому что про-

стая дизъюнкция, умение оперировать усложняющимися понятиями, категориями, правилами или нормами отнюдь не есть их развитие и творческое применение. Так, повар, строго соблюдающий рецептуру блюд, может сколько угодно их повторять, но он никогда не изобретет нового блюда.

Однако дизъюнктивное сознание отнюдь не тождественно дифференцированному сознанию. Мышление категориями усложнения вовсе не адекватно дифференцированному мышлению. В самом деле, я могу прекрасно понимать, что существуют разные варианты испанской паэльи или узбекского плова, основой для которых служит рис. Но я при этом вовсе не осознаю, какое именно блюдо предпочтет английский клерк, немецкий бургер, французский журналист или русский турист. Из опыта наблюдений можно отметить, что русские туристы кладут в свою тарелку буквально все из того, что предлагает им «шведский стол». А если нет шведского стола? Если это – солидный ресторан?

Французы предпочтут паэлью с морепродуктами, испанцы – с говядиной, итальянцы – с рыбой, а русские – со всем подряд. Мы не вдаемся в анализ причин этого феномена, назовем его любопытством. Но дифференцированность сознания предполагает, что вы заранее закажете на кухне столько и такие варианты паэльи, сколько и какие разойдутся в зале, ни больше, ни меньше. Работать под заказ при огромных потоках туристов означало бы заставлять клиента ждать, а это – в прошлом. Вот и приходится «умножать» наше экономическое сознание, дифференцировать его. В основе такого дифференцирования – опыт, учет и информация. Человек, предпочитающий знать меньше, но «надежно», никогда не сможет стать носителем такого дифференцированного сознания. Способность диверсифицировать свое сознание связана со способностью переключать внимание с одного объекта на другой, способностью запоминать (удерживать в памяти) массу разных знаний (информация), способностью выбирать наилучший способ решения проблемы, такими свойствами, как латентность, лабильность, латеральность, темперамент. Однако сам процесс диверсифицирования экономического сознания выступает как его особая проекция на предмет, на объект. Под проекцией следует понимать «особый режим» функционирования экономического сознания, обусловленный особенностями его онтологической и праксиологической природы. Вместе с тем проектирование экономического сознания безусловно содержит и аксиологический, оценочный компонент. Продавец «оценивает»

покупателя точно так же, как покупатель – продавца, мысленно, еще до обмена товарами (Т–Д или Д–Т) они в идеальном аспекте и предварительно проецируют свою заинтересованность друг на друга и делают вывод о желательности или нежелательности взаимодействия (сделки). Такая проекция может быть различной: от полного приятия субъекта в качестве партнера до полного отказа в общении с ним.

При этом важно отметить, что дифференцированность экономического сознания и дифференцированность экономического знания – суть разные аспекты общей проблемы диверсифицированности экономического сознания. Между знанием и сознанием стоит событие. Дифференцированное знание вовсе не есть актуальность бытия, оно – лишь его предтеча, виртуальная явь, которой предстоит актуализироваться. Событие как раз и выступает актуализацией дифференцированного экономического знания в сознательном поступке, акте, действии. Нам безразлично, называется ли это событие «посыланием» (М. Хайдеггер), «экзистенцией» (П. Сартр) или «волевым импульсом» (В. Зомбарт), но оно – непреложный атрибут диверсифицированного сознания, описываемый современными экономистами в терминологии теорий общественного выбора и трансформации современной экономики. Человек, обладающий диверсифицированным сознанием, выбирает события, он «пастух своего бытия»; но тот, кто таким сознанием еще «не обзавелся», увлекается «потоком», стихией, «плывет по течению» в жизни и, как правило, даже не осознает этого. Но такой человек – человек ли? Хозяйствует ли он или бесхозяйствует? Ведь существо человека состоит в том, что он – разумное живое существо². Если он не пользуется разумом, то есть не «включает» свое сознание, не утрачивает ли он хозяйственную функциональность и антропологическую сущность?

Однако, еще до события, актуализирующего экономическое сознание, встает вопрос о «первичном огне», «о зажигании», об импульсе для такого события. Является ли событие само по себе самопроизвольным и самопричинным или оно вызывается экзогенными или эндогенными обстоятельствами? В экономике роль мотивов как раз и сводится к катализатору события, превращению знания в сознание, содержательной «перетряски» и «переоценке» компонентов сознания как такового. Проще говоря, человек как бы задается вопросом о том, что из арсенала знаний использовать в хозяйственном поведении? Мотивирование эконо-

² Хайдеггер М. Указ. соч. С. 243.

мического знания превращает сознание из мирозерцания в мироотношение, в активное, волевое действие и содействие хозяйству, в общественный выбор. Диверсифицирование знаний, способов познания приводит к появлению возможности оптимального выбора, когда из многообразия можно выбрать действительно наиболее подходящее, действительно полезное, ценное.

Такой выбор связан со специализацией, поскольку экономическое сознание – сознание научное. Специализация в научном смысле способствует действенности, действительности выбора. Будет ли выбор между ядом и кинжалом действенным и действительным при том, что и то и другое убивает человека? Естественно, нет. Будет ли выбор между молотом и наковальней действенным, действительным? Естественно, нет. Так и в хозяйственной сфере, научный выбор будет действием, действительным, действенным только в том случае, если характер и масштаб такого выбора будут инвариантными, дифференцированными. Выбор из двух зол вряд ли является действенным, хотя выбирается меньшее зло. Поскольку наука в качестве теории действительно «покоится на примате метода»³, методология также предполагает инвариантность, диверсифицированность. При этом она будет действенной, действительной и строго научной, если будет поддаваться измерению (Макс Планк). Но диверсифицированность порождает бесконечное многообразие вариантов и предполагает специализацию как наилучший подход к выбору. Специализация в общем и целом сводится к разграничению, расчленению, различению предметных областей в границах специальных отраслей науки. При этом специализация несет в себе синкретический потенциал, поскольку именно благодаря ей на стыках различных научных дисциплины, отраслей формируется принципиально новое, «пограничное» знание, создается энергетическое поле для интеллектуального взаимодействия, обуславливающее оптимальный выбор решений. Физическая химия, этнопсихология, биоинженерия и многие другие «стыковые» отрасли современного научного знания привели к тому, что наше сознание продвинулось существенно вперед. Такому прогрессу экономического сознания способствовало появление экономической психологии, социологии и ряда других отраслей знания, выпестованных теоретической экономикой, которая в свою очередь вышла из ло-

³ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 246.

на философии и должна органично и навсегда быть связана с нею⁴.

Это беглое замечание имеет, тем не менее, важное значение для понимания самой природы диверсификации экономического сознания, впитывающего как губка и переплавляющее как тигль достижения социальной психологии, истории, философии, культурологии и ряда других наук. Такая «множественность» неразрывно связана с диверсификацией, однако она имеет диахронический характер и актуализируется в исторической перспективе (ретроспективе) по-разному. Одни достижения «смежных» отраслей науки «мгновенно» и легко входят в экономическую теорию, как, например, философские методы познания: индукция, дедукция, анализ, синтез, абстрагирование, теоретизирование; или, например, математизация, предложившая различные формулы для ускорения и повышения четкости излагаемого материала. Но между методами изложения и методами познания все-таки имелаась довольно существенная разница. Диалектическая логика как метод познания и метод изложения также оказалась не вполне тождественна.

С другой стороны, ряд достижений других наук до сих пор не прижился в экономической теории, поскольку естествознание, или даже гуманитарное знание, отнюдь не «самоимманентны», а разные отрасли имеют свои «пороговые» ограничения. Так же как ядерную физику уже нельзя «вернуть» и свести к классической физике, а биогенную технологию и евгенику – к зоологии или элементарной анатомии, так же нельзя свести современную экономическую науку к кибернетике, макроэкономике – к философии хозяйства, а микроэкономике – к логистике.

И тем не менее, диверсификация сознания приводит к тому, что взаимопроникновение (дивергенция) одних отраслей научного знания в другие усиливается, а само экономическое сознание в силу этой объективной диверсификационной тенденции сущностно изменяется. Современное экономическое сознание не только изменяет собственную иерархию ценностных ориентаций,

⁴ Более подробно об этом см.: *Стожко К. П.* О формировании экономической психологии (историко-политэкономический аспект) // Актуальные проблемы совершенствования подготовки инженеров-педагогов. Сб. ст. Свердловск, 1991. С.142–154; *Стожко К. П.* Психолого-экономические аспекты развития работоспособности хозяйствующих субъектов в условиях перехода к рыночным отношениям // Там же. С.132–142.

структуру присущих ему идей и установок, уровни их формулирования и приложения. Оно расширяется, как Вселенная, сжимается и уплотняется одновременно, как квазары, «мутирует», как живая материя и при этом самосохраняется, как экономическое сознание. Сохраняется и по предметности, собственной адресности, поскольку связано с хозяйственной сферой жизнедеятельности человека. Сохраняется и по своей внутренней онтологичности, поскольку выступает как оптимизационное мышление, рационализирование, как адаптер человеческого к экономическому, природному. И в этой своей онтологической сущности экономическое сознание современного человека много диверсифицированнее, чем экономическое сознание хозяйствующего субъекта начала или даже середины XX в.

Однако диверсификация экономического сознания отнюдь не есть внесистемное множество, спонтанное многообразие латентная инвариантность; в таком случае мы ограничились бы представлениями о бифуркации сознания, его хаотичной природе и этим бы довольствовались. В действительности экономическое сознание есть одновременно и феномен самоорганизации, нелинейности. И в этом смысле необходимо обратиться к его синергетике. Синергетика давно привлекает внимание исследователей⁵, однако, о синергетической природе диверсифицированного, нелинейного экономического сознания вообще пока нет никаких работ. А ведь экономическое сознание, как и его содержательная сторона, – совокупность (система) экономических знаний разрастается, словно гигантское дерево. В точках ветвления (точках бифуркации) экономического сознания возникает неопределенность, нелинейность, которая вызывает не только сомнения, но и страх, даже нападки на исследователей. Вспомним о гонениях, обрушившихся в сталинские времена на российских генетиков! В чем только их не обвиняли.

Синергетика современного экономического сознания как сложной системы воззрений, идей, концепций, установок, правил, норм и т.п. свидетельствует о том, что современное экономическое сознание может развиваться по нескольким альтернативным направлениям, а отнюдь не в русле одного общепринятого направления – например, материалистической диалектики.

⁵ См.: Пригожин И. Переоткрытие времени // *Вопр. философии*. 1989. № 8; Он же. Философия нестабильности // Там же. 1991. № 6; Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Н., Потапов А. Б. Синергетика – новые направления. М., 1989 и др.

Кроме того, синергетика современного экономического сознания демонстрирует удивительные вещи. Например, она показывает, что хаос может выступать в экономике в качестве создающего начала, а кризис отнюдь не означает конец экономики. «*Per crisis ad astra*» – «через кризисы к звездам», позволим мы себе перефразировать латинскую поговорку.

Переболев некоторыми болезнями в детстве, люди вырабатывают иммунитет против них в зрелые годы. Кризис в таких болезнях, успешно преодолеваемый человеком, есть неременное условие его дальнейшего развития и здоровья. В экономике также кризисы выступают неременным условием устойчивого развития в будущем. Любая национальная экономика, не сталкивавшаяся с кризисом, не имеет против него иммунитета, а значит, по определению, неустойчивая и предрасположенная к саморазрушению. Хаотизация экономики также выступает с точки зрения синергетического мышления в качестве конструктивного механизма эволюции, поскольку из хаоса рождается новая и более эффективная организация хозяйства. Из чего же ей еще зародиться, как не из хаоса? Разве наша солнечная система или известные ныне галактики зародились не из классического хаоса? Более того, хаос – это не нечто умонепостижимое, а лишь возмущение активности экономики, определенные флуктуации экономической активности. Из этого наиболее общего определения экономического хаоса следует, что хаос есть сама жизнь, само движение, что без него не было бы экономики. Погружение современных национальных экономик в первородный, первоначальный хаос есть испытание купелью, возвращение хозяйствующего человека в изначальное состояние дикости, но отнюдь не безысходность и безнадежность. В предпринимательской экономике очень часто приходится многое начинать с нуля, но «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой» (В. Гете).

Наконец, синергетика современного экономического сознания не просто обуславливает готовность (подготовленность) человека к подобным спадам или подъемам, скачкам и возмущениям в хозяйстве, но и открывает новые горизонты, принципы, возможности для развития и совершенствования такой сложной системы, какой является современное экономическое сознание, часто переполненное сверх всякой меры (отягченное) теориями, идеями, знаниями и представлениями. Со временем приходит осмысление того, что целое уже не есть сумма частей, что оно может быть даже меньше этой суммы или больше ее. Объедине-

ние знаний в структуре экономического сознания в процессе их синтеза отнюдь не сводится к их простому сложению. Современное экономическое знание не больше и не меньше суммы составляющих его знаний, оно – качественно иное. Поэтому управление своим сознанием предполагает иной подход, нежели управление нашим знанием или процессом познания (его добычи).

Наконец, по справедливому мнению Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, синергетика раскрывает закономерности и условия протекания быстрых, лавинообразных процессов и процессов нелинейного, самостимулирующегося роста, а это важно понять, потому что тогда можно регулировать такого рода процессы в открытых нелинейных средах, например, в экономике⁶.

Энергетика экономического сознания обусловлена не только внутренними телесными обстоятельствами, но и внешними экономическими факторами. Так, если у меня в холодильнике есть запас провизии, но в магазинах исчезли мука или сахар, то несмотря на то, что непосредственно моему желудку голод не угрожает, сознание начинает искать пути решения проблемы. Это не одно и то же, как если бы мы взяли в качестве примера изнуренного жаждой путника, готового все отдать за глоток воды. Но и в нашем случае наступает бифуркация сознания, возмущение мысли, результатом которой является поиск возможных различных путей решения ситуации. Диверсификация экономического сознания таким образом обусловлена сугубо экономическими факторами, непосредственно не затрагивающими или могущими не затрагивать нашу физиологию. Такой «посыл» импульса из сферы хозяйственного в сферу сознания есть движение духа. Рассматривая дух как объективно значимое в душе, как коренную ее основу, мы могли бы сказать, что в одном случае он спит, в другом парит, в третьем работает, в четвертом – «мельтешит». Духовная деградация столь же типична для движения духа, как и духовное возвышение. В одних случаях человек показывает свои высокие душевные свойства, в других – ничтожные.

Энергетика экономического сознания разводит сущее и бытие в том смысле, что блага есть, но они не доступны, следовательно, задачей человека становится присвоение, а не производство этих благ. Но эта операция есть лишь формализация бытия, когда его персоналистское или социальное осуществление, пере-

⁶ См.: Князева Е. Н., Курдюков С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // *Вопр. философии*. 1992. № 12. С.5.

вод из отвлеченной бытийности в бытийность сущую обусловлен актом экономического сознания. И, тем не менее, это всего лишь люмпенизация экономического сознания, потому что основной интерес личности оказывается не в сфере производства, а в сфере распределения.

Диверсификация экономического сознания неразрывно связана с очень интересным и, пожалуй, наименее осмысленным вопросом об энергетике сознания. Мы употребляем термин «энергетика» не в биолого-физиологическом смысле слова, а в семантическом значении.

«Ведь роза, как её не назови, все будет розой». (*В. Шекспир*)

В. Шекспир все-таки ошибался: назови розу сорняком, иные модницы откажутся в угоду общественному мнению даже смотреть на нее, не то чтобы нюхать. Общественное мнение – форма проявления общественного сознания. Следовательно, сознание определяет сущее в бытии, а не сам факт бытия, хайдеггеровский Ман.

Денотат как предметное значение дискурса (розы) и сущность этого предмета (розы) выступают как разные, самостоятельные проявления. Но они суть проявления бытия розы. Так и в экономическом сознании его денотатность отнюдь не исчерпывается сферой хозяйственного. Скорее можно было бы утверждать, что сфера хозяйственного приобретает в структуре экономического сознания решающее значение. Но всегда ли? Разве иждивенец или инвалид, обладающий экономическим сознанием, могут этим похвастать? Разве у них не довлеет в структуре экономического сознания внехозяйственное, в первом случае психологическое, а во втором еще и физиологическое начало? Может ли инвалид думать в первую очередь об экономике, если у него нет ног? Может ли иждивенец думать об экономике, если он полностью зависит от опекуна? На первый взгляд, следовало бы дать отрицательные ответы на поставленные вопросы. Но и в этих случаях не все так просто, как кажется.

Энергетика экономического сознания существует не только в психофизиологическом или физико-химическом, кинетическом или механическом вариантах. Энергетика сознания как сущего – особый род энергетики. Питаемая кислородом, разносимым по организму кровью, она в одном случае благополучно спит, в другом – взрывается наитием, в третьем – вдохновением, в четвертом – фанатизмом и т.п. Разные результаты обычного кислородного питания столь же очевидны, сколь и однообразные последствия кислородного голодания мозга. Так в чем же дело? Может

быть из морской пены физиологии рождается Афродита духовности? Может быть переходит один вид энергии в другой, особый, интеллектуальный?

Духовность не есть ли особая энергетика души? То, что она не есть сама теодицея, что ее нельзя отождествлять с красотой, любовью или волей, очевидно. Но если духовность сознания есть особая энергетика, то какова ее природа и смысл? Почему существует несоответствие энергии мысли и энергии тела, энергии мышления и энергии духа? Одних мысль посещает во сне, когда тело спит – мозг работает, других мысль посещает тогда, когда и тело и мозг работают, третьих – когда тело бодрствует, но спит мозг? Разве наши предчувствия, наши ощущения, дающие нам пищу для размышления, всегда проходят через мозг? Чтобы ответить на этот вопрос положительно, необходимо вспомнить о том, что клетки мозга разрушаются раньше других, поэтому человек, умирая, не успевает этого осознать. Но чтобы ответить на этот вопрос отрицательно, можно обратить внимание на то, что фатальность ситуации и смерть становятся очевидными человеку и до физиологического конца.

Отделяя голову профессора Доуля от тела, советский фантаст допускал жизнь мозга без тела, сознания без сердца. Этим же занимался и неуловимый Фантомас в одноименном фильме. Утопия. Но энергетика сознания в действительности не тождественна энергетике тела, не исчерпывается ею. Адреналин не объясняет талант, точно также как отдых – мысль, а неврастения – вдохновение.

Собственно говоря, экономика и появилась как присвоение природных благ человеком, а энергия экономического сознания лишь обусловила экономику как актуальность. В общем и целом производит и создает лишь природа, а человек только видоизменяет природные блага. Преобразование солнечной энергии в экономическую – вот в чем суть экономики, так высказывался по этому поводу С. А. Подолинский, выдающийся, но незаслуженно забытый русский экономист XIX в. Размышляя по этому вопросу он сделал вывод о том, что прибавочный продукт создается не в силу феномена эксплуатации, тем более что прибавочный продукт не есть признак исключительно капитализма, а в силу преобразования энергии посредством труда, когда человек сначала как бы сберегает часть энергии, а затем ее оптимально распределяет и превращает.

По мнению этого экономиста, «применение солнечной энергии в качестве непосредственного двигателя и пригото-

ние питательных веществ из неорганических материалов являются главными вопросами, стоящими на очереди для продолжения наивыгоднейшего накопления энергии на Земле. Границей этому является только абсолютное количество энергии, получаемой от Солнца, и неорганических материалов, находящихся на Земле»⁷.

Накопление и преобразование природной энергии посредством человеческого труда в действительности становится возможным благодаря ее превращению в энергию экономического сознания. Прежде чем создавать или видоизменять нечто, процесс этого видоизменения и искомый результат в качестве идеального образа (модели) формируются в экономическом сознании работника. Невозможно создавать, не ведая, что творишь. Иное дело, что мера и четкость такого видения, идеального представления будущего результата может быть различной. Но энергетизация экономического сознания во всяком случае выступает как тот «первичный» фихтевский толчок, который побуждает человека создавать нечто новое, большее, лучшее и эффективное, чем то, что уже его окружает, доступно ли последнее или нет для непосредственного потребления. Это новое и есть прибавочный продукт.

Кто из экономистов не задумывался над природой прибавочного продукта? Эта проблема была и остается центральной в фундаментальной экономической теории с момента формулировки идеи о самом прибавочном продукте и до сих пор. Что же такое прибавочный продукт и какова его природа?

Еще К. Маркс, формулируя свою версию трудовой теории стоимости и собственную теорию прибавочной стоимости, утверждал, что весь произведенный в обществе продукт делится на две части: на необходимый продукт и на прибавочный продукт. В основу такого деления К. Маркс ставил сугубо функциональный подход: необходимый продукт, по его логике, только возмещает израсходованные затраты труда, а значит, он априори равен издержкам; а прибавочный продукт есть нечто сверх необходимого продукта, нечто такое, ради чего капиталист эксплуатирует наемных рабочих и что эксплуататор, фигурально выражаясь, кладет к себе в карман. А значит этот прибавочный продукт служит основой прибыли.

Логика в марксизме была элементарной: раз прибавочный продукт есть результат труда наемного рабочего, то необходимо

⁷ Подолинский С. А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М., 1991. С.81–82.

экспроприировать его у капиталиста. Так родился лозунг экспроприации экспроприаторов. Отсюда – до призывов к классовой борьбе и социальной революции оставался один лишь шаг, который и был сделан.

Но так ли прав оказался К. Маркс, утверждая свое учение о трудовой природе прибавочного продукта? Так ли вообще был он прав, заявляя о том, что наряду с необходимым продуктом общество создает и прибавочный продукт? Так ли справедливо полагать, что прибавочный продукт есть результат исключительно капиталистической эксплуатации? И существовал ли прибавочный продукт до капитализма и до капиталистической эксплуатации, до появления капиталистической частной собственности, которую К. Маркс и Ф. Энгельс предлагали уничтожить? А если прибавочный продукт был и в докапиталистические времена, причем здесь вообще капитализм?

Я вспоминаю, как сам не раз задавался в юные годы вопросом, а как это рабочий в состоянии создавать прибавочный продукт, то есть как это он может создать больше того, что сам «стоит» и что сам может. Ведь стоимость рабочей силы есть по сути и затраченный труд, а раз этот труд затрачен, то он есть суть издержки производства продукта. Отсюда следует, что весь производственный продукт равен осуществленным издержкам, а значит, весь он и есть необходимый! Откуда же вдруг появляется прибавочный продукт? Только ли из желания К. Маркса обвинить предпринимателя в эксплуатации рабочего? Или из-за абсолютизации функционального подхода, который затмил причинно-следственный, сущностный анализ вопроса о происхождении прибавочного продукта?

В самом деле, думал я, если, например, спортсмен способен разбежаться и совершить прыжок на три метра вверх в силу своих априори заложенных в нем природой и трудом способностей, то он и прыгает только на три метра, и никак не может прыгнуть на четыре. Если же это вдруг происходит, то напрашивается закономерный вопрос: а причем здесь сам спортсмен? Может ему помог попутный ветер или эластичный шест, отличное покрытие дорожки, суперкроссовки или допинг?.. Но это уже не заслуга спортсмена! Сам же спортсмен, способный совершить прыжок в три метра, по самому определению не может совершить большего. И значит, не может претендовать на большее! Это – логический императив, опровергнуть который, строго говоря, в рамках логических размышлений нельзя! Но природа, действительность его опровергают. В чем же тут дело?

Жан Батист Сэй (1767–1832), без сомнения великий французский экономист, а никакой не «пошляк», как его называл К. Маркс, также задавался этим вопросом. И он пришел к удивительному выводу: сформулировал свою знаменитую концепцию факторов производства. Суть ее состояла в том, что в создании совокупного продукта в целом, а значит, и обеих его функциональных частей – необходимого и прибавочного – принимает участие не один, а сразу три фактора: труд, земля и капитал. Созданный продукт не является результатом исключительно наемного труда рабочего и его эксплуатации, он есть результат совместного воздействия всех основных факторов производства, и следовательно, должен распределяться в соответствии с мерой, степенью участия каждого из этих факторов в процессе его производства! Эта концепция полностью закрывала дорогу для революционных лозунгов об экспроприации экспроприаторов, и именно поэтому вызывала у К. Маркса столь резкую критику.

Бессмысленно напоминать, что сегодня концепция Ж. Б. Сэя гораздо более популярна в мировой экономической теории, чем идея К. Маркса: популярность не есть, как известно, признак справедливости, подлинной истинности и может быть основана на совершенно иных, гораздо более прозаических основаниях. Вместе с тем, К. Маркс сам научно не сумел доказать «правильность» своей теории прибавочного продукта, которая так и продолжала оставаться теорией, основывалась на глубоких методологических и теоретических ошибках самого К. Маркса, была в большей степени догмой, чем концепцией. Совершенно справедливо по этому поводу звучит суждение М. Блауга о том, что «не имея возможности доказать правоту своих представлений о природе прибавочного продукта, К. Маркс просто напускает туману и предлагает из светлого помещения спуститься в подвал», с тем, чтобы в темноте просто «заморочить голову», а в действительности, он просто приписывает весь доход эффекту приложения труда⁸.

Если допустить на миг, что прав был все-таки Ж. Б. Сэй, а не К. Маркс, то не есть ли это тем самым и отрицание прибавочного продукта как такового?

Ведь если весь созданный продукт должно распределять адекватно затратам труда, земли и капитала, то есть покрывать трудовые, экологические и капитальные затраты на его производ-

⁸ См.: *Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе*: Пер. с англ. М., 1994. С.217.

ство, то по своей сущности, природе и структуре он является ничем иным, как суть необходимым продуктом! Но ведь вслед за ростом народонаселения земли и ростом совокупного спроса растет и совокупный объем производства, совокупное предложение продукта. Как же это объяснить?

Следует, видимо, признать, что ни теория факторов производства Ж. Б. Сэя, ни концепция прибавочного продукта К. Маркса не объясняли и в принципе не могут объяснить расширенное воспроизводство и экономический рост: один все связывал с издержками трех факторов, другой – с декларированной способностью лишь одного из них, а именно, труда – создавать новый продукт. Абсолютизация роли труда в философских дефинициях абстрактного и конкретного труда, что К. Маркс считал своим самым великим открытием в экономике, столь же далеко уводит нас от понимания природы прибавочного продукта, сколько и «бухгалтерские» раскладки Ж. Б. Сэя.

Тем значительнее является то открытие, которое сделал современник Ж. Б. Сэя и К. Маркса С. А. Подолинский (1850–1891), который был не только экономистом, но и естествоиспытателем. Идейный предшественник В. И. Вернадского и А. Л. Чижевского, во многом предвосхитивший идеи И. Р. Пригожина, С. А. Подолинский оказался в подлинном смысле слова ученым-новатором, человеком, совершившим столь крупное открытие в области экономики, что оно оказалось просто непонятым современниками! Главное сочинение С. А. Подолинского, изданное еще в 1880 г., более ни разу не издавалось вплоть до 1991 г. в России.

Удивительно, но до сих пор это сочинение С. А. Подолинского трактуется по-разному: то оно называется монографией, то статьей, то очерком. Вряд ли это случайно. Как вряд ли является случайным совершенно неправильное, искаженное и крайне ограниченное толкование, интерпретирование основного открытия С. А. Подолинского в современной литературе. Главное, что сделал этот ученый, так это то, что он перевел идеологические рассуждения о том, что первично «курица или яйцо», в поле естествознания, в сферу энергетики. Это позволило прийти к выводу о том, что хозяйствование есть не просто особым образом организованная человеческая деятельность, а деятельность, направленная на восприятие энергии космоса и Земли и ее превращение, преобразование и использование во благо человека.

К сожалению, интерпретация идей С. А. Подолинского современными исследователями его творчества оставляет желать лучшего. Так, например, автор вступительной статьи к книге С. А.

Подолинского П. Г. Кузнецов пишет: «Начнем с того пункта, который принимается любым участником любого обсуждения: все хотят увеличить темп роста производства»⁹. Уже в этом утверждении скрыта ошибка: далеко не все участники любого обсуждения проблем экономики, в том числе и проблем, связанных с экономическим ростом, а тем более далеко не все субъекты хозяйственной жизни общества (корпорации, профсоюзы, государственные структуры) хотят «увеличить темп роста производства». Многие заинтересованы в ограничении темпов экономического роста. Кто по «шкурным», кто по экологическим или еще каким-либо соображениям.

Далее П. Г. Кузнецов пытается раскрыть суть открытия С. А. Подолинского. Он пишет: «Для увеличения темпа роста производства надо производить больше, чем потребляется на «простое воспроизводство». Этот излишек над простым воспроизводством есть: 1. В натуральном выражении – прибавочный продукт. 2. В денежном выражении – прибыль. Но и прибавочный продукт и прибыль – это излишек над системой «простого воспроизводства»¹⁰.

Здесь также заключен ряд ошибочных утверждений. Во-первых, «прибавочный продукт» отнюдь не есть категория исключительно расширенного воспроизводства, он создается и в условиях «простого производства». Если рассматривать прибавочный продукт на микроэкономическом уровне анализа, то он предстает как вновь созданный работником продукт, как излишек над затратами конкретного производства. Если из 100 репрезентативных фирм сорок имеют такой излишек, а шестьдесят работают убыточно (то есть без прибавочного продукта), то общая картина очевидна 60 больше 40, значит воспроизводство «суженное»; если взять 50 на 50, то «воспроизводство» простое; если взять 40 на 60, то воспроизводство «расширенное». Но в каждом из трех случаев воспроизводства создается конкретными производителями прибавочный продукт. Другое дело, что не всеми, или, что на макроэкономическом уровне, он меньше совокупных издержек. Но это ровным счетом ничего не меняет в существе вопроса и свидетельствует об ошибке П. Г. Кузнецова.

Эти сугубо политико-экономические суждения не имели бы никакого отношения к предмету настоящего исследования, если бы сам С. А. Подолинский не понимал, что никакой из известных

⁹ Подолинский С. А. Указ. соч. С.7.

¹⁰ Там же. С.7.

науке до сих пор видов энергии представленный сам себе, не служит поднятию качества энергии на высшую ступень. Превращение низших видов энергии в высшие обусловлено человеческим трудом, который есть «такое потребление механической и психической работы, накопленной в организме, которое имеет результатом увеличение количества превратимой энергии на земной поверхности». Далее, ученый выясняет, что понятие труда неприменимо к животным, поскольку, хотя он (труд) и появляется в связи с борьбой за выживание, но животные в буквальном смысле слова все-таки не трудятся. Человек же обладает сознанием и, следовательно, он трудится. Труд поэтому выступает не только полезной, но прежде всего сознательной деятельностью. Вот в этом и заключается суть вопроса. Экономическое сознание обладает особой энергетикой, результатом которой выступает сам труд, процесс труда, его начало и развитие. Собственно, экономическое сознание уже предстает как сфера духовного, идеального, интеллектуального труда, в которой накапливается особая энергия, преобразованная, по общей логике С. А. Подолинского, из солнечной энергии. И хотя сам экономист прошел мимо энергии сознания, однако представляется в высшей степени логичным и правильным утверждать, что между энергией внешнего мира и процессом его трудового, человеческого, деятельного изменения находится энергия сознания, которая обуславливает посредством диверсификации сознания диверсификацию и самого труда, всей хозяйственной человеческой актуальности.

Только отталкиваясь от энергетической природы экономического сознания можно логически объяснять происхождение прибавочного продукта, эксплуатации, экономические спады и подъемы, разорения и банкротства, все те многообразные проявления различной степени хозяйственной активности или пассивности, которые берут свое начало от энергии экономического сознания, как все живое – от солнца.

§ 4. Инструментализация экономического сознания

Если экономическое сознание рассматривать как иерархию определенных хозяйственных ценностей, идеалов, целей, установок, а не только как способ самостроительства человека и его самосохранения, то возникают по меньшей мере два вопроса, требующих ответа: во-первых, является ли символизация такой иерархии идеалов и установок в виде различных обозначений-знаков достаточной для его продуктивно-эффективной активно-

сти; во-вторых, какова сама природа и морфология современного инструментально-символистического компонента экономического сознания? У нас нет сомнений в том, что такой компонент не исчерпывает и не может исчерпать всю природу экономического сознания, однако это не позволяет игнорировать поставленные выше вопросы.

Современная символизация экономического сознания есть использование знака в качестве заменителя понятия, языка символов вместо языка как такового. В экономической науке сегодня происходит нечто подобное тому, что в 70-е гг. XX в. в литературе осуществлял Курт Воннегут. Неважно, идет ли речь о мистической, практической или математической символизации экономического сознания, до тех пор, пока знак в любой его форме используется как рабочий инструмент, проблема инструментализации является локальной, частной, рабочей проблемой экономического мышления. Но как только проблема знака перерастает эти рамки и претендует на статус всеобщей гносеологической и историко-культурной проблемы, невольно задаешься вопросом о пределах самого экономического мышления и о пределах использования знаков, символов в структуре такого мышления. «За деревьями не видеть леса» становится весьма модным в условиях современной математизации, компьютеризации, синергетизации экономического анализа. Знаки в любой их форме функционируют и взаимодействуют между собой, образуют особую систему образного и доказательного поля в структуре экономического сознания. В этой ситуации знак постепенно заменяет смысл, саму мысль, хотя ею никак не является.

Язык, образуя экономический лексикон в виде определенных понятий, постепенно претендует на некую императивность и всеобщность в структуре этого лексикона. Порой забывается, что содержание категории может изменяться со временем, что однако отнюдь не требует отказа от категории как таковой. При этом порой изменение смысла объявляется недопустимым и противоречащим самому языку. Но в экономическом сознании и мышлении язык есть лишь выражение мысли, то есть инструмент, а не сама мысль, то есть не сама экономика, нельзя путать «божий дар с яичницей»! В самом деле, с изменением смысла ростовщического капитала в эпоху финансового капитализма наука вовсе не отказалась от использования дефиниции «капитал»; наоборот, речь теперь идет о зрелости самого понятия. Точно также, с развитием купеческого капитала до уровня торгового, а поборов и оброков до уровня «налогов» и «тарифов», мы не отказываемся

от использования понятий только лишь потому, что старинные формы наполняются новым содержанием. Знаки, как термины, так и формулы, как тексты, так и графики, необходимы для процесса мышления. Однако было бы опрометчиво придавать им большее значение, нежели то, которое объективно им свойственно.

В современной философской мысли Запада, к сожалению, преобладает тенденция наделения символов особым, порой мистическим смыслом. В своих сочинениях А. Д. Ритчи, Дж. Дьюи, Б. Рассел, А. Брюнстик и другие пытаются доказать, что символы равнозначны мысли, что связано с общей идеологией: знаки есть выражение чувств, а чувства порождают мышление. Отсюда делается вывод, что мышление есть символ, знак. «Мышление есть формулирование знаков», – полагает С. Лангер, очевидно, путая при этом средство выражения мысли и саму мысль. Но если мысли нет, чувства ее не порождают, возможно ли применение символизма, использование знака?

Если мысль «спит», то это отнюдь не означает, что мы отказываемся от использования знаков и символов. Наоборот, можно было бы сказать, что разбудить нашу мысль могут именно эти символы и знаки, которые выступают как инструменты выражения прошлых мыслей, отраженных в опыте сознания. Если правомерно утверждение о том, что аппетит приходит во время еды, а удовлетворение трудом – в процессе самого труда, а не до него, то и мысль начинает пробуждаться от спячки в процессе приложения к ней знаков, символов. Обратимся к примеру. Использование формул в экономической науке вроде бы призвано показать некую завершенность, законченность в разработке проблемы. Однако на практике, именно формулы вызывают наибольшие нарекания экономистов. Связано это с так называемыми допущениями, отвлечениями, абстрагированием от многообразной реальности и упрощением предмета формулирования, с целью «ухватить» наиболее существенные его признаки, но сами по себе эти признаки объявляются существенными весьма произвольно. Так, К. Маркс, абстрагируясь от всевозможных свойств человека, свел его сущность к рабочей силе, то есть фактору производства, забыв о других его сущностных характеристиках, в том числе и об экономическом сознании, которое задним числом было объявлено полностью зависящим от бытия в смысле материального благосостояния личности. Однако такое объяснение не дает ответа на вопросы о том, почему же миллионер Савва Морозов фактически профинансировал создание РСДРП(б) в Рос-

сии, а бедный крестьянин делится последним куском хлеба с голодным.

Оказывается, символизация экономического мышления, объективно ведущая к формализованности в экономическом сознании, воспринимается часто как некая самостоятельная деятельность сознания, самодостаточная в своей основе. А это – глубочайшее заблуждение.

«Словоблудие» или «словотворчество» экономистов достигли сегодня неслыханного размаха. По этому поводу между В. И. Лениным и А. А. Богдановым еще на заре XX в. шла энергичная дискуссия, не потерявшая своей актуальности и до сих пор. Но в современной экономической науке особую актуальность приобретает совершенно особый род символа или знака – модель. Моделирование, впервые использованное в начале XIX в. с известной работы А. О. Курно «Математические принципы теории богатства», прошло существенную эволюцию, отраженную в работах представителей Австрийской (Венской), Кембриджской, Лозаннской, Стокгольмской, Фрейбургской и Чикагской школ экономистов. Разработка моделей макроэкономического равновесия, наиболее характерная для экономической теории конца XIX и «подкрепленная» списком многочисленных нобелевских лауреатов в этой области, однако, нисколько не приблизила мировую экономику к этому самому равновесию. Достаточно взглянуть на котировки акций крупнейших корпораций на мировых фондовых биржах, на индексы Dow Jones или Nikey, чтобы убедиться в этом. Все дело в том, что моделирование в принципе не может заменить понимания, как модель – мысль. Заложенная в «мозг» компьютера она (эта модель) создает возможность адекватной реакции последнего только в предусмотренных ситуациях. Так, если заложить в компьютер современного автомобиля или авиалайнера реестр наиболее типичных «дорожных» ситуаций, то машина может идти в автономном режиме, а самолет в аналогичной ситуации – на автопилоте. Но в экстраординарной, непредвиденной и не предусмотренной программным обеспечением ситуации произойдет катастрофа. Исключение «человеческого фактора» из управления и его замена моделированием (моделью) свидетельствуют о нарастании числа подобных катастроф на транспорте. В экономике происходит то же самое, но власть крайне неохотно это признает и, как правило, ищет в таких ситуациях «стрелочника». А виновата она сама (заказчик), а отчасти и специалист, ангажированный властью и получивший государственный заказ на разработку таких «безкризисных программ» со-

циально-экономического развития. Исполнитель часто идеализирует свою модель и сознательно не предупреждает заказчика об ее изъянах. И получается как в известной поговорке: заставь дурака богу молиться – он лоб расшибет.

Почему же происходит символизация мышления и нарастающая «абстрактизация» сознания, его «модельное» выхолащивание? Ответы на эти вопросы в принципе уже даны. «Понятие – это все, что реально передает некий символ. Но понятие сразу же символизируется для нас, наше собственное воображение одевает его в личное представление... Абстрактное видение – это основа нашей рациональности»¹. «Личное» и «рациональное» и обуславливают нарастание символизма в сознании, в экономическом сознании в первую очередь. Однако экономическое сознание не тождественно сознанию художественному: экономист не может, не имеет права заявить подобно художнику: «Я так вижу». Если полотно или скульптура есть подиум для индивидуального художественного мышления, сфера для самовыражения собственного творческого «Я», то хозяйствование как социальная форма деятельности, как «отношенческая» сфера человеческой бытийности не может обустраиваться исключительно посредством функций, формул, моделей, конструируемых и воображаемых в головах кабинетных ученых. Точно так же, как в XIX в. в Германии катедер-социализм оказался голой абстракцией, как «научный» коммунизм показал свою нежизнеспособность в XX в., так «свободная» рыночная экономика сегодня иллюстрирует свое несовершенство и непредсказуемость. Модели и формулы здесь бессмысленны! Нужна сама мысль.

Означает ли это, что символ в его широком понимании тоже бессмыслен? С дискурсивными символами дело обстоит проще: достаточно открыть любой словарь русского языка с тем, чтобы определить тот смысл, который вкладывается в конкретный филологический (лексический) символ (термин). Но какой математический словарь описывает область допустимых значений или конкретную множественность моделей в экономике? Наделяя отдельные признаки-модели по собственному произволу структурой линейного евклидова пространства или другими «общими» условиями, идеологи такого экономического моделирования упрощают экономические реалии.

¹ Лангер С. *Философия в новом ключе: исследование символики разума, ритуала и искусства*: Пер. с англ. М., 2000. С. 67.

Некоторые из таких «модельеров» подсознательно все же улавливали наивность и бесперспективность подобных формул и моделей. Обратимся к классической модели К. Маркса, отражающей процесс общественного воспроизводства:

$$\begin{array}{c} \text{Д-Т} \begin{cases} \text{С.п.} \\ \text{Р.с.} \end{cases} \quad \dots \text{П} \dots \text{Т}^{\Delta} - \text{Д}^{\Delta} \end{array}$$

К. Маркс был убежден, что новая стоимость создается в процессе производства, то есть при условии соединения рабочей силы со средствами производства. И хотя он постоянно декларировал тезис о том, что новую стоимость создает только рабочий, но не забывал предлагать и «экспроприировать экспроприаторов», т.е. изъять у них из собственности средства производства. Однако, каким именно образом происходит процесс создания новой стоимости, К. Маркс математически выразить не смог, он просто использовал многоточие.

Аналогичная проблема встала и перед Ж. Б. Сэем (Франция), сформулировавшим формулу пофакторного анализа процесса создания стоимости:

$$S = k(A + B + C + n \dots)$$

где: S – созданная стоимость;

A, B, C, n... – факторы производства;

k – коэффициент участия каждого из факторов в процессе создания стоимости.

Вся логическая цельность данной формулы разбивается при попытках ответа на вопрос о том, как вычисляются эти самые коэффициенты участия конкретных факторов производства в процессе создания стоимости. Кроме того, остается открытым вопрос о том, сколько же факторов производства может быть включено в формулу (n...). И здесь – многоточие.

Дальше всех в направлении макроэкономического моделирования пошли Л. Вальрас и В. Парето (Швейцария), предложившие свою формулу общего экономического равновесия:

$$\sum_{j=1}^n P_j F_j = \sum_{i=1}^m V_i G_i,$$

где $P_j F_j$ – сумма товаров x на цены предложения (т.е. цена предложения);

$V_i G_i$ – сумма товаров x на цены спроса (т.е. цена спроса);

J=1 – пределы суммирования.

Не вдаваясь в тонкости математического и экономического анализа отметим, что даже современные экономисты понимают, что «закон Вальраса» – пустая фикция. Так, Е. Майбурд пишет: «Сперва укажем, для чего закон Вальраса не применяется. Он не используется для вычисления цен и других показателей. Нужен закон Вальраса для рассуждений. О чем говорит этот закон. Он говорит о том, что в состоянии рыночного равновесия совокупный спрос равен совокупному предложению»².

Но если математическая формула не позволяет *вычислить* цены, а также *объяснить* природу и сам механизм формирования равновесной экономики, то какова ценность этой формулы. Мы об этом уже писали ранее³ и полагаем, что Л. Вальрас и его последователи открыли удивительную «истину»: она состоит в том, что «если все нормально «слева», то все нормально и «справа», и наоборот. «Сказать, значит, сказать», – резюмировал по этому поводу Е. Майбурд.

Эти классические примеры бессмысленности математических формул и моделей отнюдь не свидетельствуют о том, что само по себе моделирование, а шире – символизация в экономическом анализе бессмысленны. Речь идет о том, что они порой действительно бессмысленны, чаще же всего только иллюстрируют и проясняют проблему, но никогда и нигде ее не решают. Учитывая характер присуждения премий по экономике за последнюю четверть века, можно констатировать, что Стокгольмский комитет фонда Нобеля присуждает их если и не иллюзионистам от экономики, то уж во всяком случае и не экономистам. Напомним, что человек, рисующий формулы и слепо верящий в графики, далек от подлинной экономики.

Можно сколько угодно обозначать мясо через «х», а хлеб через «у», но слагать и вычитать символы отнюдь не то же самое, что слагать или вычитать реальные хозяйственные блага, а тем более их производить, создавать. Совокупный спрос или совокупное предложение отнюдь не тождественны интегрированному спросу или предложению. Убывающая полезность отнюдь не императивна, абсолютизировать ее означало бы впасть в солипсизм. Следует помнить об эффекте зеркала в процессе такого символизма, когда реальность искажается, подменяется псевдо-реальностью.

² Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М., 1996. С.417.

³ См.: Стожко К. П. Общая теория цены. Екатеринбург, 2000. С.36–40.

Так искусственно создаются в экономическом анализе проблема «двойного счета» в системах национального счетоводства или иные надуманные проблемы, с которыми наука борется до сих пор.

Языковая семантика, процесс дискурса или иные феноменологические аксессуары экономического анализа не могут его заменить, они лишь служат «приятным» дополнением и важным инструментом самого анализа. Однако инструментализация экономического сознания, а вместе с ним и самого мышления, научного анализа связана не только с широким распространением символов, знаков, развитием симеотики и дискурсивности мышления. Важно отметить и нарастание того, что принято называть художественностью. Мы употребляем данный термин в положительном смысле, а не в смысле тех художеств, которые можно наблюдать на заборах или в общественном транспорте, в учебных аудиториях или на физиономии любимого чада после его разборок на улице. Художественность как артистизм, как особая ипостась творчества, как постоянное «горение сердца», как неповторяющаяся и неповторимая индивидуальность, безусловно, заслуживает философского осмысления. Тем более, что она в полной мере присуща современной науке. Принято думать, что художественность имманентна только искусству, но дело в том, что наука все в большей мере тоже становится искусством, сферой художественного творчества. Художественность мышления, знания, сознания выражаются в их постоянном переформулировании, переинтерпретации, вариативности. Вариативным становится сама сфера образования, что же говорить о науке, в том числе и об экономической теории? Хорошо это или плохо? Правильно или нет? Однозначных и простых ответов здесь дать нельзя. С одной стороны, художественность, артистизм в научном анализе способствуют этизации и эстетизации самой науки. Образ «сухого ученого» («сухаря») навсегда уходит в прошлое. «Журчат ручьи, и тает лед, и сердце тает», – как поется в советском фильме. В самом деле, без артистизма, без какой-то «сумасшедшинки» мышление обречено на плоскость, на тривиальную линейность. Разве не благодаря таким «сумасшедшинкам», предположениям, которые казались невыносимыми, взглядам, воспринимавшимся как еретические, развивалась сама наука? Когда Г. Галилей и Н. Коперник поставили Солнце на место Земли, совершив переворот в астрономии, разве они не поступили артистично? Когда А. Бергсон и В. Вернадский заменили понятие «биосфера» термином «ноосфера», разве они не поступили в

высшей степени художественно? Художественность выступает с одной стороны неординарностью мышления, а с другой стороны – сконцентрированностью самого мышления. В экономической науке это тем более очевидно, что исследователь формулирует не какие-то космические, плохо проверяемые идеи, а конкретные хозяйственные идеи, поддающиеся проверке в пределах одного поколения живущих людей. Иное дело, что политики, обещавшие рай на земле, уходят на пенсию или из жизни безнаказанными. Как и экономисты, отстаивавшие и формулировавшие свои идеи в виде «истины в последней инстанции».

Итак, артистизм, художественность способствует прогрессу в формировании и развитии экономического анализа, а следовательно, и самого экономического сознания.

Но с другой стороны, артистизм, художественность порождают скороспелость, верхоглядство, иллюзии, экспромт, импровизацию. Это делает экономические знания поверхностными, плохо сформулированными относительно реальности. Чем «заумнее» или «художественнее» язык, тем туманнее и иллюзорнее сами теории, гипотезы. Поэтому такая художественность разрушает экономическое сознание, подменяя его содержание иллюзией. Нам начинать представляться, казаться, что экономический кризис в России уже преодолен, что начался экономический рост и т.п. И хотя подобные заявления воспринимаются не только экономистами, но и просто вдумчивыми людьми как бред, политики продолжают «играть свою пьесу».

Артистизм и художественность естественным образом связаны с особой структурой нашего сознания, с соотношением чувственного и рассудочного в нем. В натурах «нервных», чувственных, восприимчивых художественность становится самодовлеющей характеристикой мышления. Такие люди подчиняются эмоциям и мыслят образно, рельефно. Их речь может изобиловать великолепными примерами, иллюстрирующими их идею. Но вся проблема состоит в том, что примерами ничего доказать нельзя.

Люди рассудочные, у которых чувственное подавлено, зато, наоборот, выражаются примитивно, сухо, скучно, неинтересно, хотя сам предмет их речи, их выражения, возможно, заслуживает особого внимания.

Мы не говорим в данном случае о конкретных чувствах, порождающих эту художественность, образность, выразительность сознания, мышления, самой мысли. Воля (Ф. Ницше, В. Зомбарт), «либидо» (З. Фрейд), страх (С. Кьеркегор), страдание (В. Соловьев) или любовь (Н. Федоров, И. Ильин) – любое из этих чувств

может пробудить художественность, артистизм мысли, особость и самобытность сознания. В таком случае человек – носитель такого сознания никогда не станет «атомом» общественности. Он не будет «элементом» массового сознания. Он будет одинок и обречен на жизненное одиночество, потому что «любить, творить и умирать можно только индивидуально» (И. А. Ильин). Глубокий ученый, тем более обладающий свойством артистизма сознания, может быть великолепным оратором, использующим митонимию и синекдоху, ямб и хорей, у него могут быть толпы поклонников или куча врагов. Но внутри себя, в глубине своего артистического, художественного сознания он всегда будет оставаться одиноким. Его близкие и друзья будут ему дороги как люди, но не как единомышленники, оппоненты или собеседники. Замкнутость и одиночество в семье, в коллективе становятся основой для саморазвития такого артистизма. Человек мыслит, опережая время и толпу. Это достойно восхищения, но одновременно и сожаления, сочувствия.

Природа художественности, артистизма в самом экономическом сознании связана с особой метафизикой духа. Те, в ком вдруг пробуждается это свойство мышления и сознания, всегда в обществе – «не от мира сего»; они либо «не практичны», либо просто какие-то «странные». Администрация, будь то руководитель организации или глава государства, должна бы понимать это, но она не понимает именно потому, что сама напрочь лишена этих свойств. Это «свояк свояка видит издалека», а настоящего артиста, как и настоящего ученого, к сожалению, приходится оценивать часто после их смерти. Неслучайно говорят: «Чтобы стать классиком, нужно вовремя умереть». Грустная ситуация, характеризующая в том числе и нашу «переходную» экономику. Не столь давно Г. А. Явлинский самоуверенно предлагал всего за пятьсот дней оздоровить экономику, но почему-то ему не дали попробовать, даже не предложили ни одной области или губернии. На заре рыночных реформ Л. Пияшева весьма художественно, образно говорила о том, что «нельзя быть немножечко беременной» рынком, но ей так и «не выделили» ни одного округа в столице, где она могла бы показать в экспериментальном порядке правоту своих идей. То же самое можно сказать и о других экономистах, которым, за отсутствием реальной возможности, приходится упражняться в своем артистизме на публике.

Люди, обладающие высоко художественным сознанием, проявляют эту черту посредством артистизма собственной натуры, эмоционального поведения. Они крайне не удобны для вла-

сти, для окружающих, но именно они – душа экономики, генератор идей в науке, источник прогресса. Их порой обвиняют в авантюризме, забывая при этом, что в буквальном смысле авантюризм означает движение вперед.

Художественность или артистизм есть свойство субъекта сознания, свидетельствующее о персонализированности сознания, в том числе и сознания экономического. Рассуждения философов о том, что экономическое сознание есть исключительно сознание общественное и со стороны субъекта и со стороны объекта, как раз и затемняют природу художественности сознания. Конечно, личность (персональность) есть не только продукт или результат развития общества, общественных отношений, но и саморазвития, т.е. развития собственной природы, не только физиологической, но и шире – человеческой. Более того, личность есть результат развития космических сил. Неслучайно А. Л. Чижевский, опираясь на работы М. И. Туган-Барановского и Н. Д. Кондратьева, установил одиннадцатилетнюю цикличность развития мирового хозяйства, в частности, промышленных циклов, кризисов, нарушений сердечно-сосудистой системы, обострений нервных и хронических заболеваний человека, внезапных смертей и эпидемий⁴. Влияние космических сил (солнечных бурь, радиационного излучения, сжатий Вселенной и т.п.) на человека и его сознание отрицать бессмысленно. Точно также сегодня выглядит бессмысленным традиционное для марксистской философии сведение сознания (в том числе и экономического сознания) к общественному.

Артистичность (художественность) экономического сознания неразрывно связана с тем, что само экономическое сознание функционально, оно выполняет определенную роль в жизнедеятельности людей. Приоритет той или иной функции экономического сознания и дифференцирует его художественность, специфику формирования и выражения. Познавательная функция, если она становится доминантой процесса формирования и развития сознания, связана с развитием аналитического мышления. Согласно Гегелю, каждый человек преследует в жизни свои цели, хотя в конечном счете продуктом их деятельности оказывается такая общественная связь, которую каждый из них по отдельности даже не предполагал. Куда может завести нас наше познание, нельзя предугадать. Гипертрофирование функции познания,

⁴ См.: Леднев В. П. История русского космизма. Екатеринбург, 1999. С.164.

любопытность ради любопытности оставляет на обочине, за рамками самого сознания многие аспекты человеческой бытийности: например, вопросы актуализации сознания, практического применения и конкретизации результатов познания. Умело распоряжаться результатами познания, практически их применять в жизни многие ученые просто не в состоянии именно в силу собственной «увлеченности» познанием как таковым. Вряд ли можно признать нормальной ситуацию, когда исследователь не отдает себе отчет в том, куда может завести его абсолютизированное познание.

Вместе с тем, это лишний раз доказывает, что сознание личности отнюдь не тождественно общественному сознанию. В экономическом плане это еще более ясно. «Как *отдельное лицо*, – утверждал Гегель – в своей *единичной работе* бессознательно уже выполняет некоторую общую работу, так выполняет оно и общую работу в свою очередь как сознательный предмет; целое становится как целое его произведением, для которого оно жертвует собой, и именно поэтому получает от него обратно самого себя»⁵.

В этом фрагменте гегелевских рассуждений важно отметить, что человек мыслит как *отдельное лицо*. И в результате все-таки *получает самого себя*. Не растворяется в массовом, общественном, классовом сознании, даже в рамках отдельной корпорации или экономического блока, а продолжает мыслить и сознать экономическую реальность как самостоятельное, *отдельное лицо*!

И хотя немецкий философ не ведет речь об экономическом сознании предметно, а рассуждает в целом, абстрактно, тем не менее он подразумевает в контексте своих рассуждений именно художественность, артистичность сознания и мышления. Им используется термин «хитрость» применительно к анализу дефиниций «мирового духа». Он также использует термин «своеобразие» применительно к актуализации сознания. В «Феноменологии духа» Г.Ф. В. Гегель писал: «Каждое единичное сознание поднимается из уделенной ему сферы, в этой обособленной массе не находит более своей сущности и своего произведения, а понимает свою самость как понятие *воли*»⁶.

Точно также, как и многие другие философы до и после него, Гегель апеллирует к чувственному, а именно к воле. Но что

⁵ Гегель Г. В. Ф. Собр. соч.: В 16 т. М.-Л., 1959. Т.4. С.312.

⁶ Там же. С.315.

такое есть воля? Волевое усилие есть напряжение наших чувств, с помощью которых мы познаем окружающий нас мир. Но само это напряжение строго индивидуально. Воля есть особая концентрация духа, связанная с самоутверждением личности. Гегелевское учение о чистой воле, предшествовавшее аналогичным концепциям М. Вебера, В. Зомбарта и других немецких ученых, содержит не только «спекулятивную догадку» о том, что в основе мышления и деятельности людей лежат общественные отношения (именно за это Гегеля высоко ценил К. Маркс), а непосредственно обращено к проблеме чувственного и рассудочного в сознании. В известном смысле гегелевское понимание «хитрости» можно сравнить с концепцией «невидимой руки» А. Смита, труды которого философ прекрасно знал. Но особенность гегельянства состоит в том, что его метафизическая интерпретация «хитрости» абсолютно не тождественна смитовской. Если у А. Смита под «невидимой рукой» подразумевалось божественное Провидение, регулировавшее рынок, то у Гегеля под «хитростью» подразумевается индивидуальность человеческого духа, самость и особенность личности, опосредующая общественное сознание, а шире – всю общественную практику. В самом деле, если экономическое сознание отражает материальные отношения, в том числе и экономические отношения, то следует помнить, что отдельно взятая личность живет в конкретных, особенных, специфических отношениях с хозяйственными субъектами и объектами. Следовательно, персонализированное, личностное экономическое сознание есть основа для последующего развития экономического сознания как общественного феномена. Экономическое сознание как явление общественное отнюдь не является механической суммой личностных, персонализированных «кубиков» экономического сознания. Оно есть качественно совершенно иная реальность, в которой как бы стирается, угасает индивидуальная артистичность, художественность, образность, красочность личностного мышления, персонального сознания. Это уже абстракция, лишенная своей колоритности и доведенная до высшего градуса научной «сухости», до окаменелости. Именно эта окаменелость, заданность, застылость часто и приводит к догматизации и схоластизации такого общественного экономического сознания. Еще в большей степени нивелирование артистичности и художественности персонализированного экономического сознания проявляется при абсолютизации социально-преобразующей функции. В этой ситуации в нашем сознании формируются и абсолютизируются понятия «средний» человек, «средний» класс, «усреднен-

ная» личность, когда быть «одинаковыми» становится требованием, идущим извне, т.е. не от самой экономики. Такая «унификация» мышления начинается уже, к сожалению, в общеобразовательной школе, где учитель ориентируется на «среднего» ученика. В армии с еще большей силой проявляется «оболванивание» творческой индивидуальности, которую объективно ставят в казарменные условия и уставные рамки. В монастыре или любой другой организации (корпорация, профсоюзы, управленческие структуры) в той или иной мере обязательно проявляется сведение артистичности и творчества в мышлении к заданным рамкам, весьма жестким и ограниченным. Разве молодежь не говорит в большинстве случаев, что два года службы в армии попросту выброшены из жизни? Разве монастырская жизнь кем-то из послушников или монахов воспринимается как жизнь, а не как подготовка к смерти, не служение богу?

В экономике такая ситуация, когда «все как один», когда инакомыслие запрещено и преследуется, рано или поздно вызывает обвал.

Отсутствие возможности для творческой артистичности и художественности само по себе убивает мысль и способность к мышлению, превращает массу в зомбируемый объект массового сознания, насаждаемого «сверху», извне. Но это способствует и разрушению сознания, его превращению в частные, порой просто никак не взаимосвязанные между собой, искусственно помещенные в голову субъекта установки и идеи. Личность, пытающаяся жить за счет такого искусственного сознания перестает быть личностью и саморазрушается. Отсюда все напряженности, социальные возмущения и личные катастрофы в тоталитарных обществах. То, что в нашем обществе тоталитарная тенденция до сих пор, не смотря на разглагольствования о развитии либерализма и свободы, не изжита и не устранена – факт, не требующих особых доказательств. Но превращение человеческой личности благодаря такой автономизации и деструктуризации экономического сознания в исполнителя чужой воли есть лишь одна сторона вопроса. Другой его стороной выступает дальнейшая инструментализация экономического сознания, отказ от обобщений, выводов («приказы не обсуждаются», «начальству видней»), осмысления экономической проблематики и акцентация на развитие техники анализа, инструментария исследований («для достижения цели все средства хороши»). Эта тенденция также является особой формой творчества личности, но она отнюдь не способствует развитию ее сознания или самосознания, а есть лишь условие

для этого, причем условие несамодостаточное. При такой форме творчества артистизм и художественность мысли, семиотика и образность заменяют и подменяют смысл. Возникает некий экономический декаданс, когда форма подменяет содержание, не говоря уже о сущности и смысле. При этом сознание выполняет воспитательную функцию, но выполняет ее однобоко и деформированно: формализация экономического мышления способствует восхождению от абстрактного к конкретному, но полностью игнорирует необходимость обратной связи – восхождения от конкретного к абстрактному и понимания этого абстрактного на основе достижений мышления, науки как нового и более сложного целого. Частный и упрощенный взгляд на проблему ассоциируется с образом «маленького человека», от которого «ничего не зависит». В условиях технотронного, постиндустриального общества, когда активная личность в сфере хозяйствования способна осуществлять глобальные действия, подобная идеология наносит ощутимый вред любой национальной экономике. В конце концов, следует всегда помнить, что «не боги горшки обжигают», хотя угроза дилетантизма сохраняется всегда. Но она в большей степени присуща формализованному и инструментализированному сознанию. Вспоминаются рассуждения некоторых наших экономистов, которые полагают, что философы или историки не должны и не могут рассуждать об экономике, а тем более делать какие-либо выводы или оценки, быть научными руководителями диссертантов или даже студентов, выполняющих дипломные работы по экономике. Руководствуясь наличием или отсутствием диплома или аттестата по экономике, такие «экономисты» воспринимают лишь то, что готовы, хотят воспринимать, т.е. мыслят заданно, предвзято, а значит, попросту недомысливают. О том, что история – мать всех наук, что принцип историзма позволил экономической теории перейти от рассмотрения экономических проблем в статике к динамическому анализу, подобные «специалисты» просто не знают. Что касается философии, то экономическая теория вышла из ее лона и по своей сути продолжает оставаться именно философией экономики, а не лингвистикой или математикой. Последние лишь дополняют ее, но никак не равноценны ей!

Искажение экономического пространства, в котором развивается наше знание о хозяйстве, деформация экономического мышления, загоняемая такими «стражами» в прокрустово ложе чисто формализованных суждений – плохая услуга тем, кто действительно желает разобраться в сложностях современной эко-

номической жизни общества, в том, как устроена или как должна быть устроена экономика, в том, что обуславливает организованность и порядок в хозяйстве. А ведь и Т. Гоббс и Г. В. Ф. Гегель утверждали, что «то, что кажется общественным порядком, есть... вражда, в которой каждый прибирает к рукам, что может...»⁷. Экономическая «самодостаточность» или, точнее выражаясь, самодовольство некоторых экономистов, претендующих на истину в последней инстанции, есть лишь выражение этой вражды, насаждаемой убогими «специалистами» с целью самутверждения в интеллектуальной сфере. Это – следствие инструментализации сознания, когда все его общее поле разрывается, раскалывается на самостоятельные «епархии» или сегменты: экономическое, философское, историческое, юридическое и т.п. Но «этот порядок» «есть лишь мнимая всеобщность», в связи с чем невольно вспоминаются слова Т. Гоббса о борьбе всех против всех. Именно такая «строгость» в мышлении и способствовала тому, что К. Маркс сформулировал идею о классовой борьбе как двигателе истории, а П. А. Кропоткин – положение о том, что «революции являются повивальными бабками человеческой истории». Справедливости ради следует отметить, что П. А. Кропоткин все-таки не абсолютизировал идею классовой борьбы, в отличие от К. Маркса, а наоборот, оценивая ее ограниченность, пришел к знаменитой идее сотрудничества и взаимной помощи. В современной гуманитарной науке подобные образчики «предметной», «дисциплинарной», «отраслевой» вражды и борьбы не только весьма частое явление, но и тормоз на пути интеграции гуманитарного знания – знания о человеке, а значит, и формирования целостного, комплексного сознания современного человека.

Мы бы назвали подобную локализацию экономического познания в рамках гуманитарных исследований своеобразной формой самоотчуждения интеллектуального труда, ведущего к реальному отчуждению человеческой личности от общества, результатов труда от работника, человека – от самого же человека. Отчуждение становится тотальным, оно захватывает наше сознание, которое благодаря такому отчуждению становится сознанием скептическим, критическим, но одновременно и пессимистическим, агрессивным. Мы начинаем навязывать свою волю, свои взгляды другим людям нисколько не сообразуясь с их интересами, но лишь подразумевая свою выгоду. К. Маркс, например, ос-

⁷ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. Т.4. С.202.

нову отчуждения труда усматривал в частной собственности и предлагал ее уничтожить, используя для этого «действительное коммунистическое действие»⁸. Но более чем семидесятилетняя история советской экономики убедительно показала иллюзорность подобных идей, поскольку частная собственность оказалась носителем не только негативных свойств, которые подразумевались классиками марксизма-ленинизма, но и позитивных свойств, которые ими игнорировались.

С другой стороны, любая кухарка или рабочий не смогли управлять страной, как этого добивался В. И. Ленин именно потому, что в интеллектуальной сфере человеческого бытия, точно также как и в реальной экономике, существует общественное разделение труда. Нравится оно кому-то или нет, но данный процесс развивается и предполагает специализацию людей на тех или иных направлениях интеллектуального труда: экономическом, политическом, правовом, культурном и т.д.

Но такая специализация в практическом плане совершенно нетождественна специализации в сфере познания и сознания. Именно на стыковых, междисциплинарных направлениях исследований научная мысль достигает наибольших успехов. Проблема состоит в том, чтобы такая специализация в сфере мышления осуществлялась не по указке извне, не под диктовку вождей и лидеров, а по самостоятельному выбору, свободному осознанию наступления такой необходимости. Тогда действительно свобода будет осознанной необходимостью, но необходимостью, идущей от человека, а не навязываемой ему извне. В этом моменте развития мышления и происходит осознание, осмысление информации личностью, что обуславливает большую степень ее восприятия, закрепления и усвоения. Без этого «свободного духа», свободного мышления, основанного на использовании тех инструментов, которые наиболее подходят личности, в принципе не может осуществляться со-знание, как освоение, усвоение, принятие знания в качестве убеждения, ценности. Потому, что в конце концов сознание есть жизнь человека со знанием, есть его актуализация в деятельности. Такая актуализация знания есть его осмысление, осознание, понимание. Далее актуализация есть превращение знания в убеждение, принцип деятельности, осознанный выбор. И затем актуализация есть воплощение замысла, собственно сознательная деятельность. Без деятельности ни один врач или психолог не могут достоверно судить, находится

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.42. С.136.

ли человек в сознании, а точнее, сознание – в человеке. Жить без сознания, конечно, возможно. Но это всего лишь жизнь в коматозном состоянии. Кома и экономика несовместимы по определению, точно так же, как «замкнутое сознание» и «открытое сознание». Одно перерабатывает старую информацию и не «питается» новой информацией, погружается в кому; другое, постоянно питаемое новым знанием, дает жизнь. Оно и есть жизнь.

Безусловно, прав был В. И. Вернадский, когда писал: «Аппарат научного мышления несовершенен; он улучшается, главным образом, путем философской работы человеческого сознания. Здесь философия могущественным образом в свою очередь содействует раскрытию, развитию и росту науки». При этом ученый полагал, что научное сознание не может быть локализованным, потому что «наука по существу едина и одинакова для всех времен, социальных сред и государственных образований»⁹. Выступая за синтез знания, против раскола сознания на религиозное или атеистическое, научное или обыденное, материалистическое или идеалистическое, ученый справедливо утверждал, что дальнейшее развитие мыслительного аппарата современного человека будет связано с объединением, интеграцией человеческой мысли. «Ясно, что сознание такого единства есть необходимое условие организованности ноосферы, и к нему человечество неизбежно придет»¹⁰. Но этот «мировой разум» будет уже не спиритуальным фантомом, не символом веры, религии, не неким умонепостигаемым божественным началом, а результатом движения человеческого интеллекта через персонализированное сознание к сознанию всеобщему, планетарному.

Казалось бы, рассуждая о планетарном экономическом мышлении и экономическом сознании, мы вступаем в поле весьма далекое от инструментализма. Однако это не так. Глобализация и интернационализация мирового хозяйства ведут к усложнению экономической системы и предполагают разработку сложных, диверсифицированных моделей ее функционирования. Не важно, чем руководствуются современные экономисты, пытающиеся создавать подобные «глобализированные» модели, а по существу прогнозировать мировое хозяйственное развитие: будет ли это априоризм Л. Робинса или Л. Мизеса («Эпистемологические проблемы экономической науки», 1981), «ультраземпиризм»

⁹ *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С.76.

¹⁰ Там же. С.76.

Т. Хатчинсона («Значения базовых постулатов экономической теории», 1938), дискриптивизм П. Самуэльсона или собственно инструментализм М. Фридмена («Методология позитивной экономической науки», 1953), все эти течения в современной экономической науке связаны с системным моделированием, а значит, и с инструментализацией экономического анализа «по крупному», на уровне макроэкономических исследований. А такой гиперинструментализм ведет к формализации сознания экономистов, поскольку исходит из допущения множеств, абстрагировании от множеств и упрощения логики. Собственно говоря, формализация экономического сознания на уровне макроэкономического действия (экономическая политика властей) есть способ создания системы логических взаимосвязей, абстрагирующихся от всякого эмпирического конкретно-исторического содержания, которое может быть выявлено в реальной хозяйственной жизнедеятельности общества. Получается логика, оторванная от фактов. Такой подход был присущ многим экономистам прошлых лет. К. Маркс, например, рассуждая о тенденции снижения нормы прибыли, абстрагировался от побочных, второстепенных фактов, каковыми были дальнейшее развитие общественного разделения труда, обострение конкуренции, интернационализация рынков и т.д. В результате «модель» всеобщей и скорой гибели мирового капитализма с помощью пролетарской революции оказалась «несколько преждевременной». Современные экономисты в еще большей степени подвержены формализации в экономическом мышлении. Используя производственную функцию Кобба-Дугласа, кривую А. Филиппса, матрицу Бостонской консалтинговой группы и многие другие, типичные для современной экономической литературы, модели, современные экономисты теперь, в начале третьего тысячелетия, формализуют уже не поведение отдельного хозяйствующего субъекта – индивида или фирмы, а экономическое развитие целых стран или межгосударственных экономических образований. Возрастание опасности ошибки, просчета при таком «моделировании» очевидно. Любая оплошность экономиста в этом случае может привести к «летальному исходу». Вспомним историю с девальвацией рубля при правительстве С. В. Кириенко или «денежное правило» М. Фридмена. О крахе 1998 г. нам известно не понаслышке. Обратимся к монетаризму. Так, лидер Чикагской школы экономистов предлагал руководствоваться в практике денежной эмиссии пятипроцентной квотой в наращивании денежной массы, сообразуясь со среднегодовыми темпами роста ВВП в США. Для России, в которой до

сих пор продолжается экономический спад, часто прикрываемый фиговым листочком конъюнктурных приростных колебаний в отдельных отраслях, денежное правило в принципе неприменимо. Если имеет место быть спад, то в строгом соответствии с моделью М. Фридмена, необходимо не накачивать в обращение новые денежные знаки, а наоборот, откачивать их и сокращать обращающуюся массу денег. Этого, однако, никогда не делалось и, возможно, к лучшему! Нарастание денежной массы в стране в условиях сокращения ВВП привело к раскручиванию инфляционной спирали – лучшего доказательства экономической депрессии. И хотя представители власти полтора года вещают о начавшемся в стране экономическом росте, об обуздании инфляции и индексации доходов, реальность опровергает эти заявления. На июль 2001 г. инфляция составляла уже 18–20%, хотя правительство ранее упорно заявляло о том, что инфляция сохранится на уровне 12 процентов. Очевидно, что модели М. Фридмена непригодны для нашей экономики точно так же, как и их апологеты в правительственных структурах. Необходимо делать организационные выводы, но они не делаются. В экономике США модели, подобные «денежному правилу» или «таргетированию денежных агрегатов» также работают со сбоями. Выводя свое правило пяти процентов, М. Фридмен брал среднегодовой рост ВВП в США за полувековую историю. Но ведь в 1929–1933 гг. или в более позднее время случались и провалы, когда рост сменялся стагнацией и даже спадом. Значит, накачка денег при этом там тоже раскручивала спираль? Дело в том, что в США в самой конституции записано, что дефицит бюджета, а значит, и инфляция, не могут превышать пяти процентов в год. В случае нарушения конституционной нормы президент США может быть подвергнут процедуре импичмента, ни больше ни меньше. Наша власть не отвечает перед народом за соблюдение конституции, тем более что норм, подобных американской, в нашей конституции даже не прописано. Наоборот, наша власть может с помощью танковых орудий менять конституцию по своему усмотрению. Как видим, осознание необходимости увязывать использование тех или иных теоретических моделей с реалиями хозяйственного развития в США вполне осознано и зафиксировано в главном законе правового государства. В нашем случае об этом приходится только мечтать.

Использование символов, знаков, моделей, функций, установок, других атрибутов инструментализма не должно носить фетишизированный характер. Точно так же, как фетишизация денег, капитала, власти, богатства, фетишизация подобных инструмен-

тов в нашем экономическом сознании только отдаляет нас от решения насущных проблем. Когда, пользуясь словами Л. Н. Толстого, в числителе мы ставим самих себя, а в знаменателе – свои потребности, и вместо сокращения последних лишь распаляем себя, то происходит сокращение, угасание человеческой сущности, человеческого начала в нас самих, происходит наше подчинение фетишу денег, богатства, удовольствий. Но это уже не настоящая жизнь, а нечто другое, подобное тому, как если «человек всю жизнь не живет, а сочиняет себя, самосочиняется» (Ф. М. Достоевский). Иллюзорность человеческого бытия, подкрепления искусственными моделями и схемами, которым придается всеобщее и ключевое значение, есть не что иное, как инструментализация нашего экономического сознания, доведенная до абсурда и вытесняющая все другие проявления человеческого сознания. Инструментализм сводит сознание к экономизму, о необходимости внутреннего преодоления которого справедливо рассуждал еще в начале XX в. С. Н. Булгаков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Качество самой постановки проблематики экономического сознания в настоящей работе может быть вызовом недоумению у современного философа. Что за иррациональность, метафизика, духовность экономического сознания? – вероятно, удивится он. Не мифотворчество ли это, не описательность и символизм? Где здесь, собственно, дискурсивный способ познания нового?

Возможно, что этих вопросов будет много больше или они будут заданы несколько иначе. Но в том, что они обязательно появятся, сомнений нет. Поэтому вместо традиционного заключения хотелось бы предварить возможные вопросы.

Прежде всего, о дискурсивном познании. Сознание как система и иерархия экономических взглядов, представлений и понятий отнюдь не сводится к дискурсивному его постижению, а тем более к исключительно рационалистическому пониманию. Роль языка, смысловых понятий и научных категорий, безусловно, играет существенную роль в осмыслении экономического сознания. Однако сама по себе метафизика сознания как «мета» физики, надфизическое, в том числе и надбиологическое, есть и наддискурсивное, вероятно, предполагает и подсознательное, надсознательное, предсознательное в сознании. По крайней мере, экономическое сознание связано как с бессознательным, так и надсознанием. Оно, это надсознательное, в свою очередь и есть сфера иррационального, сфера предчувствия, наития, предугадывания. Ее не следует отождествлять с бессознательным. Но в экономике, реальной хозяйственной жизни человека эта сфера как бы «начального» сознания (досознания) играет роль выдающуюся и до конца не исследованную. Неслучайно Д. И. Менделеев писал: «У научного изучения предметов две основные или конечные цели: предвидение и польза»¹. В дискурсивном мышлении вряд ли станет в ближайшем будущем возможно эту сферу интуитивного, предвидения четко обозначить в инструментах научного лексикона, поэтому переосмысление роли дискурса в определении экономического сознания – насущная философская проблема, которая позволит снять противоречие между рациональными и иррациональными формами в познании и вместе с тем расширить его границы и возможности.

¹ Менделеев Д. И. Границ познанного предвидеть невозможно. М., 1991. С. 449.

Однако не произойдет ли при этом самоуничтожение предмета познания, объекта исследования – экономического сознания, взятого вне его дискурсивности? Самоограничивая возможности дискурсивного познания и понимая его относительность, не обрекаем ли мы экономическое сознание на воплощение в символ, в метафору, которые не обладают содержательной четкостью и поэтому придают самому сознанию эзотерический характер? Многообразность и внутренняя многомерность, многокачественность данного феномена вряд ли позволит этому произойти. Да и значимость дискурса отнюдь не снимается. Наоборот, вероятнее всего, что осмысление чувственного аспекта экономического сознания в общем и целом будет способствовать не размыванию, эпистоляризации, слишком абстрактному его пониманию, а полноценному, системному исследованию того, что мы называем экономическим сознанием. Со столь же высокой степенью определенности хотелось бы отметить саму необходимость исследования феномена экономического сознания в русле метаисторизма, диахронии хозяйственных и языковых культур.

Пытаться дать полномерное определение экономического сознания в пределах локальной темпоральности и конъюнктурного подхода – наивная задача. Экономическое сознание, вся его архитектоника и полнота вырабатываются в течение всего онтогенеза этноса, на протяжении всей его истории и здесь самой важной проблемой является отнюдь не проблема дискурса как предиката универсальности, а проблема бездуховности как момента нигилизма. События отрицать сам факт существования экономического сознания, рассматривать его исключительно как фантом сознания, его узко предметную проекцию и фокусировку на предмет хозяйства, а вслед этому отрицать и само бытие экономически сознательного человека, обусловлены не относительно ограниченными возможностями какого-либо языка, а связаны именно прежде всего с бездуховностью, делающей невозможным синтез онтологии и гносеологии, праксиологии и аксиологии, диалектики и метафизики. Пользуясь терминологией С. Кьеркегора, можно было бы сказать, что «синтез между временным и вечным, временем и вечностью, чувственностью и рациональностью» оказывается невозможным, а «бездуховность есть философское умирание»².

Что касается критики бездуховности сознания, то она в полной мере присутствует на страницах этой книги. Такая критика

² См.: Кьеркегор С. Страх и трепет: Пер. с дат. М., 1993. С.184–185, 189.

есть не только «философский стыд», но и «душа философии». С позиций такой критики можно конечно воздержаться давать собственную философскую версию экономического сознания, но без нее при всем желании можно дать лишь компиляцию. Потому что все-таки сначала идет отрицание, затем, что еще важнее, – отрицание отрицания, а только потом – синтез. Заниматься лишь собиранием осколков былого великолепия с тем, чтобы на этой основе сконструировать нечто принципиально более совершенное новаторское – наивная задача. С таким же успехом можно искать необходимые цитаты в «Капитале» К. Маркса или в Священном писании.

Экономическое сознание во всех его проявлениях, нравятся они кому-то или нет, понятны они или непояснены для кого-то, есть факт хозяйственного бытия человека, а следовательно, то сущее, что предполагает актуальность. Нельзя творить хозяйство, созидать экономику без сознания, без него хозяйство можно только разрушать.

Экономическое сознание есть универсальная самостоятельная определенность, свойственная каждому хозяйствующему человеку и каждому этносу. Дискурс лишь позволит более четко обозначить отдельные его характеристики и свойства. В этом смысле философствование и язык (лингвистика) имеют во многом схожие цели. Но философствование и наука имеют все же другую задачу: не описание, а объяснение природы экономического сознания и его характеристик. Предварительным условием решения этого вопроса является необходимость признания экономического сознания как онтологической данности, бытийной существенности и человеческой, социальной актуальности.

Современное экономическое сознание представляется нам некой моделью объективной хозяйственной реальности. Но в этой модели дух пока выполняет, к сожалению, только функцию отражения и не более. Ни о каком преобразовании или провидении он не заботится. Но «если дух – всего лишь отражение вещей, он может отражать их ход разве что гипотетически. Если теория определяется экономикой, она может описывать производство в прошлом, но отнюдь не в будущем, которое остается всего лишь вероятностью. Задача исторического материализма может состоять лишь в критике современного общества, а об обществе будущего он, оставаясь научным, может лишь строить предположения»³.

³ Камю А. Бунтующий человек: Пер. с фр. М., 1999. С. 289.

В таком случае возникает вопрос о достоверности, истинности или ложности, неадекватности нашего экономического сознания, которое не может быть лишь сосудом для пьянящего крепкого напитка критики, а претендует на нечто большее. «Маркс и марксисты взяли за пророчества о будущем в ущерб научному методу, – писал А. Камю. – Эти пророчества могли быть научными, не претендуя они на абсолютность. Но марксизм не научен, а в лучшем случае наукообразен»⁴. Однако разве в марксизме дело? Разве экзистенциализм не страдает точно такими же пороками, а экзистенциальное сознание – не кривое ли зеркало окружающего нас мира, в том числе и мира хозяйства?

Что же нужно для того, чтобы экономическое сознание служило не только в качестве элементарного зеркала, отражающего бытийственную наличность, но и в качестве мощного телескопа, обращенного в далекое будущее? Свобода мысли? Но «абсолютная свобода – это насмешка над справедливостью. Абсолютная справедливость – это отрицание свободы. Животворность обоих понятий зависит от их взаимного самоограничения»⁵.

Активность мышления, разума? Но «разум не может быть пассивным, сталкиваясь с технологическими или экономическими условиями, связанными с природным окружением, – указывал К. Леви-Строс. – Он не просто отражает эти условия: он реагирует на них и претворяет их в логическую схему. К тому же, разум не только реагирует непосредственно на окружающие условия, но также отдает себе ответ в том, что существуют различные природные среды, на которые обитатели их реагируют по-разному»⁶. Тогда мы снова возвращаемся в пределы порочного круга: сознание есть критический разум, а последний – отражение реальности, и не более того. Что необходимо для преобразования этой реальности сначала в человеческой голове, а затем и в хозяйственной практике – не известно. Понятно, что отражаемые объекты, «все эти среды интегрируются в идеологические системы», которые детерминированы двояко. «Есть два вида детерминизма: один – возложенный на мифологическое мышление ограничениями, неотъемлемыми от связи с особенным окружением; другой – выведенный из устойчивых ментальных ограничителей, независимых от окружения»⁷.

⁴ Камю А. Указ. соч. С. 290.

⁵ Там же. С. 345.

⁶ Леви-Строс К. Первобытное мышление: Пер. с фр. М., 1999. С. 345.

⁷ Там же. С. 349.

Отсутствие абсолютной свободы для разума и его детерминированность – факт, не требующий особых рассуждений. Рассуждений требует проблема того, является ли в этих условиях сознание достоверным, актуальным, истинным ли нет? И что необходимо предпринять, чтобы сознание было истинным и достоверным?

Современная глобальная тенденция развития экономического сознания состоит в его формализации с помощью экономико-математического моделирования объекта, отражаемого сознанием, то есть хозяйственной практики. Такая «моделированная» теория разрабатывалась в течение XX столетия в трудах Л. Н. Канторовича, Дж. Ф. Неймана, В. С. Немчинова, Н. А. Новожилова, Л. Н. Леонтьева, Дж. Форрестера, А. П. Слоуна и многих других исследователей. Однако даже те из них, кто подобно Б. Расселу были профессиональными математиками и пытались осуществить «брак» между нею и философией, нею и экономической, прекрасно понимали ущербную природу такого мезальянса.

Главной проблемой для каждого экономиста, начиная с А. Смита, была проблема богатства. Однако в символах математики суть богатства, а тем более его природу, можно выразить лишь очень поверхностно, относительно. Если рассматривать богатство (а вместе с ним достаток, бедность и нищету) как социально-экономическое отношение, а не как простую сумму вещей, то становится понятным, что смысл данного отношения заключается лишь в соотношении наличных благ, имеющихся в распоряжении личности или общества к благам потребным. Если наличные блага записать в числителе, а потребные блага – в знаменателе, то получается интересная арифметика: когда отношение > 1 , то правомерно утверждение о богатстве; когда это отношение $= 1$, то следует говорить о достатке; когда это отношение < 1 , то мы наблюдаем бедность; в случае же, когда отношение $= 0$, мы говорим о полной нищете. Однако эти упрощенные арифметизмы мало что дают для понимания богатства и его природы. Как, впрочем, и любые другие формулы, графики и модели. Понимая это, Б. Рассел писал: «Пока мы остаемся в области арифметических формул, все эти различные интерпретации «числа» равно хороши. И только тогда, когда мы начинаем эмпирическое употребление чисел в перечислении, мы находим основание для предпочтения одной интерпретации другой. Когда мы покупаем что-то в магазине, и продавец говорит: «Три шиллинга», его «три» не является только математическим символом, обозначающим «третий» термин от начала какой-либо последователь-

ности; его «три» не может быть определено его арифметическими свойствами... Подобная ситуация возникает всякий раз, когда математика применяется к эмпирическому материалу»⁸. О чем речь? Не о социальных же свойствах математики? Ведь математика отнюдь не гуманитарная наука, она такими «свойствами» не обладает. Значит, речь идет об ограниченности возможностей математизации сознания в виде моделирования хозяйственных абстракций. В самом деле, математика установила, что некое благо стоит «три шиллинга», но много это или мало? Какое соотношение имеют эти три шиллинга с доходом покупателя или прибылью продавца?

Наконец, чем будет руководствоваться каждый из них покупая и продавая товар, разве только лишь ценой? Когда А. Маршалл выводил свой «крест» кривых спроса и предложения, поставленных в исключительную зависимость от цены и полагал, что в точке их пересечения автоматически формируется равновесная цена, общее равновесие, то он подразумевал утопию – абсолютно-конкурентную и совершенно свободную, ничем и никем более не детерминированную экономику. Реальная хозяйственная действительность, в которой господствуют монополии, финансово-промышленные группы, государство, столь же похожи на маршаллианскую экономику, как только что распустившаяся роза на кучу навоза, из которого она выросла.

Тем не менее многие исследователи, подобно Б. Расселу, продолжают настаивать на формализации сознания как способе его актуализации и условии его достоверности. «Избегая спекуляций, касающихся физического мира, в отношении которого наше знание очень ограничено, вернемся к миру опыта, – настаивает Б. Рассел. – Взгляд, который я предлагаю как заслуживающий предпочтения перед допущением таких совершенно лишенных цвета индивидуальных явлений, как точки пространства или частицы материи, может быть выражен следующим образом. Существует отношение, которое я называю «сосуществованием». «Сосуществование», как я понимаю этот термин, применимо к физическому миру так же, как и к миру психическому. В физическом мире оно эквивалентно совмещению в пространстве-времени, но это нельзя рассматривать как его определение. Я хочу особо подчеркнуть, что это отношение должно быть одним и тем же и в физике и в психологии. Везде, где существуют не-

⁸ Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы: Пер. с англ. М., 2000. С. 209.

сколько явлений или вещей, они образуют то, что я называю «комплексом сосуществования»⁹.

Если всерьез задуматься над рассуждениями Б. Рассела, то можно сделать вывод о том, что речь идет о плюрализме, синергетике, комплексности и т.п. Но ведь это как раз и свидетельствует о том, что моделирование как универсальное средство актуализации нашего сознания недопустимо, оно – лишь вспомогательное средство.

То, что инструментарий формирования и функционирования нашего сознания должен быть «максимально полным», ни у кого сегодня уже не вызывает сомнений. Споры материалистов и идеалистов, эмпиристов и реалистов, сторонников универсалий и экзистенций не могут опровергнуть самой дихотомии нашего сознания, проистекающей из дихотомии человеческого существа. «Дихотомия человеческого существа, расщепление его на «душу» и «тело» не есть данное опыта. Никто никогда не был в реальности бестелесной живой человеческой душой и не встречался с таковой, хотя, как я заметил, встречаются живые человеческие тела, в которых душа практически угасла или вообще никогда не загоралась, – писал А. Тойнби. – Расчленение человеческой личности на душу и плоть, ее метания между двумя предположительно различными и несоизмеримыми порядками бытия есть ментальный акт человеческого интеллекта, причем не неоспоримый»¹⁰.

Вроде бы, все ясно: дихотомия человека есть одновременно и дихотомия его сознания. Но что из чего следует. Из факта человеческой дихотомии факт дихотомии нашего сознания или наоборот?

Этот вопрос, как и те, что были затронуты ранее, не столь просты для ответа, а, возможно, и не поддаются (неподвластны) нашему сознанию. «Плоское осознание, которое все предусматривает как доступное познанию знание, философствование должно преодолеть», – утверждал К. Ясперс. Не означает ли это отказаться от научного анализа? А может быть, это есть лишь осознание ограниченных возможностей научного мышления, которому не все подвластно? И может, прав ученый, утверждая, что «философствование – это мышление, посредством которого я

⁹ Рассел Б. Указ. соч. С. 259, 265.

¹⁰ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории: Пер. с англ. М.-СПб., 1996. С.292.

деятелен в качестве самого себя. Оно являет собой не объективную значимость знания, а сознание бытия в мире»?¹¹

Экономическое сознание в контексте этих рассуждений становится многомерной и внутренне сложной, даже противоречивой человеческой сущностью. А вместе с этим и наше хозяйствование, наш труд, наша мысль, наши чувства становятся элементарным парадоксом нашего хозяйственного существования. И хотя экономическое сознание вроде бы должно быть рационалистично и прагматично, но оно все в большей степени становится чувственно и эмпирично. Его многомерность, плюралистичность, гуманистичность, преемственность, открытость и народность выступают в качестве вектора его самосовершенствования. Но его же линейность, формальность, дискретность, прагматичность и антиэкологичность выступают в качестве условия его деградации. И эта извечная борьба двух полюсов его сущности есть единство и борьба противоположностей, есть диалектика сознания как данности, как объективной определенности и субъективной актуальности.

Так стоит ли претендовать науке, религии или философии на то, чтобы разрешить это противоречие? И поддается ли оно разрешению? И останется ли наше сознание сознанием, если вдруг, в один прекрасный день это противоречие будет «снято» раз и навсегда?

Наше сознание есть тот фронт, на котором происходят самые разрушительные сражения, одерживаются невидимые, но важные победы и терпят сокрушительные поражения. И в этом смысле экономическое сознание, безусловно, выступает в качестве передовой линии этого фронта, потому что наши человеческие потребности предполагают необходимость не только их максимально полного удовлетворения, но и всемерного, самоотверженного обуздания.

¹¹ Яснере К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1994. С. 376, 401.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абалкин Л. И.* На перепутье: Размышления о судьбах России. М., 1993.
2. *Абалкин Л. И.* Диалектика социалистической экономики. М., 1981.
3. *Абалкин Л. И.* К самопознанию России. М., 1995.
4. *Абалкин Л. И.* К цели через кризис. М., 1992.
5. *Абрамов А. И.* Метафизика любви и философия сердца в русской философской культуре // Философия любви. В 2 т. М., 1990. Т.1.
6. *Абрамян Э. Г.* О соотношении стереотипов и инноваций в системе культуры // Некоторые вопросы философии. Сбр. Ташкент, 1976. № 506.
7. *Автономов В. С.* Человек в зеркале экономической теории. М., 1993.
8. *Автономов В. С.* Поиск новых решений модели человека в западной экономической теории 1900–1920-х годов // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Сб. Вып. 2. М., 1990.
9. *Аверьянов А. И.* Системное познание мира. М., 1971.
10. *Агеев А. А.* Организационная культура современной корпорации // МЭМО. 1990. № 6.
11. *Ален (Шартье) Э.* Суждения: Пер. с фр. М., 2000.
12. *Алексеев Н. Н.* Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб., 1993.
13. *Альтшуллер Г. С.* Найти идею. Новосибирск, 1986.
14. *Анищенко А. И.* Структура общественного сознания. М., 1973.
15. *Андреев Ю. П.* Содержание и структура общественных отношений. Саратов, 1985.
16. *Аникин А. В.* Путь исканий: Социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990.
17. *Аникин А. В.* Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. М., 1985.
18. *Антонов М.* Экономика и нравственность. М., 1989.
19. *Антонов А.* Блеск и нищета марксизма // Крест: Литер.-худож.-публицист. альманах. Пермь, 1992.
20. *Ансофф И.* Стратегическое управление: Пер. с англ. М., 1989.
21. *Апресян Н. Г.* Добро и польза // Этическая мысль: Науч.-публицист. чтения / Общ. ред. А. А. Гусейнова. М., 1992.
22. *Аристотель.* Никомахова этика / Аристотель. Сочинения. В 4 т. М., 1983. Т.3.
23. *Аристотель.* Политика. М., 1911.
24. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли: Пер. с фр. М., 1992.
25. *Аройо Ж.* Экономические противоречия при социализме: Пер. с болг. М., 1981.
26. *Аронов Р. А.* Об основаниях «нового способа мышления» о явлениях природы // Вopr. философии. 2001. № 5.

27. *Артёмов С. Д.* Социальные проблемы адаптации молодого работника на промышленном предприятии // Молодежь и труд. Тез. Всесоюз. науч. конф. М., 1970.
28. *Асеев В. Г., Вейхер А. А., Щеголев Ю. А.* Некоторые методические вопросы изучения текучести рабочей силы // Проблемы эффективного использования рабочей силы на промышленных предприятиях. М., 1983.
29. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. М., 1982.
30. *Ахиезер А. С.* Россия: Критика исторического опыта. М., 1991.
31. *Байлук В. В.* Социальный детерминизм: Категориальный анализ. Томск, 1983.
32. *Бакштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Честная игра: Нравственная философия и этика предпринимательства. В 2 т. Томск, 1992.
33. *Бакшутов В. К.* Философская антропология. Екатеринбург, 1998.
34. *Баранова Л. Н.* Личные потребности. М., 1984.
35. *Барр Р.* Политическая экономия: Пер. с фр. В 2 т. М., 1995.
36. *Барт К.* Христианин в обществе // Путь. 1992. № 1.
37. *Барулин В. С.* Социальная философия. Ч.1–2. М., 1993.
38. *Бастиа Ф.* Экономические гармонии: Пер. с фр. М., 1998.
39. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
40. *Беа Ф. К., Духтл Э., Швайцер М.* Экономика предприятия: Пер. с нем. М., 1999.
41. *Бейтсон Г., Бейтсон М.* Ангелы страшатся: К эпистемологии священного: Пер. с англ. М., 1992.
42. *Безносиков В. Н.* Динамика первичной производственной адаптации молодых рабочих на промышленном предприятии. Автореф. дисс. канд. психол. наук. М., 1986.
43. *Белл У.* Возвращение к добру: Ценности, объективность и будущее // Международ. журнал социологич. наук. М., 1994. № 1.
44. *Белов В. И.* Лад: Очерки о народной этике. М., 1982.
45. *Бердяев Н. А.* Субъективизм и идеализм в общественной философии. СПб., 1901.
46. *Бердяев Н. А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX – начала XX века. Париж, 1971.
47. *Бердяев Н. А.* Судьба человека в современном мире // Новый мир. 1990. № 1.
48. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
49. *Бердяев Н. А.* Самопознание: Опыт философской автобиографии. М., 1991.
50. *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990.
51. *Бердяев Н. А.* Спасение и творчество. Два понимания христианства // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв. СПб., 1993.
52. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии // Русская философия собственности. XVIII – XX вв. СПб., 1993.
53. *Бернацкий В. О.* Человек, его ценностные ориентации // Становление человека как субъекта социального творчества: Монограф. ис-

- следование (Материалы филос.сессии Всерос. науч.-практ. конф. «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек»). Омск, 1997.
54. *Биджов К. Д.* Современное предпринимательство в рыночной экономике. Автореф. дисс. канд. экон. наук. М., 1993.
 55. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе: Пер. с англ. М., 1994.
 56. *Богданов А. А.* Новый мир. М., 1905
 57. *Богданов А. А.* Эмпириомонизм. Кн.1,2. СПб., 1904.
 58. *Богданов А. А.* Философия живого опыта. СПб., 1913.
 59. *Богданов А. А.* Тектология. Всеобщая организационная наука. Ч.1,2. М., 1989.
 60. *Богданов А. А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990.
 61. *Богданов А. А.* Методы труда и методы познания // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв.: Антология. СПб., 1993.
 62. *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание: Пер. с англ. М., 1961.
 63. *Борисов Е. Ф.* Экономическая теория. М., 1993.
 64. *Борисова Е. М.* Психологическое содержание и формирование профессиональной пригодности // Сихофизиологические вопросы становления профессионализма. М., 1984.
 65. *Бос Х.* Математические модели экономического роста. М., 1967.
 66. *Братусь Б. С.* Смысловая вертикаль сознания личности (К 20-летию со дня смерти А. Н. Леонтьева) // Вопр. философии. 1991. № 11.
 67. *Бруцкус Б. Д.* Социалистическое хозяйство: Теоретические мысли по поводу русского опыта // Новый мир. 1990. № 8.
 68. *Бруцкус Б. Д.* Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы // Вопр. экономики. 1991. № 9, 10.
 69. *Брушлинский А. В.* Деятельностный подход и психологическая наука // Вопр. философии. 2001. № 2.
 70. *Будякина М. П., Русалимова А. А.* Некоторые вопросы социально-психологической адаптации новичков на предприятии // Социальная психология и социальное планирование. Л., 1973.
 71. *Булгаков С. Н.* Свет не вечерний. Созерцания и умунастроения. М., 1917.
 72. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1990.
 73. *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество: Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910 гг. М., 1991.
 74. *Булгаков С. Н.* Софийность твари (космодицея) // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв.: Антология. СПб., 1993.
 75. *Булгаков С. Н.* Карл Маркс как религиозный тип: Из этюдов о религии человекобожество // Вопр. экономики. 1990. № 11.
 76. *Булгаков С. Н.* История экономической мысли // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб., 1993.
 77. *Булдаков В., Соколова Т.* Новая экономическая теория и ее приложение к реформе. М., 1994.
 78. *Бункина М. К.* Монетаризм. М., 1994.

79. *Бурдина А. И.* Общественное сознание как проблема диалектического и исторического материализма. М., 1979.
80. *Бурстин Д.* Американцы: Национальный опыт: Пер. с англ. М., 1994.
81. *Бутрин Д., Козицын С., Ладыгин Д.* Кто управляет финансами России // Деньги. 2001. № 16 (320).
82. *Буфетова Л. П., Мостовая Е. Б., Павлов В. Н.* Отношения и субъект экономической деятельности. Новосибирск, 1991.
83. *Бухарин Н. И.* Учение К. Маркса и его историческое значение / Бухарин Н. И. Избр. произведения. М., 1988.
84. *Бухарин Н. И.* Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.
85. *Бухвальд Е. М., Погребинская В. А.* Социальная направленность экономического роста. М., 1990.
86. *Бэкхарт Д.* О живом и мертвом в философии Э. В. Ильенкова // Вопр. философии. 2001. № 5.
87. *Вальрас Л.* Элементы чистой политической экономии: Пер. с англ. М., 1992.
88. *Ван дер Вее Г.* История мировой экономики: 1945–1990 гг.: Пер. с фр. М., 1994.
89. *Вандельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. СПб., 1913.
90. *Введенский А. И.* Что такое философский критицизм? // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв.: Антология. СПб., 1993.
91. Введение в философию / Под ред. И. Т. Фролова. Ч.1,2. М., 1989.
92. *Веблен Т.* Теория праздного класса: Пер. с англ. М., 1984.
93. *Вейль Г.* Математическое мышление. М., 1989.
94. *Вейн А. М., Каменецкая Б. И.* Память человека. М., 1973.
95. *Вебер М.* Образ общества / Вебер М. Избранное: Пер. с нем. М., 1994.
96. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избр. произведения: Пер. с нем. М., 1990.
97. *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий / Вебер М. Избранное: Пер. с нем. М., 1994.
98. *Верижников А. В.* Социальный идеал А. В. Чаянова // Эко. 1991. № 6.
99. *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Кн. 1,2. М., 1977.
100. *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
101. *Вершинина Т. Н.* Взаимосвязь текущей и производственной адаптации рабочих. Новосибирск, 1986.
102. *Веселов Ю. В.* Экономическая социология: История идей. СПб., 1995.
103. *Ветошкин А. П.* Культурное возрождение // Профессиональное образование. 1998. № 2.
104. *Ветошкин А. П., Гвоздева С. Н.* На путях выработки стратегии развития России в преддверии XXI века // Экономика и культура. Сб. тр. Екатеринбург, 2000.
105. *Ветошкин А. П., Стожко К. П.* Философия экономики. Екатеринбург, 2001.

106. *Визер Л. фон.* Теория общественного хозяйства // Австрийская школа в политической экономии. М., 1992.
107. *Вилькен Ф.* Самостоятельная экономика как условие развития общества: Пер. с нем. М., 1994.
108. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958.
109. *Виханский О. С., Наумов А. И.* Менеджмент. М., 1999.
110. *Власевич Ю. Е., Бартенев С. А.* Экономика России: Эффекты и парадоксы. М., 1995.
111. *Волков Г. Н.* Истоки и горизонты прогресса. М., 1976.
112. *Всемирная история экономической мысли: В 6 т. Т. 5.* Теоретические и прикладные концепции развитых стран (послевоенный период) / Под ред. В. Н. Черковца. М., 1995.
113. *Вудкок М., Фрэнсис Д.* Раскрепощенный менеджер: Пер. с англ. М., 1991.
114. *Гайгер Л.* Макроэкономическая теория и переходная экономика: Пер. с англ. М., 1996.
115. *Гайденоко П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
116. *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. М., 1995.
117. *Галактионов А. А., Никандров П. Ф.* Русская философия: IX–XIX вв. СПб., 1989.
118. *Гегель Г. В. Ф.* Философия религии: В 2 т. М., 1975.
119. *Гегель Г. В. Ф.* Феноменология духа / Гегель Г. В. Ф. Собр. соч. В 16 т. Т. 4. М.-Л., 1959.
120. *Гегель Г. В. Ф.* Введение в философию. М., 1927.
121. *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб., 1993.
122. *Гейтс Б.* Дорога в будущее: Пер. с англ. М., 1996.
123. *Гейфтер М.* Россия и Маркс // Коммунист. 1988. № 18.
124. *Гершензон М. О.* Творческое самосознание // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910 гг. М., 1991.
125. *Гилфорд Дж.* Три стороны интеллекта // Психология мышления. М., 1965.
126. *Гиндес П.* Философия и социальное познание. М., 1977.
127. *Глазьев С. Ю.* Экономика и политика: Эпизоды борьбы. М., 1994.
128. *Глазьев С. Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М., 1993.
129. *Гоббс Т.* О свободе и необходимости // Гоббс Т. Избр. произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1964.
130. *Гончаров С. З.* От технической цивилизации – к культуре // Экономика и культура. Межвуз. сб. Екатеринбург, 2000.
131. *Готт В. С., Землянский Ф. М.* Диалектика развития понятийной формы мышления. М., 1981.
132. *Гребнев Л. С.* Философия экономики (старые истины и новое мышление). М., 1991.
133. *Гржебин А.* Экономическая политика или преодоление трудностей: Пер. с фр. М., 1993.

134. Громыко Ю. В. Деятельностный подход: новые линии исследований // *Вопр. философии*. 2001. № 2.
135. Грэхем Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.
136. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
137. Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали // *Вопр. философии*. 2001. № 5.
138. Гусейнов А. А. Этика и плюрализм // *Этическая мысль: Науч.-публицистич. чтения / Общ. ред. А. А. Гусейнова*. М., 1992.
139. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия // *Вопр. философии*. 1992. № 7.
140. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество: Пер. с англ. М., 1969.
141. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества: Пер. с англ. М., 1979.
142. Давыдов В. В. Теория деятельности и социальная практика // *Вопр. философии*. 1996. № 1.
143. Дадаеян В. С., Тавадян А. А. Системология экономических категорий. М., 1992.
144. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
145. Декарт Р. Избранные философские произведения. М., 1963.
146. Делез Ж. Логика смысла: Пер. с фр. М., 1995.
147. Дельгадо Х. Мозг и сознание: Пер. с фр. М., 1971.
148. Демин А. И. Информационная теория экономики. М., 1996.
149. Денисова Л. В. Догматическое основание метафизических систем. Омск, 1999.
150. Дедов Л. А. Структурно-динамический анализ в экономике. Ижевск, 1995.
151. Диалектика как методология научного познания / Отв. ред. Т. Г. Султангузин. Уфа, 1976.
152. Диалектика, логика и методология науки / Отв. ред. П. П. Чупин. Свердловск, 1978.
153. Добролюбов Н. А. Избранное. М., 1987.
154. Долан Э. Дж., Линдсей Д. Рынок: Микроэкономическая модель: Пер. с англ. СПб., 1992.
155. Долгов К. М. От Кьеркегора до Камю: Очерки европейской философско-этической мысли XX в. М., 1990.
156. Домострой / Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.
157. Донини А. У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана): Пер. с итал. М., 1989.
158. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные страницы. М., 1989.
159. Дробницкий О. Проблемы нравственности. М., 1977.
160. Дробышев А. А. Политические режимы: тоталитаризм, авторитаризм, либерализм, демократия. Омск, 1997.
161. Дробышев А. А. Противоречивость социальных основ гуманизма // *Становление человека как субъекта социального творчества: Моно-*

- граф. исследование (Материалы философ. секции Всерос. науч.-практ. конф. «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек). Омск, 1997.
162. Дубко С. Л. Социальная справедливость // Этическая мысль: Науч.-публицистич. чтения. М., 1988.
 163. Дубровский Д. И. Информация, сознание и мозг. М., 1980.
 164. Дьюи Дж. Цели и средства // Этическая мысль: Науч.-публицистич. чтения. М., 1992.
 165. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Пер. с нем. М., 1996.
 166. Дюркгейм Э. Ценностные и реальные суждения // Социологические исследования. 1991. № 2.
 167. Дятел Е. П. Взаимосвязь и преемственность философских и экономических категорий в курсе политической экономии: Методические рекомендации. Свердловск, 1982.
 168. Дятел Е. П. Экономическая логика. Екатеринбург, 1992.
 169. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Российская экономика в контексте теории Кейнса // Вопр. экономики. 1997. № 3.
 170. Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. М., 1988.
 171. Единство онтологии, теории познания и логики / Отв. Ред. А. Ф. Кудряшов. Уфа, 1996.
 172. Ельмеев В. С. Воспроизводство общества и человека. М., 1988.
 173. Емельянов Б. В., Новиков А. И. Русская философия серебряного века. Екатеринбург, 1995.
 174. Ерасов Б. С. Одномерная логика российских модернистов // Общественные науки и современность. 1995. № 2.
 175. Еремеев А. Ф. Первобытная культура: происхождения, особенности, структура. Ч.1. Саранск, 1996.
 176. Ефимов С. В. Онтология правдоискательства. Автореф. дисс. канд. филос. наук. Омск, 2001.
 177. Ефимова С. В. Правдоискательство как феномен культуры // Культура и цивилизация: Матер. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2001.
 178. Жамс Э. История экономической мысли XX в.: Пер. с фр. М., 1959.
 179. Жеманов О. Н. Буржуазная индустриальная социология. Критический анализ. М., 1974.
 180. Жид Ш., Руст Ш. История экономических учений: Пер. с фр. М., 1995.
 181. Забелин И. Е. Современные взгляды и направления в русской истории // История и историки. Сб. ст. М., 1995.
 182. Заславская Т. Н., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни. Новосибирск, 1971.
 183. Звиревич В. Т. Телесный символизм «древнего благочестия» и проблема отчуждения // Философская жизнь Урала. Проблемы истории философии. Екатеринбург, 1999.
 184. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2 т. Т. 1. Л., 1991.
 185. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М., 1999.
 186. Зернов Н. М. Русское духовное возрождение XIX века. Париж, 1974.

187. *Зибер Н. И.* Избранные экономические произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1959.
188. *Зиновьев А. А.* Русская судьба: Исповедь отщепенца. М., 2000.
189. *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма. М., 1995.
190. *Зиновьев А. А.* Посткоммунистическая Россия. М., 1996.
191. *Зомбарт В.* Буржуа: Пер. с нем. М., 1999.
192. *Ивонин Ю. П.* Между гармонией и восстанием. В 2 т. Новосибирск, 1997.
193. *Ильенков Э. В.* Философия и культура. М., 1991.
194. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М., 1984.
195. *Ильин И. А.* Философия как духовное делание // *Русская философия. Конец XIX – начало XX вв.: Антология.* СПб., 1993.
196. *Ильин И. А.* О России. Три речи / Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 6, кн. 2. М., 1996.
197. *Ильин И. А.* Основы христианской культуры / Ильин И. А. Собр. соч. В 10 т. Т. 1. М., 1993.
198. *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии // Ильин И. А. Путь к очевидности. М., 1998.
199. *Иоанн*, митрополит. Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб., 1995.
200. *Иоанн*, митрополит. Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб., 1996.
201. *Иоанн*, митрополит. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1994.
202. *Ионг Х.* Европейский капитализм: Между свободой и социальной справедливостью // *Вопр. экономики.* 1994. № 5.
203. История России в контексте мировой цивилизации. Омск, 1997.
204. История социально-политических учений России / Под ред. В. П. Леднева, М. Е. Главацкого. Екатеринбург, 1996.
205. История экономических учений / Под ред. А. Г. Худокормова. М., 1999.
206. История русской экономической мысли / Под ред. А. И. Пашкова. Т. 1, ч. 1, 2. М., 1959; Т. II, ч. 1, 2. М., 1960.
207. История экономических учений / Под ред. В. А. Жамина, Е. Г. Василевского. Ч. 1. М., 1989; Ч. 2. М., 1994.
208. История экономических учений / Под ред. М. Н. Рындиной, Е. Г. Василевского. М., 1983.
209. История политических партий в России / Под ред. А. Зевелева. М., 1994.
210. Из истории отечественной экономической мысли: 50–80-е годы XX века. Межвуз. сб. / Под ред. Г. Г. Богомазова. СПб., 1995.
211. Из истории политической экономии социализма. Сб. ст. / Под ред. Г. Г. Богомазова. Л., 1988.
212. История политической экономии социализма / Под ред. Д. К. Трифонова, Л. Д. Широкограда. Л., 1983.
213. *Кайсаров А. С.* Славянская и российская философия // *Мифы древних славян.* Саратов, 1993.

214. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М., 1989.
215. Камю А. Бунтующий человек: Пер. с фр. М., 1999.
216. Каменских Н. В., Стожко К. П. Русское хозяйство: Философский аспект анализа. Екатеринбург, 1999.
217. Каменских Н. В. Социальная самобытность хозяйственного уклада России. Автореф. дисс. канд. филос. наук. Омск, 2000.
218. Каменский З. А. Философские идеи русского просвещения. М., 1971.
219. Кант И. Метафизика нравственности / Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4(2). М., 1965.
220. Кант И. Критика чистого разума / Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. М., 1964.
221. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
222. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей: Пер. с англ. Минск, 1990.
223. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993.
224. Карсавин Л. П. Прологомены к изучению личности // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв.: Антология. СПб., 1993.
225. Категории диалектики. Вып. 1–9 / Отв. ред. М. Н. Руткевич, И. Я. Лойфман. Свердловск, 1970–1984.
226. Карасев Л. В. Русская идея (символика и смысл) // Вопр. философии. 1992. № 8.
227. Кедров Б. М. Классификация наук. Кн. 1, 2. М., 1961–1968.
228. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. В 2 т. Т. 1. М., 1993.
229. Келле В., Ковальзон М. Формы общественного сознания. М., 1959.
230. Кессиди Ф. Х. Сократ: Пер. с греч. Ростов н/Д., 1999.
231. Ким В. В. Симеотические аспекты системы научного познания. Красноярск, 1987.
232. Ким В. В., Блажевич Н. В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. Екатеринбург, 1998.
233. Киреевский И. В. Деятнадцатый век / Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984.
234. Киссель М. Судьба старой дилеммы. Рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века. М., 1974.
235. Кларк Дж. Распределение богатства: Пер. с англ. М., 1992.
236. Клибанов А. И. Народная социальная утопия. М., 1977.
237. Ключаев Г. А. Пространство и время в жизни человека. М., 1991.
238. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 т. Т. 1. М., 1994.
239. Ключевский В. О. Очерки и речи. М., 1913.
240. Князев В. М. Метафизика духа в русской философии конца XIX – начала XX века. Екатеринбург, 1998.
241. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировоззрение // Вопр. философии. 1992. № 12.
242. Ковалевский М. М. Социология. В 2 т. СПб., 1910.
243. Коган Л. Н. Человек и его судьба. М., 1988.

244. Колесов В. Д. «Домострой» как памятник средневековой культуры // Домострой. СПб., 2000.
245. Колесов В. В. Культура речи – культура поведения. Л., 1988.
246. Кон И. С. Психология доброго поступка // Этическая мысль: Науч.-публицистич. чтения. М., 1988.
247. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.
248. Константинов Ф. В. Формы общественного сознания. М., 1951.
249. Кончинин Т. Р. Структура процесса адаптации молодых специалистов // Актуальные проблемы науки. Ростов н/Д., 1970.
250. Колалов В. И. Историзм как принцип социально-философского исследования. Свердловск, 1991.
251. Колалов В. И. Русская философия истории как современная проблема // Философская жизнь Урала. Проблемы истории философии. Альманах. Екатеринбург, 1999.
252. Корнаи Я. Дефицит: Пер. с англ. М., 1990.
253. Корнаи Я. Путь к свободной экономике: Пер. с англ. М., 1991.
254. Корюкин В. И. Концепции уровней в современном научном познании. Свердловск, 1991.
255. Костин В. А. Онтологические законы: Иллюзии и реальность. Екатеринбург. 1997.
256. Костин В. А. Общественные законы: Свойства и формы их реализации. М., Свердловск, 1991.
257. Котлер Ф. Основы маркетинга: Пер. с англ. М., 1991.
258. Кравченко А. И. Социология Макса Вебера: Труд и экономика. М., 1997.
259. Краткий психологический словарь / Сост. Л. А. Карпенко. М., 1985.
260. Кропоткин П. А. Анархия, ее философия и идеал. Женева, 1900.
261. Кувакин В. А. Философия В. Соловьева. М., 1988.
262. Кузнецова П. А. Адаптация как функция личности. Саратов, 1991.
263. Куликов Б. В. Учение К. Ясперса о шифрах трансценденции // Философская жизнь Урала. Екатеринбург, 1999.
264. Курдюков С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика – новые направления. М., 1989.
265. Курс переходной экономики / Под ред. Л. И. Абалкина. М., 1997.
266. Курц П. Запретный плод: Этика гуманизма: Пер. с англ. М., 1993.
267. Кхол Й. Эффективность управленческих решений: Пер. с англ. М., 1975.
268. Кьеркегор С. Страх и трепет: Пер. с дат. М., 1993.
269. Кэмпбелл Дж. Свобода и общество // Вопр. философии. 1992. № 12.
270. Ламберт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь: Пер. с нем. М., 1994.
271. Ламетри Ж. Сочинения. М., 1983.
272. Ламсен Ч. Дж., Уолсон Э. О. Прометеев огонь (Фрагменты из книги) // Этическая мысль: Науч.-публицистич. чтения. М., 1992.
273. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства: Пер. с англ. М., 2000.
274. Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи: Пер. с англ. М., 1975.

275. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление: Пер. с англ. М., 1999.
276. *Леви-Строс К.* Структурная антропология: Пер. с англ. М., 1983.
277. *Леднев В. П.* История русского космизма. Екатеринбург, 1999.
278. *Леднев В. П., Стожко К. П.* Современные концепции исторического развития России. Екатеринбург, 2000.
279. *Лейнг Р.* Разделенное «Я»: Пер. с англ. М., 1994.
280. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 18.
281. *Ленин В. И.* Карл Маркс // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 26.
282. *Ленин В. И.* Три источника и три составных части марксизма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 23.
283. *Леонтович В.* История либерализма в России. М., 1995.
284. *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика: Пер. с англ. М., 1990.
285. *Леонов С.* Богдановская концепция социализма // Экон. науки. 1991. № 6.
286. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
287. *Линдберт П. Х.* Экономика мирохозяйственных связей: Пер. с англ. М., 1992.
288. *Лисичкин Г.* Мифы и реальность: нужен ли Маркс перестройке? // Новый мир. 1988. № 11.
289. *Литвак К.* Командовать или подчиняться? Ростов н/Д., 1997.
290. *Лифшиц А.* Экономическая реформа в России и ее цена. М., 1994.
291. *Лойфман И. Я., Стадник В. П.* Единство мира и круговорот материи. Свердловск, 1985.
292. *Лойфман И. Я.* Основополагающие определения сущего // Философская жизнь Урала. Проблемы общей социальной онтологии. Альманах. Екатеринбург, 1999.
293. *Лойфман И. Я.* Общенациональные приоритеты образования и будущее России // Философия и социология образования на пороге XXI века. Екатеринбург, 1996.
294. *Лойфман И. Я.* Категория меры и познание природы. Свердловск, 1965.
295. *Лойфман И. Я.* Дух диалектики. Екатеринбург, 2000.
296. *Локк Дж.* Сочинения. В 3 т. М., 1988.
297. *Ломоносов М. В.* Избранные философские произведения. М., 1950.
298. *Лопатин Л. М.* Неотложные задачи современной мысли // Русская философия. Конец XIX – начало XX века. Антология. СПб., 1993.
299. *Лопатин А. Г.* Россия, которую мы потеряли? // ЭКО. 1992. № 12.
300. *Лопатин Л.* Положительные задачи философии. М., 1911.
301. *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человека // Вопр. философии. 1992. № 3.
302. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963.
303. *Лосев А. Ф.* Дерзание духа. М., 1988.
304. *Лосский Н. О.* Чувственная интеллигенция и мистическая интуиция. М., 1999.

305. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1999.
306. Львов Д. С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. М., 1999.
307. Львов Д. С. Экономический манифест: будущее российской экономики. М., 2000.
308. Любутин К. Н., Змановский Г. Р. Прологомены к «богдановщине». Екатеринбург, 1996.
309. Любутин К. Н., Пивоваров Д. В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург, 1993.
310. Ляхова Л. Н. Отражение и активность материи. Саратов, 1979.
311. Майбурд Е. Введение в историю экономической мысли: От пророков до профессоров. М., 1999.
312. Макконел К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Пер. с англ. М., 1992.
313. Малахов А. Священная экономика // Деньги. 2000. № 7.
314. Мальтус Т. Р. Опыт о законе народонаселения и его воздействие на общественное благосостояние // Антология экономической классики. В 2 т. Т. 2. М., 1993.
315. Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990.
316. Мандевиль Б. Басня о пчелах: Пер. с фр. М., 1974.
317. Марголис Дж. Личность и сознание: Перспективы нередуктивного материализма: Пер. с англ. М., 1996.
318. Маркс К. Капитал / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23–25. М., 1959.
319. Маркс К. К критике политической экономии / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. М., 1958.
320. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года / Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.42. М., 1961.
321. Маркович Д. Социология труда: Пер. с серб. М., 1988.
322. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества: Пер. с фр. М., 1991.
323. Мартынов С. Д. Профессионалы в управлении. Л., 1991.
324. Марцева Л. М. Проблема труда в утопическом, научном и реальном социализме. Красноярск, 1993.
325. Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3 т.: Пер. с англ. М., 1993.
326. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики: Пер. с англ. СПб., 1997.
327. Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965.
328. Менгер К. Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии. М., 1992.
329. Менделеев Д. И. К познанию России // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX – XX вв. Ч.2. М., 1994.
330. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. Париж, 1889.

331. *Мизес Л. фон.* Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность: Пер. с нем. М., 1993.
332. *Микешина Л. А.* Специфика философской интерпретации // *Вопр. философии.* 1999. № 11.
333. *Милль Дж. С.* Утилитаризм: Пер. с англ. СПб., 1900.
334. *Милль Дж. С.* Основы политической экономики и некоторые аспекты ее применения к социальной философии: Пер. с англ. М., 1990.
335. *Мир философии.* Книга для чтения. Ч.1,2. М., 1991.
336. *Митчелл У. К.* экономические циклы: Пер. с англ. М., 1991.
337. *Монтень М.* Опыты: Пер. с фр. Ростов н/Д., 1998.
338. *Москвичев Л. Н.* Познание и детерминация. Критика буржуазных концепций социальной обусловленности познания. М., 1980.
339. *Мунье Э.* Манифест персонализма: Пер. с фр. М., 1999.
340. *Мы живем среди людей: Кодекс поведения / Авт. сост. И. В. Дубровина. М., 1989.*
341. *Нейман Д., Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение: Пер. с англ. М., 1970.
342. *Немчинов В. М.* Смешанная экономика: проблемы управления развитием. М., 1994.
343. *Неретита С. С.* Средневековое мышление как стратегема мышления современного // *Вопр. философии.* 1999. № 11.
344. *Нестеренко Г. Я.* Проблема сознания в марксистской социологии. М., 1971.
345. *Нестерова Д. В.* Экономический рост: Проблемы управления и гуманизации. Екатеринбург, 1992.
346. *Ницше Ф.* Антихристианин // *Сумерки богов. Сб. / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М., 1989.*
347. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла / *Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1990.*
348. *Ницше Ф.* Веселая наука / *Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т.1. М., 1990.*
349. *Ницше Ф.* Сумерки идолов / *Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1990.*
350. *Новак М.* Дух демократического капитализма: Пер. с англ. Минск, 1997.
351. *Новгородцев П.* Демократия на распутье / *Новгородцев П. Соч. М., 1995.*
352. *Новгородцев П.* Право на достойное человеческое существование // *Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб., 1993.*
353. *Новгородцев П.* Об общественном идеале. М., 1991.
354. *Новые идеи в философии. Вып. 2 / Отв. Ред. В. В. Орлов. Пермь, 1994.*
355. *Образ будущего в российской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века: Избр. произведения / Сост. Я. И. Кузьминов. М., 1994.*
356. *Овчаренко В. И.* Опыт бессознательного // *Вопр. философии.* 2000. № 10.

357. Овчинников Н. Ф. Знание – болевой нерв философской мысли (К истории концепции знания от Платона до Поппера) // Вопр. философии. 2001. № 2.
358. Ойзерман Т. И. Материалистическое понимание истории: плюсы и минусы // Вопр. философии. 2001. № 2.
359. Ойкен В. Основные принципы экономической политики: Пер. с нем. М., 1995.
360. Олсон М. Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп: Пер. с англ. Л., 1995.
361. Олсон М. Логика коллективных действий в обществах советского типа // ЭКО. 1992. № 6.
362. Орлов В. В. История человеческого интеллекта. Пермь, 1998.
363. Орлов В. В. Человек, миф, мировоззрение. М., 1985.
364. Осипов Ю. М. Опыт философии хозяйства. М., 1990.
365. Осипов Ю. М. Теория хозяйства. В 3 т. Т. 1. М., 1995.
366. Осипова Е. В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. М., 1999.
367. Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики: Пер. с англ. М., 1996.
368. Основы потребительской культуры. Учеб. пособие. Екатеринбург, 1995.
369. Основные экономические понятия: Пер. с англ. / Ф. Сандерс, Г. Бах и др. М., 1995.
370. Основы экономической теории и практики / Ред. М. М. Загоруйко, В. М. Белоусов, Л. М. Васюнина и др. Волгоград, 1994.
371. От структурализма к постструктурализму: Современная французская семиотика / Сост. Г. Косикова, А. Жарковского. М., 1995.
372. Отношения собственности. Философский аспект анализа. Сб. науч. тр. Свердловск, 1989.
373. Очерки истории советской и китайской экономической мысли / Под ред. Л. Д. Широкограда. СПб., 1992.
374. Парсонс Г. человек в современном мире: Пер. с англ. М., 1985.
375. Паскаль Р. Мысли: Пер. с фр. СПб., 1999.
376. ~~Пермякова Н. П. Экономический механизм творческой трудовой активности работников в условиях становления рыночных отношений. Автореф. дисс. канд.экон. наук. Екатеринбург, 1994.~~
377. Перцев А. В. Учение К. Ясперса о шифрах трансценденции // Философская жизнь Урала. Проблемы истории философии. Альманах. Екатеринбург, 1999.
378. Пестель Э. За пределами роста: Пер. с англ. М., 1988.
379. Петленко В. П. Искушение истины разумом и верой // Квалиметрия человека и образования. М., 1992.
380. Петленко В. П., субетто А. И. Креативная философия жизни и софотерапии // Вестник гипнотологии и психотерапии. 1993. № 2.
381. Петров А. А. Экономика и политика: иллюзии и реальность. М., 1993.

382. *Петров А. А.* Миф как проблема в русской философии начала века // Становление человека как субъекта социального творчества: Монограф. исследование (Материалы филос. секции Всерос. науч.-практ. конф. «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек»). Омск, 1997.
383. *Печчеи А.* Человеческие качества: Пер. с англ. М., 1985.
384. *Пиаже Ж. П.* Речь и мышление ребенка: Пер. с фр. М., 1923.
385. *Пиаже Ж. П.* Избр. психолог. труды: Пер. с фр. М., 1969.
386. *Пивоваров В. Д.* Методические указания по изложению теории познания как системы гносеологических категорий. Свердловск, 1987.
387. *Пигу А.* Экономическая теория благосостояния: Пер. с англ. М., 1984.
388. *Питерс Т., Уотермен Р.* В поисках эффективного управления: Пер. с англ. М., 1986.
389. *Планкетт Л., Хейл Г.* Выработка и принятие управленческих решений: Пер. с англ. М., 1984.
390. *Платон.* Государство / Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М., 1971.
391. *Платонов О.* Экономика русской цивилизации // Наш современник. 1994. № 4.
392. *Платонов О. А.* Русский труд. М., 1991.
393. *Платонов А. П.* Гвардейцы человечества. М., 1985.
394. *Платонов К. К.* Структура и развитие личности. М., 1986.
395. *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. В 3 т. М., 1957.
396. *Плутарх.* Избранные жизнеописания. В 2 т. М., 1990.
397. *Подмарков В. Г.* Введение в промышленную социологию. М., 1973.
398. *Подопинский С. А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. М., 1991.
399. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии: Пер. с англ. М., 1985.
400. *Пономарев А. И.* Концепция ноосферы В. И. Вернадского и проблемы экономической теории // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989.
401. *Попов В. Д.* Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981.
402. *Попов В. Д.* Теоретико-методологические проблемы формирования и функционирования экономического сознания в социалистическом обществе. Автореф. дисс. докт. философ. наук. М., 1983.
403. *Попова И. М.* Стимулирование трудовой деятельности как способ управления. Киев, 1986.
404. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: Пер. с англ. М., 1992.
405. *Портер М.* Международная конкуренция: Пер. с англ. М., 1993.
406. *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951.
407. *Потемкин В. К., Балзиков М. Х.* Социальное партнерство в экономической системе рыночного типа. Нальчик, 1993.
408. *Пригожин И.* Переоткрытие времени // Вопр. философии. 1989. № 8.
409. *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопр. философии. 1989. № 8.

410. *Пригожин И., Тенгерс И.* Порядок из хаоса: Пер. с англ. М., 1986.
411. *Прокин В. В.* Социально-экономическая эффективность воспроизводства работника в условиях становления многообразия форм собственности. Автореф. дисс. канд. экон. наук. Екатеринбург. 1993.
412. *Проктор М.* Экономика свободного предпринимательства: Пер. с англ. Екатеринбург. 1993.
413. *Прудон П. Ж.* Что такое собственность? Пер. с фр. М., 1996.
414. Психология. Словарь / Под ред. А. В. Покровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990.
415. *Пусенкова Н. Н.* Культура корпорации // ЭКО. 1991. № 6.
416. *Радаев В. В.* Экономическая социология. Курс лекций. М., 1997.
417. *Радищев А. Н.* Избранные философские произведения. М., 1952.
418. *Радугин А. А.* Основы менеджмента. М., 1997.
419. *Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы: Пер. с англ. М., 2000.
420. *Рашковский Е. Б.* Катарсис // Вопр. философии. 1999. № 7.
421. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогообложения: Пер. с англ. М., 1995.
422. Римские стоики: Сенека, Эпикур, Марк Аврелий. М., 1995.
423. *Рих А.* Хозяйственная этика: Пер. с нем. М., 1996.
424. *Робинсон Дж.* Экономическая теория несовершенной конкуренции: Пер. с англ. М., 1986.
425. *Розанов В. В.* Уединённое / Розанов В. В. Сочинения. М., 1990.
426. *Розанов В. В.* Опавшие листья. М., 1992.
427. *Розанов В. В.* Эмбрионы // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв. Антология. СПб., 1993.
428. *Розенталь М. М.* Дialeктика «Капитала» К. Маркса. М., 1967.
429. *Розенталь М. М.* Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М., 1984.
430. *Розенталь Э.* В поисках идеала. М., 1976.
431. *Ролз Дж.* Теория справедливости: Пер. с англ. Новосибирск, 1995.
432. *Россман В.* Разум под лезвием красоты // Вопр. философии. 1999. № 12.
433. *Ростоу У.* Стадии экономического роста: Пер. с англ. М., 1961.
434. *Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958.
435. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
436. Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С. Г. Семёнова, А. Г. Гачева. М., 1993.
437. Русская философия собственности. XVIII–XX вв. Антология. СПб., 1993.
438. Русская философия. Конец XIX – начало XX вв. Антология / Ред. А. А. Ермичев. СПб., 1993.
439. Русская философия. Словарь. М., 1995.
440. *Руткевич М. Н.* Дialeктика и социология. М., 1980.
441. *Руткевич М. Н., Лойфман И. Я.* Дialeктика и теория познания. М., 1994.
442. *Сагатовский В. М.* Деятельность как философская категория // Философ. науки. 1978. № 2.

443. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия: Пер. с англ. М., 1997.
444. Саморазвивающиеся системы / Отв. ред. Л. Н. Ляхова, Э. К. Лиепинь. Ижевск, 1979.
445. Самуэльсон П. Экономика. В 2 т.: Пер. с англ. М., 1992.
446. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономикс: Пер. с англ. М., 1993.
447. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. А. А. Яковлев. М., 1989.
448. Сартр Ж. П. Стена: Пер. с фр. М., 1992.
449. Сартр Ж. П. Проблема цели и средства в политике: Из «Тетрадей по морали» // Этическая мысль: Науч.-публицистич. чтения / Общ. ред. А. А. Гусейнова. М., 1992.
450. Сахаров А. Д. Мир, прогресс, права человека. Л., 1990.
451. Святловский В. В. История экономических идей в России. Пг., 1923.
452. Седов В. В. Основы рыночной экономики: Распределение. Челябинск, 1998.
453. Селиванов Ф. А. Диалектика и ее альтернативы. Тюмень, 1991.
454. Семенова С. Г. Николай Федоров и Фридрих Ницше // Вопр. философии. 2001. № 2.
455. Сен-Симон К. А. Избранные произведения. В 2 т. Л., 1948.
456. Серван-Шрейбер Ж. Л. Ремесло предпринимателя: Десять портретов предпринимателей: Пер. с фр. М., 1993.
457. Серебряков В. Очерки современной капиталистической конкуренции. М.:Л., 1932.
458. Сметанкин Е. Н. Адаптация населения в современной экономической ситуации // Социальные исследования. 1995. № 4.
459. Смит А. Теория нравственных чувств: Пер. с англ. М., 1997.
460. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: Пер. с англ. М., 1962.
461. Смысл жизни: Антология. М., 1994.
462. Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов н/Д., 1997.
463. Современная западная философия: Словарь. М., 1991.
464. Современные экономические теории Запада / С. Б. Авдашева, Н. О. Воскресенская, А. С. Квасов и др.: Под ред. А. Н. Марковой. М., 1995.
465. Соловьев В. С. Оправдание добра // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. Антология. СПб., 1993.
466. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв. Антология. СПб., 1993.
467. Соловьев В. С. Спор о справедливости. М., 1999.
468. Соловьев Е. А. Ротшильды: Династия миллионеров. М., 1994.
469. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
470. Сорокин П. Общедоступный учебник по социологии. М., 1994.
471. Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М., 1983.
472. Социальная философия. Учеб. пособие / В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова и др. М., 1995.

473. Социально-психологические проблемы труда на промышленном предприятии / Под ред. Е. Г. Шишкиной. Новосибирск, 1979.
474. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972.
475. Спиркин А. Г. Философия. М., 2001.
476. Становление рыночной экономики: Проблемы, поиски, решения. Казань, 1994.
477. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы: Пер. с англ. / Общ. ред. Н. А. Макашевой. М., 1994.
478. Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора: Пер. с англ. М., 1997.
479. Стожко К. П. Экономическая мысль России в начале XX века: Историко-критическая ретроспектива. Екатеринбург, 1993.
480. Стожко К. П. Экономическая диалектика человека: История. Теория. Методология. Екатеринбург, 1994.
481. Стожко К. П. Труд. Собственность. Богатство. Кемерово, 1994.
482. Стожко К. П. Экономический гуманизм в России. Екатеринбург, 1995.
483. Стожко К. П., Каменских Н. В. Введение в экономический анализ. Екатеринбург. 1997.
484. Стожко К. П. Принципы экономического гуманизма: Опыт русской истории. Екатеринбург, 1996.
485. Стожко К. П., Пыхова И. А. Основы бюджетной и налоговой политики. Екатеринбург, 1998.
486. Стожко К. П., Шабутура Л. Н. Теоретическая экономика. Екатеринбург, 1996.
487. Стожко К. П. Общая теория цены. Екатеринбург, 2000.
488. Стожко К. П. Основы современной конкуренции. Екатеринбург, 2001.
489. Стожко К. П. История экономики. Екатеринбург, 1998.
490. Стожко К. П. О формировании экономической психологии (Историко-политэкономический аспект) // Актуальные проблемы совершенствования подготовки инженеров-педагогов. Сб. ст. Свердловск, 1991.
491. Стожко К. П. Психолого-экономические аспекты развития работоспособности хозяйствующих субъектов в условиях перехода к рыночным отношениям // Актуальные проблемы совершенствования подготовки инженеров-педагогов. Сб. ст. Свердловск, 1991.
492. Струве П. Г. Индивидуализм и социализм // Вопр. философии. 1992. № 12.
493. Струве П. Г. Интеллигенция и революция // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. М., 1991.
494. Судзуки Д. Т. Основы дзэн-буддизма // Буддизм. Четыре благородных истины. М., 1993.
495. Сухомлинский В. А. О воспитании. М., 1985.
496. Сухомлинский В. А. Об умственном воспитании. Киев, 1983.
497. Сэй Ж. Б. Трактат политической экономики: Пер. с фр. М., 1999.

498. *Табуркин В. И.* Принципы целостности в философии и естествознании. Новосибирск, 1992.
499. Теория развития и социальное познание / Отв. ред. В. Н. Финогенов. Уфа, 1990.
500. *Тинберген Я.* Пересмотр международного порядка: Пер. с англ. М., 1980.
501. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
502. *Ткачук С. А.* «Баснословная догма» А. Смита: Ложное обвинение. Акмола, 1996.
503. *Ткачук С. А.* О феномене закона тенденции нормы прибыли к понижению: Ложное допущение К. Маркса. Акмола, 1993.
504. *Ткачук С.А.* Второй том «Капитала». Схема воспроизводства годового общественного продукта. Грубый просчет К. Маркса. Акмола, 1996.
505. *Ткачук С. А.* Третий том «Капитала». Закон движения земельной ренты. Числовой произвол классиков. Акмола, 1995.
506. *Тойнби А.* Постигание истории: Пер. с англ. М., 1991.
507. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории: Пер. с англ. М.; СПб., 1992.
508. *Толстой Л. Н.* Наше жизнеописание // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв. Антология. СПб., 1993.
509. *Толстой Л. Н.* Рабство нашего времени // Собр. соч. В 20 т. Т. 20. М., 1964.
510. *Толстой Л. Н.* Исповедь // Собр. соч. В 20 т. Т. 16. М., 1964.
511. *Толстой Л. Н.* Так что же нам делать? // Собр. соч. В 20 т. Т. 16. М., 1964.
512. *Торшина К. А.* Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии // Вопр. психологии. 1998. № 12.
513. *Тоффлер Э.* Третья волна: Пер. с англ. М., 1999.
514. *Трипольский Р. И.* Философские основания экономики. Апатиты, 1996.
515. *Троицкий Е. С.* Русская нация. М., 1989.
516. *Троицкий Е. С.* Возрождение русской идеи. М., 1991.
517. *Трофимов В. К.* Генезис и сущность русского национального менталитета. Ижевск, 2000.
518. *Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни. Берлин, 1922.
519. *Тубольский А. Н.* Школа самоопределения: Первый шаг. М., 1991.
520. *Туган-Барановский М. И.* К лучшему будущему. М., 1996.
521. *Туган-Барановский М. И.* Социализм как положительное учение. М., 1996.
522. *Тугаринов В. П.* Философия сознания (современные вопросы). М., 1971.
523. *Тульчинский Г.* Свобода и собственность // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб., 1993.
524. *Тулеев А., Сыровецкий Ю.* Власть в руках человека и ... человек в руках власти. Новосибирск, 1993.
525. *Тэйлор Э. Б.* Первобытная культура: Пер. с англ. М., 1989.

526. *Тэйлор Ф. У.* Принципы научного управления: Пер. с англ. М., 1991.
527. *Уайтхед А. Н.* Избранные работы по философии. М., 1996.
528. *Уледов А. К.* Структура общественного сознания. М., 1968.
529. *Улюкаев А.* Россия на пути реформ: Регулирование экономики в период становления системы национальной государственности в России. М., 1996.
530. *Усоскин В. Н.* Денежный мир Милтона Фридмэна. М., 1989.
531. *Устюжанин А. П., Утюмов Ю. А.* Социально-психологические аспекты управления коллективом. М., 1993.
532. *Уткин Э. А.* Цены, ценообразование, ценовая политика. М., 1997.
533. *Уткин Э. А.* Управление фирмой. М., 1996.
534. *Файоль А., Тейлор Ф., Форд Г., Эмерсон Г.* и др. Из истории развития менеджмента: Пер. с англ. М., 1992.
535. *Файоль А.* Общее и промышленное управление: Пер. с фр. М., 1991.
536. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. Ростов н/Д., 1999.
537. *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991.
538. *Федоров Н.* Философия общего дела. М., 1982.
539. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
540. *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. В 2 т. М., 1955.
541. *Феномен человека.* Антология. М., 1992.
542. *Философия.* Тематический словарь. Екатеринбург, 1999.
543. *Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др.* М., 1987.
544. *Философия.* Учеб. пособие / Под ред. В. Н. Лавриненко. М., 1996.
545. *Филиппов А. В.* работа с кадрами. М., 1990.
546. *Филиппова Т. А.* Либерально-консервативный синтез // Русский либерализм: Исторические судьбы и перспективы. М., 1999.
547. *Фихте И. Г.* О достоинстве человека // Фихте И. Г. Сочинения. В 2 т. Т. 1. СПб., 1993.
548. *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика: Пер. с англ. М., 1993.
549. *Флекснер К. Ф.* Просвещенное общество. Экономика с человеческим лицом. М., 1994.
550. *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. В 3 т. М., 1990.
551. *Флоренский П. А.* Культ, религия и культура // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв. Антология. СПб., 1993.
552. *Флоренский П. А.* Разум и диалектика // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв. Антология. СПб., 1993.
553. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли // Сочинения. В 3 т. Т. 1. Париж, 1985.
554. *Форд Г.* Моя жизнь. Мои достижения: Пер. с англ. М., 1989.
555. *Формирование творческих способностей: сущность, условия, эффективность.* Сб. науч. тр. Свердловск, 1990.
556. *Фостер Р.* Обновление производства: Атакующие выигрывают: Пер. с англ. М., 1987.
557. *Франк С. Л.* Духовные основы общества. Нью-Йорк, 1988.

558. *Франк С. Л.* Этика нигилизма // Вехи; Интеллигенция в России. Сб. ст. 1909–1910. М., 1991.
559. *Франк С. Л.* Философия и жизнь. М., 1910.
560. *Фрейд З.* Я и ОНО: Пер. с англ. М., 1990.
561. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Сумерки богов / Сост. А. А. Яковлев. М., 1989.
562. *Френкин А. А.* Феномен неоконсерватизма // Вопр. философии. 1991. № 5.
563. *Фридман Л. М.* Педагогический опыт глазами психолога. М., 1987.
564. *Фридмэн М., Хайек Ф.* О свободе: Пер. с англ. Минск, 1990.
565. *Фридмэн М.* Методология позитивной экономической науки // Thesis. Т.2. Вып.4. М., 1994.
566. *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1983.
567. *Фролов И. Т.* Жизнь и познание. М., 1981.
568. *Фромм Э.* Человек для себя: Пер. с англ. Минск, 1992.
569. *Фромм Э.* Иметь или быть?: Пер. с англ. М., 1990.
570. *Фромм Э.* Душа человека: Пер. с англ. М., 1992.
571. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности: Пер. с англ. М., 1994.
572. *Фромм Э.* Психоанализ и религия // Сумерки богов / Сост. А. А. Яковлев. М., 1989.
573. *Фрззер Дж. Дж.* Золотая ветвь: Пер. с англ. М., 1980.
574. *Фрззер Дж. Дж.* Фольклор в Ветхом Завете: Пер. с англ. М., 1989.
575. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопр. философии. 1990. № 3.
576. *Фурье Ш.* Избранные сочинения. В 3 т. М.; Л., 1951.
577. *Хабермас Ю.* Демократия, разум, нравственность: Пер. с англ. М., 1995.
578. *Хайек Ф.* Происхождение и действие нашей морали // ЭКО. 1991. № 12.
579. *Хайек Ф.* Философия рынка: Пер. с англ. М., 1985.
580. *Хайек Ф.* Дорога к рабству: Пер. с англ. М., 1992.
581. *Хайек Ф.* Пагубная самонадеянность: Пер. с англ. М., 1992.
582. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики // Вопр. философии. 1989. № 9.
583. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге: Пер. с нем. М., 1989.
584. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Пер. с нем. М., 1993.
585. *Хайдеггер М.* Феноменология. Герменевтика. Философия языка: Пер. с нем. М., 1993.
586. *Хайтун С. Д.* Фундаментальная сущность эволюции // Вопр. философии. 2001. № 2.
587. *Халленслебен Б.* Кто субъект истории? // Общ. науки и современность. 1996. № 2.
588. *Ханкен Г.* Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах: Пер. с англ. М., 1985.
589. *Хансен Э.* Экономические циклы и национальный доход // Классики кейнсианства. В 2 т. Т. 1. М., 1997.

590. Харрод Р. К теории экономической динамики // Классики кейнсианства. В 2 т. Т. 1, 2. М., 1997.
591. Хаттингтон С. Столкновение цивилизаций и что оно может означать для России // Общ. науки и современность. 1995. № 3.
592. Хатченсон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. Антология. М., 1973.
593. Хевеше М. А. Политика и психология масс // Вопр. философии. 1999. № 12.
594. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня: Пер. с нем. М., 1992.
595. Хейне П. Экономический образ мышления: Пер. с англ. М., 1993.
596. Херуберг Ф., Майнер М. Побуждение к труду и производственная адаптация // Социс. 1990. № 1.
597. Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха: Пер. с англ. М., 1993.
598. Хойер В. Как делать бизнес в Европе: Пер. с нем. М., 1992.
599. Хомяков А. С. О старом и новом // Русская идея. М., 1992.
600. Хрестоматия по истории философии: (Западная философия). Учеб. пособие. В 3 т. М., 1997.
601. Хорос З. Народническая идеология и марксизм. М., 1972.
602. Хорунжий С. С. Философский процесс в России как встреча философии и Православия // Вопр. философии. 1991. № 5.
603. Цаголов Н. А. Вопросы истории политической экономии. М., 1984.
604. Цаголов Н. А. Вопросы методологии и системы политической экономии. М., 1982.
605. Царев О. В. Энтропия. Технология. Экономика. СПб., 1993.
606. Целищев Н. Н. Политология. Учеб. пособие. Екатеринбург, 1998.
607. Целищев Н. Н. Гуманитаризация высшего образования в условиях кризиса российского общества // Философская жизнь Урала. Проблемы общей и социальной онтологии. Екатеринбург, 2000.
608. Целищев Н. Н., Пьянова Л. А. Цивилизационный проект развития России // Экономика и культура. Межвуз. сб. Екатеринбург, 2000.
609. Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986.
610. Ципко А. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4.
611. Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11, 12.
612. Циренчиков В. С. Научно-техническая интеграция Западной Европы. М., 1992.
613. Чавкин С. Похитители разума. М., 1991.
614. Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания. Л., 1982.
615. Чангли И. И. Труд. М., 1973.
616. Чапаев Н. К. Введение в курс «Философия и история образования». Екатеринбург, 1998.
617. Чаянов А. В. Методы высшего образования // Чаянов А. В. Избр. труды. М., 1991.
618. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции: Пер. с англ. М., 1998.
619. Черковец В. Н. Социализм как экономическая система. М., 1982.

620. Чернышевский Н. Г. Капитал и труд // Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1950.
621. Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля // Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1950.
622. Черняк Н. А. Социально-историческая определенность понимания. Автореф. дисс. канд. филос. наук. Омск, 1998.
623. Черняк Н. А. Проблема человека в западноевропейской неклассической философии. Омск, 1995.
624. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1994.
625. Чичерин Б. Н. Вопросы политики. М., 1904.
626. Чичерин Б. Н. Философия права. М., 1904.
627. Чичерин Б. Н. Собственность и государство // ЭКО. 1990. № 4.
628. Чумаченко Н. Г., Заботина Р. И. Теория управленческих решений. Киев, 1981.
629. Чуньков Ю. Взаимодействие объективного и субъективного в экономике // Экон. науки. 1979. № 12.
630. Чупров А. И. Лекции по политической экономии. М., 1885.
631. Шапиро Н. А. Удачен ли опыт преодоления идеологических запретов? Рецензия на книгу (История экономической мысли в России). Учеб. пособие для вузов / Под ред. А. Н. Макаровой. М., 1996 // Известия С-Петербурга. университета экономики и финансов. 1998. № 4.
632. Шаповалов В. Ф. Основы философии современности. К итогам XX века. М., 1998.
633. Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество: Пер. с англ. М., 1987.
634. Шахмалов Ф. И. Американский менеджмент. Теория и практика. М., 1993.
635. Шацкий К. Утопия и традиция. М., 1990.
636. Шелер М. Избр. произведения. М., 1994.
637. Шептулин А. П. Категории диалектики. М., 1971.
638. Шерозия А. Е. К проблеме сознания и бессознательного психического. Тбилиси, 1973.
639. Шерозия А. Е. Психика, сознание, бессознательное. Тбилиси, 1979.
640. Шибатуни Т. Социальная психология. М., 1969.
641. Широкоград Л. И. Идеологическая борьба и развитие политической экономии социализма в СССР в переходный период. Л., 1983.
642. Штиков М. М. Философия Гегеля: Проблемы человека и гуманизма // Философская жизнь Урала. Проблемы истории философии. Екатеринбург, 1999.
643. Шишкин А. Ф. Человеческая природа и нравственность. М., 1979.
644. Шлезенгер А. М. Циклы американской истории: Пер. с англ. М., 1992.
645. Шлэт Л. Мечта о Европе: Пер. с нем. М., 1993.
646. Шмелев Н. Экономические перспективы России // Вопр. экономики. 1995. № 1.
647. Шнейзер К. И. Русская консервативная мысль в последней трети XIX века: (К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Н. Ф. Федоров) // Исследования по консерватизму. Вып. 2. Пермь, 1995.
648. Шонбергер Р. Японские методы управления производством. М., 1988.

649. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление: Пер. с нем. М., 1992.
650. *Шопенгауэр А.* Избранные произведения. М., 1992.
651. *Шпенглер О.* Закат Европы: Пер. с нем. М., 1993.
652. *Шпет Г. Г.* История как проблема логики // Историко-философский ежегодник. М., 1988.
653. *Шпет Г. Г.* Философия и история // Русская философия. Конец XIX – начало XX вв. Антология. СПб., 1993.
654. *Шубарт В.* Европа и душа Востока: Пер. с нем. М., 1997.
655. *Шумихина Л. А.* Генезис русской духовности. Екатеринбург, 1998.
656. *Шумпетер Й.* История экономического анализа: Пер. с англ. М., 1992.
657. *Шумпетер Й.* Теория экономического анализа: Пер. с англ. М., 1982.
658. *Щеголевский В. А.* Экономическое и правовое содержание приватизации. М., 1994.
659. *Щербаков В. И.* Десятилетие экономического романтизма // ЭКО. 1992. № 7.
660. *Щербатов М. М.* О повреждении нравов в России. М., 1984.
661. *Щербинин М. Н.* Запад и Восток Фридриха Ницше и Владимира Соловьева // Судьба России: Духовные ценности и национальные интересы. Докл. II Всерос. конф. Екатеринбург, 1996.
662. *Щербинин М. Н.* История идеализма – от образного мышления – к разуму // Философская жизнь Урала. Проблемы истории философии. Екатеринбург, 1999.
663. *Щетинина Г. И.* Идеальная жизнь русской интеллигенции: конец XIX – начало XX вв. М., 1995.
664. *Щукин В. Г.* Культурный мир русского западника // Вопр. философии. 1992. № 5.
665. *Эклунд К.* Эффективная экономика: Шведская модель: Пер. с англ. М., 1991.
666. Экономика переходного периода / Под ред. В. В. Радаева. М., 1995.
667. Экономическое наследие Н. Д. Кондратьева и современность. Сб. тр. / Под ред. Л. Д. Широкограда, В. Т. Рязанова. СПб., 1994.
668. *Эллман М.* Почему шоковая терапия в России потерпела провал // ЭКО. 1992. № 9.
669. *Эмерсон Г.* Двенадцать принципов производительности: Пер. с англ. М., 1992.
670. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.20.
671. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.20.
672. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1973.
673. *Эндрес А.* Экономика окружающей среды. Киев, 1995.
674. *Эрн В. Ф.* Время славянофильствует // Эрн В. Ф. Соч. М., 1991.
675. *Эрн В. Ф.* Социализм и проблема свободы. М., 1908.
676. *Эрн В. Ф.* Христианское отношение к собственности // Русская философия собственности. XVIII–XX вв. СПб., 1993.
677. *Эрхард Л.* Полвека размышлений: Пер. с нем. М., 1993.

678. Эрхард Л. Благосостояние для всех: Пер. с нем. М., 1991.
679. Юдкин А. И. Об основных ступенях восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» Маркса // О системе категорий и законов политической экономии. М., 1973.
680. Юм Д. Сочинения. В 2 т. М., 1965.
681. Юрьева Т. В. Интеллектуальная сфера и предпринимательство. М., 1994.
682. Яковенко Б. В. Путь философского познания // Русская философия. Конец XIX–начало XX вв. Антология. СПб., 1993.
683. Яковец Ю. В. Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование. М., 1984.
684. Якокка Л. Карьера менеджера: Пер. с англ. М., 1995.
685. Яницкий Я. Тревоги молодежи Запада: Пер. с польск. М., 1976.
686. Ярошенко В. Партии интересов // Новый мир. 1990. № 2.
687. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М., 1994.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	9
Глава I. Проблема сущности экономического сознания	
§ 1. Онтология экономического сознания	13
§ 2. Гносеология экономического сознания	45
§ 3. Праксиология экономического сознания	78
§ 4. Аксиология экономического сознания	114
Глава II. Проблема формирования экономического сознания	
§ 1. Мышление как способ формирования экономического сознания	139
§ 2. Духовность как основа экономического сознания	161
§ 3. Культура как объективация экономического сознания	174
Глава III. Содержание современного экономического сознания	
§ 1. Знание в структуре экономического сознания	211
§ 2. Традиция и ее место в структуре экономического сознания	226
§ 3. Идеология и экономическое сознание	247
Глава IV. Русское экономическое сознание	
§ 1. Исторические корни русского экономического сознания	263
§ 2. Самобытность русского экономического сознания	283
§ 3. Основные тенденции развития русского экономического сознания	302
Глава V. Проблема трансформации современного экономического сознания	
§ 1. Глобализация современного экономического сознания	317
§ 2. Интеграция современного экономического сознания	337
§ 3. Диверсификация современного экономического сознания	352
§ 4. Инструментализация экономического сознания	371
Заключение	392
Библиография	400

Научное издание

Константин Петрович Стожко

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Редактор *Н. Ф. Больщикова*
Компьютерная верстка *Е. М. Мансурова*

ИД № 05974 от 03.10.01.

Подписано в печать 07.02.02. Формат 60×84 1/16. Гарнитура Arial.
Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 24,5. Усл. печ. л. 26,6. Тираж 3 00 экз. Заказ № 330.

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в типографии «Чароид».
Лицензия ПЛД № 38-58- от 26.10.98 г.
Адрес типографии:
623751, Свердловская обл., г. Реж, ул. О. Кошевого, 16.
Заказ № 015

